Перелом истории

1953

РОКОВОЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Елена Прудникова

1953

1997
1998
1999
2000
2001
2002
ПЕРЕЛОМ ИСТОРИИ

Елена Прудникова

1953

Роковой год советской истории

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2008

ББК 63.3(0)
П85

Оформление серии художника *П. Волкова*

Прудникова Е. А.

П 85 1953. Роковой год советской истории. — М.: Яуза, Эксмо, 2008.-416 с.

ISBN 978-5-699-31711-0

1953.

Одна из самых черных дат в отечественной истории. Год политической катастрофы, навсегда сломавшей судьбу страны. Год смерти И. В. Сталина.

Эта трагедия была настолько огромна, что заслонила все остальные события «рокового 53-го» — в ее тени остался и государственный переворот, совершенный всего через сто дней после похорон Вождя. Посмертная воля Сталина была нарушена — его законный преемник, единственный, кого он считал достойным унаследовать власть, был арестован заговорщиками и убит без суда и следствия. Затем победители переписали историю, избавились от улик, наводнили архивы фальшивками, порочившими соперника, — чтобы три года спустя начать атаку на само сталинское наследие, инициировав разрушительные процессы, в конце концов приведшие к падению СССР-

Новая книга известного историка — свежий, во многом неожиданный взгляд на советское прошлое, подробный анализ катастрофических событий рокового 1953 года, разгадка переломного момента отечественной истории.

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-31711-0

© Прудникова Е., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

...Вот что не дает мне покоя, так как я твердо знаю, что любое, на первый взгляд, бессмысленное дело имеет под собой какую-то почву. Только я пока не могу понять, какую именно.

Эрл Стенли Гарднер

Есть в космосе (или придуманы фантастами, не знаю точно) такие объекты — «черные дыры». Их невозможно обнаружить физическими методами — обладая чудовищным тяготением, они задерживают все, даже свет. Единственный способ узнать местонахождение такой дыры — она искривляет вокруг себя пространство. Небесные тела, свет, радиоволны в ее окрестности ведут себя «не так», и их поведение непостижимо, если не знать, что рядом притаился незримый космический хищник.

Но ведь то же самое происходит и с историей. События вдруг теряют внутреннюю логику и связь, становятся необъяснимыми. А следствий без причин не бывает, и необъяснимость событий — первейший признак того, что где-то существует такая вот «черная дыра» — событие, не отмеченное или отмеченное как рядовое, а на самом деле судьбоносное. И когда его не учитывают в анализе, оно начинает искривлять вокруг себя историческое пространство, лишая его связи и смысла.

Какой же исторический хищник притаился в советской истории, если он смог сделал иррациональным все сталинское время?! И где его искать?

Не буду врать, вышла я на его логово совершенно случайно. Просто обратила внимание на крохотное совпадение дат и фамилий, о котором могла ведь и не узнать ничего-уж больно незначащим оно считалось тогда, это совпадение, так что и не писали о нем. Так, упомянул кто-то где-то... Но вот случилось зацепиться глазами за фамилию «Игнатьев» и дату 25 июня, а потом как потянулась ниточ-

ка да как пошел проворачиваться скрытый под гладкой поверхностью официальной истории не клубок, нет — гигантский клубище, да такой, что земля ходуном! И до конца ведь еще не размотался — куда там! Тянется и тянется нить, и выходят на свет Божий все новые пласты событий. Но зато по мере этого тектонического процесса история великого времени начинает обретать смысл и связность — а чего еще хотеть?

Итак, затаилась «черная дыра» в 1953 году. Год этот справедливо считается переломным — 5 марта 1953 года умер Сталин. Но не смерть вождя изменила судьбу страны — к этому событию готовились, и в первую очередь он сам, поскольку не имел права, да и просто не мог позволить государству скатиться после своей смерти в хаос безвластия. Что же произошло? Почему динамичная, полная сил страна, только что сломавшая хребет Гитлеру и сумевшая в рекордные сроки восстановить народное хозяйство, вдруг стала буквально на глазах гнить, завершив тридцать лет разложения крушением и распадом? Неужели прав Хрущев и его присные и все в СССР действительно держалось только на Сталине?

Конечно, нет! Рядом с трагической датой 5 марта и в ее тени притаилась другая дата, которая и стала для страны роковой — 26 июня, день ареста Берии. Так называемого ареста, якобы случившего в результате некоей борьбы за власть кого-то с кем-то — а что это была за борьба и как она выглядела, никто так и не удосужился конкретизировать, предоставили придумывать историкам. Но оказалось, что все не так просто.

Нет, если рассматривать исторический процесс как хронику событий — то вопросов нет. Их вообще при таком подходе не возникает. Но едва мы... даже не углубимся в дебри абсолютно не учитываемых историками наук, в первую очередь логики и психологии — не углубимся, а всего лишь зайдем на опушку, то окажется, что с точки зрения характеров, мотиваций, связности и обусловленности событий общепринятая картина не выдерживает никакой критики. Впрочем, с точки зрения анализа фактов она тоже критики не выдерживает.

Я вовсе не претендую не то что на полноту, но даже на приблизительную законченность исторической картины — куда там! Клубище еще движется, и конца его движению не видно. Но размоталось уже много, и о том, что размоталось, можно и рассказать.

Дело ясное, что дело темное.
Поговорка

Глава 1
«СКАЗКА ДЕДУШКИ НИКИТЫ»

Как выглядят июньские события 1953 года в официальной версии? Те, кто читал книгу Юрия Мухина «Убийство Сталина и Берии» или моего «Последнего рыцаря Сталина», эту главу могут пропустить, но для тех, кто не читал, надо все же кратко повторить.

Итак, официальный вариант советской истории гласит следующее. После смерти Сталина в кремлевских верхах разгорелась борьба за власть. По поводу того, кто и с кем боролся, у разных историков существуют разные мнения. Не то Берия боролся с Маленковым, блокируясь при этом с Хрущевым, не то наоборот, с Маленковым против Хрущева, а может, они все трое дружили, а потом передрались. Как бы то ни было, в результате этой борьбы Маленков и Хрущев договорились между собой, пригласили в Кремль генералов и прямо на заседании арестовали Берию, которого, в общем-то, и не жалко, потому что злодей был и собирался их всех не то в Магадан, не то к стенке... Потом Пленум ЦК дружно заклеймил его как «врага народа», Генеральный прокурор Руденко провел следствие и 23 декабря 1953 года Берия и шестеро его ближайших сподвижников были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены. Все.

В общем, практически полный аналог знаменитых «дел тридцать седьмого года». На первый взгляд, конечно. А вот начиная со второго взгляда, в этой стройной истории появляются неувязки. Сперва между фразами, потом между словами, затем и буквы проступают какие-то не такие...

За что?

Начнем, пожалуй, с основного, в чем традиционно «плавает» историческая наука, — с мотивации. Ибо любое действие имеет свою причину, а если с этой причиной что-то не так, стало быть, и с действием что-то не так. Иной раз до такой степени не так, что только диву даешься...

«Борьба за власть» — это не причина. Она, эта борьба, существует всегда, а такие фокусы, какой был проделан 26 июня, случаются крайне редко и для них требуется много специальных условий. И в первую очередь ярко выраженные личные интересы участников сего деяния. Либо очень большая выгода, либо конкретно пятки припекает. Выгоды основные участники этого дела (кроме Хрущева) не получили практически никакой. Что же заставило таких высокопоставленных, опытных и осторожных людей, как Маленков, Молотов, Ворошилов, Каганович, подписаться на столь сомнительное предприятие? В первую очередь, конечно, сей вопрос касается Маленкова — ему-то, первому человеку в государстве, чего было желать? Ему-то чего не хватало?

...Когда, уже годы спустя, Хрущев принялся объяснять свои действия в том июне, от утверждал, что Берию пришлось арестовать, поскольку весной — летом 1953 года он готовил государственный переворот, собираясь свергнуть и поставить к стенке товарищей по Президиуму ЦК и получить таким образом единоличную власть. Никита Сергеевич — человек чрезвычайно многословный. Рассказывая о предыстории событий 26 июня в своих мемуарах, он сперва долго пережевывает какие-то вопросы, по которым Президиум ЦК был не согласен с Берией — про Германию, про национальные кадры, о неких дачах в Сухуми, которые то ли строились, то ли не было их вовсе. И вдруг:

Цитата 1.1. *«Тут уж я Маленкову говорил:*

- Слушай, товарищ Маленков, неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе. Берия ножи подобрал.

Маленков мне тогда ответил:

— Ну, а что делать? Я вижу это, но что делать?

Я говорю:

— Надо сопротивляться. Хотя бы в такой форме. Ты же видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто имеют антипартийную направленность. Надо не принимать их, а возражать против этого.

Я сейчас не помню, какие вопросы стояли, потому что много лет прошло. На заседании аргументированно выступили "против" по этим вопросам. Другие нас поддержали, и эти вопросы не были приняты. Так было сделано на нескольких заседаниях, и только после этого Маленков обрел надежду и уверенность, что, оказывается, с Берией можно бороться партийными методами и оказывать свое влияние на решение вопросов или отвергать предложения...

Мы видели, что Берия форсирует события. Берия уже чувствовал себя над членами Президиума, он важничал и даже демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно действовать. Я сказал Маленкову, что надо поговорить с членами Президиума. Видимо, на заседании этого не получится, а надо с глазу на глаз с каждым переговорить и узнать их мнение по коренному вопросу отношений в Президиуме и их отношение к Берии...»

И это все! Ни сам Хрущев, ни товарищи по Президиуму ЦК ни тогда, ни спустя много лет так и не конкретизировали, к какой «катастрофе» вел страну Берия, какие «ножи» и к кому он подбирал, в чем заключались его коварные планы. Разве что гуляет какая-то невразумительная легенда о том, что злодей Лаврентий намеревался 27 июня, когда весь Президиум соберется в Большом театре на премьере оперы «Декабристы», их там арестовать. Но не то что доказательств, а даже тени какой-нибудь косвенной улики никто никогда так и не обнародовал. Даже руденковское следствие, специально ради поиска «преступлений Берии» проведенное и уполномоченное как угодно бить арестованных и вытягивать из них жилы, ничего не предъявило. В приговоре лишь голословно говорится: *«Судебным следствием установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству группу заговорщиков... Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутрен-*

них дел против Коммунистической партии и правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии».. И все. Больше в приговоре на эту тему ни слова, ни одного конкретного факта, в чем может убедиться любой читатель — сей исторический документ приведен в приложении.

...Итак, поговорили Хрущев с Маленковым. Что было дальше? Дальше они стали беседовать с членами Президиума ЦК «с глазу на глаз». Булганин, оказывается, к тому времени уже «стоял на партийных позициях и правильно понимал опасность». Маленков тоже быстро согласился. Ворошилов праздновал труса, громко восхвалял Берию, но в конце концов обнял уговаривавшего его Маленкова, поцеловал и заплакал. Не возражал и Молотов:

«Очень правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. Ну, а дальше что вы хотите делать, к чему это должно привести?

— Прежде всего нужно освободить его от обязанностей члена Президиума — заместителя председателя Совета министров и от поста министра внутренних дел.

Молотов сказал, что этого недостаточно.

— Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры.

Я говорю:

— Может быть, задержать его для следствия?

Я говорил "задержать", потому что у нас прямых криминальных обвинений к нему не было. Я мог думать, что он был агентом мусаватистов, но это говорил Каминский, а факты эти никем не проверялись, и я не слышал, чтобы было какое-то разбирательство этого дела. Правда это или неправда, но я верил Каминскому, потому что это был порядочный партийный человек. Все-таки это было только заявление на пленуме, а не проверенный факт. В отношении его провокационного поведения все основывалось на интуиции, а по таким интуитивным мотивам человека арестовывать невозможно. Поэтому я и говорил, что его надо задержать для проверки...»

Упоминание Каминского имеет отношение к старой легенде о том, что Берия в годы Гражданской войны работал на мусаватистскую[1] контрразведку. Это обвинения нарком здравоохранения Каминский якобы бросил в лицо Берии на июньском Пленуме ЦК 1937 года, за что тут же был арестован. Каминского действительно арестовали после пленума, но никто, кроме Хрущева, не зафиксировал брошенного обвинения. И неудивительно — эта не первой свежести сплетня была официально, после нескольких разбирательств, похоронена еще в середине 20-х годов, так что в 1937-м упоминать о ней было попросту неприлично. Однако Хрущев не побрезговал, раскопал и эту помойку. Впрочем, неважно. Важно другое. Хрущев сам признает, что против Берии у них не было ничего, «все основывалось на интуиции». Пардон, по данным интуиции даже в 1937 году классовых врагов не арестовывали, не то что в 1953-м, да еще второе лицо в государстве, да еще члены сталинского Политбюро, которое имело совсем другие традиции.

Как арестовывали при Сталине людей, причастных к «верхам»? Об этом Лазарь Каганович рассказал московскому историку Георгию Куманеву:

Цитата 1.2. *«Я пришел на заседание. Сталин держит бумагу и говорит мне: "Вот есть показания на вашего брата, на Михаила, что он вместе с врагами народа". Я говорю: "Это сплошное вранье, ложь". Так резко сказал, не успел даже сесть... Сталин говорит: "Ну а как же показания?" Я отвечаю: "Показания бывают неправильные. Я прошу вас, товарищ Сталин, устроить очную ставку. Я не верю всему этому. Прошу очную ставку".*

Он так поднял глаза вверх. Подумал и сказал: "Ну, что ж, раз вы требуете очную ставку, устроим очную ставку".

Через два дня меня вызвали. Маленков, Берия и Микоян вызвали меня в один кабинет, где они сидели. Я пришел. Они мне говорят: "Мы вызвали сообщить неприятную вещь. Мы вызывали Михаила Моисеевича на очную ставку". Я говорю: "Поче-

---

[1] Мусаватисты — азербайджанские националисты, в 1918 году в союзе с турками захватившие Баку. Были против красных.

му меня не вызвали? Я рассчитывал, что я на ней буду". Они говорят: "Слушай, там такие раскрыты дела, что решили тебя не волновать". Во время той очной ставки был вызван Ванников, который показывал на него. А Ванников был заместителем Михаила в свое время...

И вот вызвали Ванникова и других, устроили очную ставку. Ну, эти показывают одно, а Михаил был горячий человек, чуть не с кулаками на них. Кричал: "Сволочи, мерзавцы, вы врете" и т. д., и проч. Ну, при них ничего не могли обсуждать, вывели арестованных, а Михаилу говорят: "Ты иди, пожалуйста, в приемную, посиди, мы тебя вызовем еще раз. А тут мы обсудим".

Только начали обсуждать, к ним вбегают из приемной и говорят, что Михаил Каганович застрелился. Он действительно вышел в приемную, одни говорят, в уборную, другие говорят, в коридор. У него при себе был револьвер, и он застрелился».

Этот отрывок нуждается в некоторых пояснениях. По-видимому, в 1941 году НКВД раскапывал достаточно старую историю, времен 1937-1938 годов. Тогда Михаил Каганович был наркомом, а Ванников — его заместителем. К 1941 году роли поменялись: Михаил Каганович (не из-за интриг, а по причине непригодности к посту наркома) «спустился» до директора завода, а Ванников, наоборот, стал наркомом.

Не важно, сколько правды по поводу невиновности Михаила Моисеевича содержится в этом рассказе. Важна не его вина, а механизм принятия решения. Обратите внимание: Михаил Каганович не входит в высшую номенклатуру, он всего лишь директор завода и брат одного из членов Политбюро. Время на дворе — август 1941 года, представляете, какое времечко? Тем не менее Политбюро тщательно изучает все материалы на Кагановича, проводит очную ставку с Ванниковым и даже после этого еще не делает никаких выводов. Вывод сделал сам Михаил Каганович — он застрелился, чем, по логике того времени, признал свою вину. Тем не менее, дело продолжать не стали, Михаил Каганович остался членом ЦК, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Уже после июня 1953 года Хрущев и компания, по-видимому расплачиваясь с Кагановичем за лояльность, состря-

пают бредовый документ — справку о реабилитации его брата, который не только не был осужден, но даже и не арестован. Какая может быть реабилитация, если не существовало формального обвинения? Тем не менее...

Вот так проводились аресты людей из верхушки. А тут у них, видите ли, интуиция взыграла...

В общем, причины для ареста Берии — такой, которую можно предъявить на всеобщее обозрение, у Хрущева и компании не нашлось. Не рассматривать же серьезно данные интуиции и тухлятину времен Гражданской войны.

Нет — причины, конечно, имелись, как же без этого? А раз о них не рассказывают — значит, были они такими, о которых даже спустя десятилетия (Молотов дожил до конца 80-х годов, Каганович до начала 90-х), даже в другую эпоху, говорить было нельзя.

Арест

Об этом историческом событии существует множество воспоминаний. Свою версию на бумаге зафиксировали сам Хрущев, генерал Москаленко, маршал Жуков (или кто там прикрывался его именем в «жуковских» мемуарах — идеологический отдел ЦК?), даже Суханов, помощник Маленкова. Версии эти разнятся куда больше, чем позволено разниться рассказам очевидцев об одном и том же событии, причем таком событии, которое не скоро забудешь. Юрий Мухин, проанализировав данное литературное творчество, сделал вывод, что все они врут — и очень убедительно его обосновал. Меня, например, он наполовину убедил — а другие данные, о которых ниже, составили вторую половину убежденности в том, что никакого ареста не было. Так что нет большой разницы, чье именно свидетельство приводить. Возьмем все того же Хрущева.

Цитата 1.3. *«...Мы условились, как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК Маленков должен был открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание Президиума ЦК партии...*

... Когда Маленков открыл заседание, он сразу поставил вопрос:

— Давайте обсудим партийные вопросы. Есть такие вопросы, которые необходимо обсудить немедленно.

Все согласились.

Я, как мы заранее условились, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о товарище Берия. Берия сидел от меня справа.

Он сразу же встрепенулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит:

— Что ты, Никита? Что ты мелешь?

Я говорю:

— Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать.

Вот о нем я рассказал. Начал я с судьбы Гриши Каминского... У меня все время в голове бродила мысль о том, что вот такое заявление сделал Каминский и никто не дал объяснения — правильно или неправильно он говорил, было это или не было. Потом я указал на последние шаги Берия уже после смерти Сталина...»

Дальше он перечисляет все, в чем был не согласен с Берией, — про национальные республики, про Германию и т. д.

«...Я закончил словами:

— В результате действий Берии у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристских побуждений. Он ведет себя вызывающе, недопустимо. Невероятно, чтобы честный коммунист мог так вести себя в партии...

... Потом остальные выступали...

...Когда все высказались, Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он, видимо, растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе. Получилась пауза.

Я вижу, что такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он мне предоставил слово для предложения. Как мы и условились с товарищами, я предложил поставить на Пленуме ЦК вопрос об освобождении Берии от обязанностей заместителя председателя Совета Министров, от поста министра внутренних дел и, в общем, от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мое предложение на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились. Первым зашел Жуков. За ним — Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника...»

Никита Сергеевич составлял свои мемуары уже будучи на пенсии, когда рядом не было секретарей и референтов, и никто не мог, говоря словами Берии, молвить ему: «Никита, ну что ты мелешь?» В чем обвиняли Берию, по-прежнему неясно, зато открытым текстом говорится, что в соседней комнате уже сидела команда.

«...Почему мы привлекли к этому делу военных? Высказывались соображения, что если мы решили задержать Берию и провести следствие, то не вызовет ли Берия чекистов, нашу охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих арестовать? Мы совершенно были бы бессильны, потому что в Кремле находилось довольно большое количество вооруженных и подготовленных людей. Поэтому и решено было привлечь военных.

Вначале мы поручили арест Берии товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек.

Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек десять или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

— Предлагаю вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берию.

Жуков скомандовал Берии:

— Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берию схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили — никакого оружия у него с собой не было ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлекторное такое движение.

Берию сейчас же взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров рядом с кабинетом Маленкова...»

Обратите внимание — по-прежнему ничего конкретного Берии не предъявляется. Насколько мне известно, карьеризм даже в романтическом 1918 году не входил в число деяний, подлежащих Уголовному кодексу. Как выяснится позднее, на июльском Пленуме ЦК, у Берии с Президиумом существовали этические и некоторые политические разногласия, однако в громогласных обвинениях на пленуме нет ничего, что тянуло хотя бы на пятнадцать суток. Тем не менее арест был уже предрешен, раз заранее пригласили генералов.

Кстати, любопытный вопрос задал Юрий Мухин: на заседании какого органа арестовали Берию? В то время существовали два органа с почти одинаковым названием: Президиум ЦК и Президиум Совмина.

Цитата 1.4. *«Члены Правительства и одновременно члены Президиума ЦК КПСС Молотов и Каганович, казалось бы, должны были разбираться и помнить, где они тогда находились. Но Хрущев довольно быстро (в 1957 году) отправил их на пенсию, а Феликс Чуев заставил их вспоминать эти события только после 1985 года. И они, судя по всему, вспоминали не хрущевские, а сталинские порядки проведения Политбюро, когда материалы уголовных дел на членов ЦК обязательно рассматривались этим высшим руководящим органом страны. Поэтому оба безапелляционно заявили, что Берия был арестован на заседании Президиума ЦК (Политбюро): "На Политбюро его забирали (Молотов), "На заседании Политбюро дело было" (Каганович).*

Хрущев, который любил эту легенду рассказывать иностранным делегациям, тоже сначала сообщил, что Берия был арестован на заседании Президиума ЦК, но потом, видимо, умные люди ему пояснили, что он постоянно сознается в преступлении, предусмотренном ст. 115 УК "Незаконное задержание". Кто такие члены Президиума ЦК, чтобы задерживать первого заместителя Совета министров СССР, назначенного на должность парламентом страны — Верховным Советом? И к моменту надиктовывания мемуаров Хрущев поменял место ареста Берия: "Мы условились, как я говорил, что

соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК". Теперь уже Берия арестовывала не партия, а Правительство СССР. Однако ни сам Хрущев, ни хотя бы один мемуарист не вспомнил в связи с этим арестом имени ни единого члена Президиума Совмина, который бы присутствовал на этом заседании. И после никто из членов Президиума Совмина в мемуарах о таком заседании тоже не написал». **(Конец цитаты.)**

На самом деле Хрущев говорил о совместном заседании еще на пленуме, дело не в этом. В то время Президиум Совмина в полном составе входил в Президиум ЦК, так что если говорить о персонах, разницы не было: что расширенное заседание первого, что обычное — второго. Да и «законности» это не прибавляет, ибо первый орган ровно в той же степени имел (точнее, не имел) право производить аресты, как и второй, и все присутствующие это прекрасно понимали. Зачем же Хрущеву понадобилось это странное утверждение? Для массовости, что ли?

Впоследствии мы ответим на вопрос об органе. А пока вернемся к историческому заседанию не пойми чего. В связи с ним существует документ, который окончательно все запутывает, ибо из него следует, что арестовывать Берию никто и не собирался. Это черновик заседания Президиума, назначенного на 26 июня, составленный Маленковым и сохранившийся в его архиве. Документ этот крайне важен, поэтому, несмотря на абсолютную нечитаемость, привожу его целиком. Вот что он гласит.

Документ 1.1.
К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О БЕРИЯ
Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.

Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством.

Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии.

Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД.

Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений.

Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью.

Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления властью.

(Большая перестройка; исправление методов; агентура; внедрять партийность.)

Комитет —

внутр. взоры на врагов друзей защищать

вне — разведку наладить

МВД — задача — (лагери долж. провер...).

1. Факты — Укр., Литва, Латв.

Нужны ли эти меропр.

Что получилось, как стали понимать?

МВД поправлял партию и правит.

ЦК — на второй план.

2. Пост Мин. вн. дел у т. Б. — он с этого поста контролир. парт. и пр. Это чревато большими опасностями, если вовремя", теперь же не поправить.

3. Неправильно и др.

Суд — подг.

Особ. совещ.

факты

венгер. вопр. — Мы заранее не сговаривались (Еще подчеркнуто!)

Герм. — чекиста послать? руков. послать?

Правильно ли это — нет!

Надо вовремя поправить. — Подавление коллектива. Какая же это коллективн.

Безапелляционность — покончить.

4. Разобщенность, с оглядкой.

Письмо о Молотове?

Настраиваемся друг на друга!

Нужен — монолитн. кол(лектив) и он есть!

5. Как исправить:

а)МВД- пост дать другому (Кр(углов) + ЦК.

Управл. охраны — ЦК

С утра до вечера не шагне без контроля!

наша охрана — у каждого в отд., тому, кого охр.

(без доносов)

Мы при т. Ст. недов. (возможно, имеется в виду, что при Сталине не пользовались таким недоверием. — *Е. П.)*

Орг. подслушив. — ЦК — контроль

Т. (товарищи. — *Е. П.)* не увере, кто и кого под¬слуш.

?б) От поста зама (председателя Совета министров. - *Е. П.)* — освободить назнач. мин. нефт. пр.

в) Спец. Комит. — в Минист. Сабуров и Хруничев. (Имеется в виду преобразование атомного комитета в соответствующее министерство и назначение туда новых руководителей. — *Е. П.*)

г) президиум ЦК — по крупн. вопр. реш. — за подп. секр, Предс?

было реш.

Кто хочет обсудить...».

Итак, Берию собирались пожурить за то, что зарвался, и понизить в должности, а вместо этого почему-то пригласили команду и арестовали. Причем, судя по этому черновику, Маленков, формальный глава государства, готовивший заседание, не ведал о планах ареста ни сном ни духом — иначе зачем ему составлять такую бумагу? Но если Маленков не знал о предстоящем аресте, значит, за Берией ничего криминального и не числилось — это раз. И два: коль скоро первый человек в государстве ничего не знал о том, что готовится арест второго, — то кто принимал решение об аресте? И как такие вещи называются?

Как называются, мы еще сформулируем. А пока пойдем дальше.

Человек в шляпе

После ареста, по официальной версии, Берию закатали в ковер, вывезли из Кремля и временно поместили на гарнизонной гауптвахте. Вечером следующего дня его перевели в штаб МВО, в подземный командный пункт — якобы опаса-

ясь доверить охрану министра внутренних дел людям из его ведомства. При этом арестованных соратников Берии почему-то содержали в Лефортово и потом в Бутырках, ничего не опасаясь — а ведь это были люди, каждый из которых вполне мог заменить министра в случае силовых действий. Неужели кто-то думает, что если бы тому же Богдану Кобулову удалось бежать, он не был бы опасен? Ого-го! Вот и вопрос: почему его или бывшего министра госбезопасности Абакумова (о котором речь впереди) после ареста можно было содержать в Лефортово, а Берию — нельзя?

В «деле Берии» есть и множество бюрократических несостыковок. Несовпадение дат ареста и оформления положенных ордеров и согласований — вещь, в общем-то, житейская и вполне объяснимая. Но существует, например, такая процедура, как оформление арестованного при поступлении в тюрьму. При ней заполняют так называемую «анкету арестованного», человека фотографируют определенным образом — анфас и в профиль, снимают отпечатки пальцев. В деле имеются анкеты на всех арестованных — как на самого Берию, так и на его людей. А вот с фото уже сложнее. Богдан Кобулов и остальные сфотографированы, как положено, но с их начальником почему-то — сплошные «московские тайны». Вместо фотографии установленного образца в деле приведено не пойми что. Андрей Сухомлинов, бывший военный прокурор, получивший доступ к документам «дела Берии» и написавший о нем замечательную книгу, по этому поводу пишет:

«Штаб округа — место, конечно, историческое, но для содержания подследственных непригодное, да и навыков у военных в этом деле не было никаких. Во всяком случае, при заполнении анкеты арестованного Берия, которое производил следователь прокуратуры СССР Цареградский, в штабе даже не смогли сфотографировать его, Берия, как положено — анфас и в профиль. Ограничились комическим фото штабного фотографа. Дактилоскопирование, т. е. получение образцов отпечатков пальцев, — обязательная процедура в МВД при аресте — также не производилось».

Интересно, а у следователя прокуратуры товарища Цареградского тоже навыков не было? Разве так трудно за сут-

ки, прошедшие со дня ареста, раздобыть оборудование для снятия отпечатков пальцев? Это ведь не атомный реактор, а всего лишь подушечка с краской. И почему, спрашивается, штабному фотографу, который по должности в основном тем и занимается, что фотографирует офицеров на документы, не под силу было сделать фото анфас и в профиль? Что тут такого невыполнимого?

В книге Сухомлинова приведена упоминаемая им «комическая» фотография — сидит снятый в три четверти спокойный добрый дедушка... Это когда человек, которого только что арестовали и приволокли в тюрьму, так глядел? Вы на портреты его соратников посмотрите! Явно выдрали фотку из семейного альбома, а внучку, которую Берия на коленях держал, отрезали.

Так почему же все-таки не сделали фото по правилам? Знаете, ответ тут может быть лишь один: не могли. Почему? И снова один ответ: поскольку самого Берии в наличии не имелось. А иметься в наличии его не могло только по одной причине: не было в живых. А то куда бы он делся?

С отпечатками пальцев же еще каверзнее получилось. Ладно, труп не сфотографируешь анфас и в профиль. Но ведь отпечатки пальцев с него снять можно! Однако не сняли. А значит, и трупа, скорее всего, к тому времени уже не было. Запомним это обстоятельство, оно нам еще пригодится.

А «штабная» канитель продолжалась. Берию или же кого-то еще, но какого-то человека в бункере явно содержали, кормили, водили на допросы, орали на него в присутствии свидетелей. Существуют воспоминания очевидцев. Первое из них приводит все тот же Сухомлинов.

Цитата 1.5. *«Машинистка военного совета и ветеран штаба МВО Екатерина Алексеевна Козлова рассказывает, что на все время нахождения Берия в бункере передвижение по территории внутреннего двора штаба было сначала запрещено, а потом ограничено. Начальник штаба округа генерал-полковник С.Иванов приказал закрасить белой краской все окна на первом и втором этажах, чтобы никто не видел, как водят Берия.*

Сопровождал его всегда полковник Юферов с охраной. Он практически каждый день водил Берия на допросы. Екатерина

Алексеевна Козлова вспоминает, что многие офицеры в своих кабинетах тайком отчищали краску с окон, чтобы посмотреть на Берия. Интересно было.

Она, Е. А. Козлова, этого, правда, не делала, поскольку сама работала в том же главном корпусе, куда приводили Берия. Несколько раз видела его в коридоре и запомнила, что он всегда был в шляпе, горло замотано шарфом, а осенью и зимой 1953 года на нем было черное пальто».

Вас, кстати, ничего тут не удивляет? На дворе лето или ранняя осень, идти по двору всего ничего. Зачем надевать шляпу, да еще обматывать горло шарфом? Берия и на похоронах Сталина, в крутой мороз, не прятался. Достаточно взглянуть на фото: все Политбюро в теплых шапках, а он в своей неизменной романтической шляпе. Стало быть, не мерзляк. Летом, кстати, он и вовсе шляпу не носил — а тут вдруг начал кутаться. С чего?

Ответ опять же прост. Все эти меры нужны были только в одном случае: если в бункере содержали не Берию, а похожего на него человека. Причем не слишком похожего, иначе зачем закрывать лицо шляпой и шарфом? Конечно, работники штаба его в лицо не знали — но вдруг кто-нибудь видел, запомнил, обратит внимание на несходство персоны?

Есть другое свидетельство, довольно забавное, которое приводит Сергей Кремлев. В еженедельнике «Независимое военное обозрение» № 41 за 2000 год, в материале Александра Щелокова «Самодурство с большими звездами» содержится такой вот любопытный рассказ:

Цитата 1.6. *«Мой коллега и приятель военный журналист Алексей Котенев рассказывал о случае, свидетелем которого был сам. Генерал (впоследствии — маршал) Павел Батицкий, в 1953 году обеспечивавший охрану бункера, в котором содержался арестованный Лаврентий Берия, дневал и ночевал на охраняемом объекте. И вот однажды ему сообщили, что Берия отказался от пищи и объявляет голодовку. Батицкий рассвирепел. Он отправился в бункер. Перед ним открыли стальные тяжелые двери. Батицкий нервными шагами спускался в чрево подземного командного пункта, и его басовитый командирский рык разносился под сводами:*

— Берия, е... твою мать! Не будешь жрать, в цепи закую!

Позже Котенев признавался, что угроза Батицкого произвела впечатление даже на него — вовсе не заключенного... Берия продолжать голодовку не рискнул».

Само по себе забавно предположение, что такого человека, как Лаврентий Павлович, уж коль скоро он решил объявить голодовку, можно было испугать воплями какого-то генерала. Тут другое любопытно: зачем Батицкий, отправляясь на командный пункт, взял с собой журналиста? Чтобы тот, в силу природной общительности, уже ближайшим вечером рассказывал приятелям об этом инциденте? А назавтра по Москве пополз бы слух, еще раз убедивший всех: да жив Берия, жив, сидит в тюрьме, следствие идет? Потому что ползли ведь и совершенно другие слухи...

В общем, это факт, доподлинный и пока что никем не опровергнутый: ни один человек из тех, кто знал Берию в лицо и кому хоть в малейшей степени можно доверять, после 26 июня не видел его живым. Самое простое объяснение — его давно уже не было на этом свете. В таком случае, действительно, понятно все.

Письма из подземелья

Об этих «документальных свидетельствах» спорят много и упорно. Считается, что Берия, сидя в бункере, написал в адрес товарищей по Президиуму три письма — кстати, довольно разных по стилю и по настроению. Вроде бы даже графологическую экспертизу проводили, и экспертиза подтвердила авторство. Впрочем, ничего удивительного: в тогдашнем МВД умельцев, способных адекватно подделать почерк, имелось достаточно.

История послевоенного СССР в целом и «дело Берии» в частности вообще отмечены запредельным количеством разного рода фальшивок. Обычным способом их не всегда определишь: в распоряжении штамповавших их властей был аппарат КГБ, ЦК, Совмина, подлинная бумага, машинки и пр.

Но есть вещи, которые нельзя подделать. В первую очередь не подделывается стиль — это я вам как автор художественной литературы могу сказать совершенно точно. Он — такой же индивидуальный признак человека, как отпечатки

пальцев или голос. Давайте сравним стиль этих документов и подлинных бериевских писем, которых известно очень мало — но все же для анализа хватит.

Итак, возьмем по фрагменту из двух «писем Берии» — по большому фрагменту, чтобы полнее прочувствовать манеру письма. Кому противно - прочтите, сколько сможете...

Документ 1.2.
Из «письма Берии Маленкову» от 1 июля 1953 г.

Дорогой Георгий!

В течении этих четырех тяжелых суток для Меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, к[а]к на работе, так и в отношении лично тебя и — некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждая себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и подерж[ать] делами новое руководство Ц. К. и Правительства. В соответствии с имеющимися указаниями Ц. К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н. С. ряд заслуживающих политических и практических предложений, к[а]кто: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по т.к. .называемому менгрельско[му] национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривлении линии партии допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н. С. и критика других товарищей

на Президиуме ЦК; с последним моим участием, на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили [значение] самых решений Ц. К. и, что создалось недопустимое положение, что МВД, как будто исправляет Центральные Комитеты Коммунист[ической] партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда к[а]к роль МВД ограничивался только выполнением указаний ЦК КПСС и Правительства. Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал этого не следует делать. Поведение мое на заседании Президиум[а] ЦК, и Президиума] Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервозность и излишнюю резкость я бы сказал, к[а]к это сейчас хорошо продумал и понят иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущев[а] Н. С. и Булганина Н. А. при обсуждении По Германскому вопросу, конечно я здес[ь] безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения»...и т. д. и т. п.

Документ 1.4.
Из письма Берии в Президиум ЦК» от 2 июля 1953 *г.*

«Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5 дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого недопустили, прошу немедленно вмешательства, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавить т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК не заслуживает, того, чтобы его дело тщатель-

но разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать, так к[а] к сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении Члена ЦК и своего товарища после 5-суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно т.т. работавших с т. Лениным и т. Сталиным, обогащенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен верный Ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления, мощи нашей Страны, и единства нашей Великой партии у меня не было никаких мыслей.

Свой ЦК и свое Правительство, я не меньше любых т-щей поддерживал и делал все, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка и при том, очень подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущева прошу не упорствовать разве будет плохо, если т-ща реабилитируют.

Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.

Ваш Лаврентий Берия».

Эти письма приведены по самому солидному и заслуживающему доверия изданию — сборнику «Берия», изданному фондом «Демократия». А теперь — несколько отрывков из подлинного письма Берии, адресованного Серго Орджоникидзе.

Документ 1.5.

«Дорогой Серго, не один раз я ставил перед Вами вопрос о моей учебе. Время проходит, кругом люди

растут, развиваются, и те, которые еще вчера были далеко от меня, сегодня ушли вперед. Известно, что безбожно отстаю. Ведь при нашей чекистской работе не успеваем зачастую даже газету прочесть, не то что самообразованием заниматься...

Дорогой Серго! Я знаю, Вы скажете, что теперь не время поднимать вопрос об учебе. Но что же делать. Чувствую, что я больше не могу...

...Я думаю, что мой уход из Закавказья даже послужит к лучшему. Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте радоваться, кругом недочеты и ляпсусы.

Уже начинают прорабатывать, а что дальше будет — не знаю. Со мной начинают связывать все истории, которые когда-либо были в Грузии и вообще в Закавказье. Ушел тов. Л. Картвелишвили (член ЦК КП Грузии. — *Е. П.)* — винили меня. Ушел тов. Мамия (1-й секретарь Заккрайкома. — *Е. П.)* — указывали на меня. Сняли бакинских товарищей — опять я тут. В умах многих товарищей я являюсь первопричиной всех тех неприятностей, которые постигли товарищей за последнее время и фигурирую чуть ли не как доносчик».

И это, и другие письма того же периода показывают, что русский язык Берия знал блестяще, так, как не всякий русский знает, и писал по-русски, как по-настоящему образованный человек. Не зря же еще в 1925 году тогдашний секретарь Закавказского крайкома Мясников дал ему следующую оценку: «Берия — интеллигент». О человеке, пишущем с ошибками или корявым слогом, ни теперь, ни тем более тогда так бы не сказали.

Ладно, допустим, что за двадцать пять лет он деградировал, разучился обращаться с русским языком. Но Сергей

Кремлев приводит один из последних документов Берии, который он даже не написал, а продиктовал стенографистке (что еще труднее, поскольку приходится обходиться без черновика). Вот отрывок из него:

Документ 1.6.

«За последнее время в КБ-11 участились аварии, повторение которых может привести к более тяжелым последствиям.

9 апреля с.г. при производстве измерений на опытном реакторе научным сотрудником была допущена грубейшая ошибка, в результате которой тот реактор вышел из строя.

11 мая с.г. при перевозке специального груза произошла авария, потому, что это дело было поручено работникам, не знающим правил перевозки и не имеющим на это право, а шофер был в нетрезвом виде.

Авария от 9 апреля свидетельствует о том, что контроль за деятельностью лабораторий, выполняющих важнейшие опыты, ослаб и сотрудники безответственно относятся к порученным им работам.

Авария, произошедшая 11 мая, говорит о неудовлетворительном положении с системой допусков на особо режимные объекты КБ-11, несовершенством инструкций о порядке выдачи и транспортировки особо важных грузов и наличием нетерпимой, преступной недисциплинированности среди некоторых работников объекта.

Эти факты говорят о том, что Вы и некоторые другие руководящие работники объекта, недооцениваете еще в полной мере своей ответственности за порученное Вам Государством дело и не всегда помните о том, что малейший недосмотр или неточность в работе персонала объекта могут привести к чрезвычайно серьезным последствиям». И т. д. и т. п...

В этом тексте я выделила жирным шрифтом... не то чтобы ошибки, ошибок здесь нет, но определенную бюрократическую тяжеловесность слога. Если бы письмо после того,

как его продиктовали, при перепечатывании редактировалось, эти места бы поправили. Стало быть, оно не редактировалось вовсе — как продиктовано, так и отправлено.

И кто-то хочет нас уверить, что эти два отрывка и тот косноязычный поток сознания, который им предшествует, написаны одной и той же рукой?!

Зачем были нужны «письма из подземелья» — понять нетрудно. Они «доказывали», что Берия после 26 июня был жив. Ну и попутно служили средством обработки партийного общественного мнения — вот, мол, какой трусливый и двуличный гад этот Берия.

А графологическая экспертиза может показывать не только подлинность почерка, но и меру умения тех, кто его подделывал. Кстати, а проводилась ли она вообще?

Ну и чтобы два раза не возиться, давайте проделаем ту же операцию еще с одним документом — так называемыми «письмами Меркулова». Не то чтобы это нужно для раскрытия темы, но данные письма пачкают очень достойного человека, как и Берия, заплатившего жизнью за свою работу и свои убеждения.

Считается, что многолетний заместитель Берии Всеволод Меркулов, еще будучи на свободе — то есть его наверняка не били — написал в адрес ЦК два письма, где рассказывал о том, какой плохой человек был Лаврентий Павлович. Приведем отрывок из одного письма (второе примерно аналогичное по стилю), опубликованного в довольно солидном издании, работавшем с архивами (это надо оговорить особо, поскольку к прочим прелестям жанра добавляются еще и *разночтения* в разных публикациях данного документа), — сборнике «Неизвестная Россия» издательства «Историческое наследие»:

Документ 1.7.
Из «письма Меркулова» в ЦК КПСС

«...Очевидно, именно Берия увидел во мне человека, владеющего пером, умеющего литературно излагать свои мысли, т. е. он увидел во мне то, чего сам был лишен и чего ему никогда недоставало — грамотности.

Должен сказать (сейчас, спустя 30 лет, полагаю, могу это сделать без риска быть обвиненным в самовосхвалении), что в этот период, несмотря на свои 27 лет, я был наивным, очень скромным и очень застенчивым человеком, несколько замкнутым и молчаливым. Речей я не произносил и так и не научился произносить их до сих пор. Язык у меня был словно чем-то скован, и я ничего с ним не мог поделать. Другое дело — перо. С ним я умел обращаться. (По этому опусу не скажешь! — *Е.П.)*

Не был я также никогда ни подлизой, ни подхалимом или выскочкой, но держал себя всегда скромно и, думаю, с чувством собственного достоинства.

Таким я и предстал перед Берия, когда он меня тогда вызвал. Не надо было быть особо проницательным, чтобы понять все это, и, мне думается, Берия с первого взгляда разгадал мой характер. Он увидел возможность использования моих способностей в своих целях без риска иметь соперника или что-либо в этом роде.

Короче говоря, в конце того же мая месяца 1923 г. я был назначен Берия начальником экономического отдела ЧК Грузии (в то время я работал в ЭКО уполномоченным или старшим уполномоченным, не помню, была ли тогда такая должность).

Вскоре в ЧК Грузии прибыл некий Станский. Его надо было устроить на ответственную работу. Берия вызвал меня и спросил, не буду ли я возражать, если он назначит Станского начальником ЭКО, а меня — его заместителем.

Вынужден здесь снова сказать о себе несколько слов: во мне никогда не было и нет и тени честолюбия (что, может быть, плохо), я никогда не гнался и не гонюсь за должностями, наградами, орденами и пр. Я об этом и т. Сталину писал в 1946 г. Думаю, что знающие меня могут подтвердить эту черту моего характера. Должность, положение никогда не имели для меня значения. Для меня важно было, чтобы характер и содержание самой работы меня удовлетворяли и чтобы она

была мне по силам. Поэтому я, конечно, сразу же согласился на предложение Берия.

Я упоминаю об этом незначительном случае, во-первых, для того, чтобы указать, что Берия на этом факте легко мог убедиться с первых дней своего знакомства со мной в отсутствии у меня честолюбия и, во-вторых, для того, чтобы попутно сказать, что Берия в дальнейшем не раз предлагал мне разные должности, более высокие, чем я к тому времени занимал, и я каждый раз отказывался.

Моя искренность в этом вопросе, очевидно, настолько была тогда ясна Берия, что он в более поздние годы даже считал возможным обходить меня, не считаться со мной. Так, например, когда в 1936 г. в связи с 15-летием со дня советизации Грузии орденами и медалями было награждено большое количество работников, Берия не включил меня в их число.

Как-то мы отдыхали в Гаграх, и т. Сталин должен был приехать на обед к Берия. К этому дню в Гагры были вызваны из Тбилиси многие работники. Во время обеда Берия по очереди представлял т. Сталину всех своих работников и о каждом говорил несколько слов, но я был пропущен, хотя на обеде присутствовал.

Тогда Берия, очевидно, не считал нужным этого делать. Но в 1953 г., когда я его упрашивал не выдвигать мою кандидатуру на должность первого заместителя наркома внудел СССР, он не обратил внимания на мои доводы.

Позже, обдумывая этот вопрос, я понял, что мое выдвижение на эту должность было осуществлено им главным образом потому, что в его окружении из чекистов я был единственным русским, которого он хорошо знал».

Что особенно забавно — в 1953 году Берия как раз *не выдвигал* Меркулова на должность своего первого заместителя. Во-первых, тот уже занимал очень важный министерский пост, во-вторых, незадолго до того перенес инфаркт, и

для усугубления состояния только работы в МВД ему и не хватало. А вот сам Меркулов... полстраницы терпения, господа!

Теперь прочтем подлинные письма Меркулова, который был не просто «интеллигент», как Берия, — он был литератор, писал пьесы и слог имел соответствующий. Первое письмо предположительно датируется 1928 годом, второе — 1953-м.

Документ 1.8.

«Дорогой Лаврентий!

Здесь у нас распространились слухи о якобы предстоящем твоем уходе из Тифлиса. Я не вдавался в оценку правильности этих слухов, вероятности их и т.д., но в связи с ними у меня к тебе глубокая просьба: не забыть меня. В случае если ты действительно решил уехать из Закавказья, я очень прошу тебя взять меня с собой туда, где ты будешь работать. Город и должность меня не интересуют: я согласен работать где угодно.

Не переоценивая себя, все же полагаю, что, если я приналягу (а это делать при желании я умею), то справлюсь с любой работой, которую ты мне поручишь.

Тебя во всяком случае никогда ни в чем не подведу. Ручаюсь тебе в этом всеми ошибками прошлого, которые лишний раз вспоминать мне очень тяжело.

Надеюсь будешь иметь меня в виду. Это моя самая большая просьба с которой я когда-либо обращался к тебе. Писать много не хочу и не умею, но уверен, ты поймешь и поверишь не всецело.

Крепко жму руку.

Всегда твой Меркулов».

Документ 1.9.

«Дорогой Лаврентий!

Хочу предложить тебе свои услуги: если я могу быть полезным тебе где-либо в МВД, прошу располагать мною так, как ты сочтешь более целесообразным. Должность для меня роли не играет, ты это знаешь. За последнее время я кое-чему научился в смысле руководства людьми и учреждением, и, думаю, теперь я сумею работать лучше, чем раньше.

Правда, я сейчас полуинвалид, но надеюсь, что через несколько месяцев (максимум через полгода) я смогу уже работать с полной нагрузкой, как обычно.

Буду ждать твоих указаний.

Твой Меркулов».

И тот же вопрос: что общего имеют эти краткие емкие фразы, это «летящее» перо с приведенным выше косноязычным потоком сознания? Зато они весьма напоминают другое письмо:

Документ 1.10.
Из письма зам. Министра внутренних дел И. А. Серова Сталину. 8 февраля 1948 *г.*

«...Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет Абакумов.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что Абакумов в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям...

...Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с Абакумовым на протяжении ряда лет.

Сейчас для того, чтобы очернить меня Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним, как мальчик. Приведу факты, товарищ Сталин.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь никто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что "Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут".

Теперь Абакумов, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

Жуков позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что СЕРОВ неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами, и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернуло свою работу в этих районах.

Абакумов, узнав, что Жуков ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю Зеленину, который в тот период был начальником Управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. Зеленин узнал об аресте судей и доложил Абакумову.

Когда была Первая Сессия Верховного Совета СССР, то Абакумов, сидя рядом с Жуковым (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей.

По окончании заседания Абакумов подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге Абакумов начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, т. к. перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда Абакумов спросил меня, а почему я скрыл это от Жукова, я ответил, что не все нужно Жукову говорить...» и т. д. и т. п.

Уж не сам ли Серов стряпал «меркуловские» фальшивки? А что? Почему бы и нет? Каждый причастный к этому делу человек увеличивал опасность утечки информации. А чекистские реалии, привычки Берии (вроде его: «Давайте постреляем») Серов знал превосходно.

«Копия дела»? Нет, «дело копий»!

Материалы из «дела Берии» запушены в исторический оборот еще в середине 90-х годов. Их даже можно было обсуждать — до тех пор, пока к ним, в результате чьего-то недосмотра (или, может, перебрались на пенсию люди, которые были заинтересованы в фальсификации событий того времени), не допустили бывшего военного прокурора Андрея Сухомлинова. С тех пор это дело представляет интерес исключительно литературный.

По ходу своей книги товарищ прокурор долго разбирается в разного рода нарушениях процедуры и прочих правил ведения следствия, попутно размышляя о том, почему опытнейшие работники прокуратуры, такие как Руденко, Царег¬радский, Китаев занимались подобным непотребством. Все это очень интересно, но скорее для автора детектива, чем для исследователя. Почему? Да потому, что «само дело на 90 процентов состоит не из подлинных документов и протоколов, а из машинописных копий, заверенных майором административной службы ГВП (Главная военная прокуратура. — *Е. П.)* Юрьевой. Где находятся оригиналы, можно только догадываться. Ни один прокурор не позволит представить ему дело без оригиналов. Это неписаное правило прокуратуры. И нарушил его Руденко».

То же самое Сухомлинов говорит и о судебных документах:

«По правилам судебного делопроизводства во всех уголовных делах, на каком бы уровне они ни рассматривались, оригинал приговора должен храниться в материалах дела и должен быть подписан всеми членами суда.

В нашем же деле оригинала приговора нет. Куда его отправили, можно только догадываться, а машинописная копия приговора судьями не подписана. Написано "верно",

стоит печать Военной коллегии Верховного суда СССР и подпись полковника юстиции Мазура, который возглавлял группу секретарей. С точки зрения судебного делопроизводства все неправильно».

Копии, конечно, бывают разные. В сборниках документов они печатаются сплошь и рядом. Например: составили чекисты доклад Сталину, оригинал отослали, а копию оставили у себя в архиве. Спустя полвека ее напечатали, и сомнений в ее достоверности ни у кого не возникает. Но когда речь идет о копии явного бреда (установлению бредовости «дела Берии» множество страниц отдали и Юрий Мухин, и Андрей Сухомлинов, и я), то ни о какой работе с ними речи нет. Сперва оригиналы, потом экспертиза этих оригиналов, а затем их обсуждение — только в таком порядке. А пока что никакого «дела Берии» попросту не существует, и говорить тут не о чем.

Если на клетке со слоном написано «буйвол» — не верь глазам своим.

Козьма Прутков

Глава 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ

Ну вот, с повторением пройденного мы покончили. Скучно, конечно, в десятый раз излагать одно и то же, но что поделаешь — надо. А теперь пойдем вперед. Попытаемся установить — что же на самом деле произошло 26 июня 1953 года?

Дело не в экстремальности, а в достоверности

Есть одна версия событий, которую Сергей Кремлев, например, называет «экстремальной». Другой автор (не помню, кто именно) говорит еще резче: «Не знаю, зачем понадобилось Серго Берия все это придумывать». Тем не менее от свидетельства, на котором упорно настаивал сын Лаврентия Павловича, отмахнуться нельзя. Он пишет об этом в своей книге, но я привожу более ранний рассказ — фрагмент интервью, которое Серго Берия дал грузинскому журналисту Руслану Чилачава, поскольку этот текст подвергался наименьшим переработкам.

Цитата 2.1. *«26 июня 1953 года отец находился на даче. Я уехал раньше, где-то около восьми, и через час был в Кремле. (Кабинет отца располагался в противоположном здании.) В четыре часа дня мы должны были доложить отцу о подготовке к проведению ядерного взрыва...* (Дальше рассказывается о подготовке к докладу, совместно с другими конструкторами, у Б. Л. Ванникова. — *Е. П.) Часов в двенадцать ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону: звонил дважды Герой Советского Союза Амет-Хан, испытывавший самолеты с моим оборудованием. "Серго, — кри-*

чал он в трубку, — я тебе одну страшную весть сообщу, но держись! Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит. Я уже выслал машину к кремлевским воротам, садись в нее и поезжай на аэродром. Я готов переправить тебя куда-нибудь, пока еще не поздно!"

Я начал звонить в секретариат отца. Телефоны молчали. Наверное, их успели отключить. Не брал никто трубку и на даче, и в квартире. Связь отсутствовала всюду... Тогда я обратился к Ванникову. Выслушав меня, он тоже принялся звонить, но уже по своим каналам... Ванников установил, что заседание отменено и происходит что-то непонятное. Он мне сказал: "Если уже случилось непоправимое, мы все бессильны, но за тебя постоим, не позволим им расправиться с тобой!"

У кремлевских ворот меня действительно ждала машина с друзьями. Они уговаривали меня не ехать домой, объясняя, что дорога туда уже перекрыта, а вокруг слышна стрельба...

С полдороги я вернулся к Ванникову. Он одобрил мое решение не скрываться и сразу же позвонил Маленкову. У Маленкова телефон не отвечал. Тогда он позвонил Хрущеву. Трубку сняли. "Никита Сергеевич, — начал Ванников, —рядом со мной находится сын Берия. Я и мои товарищи... знаем, что произошло. Поэтому просим вас позаботиться о безопасности молодого Берия". Хрущев ему что-то отвечал. (Потом Ванников пересказал мне смысл его ответа: мол, ничего нигде ни с кем не произошло, что вы там выдумываете?) Видно, Хрущев еще не был осведомлен, чем все закончилось.

Борис Львович (Ванников. — *Е. П.), чтобы меня одного не схватили, поехал вместе со мной на городскую квартиру, расположенную на Садовом кольце. Район в самом деле был оцеплен военными, и нас долго не пропускали во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему. Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты.*

Пока я все это отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников и говорит: "Серго, только что из помещения вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом".

Охранника срочно позвали, и я не успел спросить у него, находился ли отец дома во время обстрела».

В книге Серго писал, что примерно в это время отец уехал на городскую квартиру обедать. Это очень похоже на правду — Берия, когда была возможность, обедал дома. И вполне естественно, что, уезжая из Кремля, он мог позвонить сыну и спросить, не поедет ли тот вместе с ним.

До недавнего времени рассказ Серго (а сын Берии, к сожалению, наделен богатой фантазией — или же у него были плохие соавторы) являлся единственным свидетельством штурма особняка Берии 26 июня 1953 года, что позволяло большинству исследователей попросту его отметать — поскольку он абсолютно не сходится с официальной версией. Хотя, если вдуматься — ну зачем Серго Лаврентьевичу было это придумывать? Какая разница — убит его отец на месте, замучен в тюрьме или расстрелян по сфабрикованному делу?

Но совсем недавно появилось еще одно свидетельство. Бывший санитарный врач СССР Петр Николаевич Бургасов выпустил книгу воспоминаний, где тоже приводит этот эпизод. О том же самом он рассказывал в своем интервью московскому тележурналисту Роману Газенко, который любезно предоставил в мое распоряжение этот текст.

Цитата 2.2. *«Наступает 26 июня. Я поднимаюсь из буфета, с первого этажа к себе на второй этаж, и мимо меня по лестнице проносятся Ванников и Серго Берия, чуть меня не сбили. Это было на Ванникова совершенно не похоже — настолько был корректный человек. Я поднимаюсь к себе в кабинет и говорю Морозову: "Слушай, меня сейчас чуть с ног не сбили Ванников и Берия... Серго. Они пулей спускались вниз. Что случилось?" Он отвечает: "Наверное что-то произошло. Так не бывает". Это было примерно, в час-полвторого дня. Обеденный перерыв у нас начинался в пять, а кончался в семь часов. Я захожу к Ванникову* (по-видимому, в начале перерыва, то есть около пяти часов дня. — *Е. П.), мы с ним сидели в соседних комнатах, через стенку. Он сидит, облокотившись на стол, голова у него опущена к столу. Я спрашиваю: "Борис Львович, что случилось?" Он поднял глаза, посмотрел на меня и говорит: "Доктор, произошла трагедия. Я только сейчас вернулся из особняка, где жил Лаврентий Павлович Берия. Когда мы с Сер-*

го туда подъехали, там во дворе стояли две автомашины с автоматчиками. Нас вначале не хотели пропускать, а потом узнали, кто я такой, и пропустили. В кабинете Лаврентия Павловича все стекла разбиты. Когда мы были во дворе, к нам подошел капитан и говорит: «Минут пятнадцать назад на носилках, покрытых плащ-палаткой вынесли труп и увезли".

Чей это был труп, ясно, потому что кабинет сам за себя говорил, это мне рассказал Борис Львович Ванников, который был свидетелем этих событий».

Значение данного рассказа переоценить невозможно. Версия, которую называли «экстремальной», с его появлением становится основной, ибо официальная не выдерживает никакой критики, прочие основаны на смутных догадках, а здесь — целых два свидетельства. Он объясняет и многое другое — например, чрезвычайно странное, не поддающееся логическому осмыслению поведение соратников Берии по Спецкомитету на Пленуме ЦК. Поскольку то, что знал Ванников, знала и вся верхушка Спецкомитета, действия Малышева и Завенягина получают совсем иное освещение. Забегая вперед, скажем: события могли развернуться так, как они разворачивались, только в одном случае — если Берию убили сразу, еще 26 июня, и все действующие лица (или те, кто должны были стать таковыми, но не стали) прекрасно об этом знали.

Интересно — а откуда узнал сообщивший обо всем Серго Амет-Хан? Об этом можно только гадать. Жил рядом, проходил по улице или же ему позвонил кто-нибудь с просьбой предупредить Серго. Скорее всего, последнее. Первыми о случившемся должны были узнать чекисты — ведь кроме официальной охраны у Берии наверняка существовала и негласная. Ну, а у летчиков, связанных с испытаниями военной техники, с чекистами давние прочные связи, ибо все это одна тусовка. Скорее всего, кто-нибудь из тех парней, что сидели в окрестных домах, и позвонил Амет-Хану, попросив найти Серго и сообщить ему о происходящем.

Итак, восстановим события. Я не зря привела именно фрагмент интервью — в беседах с Чилачава Серго приводит множество мелких деталей, которые выпали из написанной позднее книги. В данном случае это — след пулеметной оче-

реди на стене. В сочетании с разбитыми окнами он позволяет восстановить картину событий.

Около полудня (скорее всего, в промежутке между двенадцатью и часом дня) во двор особняка Берии въехали два бронетранспортера (или две машины) с солдатами. Дом Берии — не крепость, БТР мог просто протаранить ворота (ох, как прав был Сталин, еще в 1938 году предложивший Лаврентию Павловичу жить в Кремле!). Из дома выскочили охранники, начали разбираться с солдатами. Что делает Берия? Да проще простого: подходит к окну посмотреть, что случилось. И тогда по окну резанули из пулемета.

Фактор времени

Когда это произошло, можно установить достаточно точно. Для начала — слово Юрию Мухину. Он анализирует воспоминания участников «ареста», которым, перед тем, как арестовать Берию, якобы пришлось некоторое время просидеть в маленькой комнатке возле кабинета Маленкова.

Цитата 2.3. *«В котором часу был арестован Берия?*

Как вы понимаете, по легенде военные долго ждали сигнала и поэтому не мог,ш не поглядывать на часы.

Москаленко: "*Примерно через час, то есть в 13.00, 26 июня 1953 г..."* Жуков: "*Немного погодя (было это в первом часу дня) раздался звонок, второй. Я поднимаюсь первым..."* Суханов: *"Заседание началось в 14.00 26 июня 1953 г. Военные ждали условного сигнала... Ждали больше часа. И вот раздалось два звонка"».* **(Конец цитаты.)**

Генерал Москаленко либо был непосредственным участником операции в особняке, либо знал о ней. Маршал Жуков вряд ли участвовал, но узнал о случившемся практически сразу. Оба они бессознательно оперируют промежутком времени, привязанным к 12 часам дня. То же самое вспоминает Серго — «около полудня». Тот же промежуток времени — около часу дня — называет и Бургасов, (В последнем случае надо учитывать, что с момента штурма до встречи на лестнице должно было пройти какое-то время — пока обо всем случившемся узнал Амет-Хан, пока он нашел Серго, пока тот выходил к воротам, возвращался обратно, пока

Ванников звонил Маленкову и Хрущеву... Думаю, как раз около часа и прошло.)

А вот помощник Маленкова Суханов, не посвященный в подробности операции, называет совсем другое время — 14 часов. Почему? Причина опять же проста: именно на это время было назначено то самое заседание, на котором якобы арестовали Берию (если не было ареста, это не значит, что не было и заседания). Да и Серго упоминает: мол, «заседание отменено». Вот Суханов и сопоставляет время ареста со сроком его начала. А где был Берия до двенадцати часов дня?

Историк Юрий Жуков, человек, умеющий по-настоящему работать с архивами, сделал то, чего не удосужились сделать другие, — он добрался до журналов, которые вели секретари членов Президиума ЦК и куда они подробно заносили все действия своих шефов. И выяснил, что в тот день было еще одно заседание. В 10 часов утра члены Совета Министров (в полном составе) собрались послушать доклад Берии о поездке в Германию, откуда он вернулся накануне.

Вот теперь все связывается. Берия ночевал на даче только в выходные, но, прилетев 25 июня из Германии, он поехал не домой, а на дачу, к семье. Утром оттуда отправился на заседание Совмина, которое, поскольку человеком он был к лишней болтовне не склонным, должно длиться полтора-два часа, не больше. Дальнейший график был плотным: в два часа — то самое заседание непонятно какого органа, где его якобы арестовали, затем, в четыре, совещание в Спецкомитете. Так что неудивительно, что, хотя было еще рановато для обеда, он отправился домой — потом времени не оставалось. Тогда-то все и произошло.

«Танки-шоу»

Итак, девять из десяти за то, что около двенадцати часов дня 26 июня 1953 года Берия был убит на месте при штурме его особняка. А в два часа дня расположенная в Наро-Фоминске Кантемировская танковая и Таманская пехотная дивизии получили приказ войти в столицу и взять над ней контроль. Командиры дивизий вместе с командующим округом

находились в то время в Калинине (ныне Тверь) на командно-штабных учениях, и остается только гадать, были ли эти учения «подверстаны» к планируемому перевороту, или просто так совпало. Могло ведь и совпасть...

Как бы то ни было, по официальной версии, в 14 часов заместителю командующего Кантемировской дивизией полковнику Парамонову позвонил по телефону министр обороны Булганин, приказал поднять три танковых полка, загрузить полный боекомплект и через 40 минут войти в Москву.

Юрий Жуков был тогда подростком. Он помнит этот день и вошедшие в Москву танки — еще бы, для мальчишки такое впечатление незабываемо. Было около пяти часов вечера, что вполне согласуется: чтобы поднять дивизию по тревоге, снарядить машины и дойти до Москвы, требуется как раз два-три часа.

Один танковый полк стал на Ленинских горах, другой перекрыл Горьковское шоссе (по которому гипотетически должна была подходить к столице расквартированная в Реутово дивизия Дзержинского), третий полк взял под контроль вокзалы, почту, телеграф, улицу Горького и Кремль. Там же, в центре, расположились войска Таманской дивизии.

Но самая невероятная история произошла с авиачастями. Командир 56-й авиадивизии полковник Долгушин был срочно вызван к командующему ВВС МВО генерал-полковнику Красовскому. Дальнейшее, по реконструкции Андрея Сухомлинова, выглядело так:

Цитата 2.4. «*... Тот неожиданно сказал:*

— Арестован Берия. Тебе надо быть готовым бомбить Кремль!

Сергей Федорович ответил:

— Кремль бомбить я не стану!

И, посмотрев на удивленного Красовского, добавил:

— Если мои 216 самолетов отбомбятся по Кремлю, то через 30 минут не то что Кремля — Москвы уже не будет. Жалко».

Трудно сказать, как на самом деле выглядел этот диалог. Как-то уж очень спокойно реагирует командир дивизии на известие об аресте второго лица в государстве и о предстоящей в связи в этим возможной бомбежке Кремля. Ситуация—

то крайне неоднозначная и требует дополнительных пояснений — кто в этом деле заговорщик и на чьей стороне предлагают выступить Долгушину? Может, выполнив этот странный приказ, он сам попадет во «враги народа»? Однако за что купила, за то и продаю — история достаточно известная и, похоже, идет со слов самого Долгушина. Кстати, командиры двух других поднятых по тревоге авиадивизий выполнить приказ вроде бы не отказались.

Военные стояли в Москве три дня, а потом свернулись и тихо уехали. Ничего экстремального так и не произошло.

Хрущев позднее утверждал, что Президиум ЦК боялся дивизии Дзержинского — мол, Берия собирался, производя переворот, опереться на войска МВД. Но поскольку никакого переворота Берия производить не собирался, возникает вопрос: зачем понадобилось это шоу? Только для камуфляжа? Или у него была и реальная цель?

Собака, которая никак себя не вела

Вряд ли они в ту минуту думали о камуфляже. Если бы думали, то хотя бы сняли с трупа Берии отпечатки пальцев.

Говорите, план со штурмом особняка авантюрен? Экстремальная версия, говорите? Это в книжке она экстремальная. А на самом деле арест на заседании для заговорщиков (вот мы и назвали их своим именем) бесконечно опаснее. Достаточно любому из охранников или помощников Берии что-то заподозрить и дойти до ближайшего поста охраны — все кончено. Ни один из путчистов из Кремля уже не выйдет.

Берия держал под постоянным и неусыпным наблюдением государственную верхушку (на что они жаловались на пленуме) и своих работников. Тот же Бургасов вспоминал: он постоянно требовал, объяснял, уговаривал: «Я должен все время знать, где вы находитесь». Когда Петр Николаевич однажды «потерялся» (пошел после защиты диссертации в ресторан и на работу уже не явился), утром его встретили сообщением, что Берия искал его весь вечер и был так взволнован, что даже не поехал домой. Естественно, требуя такого от других, он и сам сообщал куда надо о каждом своем шаге.

Поэтому первыми после солдат, расстрелявших Берию, о случившемся, как я уже говорила, должны были узнать чекисты. И вот вопрос: что стали бы они делать, если их начальник арестован или захвачен? Ответ один: занялись его освобождением. А поскольку в состав МВД, кроме внутренних войск, входили два подразделения для спецопераций, мало бы не показалось никому. Еще и поэтому я ни на минуту не верю в версию ареста (впрочем, по многим другим причинам тоже).

А если министр убит? В этом случае предсказать поведение чекистов не мог никто. Может статься, они пустят в ход весь свой арсенал средств и методов. А может быть, не предпримут ничего. Все зависит от уровня безбашенности того человека, который примет бразды правления конторой.

У Берии было три первых заместителя: Круглов, Серов и Кобулов. Первый — «главный милиционер» страны, к делам госбезопасности был непричастен. Второй, судя по биографии и по дальнейшей карьере, — человек Хрущева. (До войны Серов работал на Украине, после 1953 года круто пошел в гору, став председателем КГБ.) Он, в принципе, мог попытаться нейтрализовать МВД. Но оставался еще Кобулов, самый опасный для заговорщиков после Берии человек.

По официальной версии, Богдан Кобулов был арестован 27 июня в здании ЦК, куда его вызвали якобы по служебным делам. Как оно было в реальности — неизвестно.

Находился ли он 26 июня в Москве? Накануне событий Кобулов наверняка увиделся со своим начальником, поскольку именно 25 июня вечером Берия сообщил Маленкову, какой вопрос он собирается поставить на следующий день на том самом заседании непонятно какого органа. Берия только что прилетел из Германии, где ему было сильно не до московских дел — события балансировали на грани новой войны. И если он 25 июня вечером поставил этот вопрос перед Маленковым, стало быть, ему именно в этот вечер сообщили о новых результатах расследования, которое в то время было основным в МВД.

По той же самой причине Кобулов, скорее всего, должен был присутствовать в столице и 26 июня — слишком важно-

го человека предстояло арестовать. Убить на месте, как Берию, его не могли — существуют сделанные при оформлении в тюрьму положенные фотографии анфас и в профиль. Между тем чекисты в событиях вообще не участвовали. Они были как та собака из рассказа Конан Дойля, которая никак себя не вела, что и являлось основной странностью дела.

Можно высказать две версии причин такого поведения. Возможно, Кобулова арестовали не 27 июня, а 26-го, вызвав под каким-нибудь предлогом в ЦК. Любой мало-мальски разумный заговорщик так бы и поступил — такого человека нельзя оставлять за спиной. В этом случае они могли рассчитывать на то, что Серов удержит МВД. Правда, оставались у власти Другие опасные люди — например, генерал Масленников, командующий войсками МВД, фронтовик, человек крутой и решительный и поэтому также непредсказуемый. Чтобы нейтрализовать его возможные действия, и вызвали в Москву танки.

Вторая версия причин того, что чекисты в момент путча (вот мы и назвали происходящее его подлинным именем) повели себя никак, — они точно знали, что Берия мертв и оказались достаточно разумны, чтобы воздержаться от выступления. Если бы его и в самом деле захватили живым, прямой обязанностью парней из МВД было бы землю перепахать, взять в заложники все Политбюро (кроме Маленкова) — но шефа выручить. Тем более что в государстве он был совсем не тем человеком, каковым его принято считать (об этом речь впереди), и действия чекистов стали бы естественными мерами подавления путча. Путчистов взяли, справедливость восстановлена, страна идет прежним курсом, все в порядке.

Но если он мертв — ситуация совершенно другая. По ходу подавления путча чекистам предстояло вступить в бой с армией, который неизвестно чем закончится. Точнее, известно чем — кровавой бойней между военными и дзержинцами и на закуску, вполне возможно, бомбардировкой Москвы. Во имя чего идти на все это? Ведь Берию-то уже не вернешь, прежний порядок не восстановишь. Король умер, теперь, как ни крути, все равно потоп — есть ли резон делать этот потоп кровавым?

Кроме того, МВД — структура иерархическая. Второй человек в государстве мертв, но первый-то жив, а значит, перед тем как действовать, надо с ним связаться и получить от него приказ — что делать. Но приказа не последовало. А может быть, и последовал — сидеть на месте и не высовываться.

Возможно, Дзержинский поступил бы иначе. Но Богдан Кобулов — не Дзержинский, а просто очень хороший чекист. Как бы то ни было, МВД он не поднял. С его стороны это даже можно назвать гражданским подвигом — он отлично понимал, что обречен, но спасать себя такой ценой не стал.

И снова фактор времени

С одной стороны, двухчасовой зазор между штурмом особняка и «танки-шоу» вроде бы свидетельствует о том, что заранее продуманного плана не существовало. Иначе эти два события произошли бы одновременно. В этом случае, по всей видимости, дело было так: закончив *акцию*, основные исполнители отправились в Кремль, прибыв туда примерно в промежутке между половиной первого и часом дня. Достаточно быстро информация о случившемся дошла или была доведена до других членов Президиума и до маршала Жукова. После чего все они собрались вместе и стали думать, как теперь быть. Берия мертв, ничего уже не вернешь, и оставшиеся в живых члены правительства оказались все в одной лодке — как организаторы убийства, так и те, кто ни сном ни духом. Думали в страшной спешке, почти в панике — отсюда и «маленковский черновик», и многое другое. Но одно требовалось сделать непременно — нейтрализовать МВД, ибо предсказать, как отреагирует на случившееся ведомство Берии, было невозможно. Тогда-то и подняли по тревоге танковую и моторизованную дивизии — ибо счет шел на минуты. По времени все, в общем-то, сходится.

А с другой стороны, не дает мне покоя точное совпадение времени, когда была объявлена тревога, с началом того заседания, на котором якобы арестовали Берию (помните, Суханов говорил, что оно было назначено на 14 часов?) Не

является ли это совпадение следом первоначального плана заговорщиков?

И то верно — планировать штурм особняка заранее они не могли, ибо кто способен предсказать, когда Берия поедет домой и отправится ли он туда вообще? Когда после заседания Совмина он сказал, что поедет обедать, — тогда в чьей-нибудь горячей голове и могла родиться мысль: взять пару БТРов, отправиться на улицу Качалова и разом со всем покончить. А если арест Берии на заседании был *первоначальным* планом, от которого решили отказаться по имя «гениального экспромта» со штурмом особняка — тогда получается, что тревога-то была объявлена вовремя, а планы поменялись.

Кто непосредственно руководил убийством Берии — известно, да они и сами не отказывались от этой высокой чести, даже ордена себе требовали. Правда, уверяли при том, что расстреляли его в тюремном подвале — но не суть... Генералы, гордящиеся палаческим подвигом — расстрелом безоружного связанного человека, — это для хрущевской команды нормально. (Кстати, по некоторым данным, военные, присутствовавшие при расстреле соратников Берии — реальном расстреле, — не стали поганить оружие. Убивать пришлось самолично прокурору Китаеву и заместителю министра внутренних дел Луневу. Они справились. Это тоже в духе хрущевской команды.)

Исполнителями самой акции, по всей видимости, являются те самые генералы Москаленко и Батицкий. Один — начальник ПВО Московского военного округа, другой — начальник штаба ВВС, оба из личной, «украинской» команды Хрущева. А вот какова во всем этом роль маршала Жукова?

Любопытные воспоминания оставил генерал Москаленко. Когда он отправился на заседание (типа арестовывать Берию), вместе с ним в Кремль приехал Жуков. Правда, по Москаленко, это произошло в одиннадцать часов. Но в одиннадцать маршал еще должен был сидеть на заседании Совмина — он просто не мог туда не пойти, ведь он был не только заместителем министра обороны, но и бывшим начальником группы советских войск в Германии.

Но если предположить, что Москаленко приехал в Кремль после *акции*, — дело другое. Это должно было произойти с

половины первого до часу. Рановато для того, чтобы направляться на заседание, назначенное на 14 часов. А вот если Жуков сидел у себя в кабинете, готовя «танки-шоу», ему сообщили о новом повороте событий, после чего он подхватился и помчался в Кремль — то в самый раз.

Почему я считаю, что маршал причастен к путчу? По многим причинам. Во-первых, он в свое время был командующим Киевского особого военного округа — как раз тогда, когда первым секретарем на Украине сидел Хрущев. Во-вторых, сразу после смерти Сталина его вернули из «ссылки» в Уральский военный округ и назначили первым заместителем министра обороны — кто, спрашивается, ему ворожил? Кто-то сильный, но едва ли это были Берия с Маленковым, во время войны работавшие в тылу и никогда с Жуковым не пересекавшиеся. Также не имел он тесных связей с Молотовым, Микояном, Кагановичем. А с Хрущевым — имел. В-третьих, об этом говорит поведение Жукова летом 1957 года, когда так называемая антипартийная группа (Молотов, Маленков, Каганович, Булганин) пытались снять Хрущева с поста генсека. Тот удержался именно благодаря Жукову, который в рекордные сроки военными самолетами доставил в Кремль лояльных Хрущеву членов ЦК. Зачем он спасал Хрущева, если не был в его команде?

Есть еще и четвертый аргумент — самый, пожалуй, весомый. Поднять армию на такие действия, как захват собственной столицы, очень непросто. Тем более, и Андрей Сухомлинов, и другие авторы пишут, что войска выполняли *устный* приказ министра обороны. Понимаете, что это такое — устный приказ?

В этой связи можно вспомнить одну историю. Когда в 1941 году генерал Рокоссовский получил от командующего фронтом генерала Конева удививший его приказ (конкретно: передать свои войска другому командующему, а самому со штабом прибыть в Вязьму), он потребовал от Конева *письменного подтверждения* и лишь тогда приступил к выполнению. Так поступали в войну на фронте, когда счет иной раз шел на часы. Случалось и другое: отдавая устно «не тот» приказ, вышестоящие начальники сплошь и рядом сваливали потом вину на подчиненных. Самый свежий пример — уже в

наше время командира группы спецназа капитана Ульмана отдали под суд за выполнение устного приказа, от которого вышестоящее начальство потом отказалось.

Ульману всего лишь приказали расстрелять нескольких чеченцев — на измену Родине это ни в каком ракурсе не тянет. А представляете себе, что значит, когда танковая дивизия в мирное время получает приказ занять столицу?! Любой нормальный командир шагу не сделает, не получив письменное подтверждение, ибо в этом его спасение от возможного трибунала. Или же приказ должен исходить от человека, наделенного поистине колоссальным авторитетом. Такой человек в министерстве обороны в то время был один, и отнюдь не министр Булганин, а его первый заместитель, маршал Жуков. Во-первых, он еще на войне приучил подчиненных выполнять свои приказы. А во-вторых — во многих грехах обвиняют маршала, но вот обвинения, что он отказывался подтвердить свои распоряжения, сваливая вину на подчиненных, — слышать не приходилось. Такой человек мог поднять войска и по телефону. А Булганин — не мог, ибо несмотря на высокий пост был для военных, по-прежнему измерявших командирский авторитет войной, никем. Так, член Военного совета фронта...

Впрочем, если верна первая версия и убийство Берии проводилось вообще без продуманного плана — то маршал, возможно, к путчу и не причастен, а замешан лишь в операции прикрытия. А вот если верна вторая и заговорщики первоначально действительно собирались арестовать Берию на заседании (и, естественно, тут же убить) — то он автоматически попадает в число заговорщиков. Что еще раз доказывает: империя не должна знать национальностей. Если бы «полководцем Победы» стал тот, кто должен был им стать — маршал Рокоссовский — возможно, история СССР развивалась бы иначе...

В одной лодке

Перед всеми этими прискорбными фактами и поставили — не то в 14 часов, не то чуть раньше — остальных членов Политбюро. Берия мертв, и с этим надо как-то дальше жить.

А для убедительности за спинами заговорщиков стояли генералы. Но и без генералов все сидели в одной лодке с путчистами.

Что бы произошло, если бы остальные члены Президиума ЦК не приняли переворота? Заговорщикам терять было нечего, на их стороне — сила. Скорее всего, Маленков разделил бы участь Берии, остальных, возможно, арестовали. Что дальше? Информация о происходящем выходит на поверхность. Как реагируют партия, армия, наконец, то же МВД, в каких пропорциях делятся они на сторонников и противников путча? Одно можно сказать точно: заговорщикам пришлось бы применить силу. Дальше — кровавая схватка в Москве, дезорганизация управления. Страна, которая и так находилась в сложном положении — только что умер Сталин, скатилась бы в хаос, к великой радости наших «друзей» из Англии и США, которые не преминули бы вбить клинья во все трещины и постараться довести события до гражданской войны, развала социалистической системы, распада СССР и т. д. К чему приводит раскол во властной верхушке, нам даже и объяснять не надо, мы всё видели во время «перестройки».

Это понимали все члены Президиума, без исключения. Поэтому дальнейшие их действия имеют своей целью только одно: скрыть факт убийства. Принято считать это трусостью и подлостью — но те, кто так говорит, рассматривают ситуацию исключительно с позиций личной чести. А между тем заложницей путчистов была страна. Хрущев все рассчитал точно — ни один из членов Президиума на такое не пошел.

В этом, кстати, еще одно доказательство того, что Берия к тому времени был мертв. Если бы существовала реальная альтернатива Хрущеву — то и генералы с пистолетами не заставили бы членов Президиума Совмина плясать на Пленуме ЦК под дудку путчистов. Но из этого следует еще одно непреложное условие — они должны были видеть Берию мертвым. Иначе они попросту не поверили бы ни Хрущеву, ни генералам. Предъявить его им могли только в Кремле, ибо массовая экскурсия членов Президиума куда-то еще неизвестно к каким последствиям могла бы привести, сумей кто-либо из них уйти из-под присмотра.

И тут можно вспомнить нелепую легенду о ковре — после ареста Берию якобы вывезли из Кремля, завернув в ковер. Именно нелепые, выбивающиеся из обычной логики вещи зачастую содержат в себе отзвуки реальных событий. Глупо закатывать в ковер живого человека, когда его можно просто связать, заткнуть рот и положить на пол машины. А вот труп — дело другое. Таскать мертвое тело второй персоны в государстве по коридорам Кремля не стоило, пожалуй, да и кровью все перепачкаешь. И в этом случае ковер был хорошим решением проблемы. Привезти, продемонстрировать, потом увезти и тут же сжечь — чтобы не осталось улик. Потому и не смог Цареградский снять отпечатки пальцев Берии — тела к тому времени уже не существовало.

...В общем, надо было как-то выкручиваться из создавшегося ужасного для всех положения — и в первую очередь ужасного для страны. И самым логичным — да, пожалуй, и единственно возможным решением стало то, которое было принято, — представить Берию «врагом народа». В конце концов, если могли Троцкий и Тухачевский, то почему не мог Берия?

Кстати, теми же побуждениями можно объяснить и поведение на Пленуме ЦК заместителей Берии по Спецкомитету Малышева и Завенягина, усердно поливавших грязью своего бывшего начальника. Не стоит считать их такими уж подлецами. У этих людей был свой заложник — Спецкомитет, атомный проект. Его и так предстояло тянуть дальше без Берии, а если бы сняли еще и их — кто бы пришел к руководству проектом и чем бы все это кончилось? А возможно, и прямо пригрозили: не скажете, что надо, сделаем то-то и то-то... Ну чего могли бояться и Малышев, и Завенягин, наверняка знавшие свои сроки, — оба они вскоре умрут от лучевой болезни, «профессиональной» болезни работников атомного проекта.

Постфактум

Дальнейшее не очень интересно, и много писать о нем смысла нет. Любопытен разве что один документ — он показывает, что «легенда об аресте» не сразу пришла в голову новым властям Советского Союза.

Документ 2.1.
Постановление президиума ЦК КПСС «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных антигосударственных действиях Берия». 29 июня 1953 г.

«1. Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному Прокурору СССР.

2. Обязать т. Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача».

Что здесь любопытного? То, что ни слова не говорится о начале следствия над *самим* Берией, но лишь о расследовании его дел через его окружение. Стало быть, идея объявить Берию арестованным окончательно утвердилась в светлых партийных головах уже после 29 июня. Что они думали сказать пленуму — что Берия убит при аресте? Повесился в тюрьме? Как бы то ни было, данное постановление — еще один аргумент за то, что после 26 июня Берии уже не было в живых.

(Кстати, если в диалоге Красовского и Долгушина заменить всего одно слово, он сразу обретает смысл. Если командующий ВВС сказал не «Берия арестован», а «Берия убит», то ситуация становится однозначной: произошла попытка государственного переворота, по ходу подавления которой, возможно, надо будет задействовать авиацию. Иначе придется включить, как минимум, Красовского, а возможно, и Долгушина в число заговорщиков. В принципе, ничего невозможного здесь нет, учитывая, что начальник штаба ВВС Батицкий участвовал в *акции*, но и оснований для такого заявления тоже не имеется.)

...Арест, конечно, политически намного выгодней смерти «при попытке сопротивления». Но, объявляя Берию арестованным, а не погибшим, заговорщики снова отчаянно рисковали — ведь пленум мог потребовать дать ему слово, и как тогда быть? Поэтому надо было вылить столько грязи, так ошеломить людей, чтобы ни у кого даже мысли подобной не возникло — ни тогда, ни потом. И шельмование «врага народа Берии» устроили по полной программе, в спешке и с перепугу перестаравшись и вылепив образ монстра, чудовища. Едва ли они того хотели, их бы устроил обычный вариант — просто так вышло.

Не потому ли Молотов сразу начинал путать и мямлить, едва Чуев спрашивал у него о Берии, — стыдно, наверное, было старику, ну а правду — как расскажешь? Каганович просто уходил от этих разговоров. Разве что Хрущев вел их с удовольствием — но он был организатором убийства, его положение обязывало. Однако и у него какие-то зачатки совести, по-видимому, шевелились. Едва улеглись страсти, как тут же освободили из тюрьмы жену и сына Берии и даже дали Серго возможность работать по специальности — это когда у нас детей «врагов народа» допускали к закрытым работам? Стоило ему попросить о переводе из Свердловска, куда его поначалу выслали, в город с другим климатом, как ему тут же предложили выбрать новое место жительства. Киев? Без проблем! Дали хорошую квартиру, специально «под него» создали научную группу...

...Они, может статься, и рады были хотя бы морально реабилитировать Берию — не такие уж сволочи сидели у нас наверху, — однако это было уже невозможно. И тогда его просто постарались вычеркнуть из истории. Не говорить ни хорошего, ни плохого. Забыть. Получилось только хуже...

Кажется, картина ясна? Да ничего подобного! Все только еще больше запутывается, поскольку мотив по-прежнему непонятен. За что?

Слона-то я и не приметил...
Крылов

Глава 3
КОГО УБИЛИ 26 ИЮНЯ?

Хрущев если и говорит когда-либо правду, то исключительно по недосмотру. Однако и во лжи есть свой смысл. Никита Сергеевич не знает чувства меры. Поэтому коль скоро он что-нибудь особо активно утверждает, это дает повод заподозрить: он пытается скрыть тот факт, что на самом деле все было совсем наоборот.

Живой пример: в речи на XX съезде Хрущев так настойчиво и упорно говорил о всевластии Сталина, что это побудило меня начать разбираться — а как было на самом деле? Результаты оказались интереснейшими и привели к совершенно другому взгляду на довоенную советскую историю вообще и на «тридцать седьмой год» в частности.

Но для данной книги важно другое утверждение: явно с подачи хрущевцев все время муссируется легенда, что Сталин-де настолько боялся за свою власть, что не подготовил себе наследника.

Между тем, если говорить о реальном Сталине, а не придуманном нашей пишущей интеллигенцией тиране, — это, конечно же, бред. Вождь, каким он был на самом деле, человек чрезвычайно осторожный и предусмотрительный, не мог не думать, что будет со страной в случае его смерти, и не позаботиться о передаче власти.

Психологически это нонсенс. А значит, знал и позаботился, чтобы было кому в случае чего перехватить штурвал. И если хрущевские идеологи столь упорно вбивают в головы, что это не так, — стало быть, на то есть своя причина. Интересно, какая?

Кто мог стать наследником вождя?

По всей видимости, первым по времени преемником был Киров. Знаю, знаю, скажут, что он не слишком-то годился для управления государством, — но Сталину приходилось выбирать не из тех, кто годился, а из тех, кто был в наличии, кадровым резервом он не располагал. Из сталинских единомышленников начала 30-х годов Киров — единственный подходящий кандидат.

Какие качества требовались от преемника вождя? Для Сталина всегда приоритетом была экономика, поэтому руководителем государства после него мог стать только человек, имеющий опыт комплексного управления крупным регионом. Таковых в Политбюро было трое: Киров, Орджоникидзе и Косиор. Последний не подходил по многим причинам. Отсутствие образования, склонность к силовым методам, неумение руководить, что в очередной раз было доказано голодом 1933 года на Украине. Наконец, национальность — Россия, конечно, империя по своему менталитету, но ставить во главе государства поляка — это уж слишком. Орджоникидзе также не годился по причине национальности, которой Сталин придавал большое значение — пожалуй, даже чрезмерно большое. Впрочем, Орджоникидзе не подходил еще и по своему характеру — он был невероятно вспыльчив и, чуть что, пускал в ход руки. В ходе очередной партийной склоки конца 20-х годов Берии приписывали фразу: «Если бы не я, Серго перестрелял бы все Закавказье». Не факт, что Берия действительно это сказал, однако на пустом месте такие сплетни не растут. Да и экономикой Орджоникидзе руководил не так чтобы уж очень замечательно. Киров же был русским, по характеру вполне вменяемым и вверенным ему регионом — Ленинградской областью, включавшей тогда почти весь Северо-Запад, — управлял довольно неплохо. Кроме того, он был сильным лидером, если сумел подчинить после Зиновьева такой сложный город, как Ленинград, — а ведь подчинил и пользовался любовью населения. Едва ли в ком-либо еще Сталин мог найти такое сочетание подходящих качеств.

Кроме того, в этом случае получает дополнительное обоснование тот факт, что убит был именно Киров. Это же так

естественно — пытаясь взять власть, ударить сначала по преемнику, а потом уже по главе государства. (Когда серьезно заболел испанский диктатор генерал Франко, жертвой покушения оппозиционеров стал не умирающий вождь, а его преемник, адмирал Карреро Бланко. Логика здесь элементарная: Франко и так умрет, а наследника за один день не воспитаешь, и власть сама падает в руки оппозиции.) Сталину было уже хорошо за пятьдесят, он имел серьезные проблемы со здоровьем. Это потом выяснилось, что вождь способен вынести столько, сколько надо, — а тогда могло казаться иначе. Тем более Сталин был самым мягким человеком из всей находившейся у власти команды, не склонным к репрессиям до тех пор, пока еще хоть как-то можно терпеть, — также аргумент за то, чтобы начать не с него...

Это, конечно, логические измышления — но все равно больше никто из советской верхушки на роль главы государства не подходит.

Кого избрал Сталин своим преемником после убийства Кирова — непонятно. Возможно, это был Жданов — не зря он получил Ленинград. Кроме того, мне приходилось слышать, что Жданов имел на сталинской даче собственный кабинет — а это, знаете ли, кое о чем говорит. Даже если он был личным другом Сталина — что с того? Ворошилов тоже им был — а кабинета в Кунцево не имел...

Но тем временем в Закавказье рос совершенно уникальный хозяйственник — и Сталин не мог этого не видеть.

«Закавказское чудо»

До революции Закавказье было нищей национальной окраиной Российской империи. После 1917 года положение не особенно изменилось. Столь горестно оплакиваемые нашими «демократами» «старые большевики» занимались чем угодно — политикой, национальным вопросом, интригами и склоками — только не хозяйством. В конце 20-х годов проблем в закавказский котел подбавила коллективизация, осложнившаяся крестьянскими бунтами. И вот посреди всего этого — в регионе без промышленности, с агонизирующим сельским хозяйством, с уровнем жизни народа, запредельно

низким даже по меркам 20-х годов, — и оказался 32-летний Лаврентий Берия, бывший председатель ОГПУ Закавказья.

История его назначения проста и печальна: лютый кадровый голод, который испытывал в ту пору Советский Союз. Едва ли даже Сталин мог разглядеть в начальнике ОГПУ будущего экономического гения. Берия мог импонировать вождю лишь одним: своими деловыми качествами, вот его и поставили — как бы ни работал, хуже не будет, ибо хуже некуда. Поскольку закавказское руководство занималось в основном склоками, а не делом, то Берия пошел вперед, как ледокол по ноябрьскому ледку. Первым секретарем ЦК ВКП(б) Грузии его назначили в декабре 1931 года, а уже в октябре 1932-го он становится хозяином всего Закавказского региона. Многого от него не требовалось. Закавказье интересовало страну лишь своей нефтью и марганцем, а все остальное... Как-нибудь управится. Однако Берия управился не «как-нибудь»: за семь лет руководства он поднял регион до того, что закавказские республики стали самыми богатыми в стране.

Да, не спорю, везде в СССР в то время был промышленный подъем. Но многое зависело и от местного начальства. Например, в другом, еще более благословенном краю — на Украине — в 1933 году, при общем вполне приличном положении с хлебом, случился голод. Вот и пойми, как товарищ Косиор такое сумел? В Закавказье, при несравненно более тяжелом состоянии сельского хозяйства, с голоду не умирали. А «благословенным краем» не для заезжих визитеров, а для собственного населения оно стало лишь в 30-е годы.

В 1939 году в Тбилиси была издана официальная биография Берии. После очень краткого изложения основных моментов его жизни идет главная часть книги — отчет об успехах хозяйства республики: цифры, факты, названия предприятий и пр. Простые и остроумные экономические решения, позволившие совершить то, что можно назвать «закавказским чудом».

Взять хотя бы мандарины. Любой посетитель рынка знает, что абхазские мандарины вкуснее даже марокканских, не говоря уже о прочих. Между тем за всю историю края почему-то никто не додумался сделать на них ставку. Равно как и

на чай, и на прочие субтропические культуры. Интересно, почему?

Цитата 3.1. Из биографии Л.П. Берии. 1939 г.

«Чайные плантации занимали в 1932 году около 19 тыс. гектаров... На 1 января 1940 года площадь чайных плантаций в Грузии доведена до 47 144 гектаров... Чай стал источником благосостояния колхозного крестьянства Западной Грузии. Колхозы в 1939 году получили от государства за сданный чайный лист свыше 80 млн рублей. Для переработки чайного листа выстроено 35 чайных фабрик...

Об успехах в деле развития чайной культуры свидетельствуют данные о валовом сборе чайного листа. В 1932 году его было заготовлено 1 200 000 килограммов, а сбор урожая 1939 года составил около 45 млн килограммов при плане в 43 100 000.

Такой огромный рост объясняется не только увеличением площади плантаций, но и планомерной систематической работой по повышению урожайности чайного листа, которая в 1932 году не превышала 750 килограммов на гектар, а сейчас сплошь и рядом составляет 3000—4000 килограммов и больше.

Товарищ Л. Берия провел громадную работу, направленную к улучшению ухода за плантациями. В своей речи на III Пленуме ЦК КП(б) Грузии в мае 1935 года товарищ Л. Берия говорил:

"Если можно выразиться образно — чай является ажурным хозяйством. Чайная плантация напоминает хорошо вытканный восточный ковер. Как ковроткачиха внимательно и точно работает над ковром, так внимательно, заботливо и точно нужно работать и над ковром наших чайных плантаций. Если куст не вовремя срезать или не дорезать, то его можно испортить; если перерезать сверх нормы, то тоже можно испортить. Чай требует культурного подхода к себе". (Перечитайте еще раз «письма из подземелья» — похоже? Хорошо, пусть это писал не Берия, а считающийся его «спичрайтером» Меркулов — давайте сравним с «письмами Меркулова». Похоже? — *Е.П.)*

Товарищ Л. Берия требовал от работников чайных районов "не только знать агротехнику чайной культуры, но и

уметь организовывать производство, все процессы, связанные с ним, уметь организовывать труд, правильно расставлять кадры"...

Исключительно большая работа проведена в Грузии по развитию цитрусовых культур. В 1930 году площадь, которую занимали эти культуры, составляла всего 1446 га, причем плантации были хаотично разбросаны и малоурожайны. Урожайность цитрусовых плодов была крайне низкой, в среднем одно мандариновое дерево давало не больше 100 плодов.

Такая площадь и урожайность ни в коей мере не соответствовали имеющимся возможностям, и товарищ Л. Берия во всю ширь поставил вопрос о всемерном развитии цитрусовых культур. Уже в 1934 году было заложено 383 гектара и в 1935 году — 846 гектаров новых плантаций.

База для дальнейшего расширения площадей цитрусовых культур была создана, и ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР утвердит план доведения площади цитрусовых плантаций в Грузии к концу 1940 года до 20 тысяч га...

В результате этой работы Грузия уже теперь снабжает весь Советский Союз цитрусовыми плодами. Сбор их увеличивается из года в год. В 1938 году было собрано свыше 250 млн плодов, а в 1939 году — почти вдвое больше. Площадь плантаций возрастает в точном соответствии с планом и к 1 января 1940 года уже составляет 17 122 гектара. Растет урожайность — сбор мандаринов с одного дерева увеличился втрое, а в ряде хозяйств имеется немало деревьев, дающих по 2000—2500 плодов...

Виноградарство — одна из важнейших отраслей сельского хозяйства Грузии — к моменту установления советской власти было совершенно развалено. Первые годы советской власти работа по виноградарству была направлена на то, чтобы приостановить катастрофическое уничтожение виноградников вредителем филлоксерой. Новых закладок не было, не принимались меры к повышению урожайности винограда...

Лишь впоследствии, под руководством товарища Л. Берия, развернулась работа по развитию и подъему виноградарства... Борьба за осуществление директив партии и правительства обеспечила доведение площади виноградников в Грузии к 1 января 1940 года до 48 331 га против 37 000 га в 1936 году. Созда-

на база для увеличения площади виноградников к концу третьей пятилетки еще на 20 000 га.

Рост площадей под виноградниками сопровождается неуклонным повышением урожайности и улучшением качества продукции виноделия. Особое внимание уделяется развитию шампанских сортов...

Правильное определение линии развития и направления сельского хозяйства Грузии и борьба за использование всех возможностей, заложенных в природных и климатических условиях, обеспечили широкое распространение новых, весьма важных для народного хозяйства субтропических культур.

Первые плантации тунга, дающего весьма ценное для многих отраслей промышленности масло, появились в 1932 году, а сейчас они занимают уже свыше 16 000 га. До 10 млн эвкалиптовых деревьев, осушающих почву, оздоровляющих малярийные местности, дающих ценную древесину и эфирные масла, высажено в субтропических районах Грузии. В несколько раз выросла площадь эфиромасличных культур, дающих сырье для парфюмерной промышленности. Быстро растут площади насаждений благородного лавра, рами, мушмалы, фейхоа, инжира, граната, хурмы. Увеличилась в несколько раз продукция плодоводства. Неуклонно идет по пути дальнейшего подъема животноводство...»

И вот тут крупное сельскохозяйственное производство оправдало себя на сто процентов! Субтропические культуры — дорогие, и через несколько лет колхозы Грузии стали богатеть. В 1936 году их общий доход составил 235 млн руб., в 1937 году — 315 млн руб., в 1938 году — 366 млн руб., а в 1939 году — более 500 млн. Лучший стимул для людей — материальный: видя такое дело, крестьяне без всякого принуждения пошли в колхозы. К 1939 году в них было объединено 86 % крестьянских хозяйств. И никаких бунтов.

***Из биографии Л. П. Берии. 1939** г.*

«Огромное значение для социалистического сельского хозяйства Грузии имеют работы по осушению и сельскохозяйственному освоению Колхидской низменности. Под непосредственным руководством товарища Л. Берия проведены грандиозные работы, направленные к превращению 220 000 га вековых не-

проходимых болот, очага злостной губительной малярии, в цветущий сад...

На участках работ первой очереди уже осушено и передано для освоения 18 000 га. На этих отвоеванных у болот землях заложено до 2000 га плантаций субтропических культур, выросли новые колхозные поселки, куда переехали колхозники из малоземельных горных районов Грузии.

Товарищ Л. Берия лично занимался всеми вопросами, связанными с осушением Колхиды, с организацией переселенческого дела, в частности, сам выбирал и указывал места для строительства новых поселков, рассматривал проекты жилых домов, заботясь о максимальных удобствах для колхозников-переселенцев. Эти новые поселки являются во всех отношениях благоустроенными и культурными колхозными селами...»

Цитата 3.2. *«При Л. Берия Грузия превратилась в страну, производящую в промышленных масштабах высокоценные специальные и технические культуры,* — пишет исследователь Алексей Топтыгин. — *Берия знал цену разным методам руководства: отдельным культурам и формам организации производства посвящались пленумы ЦК, проводились съезды колхозников, выставки, активно задействовалось социалистическое соревнование, портреты передовиков производства не сходили с первых полос газет и обложек журналов. Но самое главное — Берия очень четко понимал значимость материального стимулирования колхозников».*

Он и впоследствии все это понимал. Сергей Кремлев приводит воспоминания Ю. Гусева, работника одного из крупнейших атомных объектов — «Арзамаса-16», который, со слов руководителя этого объекта Б. Г. Музрукова, рассказывает следующую историю:

Цитата 3.3. *«Перед одним из очередных приездов Берии, в 1951 году, Музрукову на комбинат позвонили из Москвы и сообщили, что накануне, на одном из предприятий... Берия снял с работы директора за невнимание к развитию социальной сферы объекта. Б. Г. Музруков, встретив Л.П. Берию, также предполагал с его стороны вопросы в первую очередь по социальной сфере, но тот попросил показать вначале производство. Затем, по пути в гостиницу, он увидел стройку и спросил: "А что*

это?" Борис Глебович объяснил, что здесь будут новые жилые дома. И Берия сказал: "Вот это хорошо..."».

Или возьмем другую историю, рассказанную начальником тыла Красной Армии во время войны Хрулевым. Он вспоминал, как Берия, пользуясь тем, что Сталин не читая подписывал документы, представленные людьми, которым он доверял, «сотнями тысяч заказывал валенки за счет военного ведомства». Обманывал он Сталина или же нет... но задумаемся о другом — а зачем нужны были Берии эти сотни тысяч валенок? Войска НКВД и лагеря снабжались по норме. Кто эти люди, на которых лимиты были не положены?

Задумавшись над этим, я вспомнила историю, которую рассказала мне петербургская писательница Ирина Измайлова. Ее мать, конструктор военной техники, эвакуировалась летом 1941 года из Ленинграда вместе с Ижорским заводом. Им говорили: «Не берите много вещей, мы едем всего на несколько месяцев, до зимы вернемся обратно». И так получилось, что шубу она взяла, а валенки — нет, и всю лютую первую военную зиму проходила в туфельках. Валенки выдали только осенью 1942 года. А теперь вспомним, что до февраля 1942 года танковое производство находилось в ведении Молотова, а потом перешло к Берии. По крайней мере, других потребителей украденных у армии «сотен тысяч валенок», кроме работников оборонных заводов, отыскать трудно.

Но вернемся, впрочем, за Кавказский хребет. В 1932 году начались преобразования и в промышленности. Немного цифр. За первую пятилетку объем валовой промышленности Грузии увеличился почти в 6 раз, за вторую — в 5 раз. При этом надо учесть, что первый показатель отсчитывался от 37,5 млн руб. — в эту сумму оценивалась валовая продукция в 1927 году, а в 1932-м она составила 257,5 млн. С этой цифры и стартовала вторая пятилетка, которая была перевыполнена по всем показателям.

При этом рост достигался не сиюминутным «ускорением». Об этом можно судить по тому, что по-настоящему промышленность Грузии стала расти, когда Берии в Закавказье уже не было, — такую инерцию сумел придать ей этот чело-

век. Так, при нем была реконструирована угольная промышленность республики, а отдача пошла уже после его ухода в Москву — в 1940 году добыча угля возросла почти вдвое по сравнению с 1938 годом. На Чиатурских марганцевых рудниках была механизирована добыча руды. Появились в прежде отсталой республике и новые виды промышленности — нефтяная, машиностроительная. В Азербайджане резко увеличилась добыча нефти.

***Цитата 3.4. Из биографии Л. П. Берии. 1940** г.*

«В результате проведенной под руководством товарища Л. Берия работы, в Грузии за последние годы возник ряд новых отраслей промышленности — машиностроения, ферросплавов, нефтяная, шелковая, чайная, благородных и редких металлов и т. д. О размахе этой работы можно судить по объему капитальных вложений. В течение первой пятилетки они составили 334,9 млн рублей, а во втором пятилетии возросли до 960,5 млн рублей. В первый год третьей пятилетки в промышленность Грузии было вложено 200 млн рублей...

Совершенно новой отраслью в Грузии является машиностроение. Ряд сложных машин выпускают заводы имени Орджоникидзе и имени 26 комиссаров. Осваивает производство станков завод имени Кирова. Батумский машиностроительный завод снабжает чайную и пищевую промышленность машинами, которые прежде ввозились из-за границы.

Исключительный рост имеется в области пищевой промышленности. Для переработки урожая чайных плантаций выстроено 35 чайных фабрик. В 1939 году они выпустили свыше 12,5 тысяч тонн чая. Из года в год растет продукция винодельческой промышленности, заканчивается стройка Авчальского комбината по производству шампанского, мощностью в 4 млн бутылок в год. В несколько раз возросла продукция консервной промышленности. В Батуми выстроен крупнейший комбинат для переработки цитрусовых плодов, рассчитанный на выпуск 8 млн банок цитрусовых консервов в год...

Шелкомотальные и шелкоткацкие фабрики, среди которых имеются такие крупные предприятия, как Кутаисский шел¬комбинат им. Бакрадзе с 2000 рабочих, ежегодно увеличивают выпуск высококачественных шелковых тканей. Выросло производство обуви. Производительность только одной Тбилис-

ской новой обувной фабрики имени Л. П. Берия достигает 6 млн пар обуви в год, а в 1932 году всего в Грузии было выпущено 200 тысяч пар обуви. В Тбилиси заканчивается строительство крупнейшего трикотажного комбината».

Задумано было и превращение Тбилиси в «образцовый социалистический город», но планы этого превращения разрабатывались куда более умно, чем произведенная впоследствии реконструкция Москвы. Берия лично курировал строительство — уж это-то он мог превосходно, все-таки он был строителем не только по призванию, но и по образованию. При нем же Грузия стала и «курортной столицей СССР» — началось массовое строительство санаториев всех уровней, от центральных здравниц до домов отдыха отдельных предприятий.

Одной из самых трудных проблем предвоенного СССР являлось образование. В конце XIX века уровень грамотности в Грузии составлял всего 20 %, притом, что в целом по стране грамотных было около 50 % населения. Уже к 1938 году республика по уровню образованности вышла на одно из первых мест в стране, а по числу студентов на душу населения обогнала Францию и Германию. В городах начался переход от всеобщего начального к семилетнему образованию, и даже в деревне большинство крестьян теперь умели читать и писать.

...В 1953 году на заседании, посвященном положению в Германии, где тоже в то время был голод и тоже бунты, Берия сказал немецким руководителям потрясающую фразу: «Вы не любите свой народ!» Кажется, теперь понятно, что имел он в виду под этими словами...

В честь кого назвали Серго?

Мог ли Сталин не заметить такого хозяйственника — вопрос бессмысленный. Уже в 30-е годы Берия стал не то что на голову выше прочих региональных руководителей — это другой этаж, причем не соседний. Но и личные отношения между ними были куда ближе, чем принято думать.

Почему-то считается, что «путевку в жизнь» Берии дал Орджоникидзе. Однако Орджоникидзе, председатель За-

кавказского крайкома, сидел слишком высоко, чтобы заниматься делами двадцатилетнего парня, пусть даже многообещающего. Однако вспомним: где жил Берия в 1921 году и где начинал чекистскую карьеру? В Баку А первым секретарем ЦК Азербайджана в то время был очень известный большевик — все тот же Сергей Миронович Киров. Познакомились они еще раньше, когда Берия был резидентом военной разведки в меньшевистской Грузии, а Киров там же — представителем Советской России. Кстати, и рекомендацию в члены ЦК в 1934 году дал Берии не Орджоникидзе, а именно Киров. И в этом случае все поворачивается несколько иным боком, поскольку Киров являлся личным другом Сталина, а после смерти жены и самым близким человеком, и его слово значило для вождя много.

Среди воспоминаний Серго Берия имеется одно очень любопытное (и, похоже, достоверное). Зимой 1934 года на XVII съезд партии Берия зачем-то поехал с семьей. После съезда к ним в московскую квартиру пришли гости, в их числе Молотов, Орджоникидзе, Киров — они поздравляли Берию с избранием в ЦК. Потом поехали к Сталину на дачу, причем Серго оказался в одной машине с вождем. На даче Сталин же укладывал его спать — мальчишка потом, когда остался один, отправился «на разведку» и обнаружил, что в доме идет праздник.

Вот и вопрос: где были мама и папа в то время, когда Сталин занимался их ребенком? Зачем вообще Берия брал семью в Москву зимой, далеко не в самое лучшее время для посещения столицы? У мальчика даже теплой одежды не было... Явно он хотел показать жену и сына кому-то, с кем не так просто было встретиться в Москве. Причем этот «кто-то», судя по всему, останавливался на сталинской даче, иначе почему именно у Сталина устроили праздник по поводу избрания Берии в ЦК? Да и во время съезда Сергей Миронович дважды приходил к ним в гости и вел себя как хороший знакомый, если не друг. Кстати, считается, что Берия назвал сына Серго в честь Орджоникидзе. Интересно, откуда такая уверенность?

Берия мог заменить вождю Кирова в политическом плане — но не в личном, конечно. Друзьями они со Сталиным

при двадцати годах разницы и кавказском менталитете стать не могли, тем более что Берия по характеру был человеком стеснительным. Однако вождю он был близок, о чем свидетельствуют, например, его фотографии со Светланой — Сталин не имел обыкновения позволять всем и каждому фотографироваться со своей дочерью. Да и другие нюансы тоже...

Вождь, например, контролировал, как Берия живет. В сентябре 1936 года он приехал в Тбилиси, пришел к нему домой. По воспоминаниям Серго, осмотрел квартиру, сказал: «Скромно живешь, молодец!», но потребовал, чтобы первый секретарь перебрался в отдельный дом. Резон в этом был — обстановка в стране обострилась, а особняк охранять гораздо легче, чем квартиру в многоэтажном доме. Да и в случае удачного покушения жертв меньше.

А после переезда в Москву и вовсе началось нечто странное. Вот еще несколько отрывков из воспоминаний Серго. Когда его отец уехал из Закавказья, Нина Теймуразовна отказалась покинуть Тбилиси. Сталин пришел к Берии в гости, осмотрел квартиру, спросил, где жена. Услышав ответ, страшно возмутился. Вызвал начальника охраны Власика и велел тому отправиться в Тбилиси и привезти семью товарища Берия. Власик поехал сам, лично, и решил вопрос просто, дав 24 часа на сборы. Но «инспекции» продолжались и дальше. Серго вспоминает:

«Когда мы переехали из Тбилиси в Москву, отец получил квартиру в правительственном доме, его называли еще Домом политкаторжанина. Жили там наркомы, крупные военные, некоторые члены ЦК. Как-то в нашу квартиру заглянул Сталин: "Нечего в муравейнике жить, переезжайте в Кремль!" Мама не захотела. "Ладно, — сказал Сталин. — Как хотите. Тогда распоряжусь, пусть какой-то особняк подберут".

И дачу мы сменили после его приезда. В районе села Ильинское, что по Рублевскому шоссе, был у нас небольшой домик из трех комнатушек. Сталин приехал, осмотрел и говорит: "Я в ссылке лучше жил". И нас переселили...»

Нет свидетельств, чтобы вождь так настойчиво и систематически опекал кого-либо еще. А это говорит о том, что относился он к Берии более внимательно, чем к прочим.

И еще один нюанс. Василевский, начальник генштаба, в годы войны вспоминал, что чем ближе человек стоял к Сталину, тем больше ему приходилось выносить от вождя несправедливости. А уж Берии доставалось, как никому другому, об этом вспоминают многие...

Так кто был преемником Сталина?

Это все так, штрихи к портрету. Вернемся, однако, к проблеме «наследника». В 1938 году Берия стал наркомом внутренних дел — но уже тогда Сталин, как мы помним, предложил ему перебраться на жительство в Кремль, что наркому было явно не по рангу. В 1941 году, перед войной, Берия был назначен заместителем председателя Совнаркома. Но дело не в чинах. Заместителей Сталин имел много, однако не все они были равноценны и равноправны. Кто есть кто, показала война.

Перед войной властная пирамида в СССР строилась по весьма своеобразному принципу, напоминающему матрешку. ЦК руководил партией, Совнарком — государством, партия тоже пыталась руководить государством, и страна от такого осуществления власти упала бы замертво, если бы не рулила всем одна и та же группа людей: члены Политбюро занимали крупнейшие государственные посты, наркомы были членами ЦК и пр. Внутри руководящей группы распоряжалась всем другая, поменьше, внутри этой пряталось еще более узкое руководство и т. д. А в самом центре находились Сталин и еще кто-то — самое узкое из всех узких руководств. В 30-е годы это была «двойка» — Сталин и Молотов. А в 1941-м?

Обратимся к хронике последнего предвоенного дня. Вечером 21 июня у Сталина в Кремле собралось совещание, посвященное ожидаемому в эту ночь нападению Германии. Участников было довольно много, однако нас интересует не кто там присутствовал, а кто остался, когда все ушли. Их было четверо: сам Сталин, Молотов, Берия и Воронцов, военно-морской атташе в Германии (и, естественно, по совместительству разведчик). В одиннадцать часов они покинули кабинет. К сожалению, опубликован только журнал приема

посетителей, но не журнал передвижений самого Сталина, однако нетрудно догадаться, куда все отправились (кроме, может быть, Воронцова), — как обычно после поздних заседаний, в кремлевскую квартиру Сталина, обедать. В 5 часов 45 минут Молотов и Берия снова появились в сталинском кабинете, на сей раз вместе с наркомом обороны Тимошенко, начальником Генштаба Жуковым и начальником Политуправления РККА Мехлисом. По-видимому, с ними пришел и вождь.

Нетрудно догадаться, что происходило ночью. Сталинские обеды, которые по совместительству были рабочими заседаниями, длились по несколько часов — да и трудно предположить, что в такое время руководство СССР могло отправиться по домам. В 3.30 им сообщили о начале бомбежек, и они, по логике вещей, должны были поехать в Министерство обороны, чтобы просмотреть сообщения с мест без задержек и без посредников, — и уже оттуда, вместе с военными, вернулись в сталинский кабинет.

Простая логика: те люди, которые остались на сталинской квартире ждать войны, и были ядром советского руководства. Три человека: Сталин, Молотов, Берия. Те же люди, и плюс к ним Ворошилов и Маленков, составили и высшее руководство СССР во время войны — Государственный Комитет Обороны.

До войны Сталин основные усилия направлял на руководство оборонной промышленностью, доверив армию генералам, — в самом деле, нельзя же объять необъятное. Существует множество свидетельств, что он очень плотно курировал «оборонку», и крайне мало данных о том, что вождь занимался военными делами (но не военной наукой — ею он интересовался всерьез. Предчувствовал, не иначе...) События начала войны складывались так, что вождь вынужден был взять на себя руководство военными действиями — другого человека, способного вести такую войну, в СССР не имелось. Однако став Верховным Главнокомандующим, Сталин неминуемо должен был опереться на «главнокомандующего тылом» или хотя бы отдать в другие руки оборонную промышленность. И вот тут-то начинается путаница. Во-первых, обязанности в ГКО все время перераспределя-

лись. Во-вторых, военной экономикой историки практически не интересовались, и сведений о ней чрезвычайно мало.

Московский историк Георгий Куманев пишет: «Между членами ближайшего сталинского окружения были распределены обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, в ведении Молотова стали находиться вопросы производства танков, Маленкова — самолетов и авиационных моторов, Вознесенского — вооружения и боеприпасов, Микояна — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Берия — самолетов и ракетной техники, Кагановича и Андреева — транспортные перевозки».

В принципе, все понятно и логично, кроме одного — почему вдруг Микояну, занимавшемуся торговлей, «выделили» производство горючего. Однако «сталинский нарком» Новиков вспоминает другое: «Мы, т. е. наркомат вооружения, накануне Отечественной войны подчинялись Николаю Алексеевичу Вознесенскому... В начале войны нас передали другому заместителю главы правительства — Лаврентию Берия. Под его кураторство перешел и наркомат боеприпасов СССР.. Он еще курировал угольную и нефтяную промышленность, т. е. основную часть военной промышленности, кроме авиации и танков, контролировал Берия».

Это больше похоже на правду: Берия еще в Закавказье имел прямое отношение к нефтедобыче, он даже трудовую деятельность начинал на нефтеперерабатывающем заводе. Нарком нефтяной промышленности Байбаков тоже в своих мемуарах постоянно жаловался на то, как трудно было работать «под Берией». Да и в «черновике Маленкова» говорится: «назначить министром нефтяной промышленности».

В феврале 1942 года к Берии от Молотова перешла танковая промышленность, и лишь авиация осталась в сфере ответственности Маленкова. К этому стоит добавить, что как зампред Совнаркома Берия курировал еще и производство цветных металлов — сложнейшую отрасль промышленности, с огромной номенклатурой, трудоемкими и наукоемкими производствами. Кроме того, в качестве наркома

внутренних дел он руководил эвакуацией, — координация которой, согласно мобилизационным планам, была возложена на НКВД. Но и это еще не все.

Есть такая книжка: «Сталинские наркомы рассказывают», составленная московским историком Г. Куманевым. В ней можно найти немало интересного. В частности, когда возник конфликт между управлением военных сообщений, НКПС и маршалом Куликом, разруливать его от ГКО пришел почему-то Берия, хотя, казалось бы, к транспортным делам он ни малейшего отношения не имел.

В 1942 году было создано Оперативное бюро ГКО — орган, который руководил всей жизнью СССР, кроме армейских дел. В мае 1944 года председателем Оперативного бюро стал Берия. С этого момента он официально являлся вторым лицом в государстве.

После войны Оперативное бюро ГКО трансформировалось в Оперативное бюро Совета Министров, потом в Бюро Совмина. И до 1950 года данным органом руководил Берия. В зоне его влияния была вся работа по управлению экономикой, плюс к тому кураторство над силовыми ведомствами — МВД, МГБ, Министерство госконтроля. Вне сферы его ответственности оставались лишь МИД и армия — дела, к которым он никогда касательства не имел. По сути, Сталин и Берия поделили между собой власть в стране, при этом Сталин, естественно, приглядывал за «бериевской» половиной.

Ну и что — остается ли при таком положении дел место для рассуждений о том, кто должен был стать преемником Сталина? Исходя из того, что преемника невозможно воспитать за полгода-год?

Любопытную фразу сказал старейший работник атомного проекта Алексей Кондратьев в интервью Роману Газенко. Было ему в описываемое время лет шестнадцать, так что едва ли у него имелись какие-то свои мысли по поводу государственного устройства — он слушал то, что говорили вокруг старшие. И вот среди текста Кондратьев выдает вдруг такую фразу: «Все знали, и мы знали, что Лаврентий Павлович будет после Сталина». «Все знали» — это как понимать? Весь атомный проект? Или же вся страна?

Давайте зададим себе простой вопрос: кто весной 1953 года был в СССР главой государства (не считая, разумеется, председателя Президиума Верховного Совета товарища Ворошилова)? Ответ на этот вопрос существует и всем известен: председатель Совета министров товарищ Маленков. Ну что ж, тогда зададим аналогичный вопрос: а кто в 1937 году был главой государства (не считая товарища Калинина)? И дадим аналогичный ответ: председатель Совета народных комиссаров товарищ Молотов. А что, не так, что ли?

Была у Сталина одна особенность характера, в конечном итоге чрезвычайно дорого обошедшаяся стране. Начиная, как минимум, с 1930 года его упорно втаскивали во власть, а он так же упорно сопротивлялся. Возможно, все дело было в его национальных комплексах. Уже давным-давно ни одного психически нормального человека в Советском Союзе не волновал грузинский акцент главы государства — а он все равно старательно выпихивал вперед русских: Молотова вместо себя, Жукова вместо Рокоссовского...

Берия же оказался еще в более сложном положении: грузин после грузина на главном посту страны. Да, конечно, Сталин и Берия были людьми разных национальностей, но кто вне пределов Кавказа понимал разницу между грузином и мингрелом? На самом деле все это надуманные страхи, и после очередного снижения цен страна точно так же рукоплескала бы Берии, удивляясь, как такая маленькая республика сумела дать двоих столь великих сынов, и рассуждая о том, что русский определяется не по крови, а по душе. Но у Лаврентия Павловича тоже могли существовать свои национальные комплексы, или же он считался со сталинскими, или просто не хотел верховной власти, а может, тут имелись еще какие-то причины.

Например, вот причина простая и очень прозаичная: болезнь. Берия после войны начал стремительно стареть. В 1953 году ему было всего-то 54 года, а выглядел он лет на десять старше. Отца одной моей знакомой, крупного конструктора, он принимал в своем кабинете лежа, что того чрезвычайно удивило. Можно предположить и диагноз — «про-

фессиональная» болезнь членов Атомного комитета, та, от которой вскоре умрут Малышев и Завенягин, ездившие по тем же объектам, что и Берия, и лазившие по тем же атомным полигонам. Лучевая болезнь, в то время еще практически неизученная, по которой врачи едва ли могли бы дать прогноз. В этом случае, действительно, не стоило рисковать новым переделом власти...

Как бы то ни было, председателем Совмина Берия не стал. Однако существуют признаки неформальные, косвенные, но красноречивые. Члены Политбюро относились друг к другу по-товарищески, но кое-где существовала определенная иерархия. Например, у гроба товарища. Давайте сравним две фотографии: похороны Калинина (1946 г.) и похороны Сталина (1953 г.). На первой сталинское место — спереди слева, спереди справа идет Молотов. На второй сталинское место занимает Берия, вместо Молотова рядом с ним находится Маленков.

Короче говоря: неужели так удивительно, что система власти весной 1953 года воспроизвела довоенную сталинскую систему? Заведомо слабая фигура нужной национальности в качестве формального главы государства, подчиняющаяся реальному лидеру. Кто им был — вопрос риторический, но все же давайте вспомним обстоятельства смерти Сталина.

...Уже ясно было, что вождь мертв, однако врачи все еще продолжали реанимацию, не решаясь отступиться. Кто-то должен был дать приказ прекратить. Хрущев уверял впоследствии, что это был он, однако врачи вспоминают другое:

Из воспоминания доктора Г. Н. Чесноковой.

«...Мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся... Наконец ко мне подошел Берия, сказал: "Хватит!"».

Согласитесь, в этих обстоятельствах такой приказ мог дать лишь новый глава государства.

А вот теперь давайте окончательно квалифицируем то, что произошло в Москве 26 июня 1953 года. По официальной версии, в этот день был арестован и впоследствии предан суду заместитель председателя Совета министров.

В реальности же был внезапно и без предупреждения убит глава государства.

Интересно, если бы в 1937 году оппозиционеры все же убили Сталина, решился бы кто-нибудь, ссылаясь на то, что убитый не занимал государственных постов, утверждать, что случившееся не является государственным переворотом?

Не назвать ли нам кошку — кошкой?
Детский стишок

Глава 4

ДЛЯ ПРАВИЛЬНЫХ ОТВЕТОВ НУЖНЫ ПРАВИЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Да, дорогие товарищи, господа, граждане — это был нормальный, классический государственный переворот, в результате которого погиб реальный глава Советского Союза. Правда, для полноценного переворота должен был еще измениться государственный строй или хотя бы система управления страной. Давайте посмотрим: что было и что стало...

Это что, не перемена курса?

До смерти Сталина Маленков был одним из одиннадцати секретарей ЦК. Однако, став председателем Совета министров, он сразу же сложил партийные полномочия и тем не менее считался преемником Сталина. Старейший член Политбюро А. А. Андреев на июльском пленуме говорил об этом открытым текстом.

Цитата 4.1. «Андреев. *Он хотел похоронить имя товарища Сталина, и не только имя товарища Сталина, но и затормозить ознакомление народа и с преемником товарища Сталина товарищем Маленковым.*

Маленков. *Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет.*

Андреев. *Все-таки вы являетесь председателем Совета министров.*

Голоса из зала. *Правильно».*

То есть главой государства в 1953 году, *по общему признанию,* являлся не Генеральный секретарь партии, как в 30-е годы или позднее, а председатель Совета министров (опять же, если не считать товарища Ворошилова).

Кое-что о курсе того времени говорят и возмущенные выступления по поводу того, что Берия-де «зажимал» партию. Умные Молотов и Маленков на эту тему помалкивают. А их менее умные товарищи рассуждают. Вот речь Хрущева.

Цитата 4.2. *«Помните, тогда Ракоши сказал: я бы хотел знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть... Надо более рельефно выявить решение вопросов. Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой... Значит, он исключает руководящую роль партии, сводит ее роль на первых порах к кадрам, а по существу партию сводит на положение пропаганды. В его же понимании — какая разница между Гитлером и Геббельсом!»*

Ну и сравнения у него, однако. В более прилизанном, отредактированном стенографическом отчете эта фраза звучит следующим образом: «Взгляды Берии на партию ничем не отличались от взглядов Гитлера» (а что — Гитлер «зажимал» НСДАП?). Однако в неотредактированной речи Никита Сергеевич явно имел в виду другое: раньше партийный лидер имел такое положение, как у Гитлера, а будет — такое, как у Геббельса.

Браво! Сравнение просто великолепное!

В общем, резюмируя:

«...Он вносил сознание, что роль партии отошла на второй план, а когда он укрепится, тогда ее совсем уничтожит».

В том же ключе, но более конкретно говорил Каганович.

Цитата 4.3. *«Партия для нас выше всего. Никому не позволено, когда этот подлец говорит: ЦК — кадры и пропаганда. Не политическое руководство, не руководство всей жизнью, как мы, большевики, понимаем».*

Впрочем, было время, когда партия руководила всей жизнью, и от нее это требовалось. О том времени напомнил зам¬ предсовмина Малышев, заместитель Берии по Спецкомитету:

Цитата 4.4. *«Не было положения, чтобы он нас учил, чтобы у партийной организации попросил помощи организовать партийную работу и так далее. Он считал секретарей облас-*

тных комитетов диспетчерами. За какое дело он возьмется, по такому делу секретарь обкома — диспетчер...».

Каганович видит эту грозную опасность — заставить партсекретарей работать — и с ходу ее отметает.

«...Но это не значит, что ЦК должен заменять Совет Министров, обком — облисполком и т. д., но мы должны концентрировать политическое руководство...»

Ну а чтобы слова лучше доходили до сердца собравшихся в зале партийных деятелей, им срочно восстановили отмененные весной «пакетные» выплаты, или «конверты» — кстати, превышающие саму зарплату. Слова дошли, и вскоре первым лицом государства стал уже не председатель Совета министров, а Генеральный секретарь.

Так что, как видим, после смерти Берии произошла-таки и смена режима — нормальное демократическое государство (вот только не надо говорить, что сейчас выборы являются более свободными, чем тогда, — ну не надо, а? Я ведь все-таки профессиональный пиарщик) сменилось диктатурой партийной олигархии. А как выглядит на практике изложенная Кагановичем программа — не подменяя, не являясь «диспетчерами», «политически» руководить всей жизнью, было продемонстрировано во время «застоя». Партком руководит — точнее, одобряет или не одобряет инициативы тех, кто работает. А работает и соответственно за все отвечает директор завода, министр и т. п. Стоит ли удивляться, что, когда пришло время, у партии не нашлось защитников? Впрочем, те, кто это заварил... хотя нет, Каганович дождался, успел увидеть окончательный финал спектакля, в кульминации которого он таким вот образом поучаствовал.

В общем, по основным признакам это был классический государственный переворот. Но причины его по-прежнему остаются под покровом тайны...

Безумство храбрых

Все, конечно, очень мило, однако есть такое понятие, как мотивация действий участников. Да, выиграла от путча партия (точнее, партаппарат) в целом, но рисковали-то головой конкретные люди. И эти люди проявили (согласно

официальной версии) такую беззаветную преданность партийным интересам, что все герои Гражданской войны совместно отдыхают...

Обратимся снова к воспоминаниям участников «ареста Берии».

Цитата 4.5. *«...В 9 часов утра мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев Н.С. Поздоровавшись, он спросил:*

— Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?

Подумав, я ответил:

— Такие люди имеются, и партии они преданы беззаветно.

После этого Хрущев сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль.

Тут же он добавил, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигары. Я ответил, что заберу с собой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне, в 1944 году. Хрущев засмеялся и сказал, что сигары могут потребоваться не те, которые я имею в виду.

Только тогда я догадался, что надо взять с собой оружие.

Намек Хрущева на то, что надо взять с собой оружие, навел меня на мысль, что предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС...»

Воспоминания Москаленко написаны много лет спустя, в «застойном» СССР, где тот факт, что военные выполняют задание ЦК КПСС, уже мало кого удивлял. Однако те, кому известны армейские порядки, все же удивятся, и немало. У военных всегда четко оговорено, чьи приказы и в каких обстоятельствах надо выполнять. Уверяю вас, ни тогда, ни в 1930-м, ни в 1918 году партийные органы в этот перечень не входили. По сути, Москаленко расписывается в том, что Хрущев предложил ему поучаствовать в каком-то незаконном мероприятии, а он, даже не спрашивая, куда его подряжают, согласился. Какая преданность партии и какая отвага! Ведь если бы что-то не выгорело, ссылку на Хрущева трибунал бы не принял и Москаленко отправился бы прямым ходом к стенке. Мог ли генерал-фронтовик этого не понимать — вопрос риторический.

Правда, потом Москаленко спохватывается и пишет, что ему позвонил еще и министр обороны Булганин, вызвал к

себе, и уже от него генерал получил формальный приказ. Причем Булганин сказал, что вызвал его потому, что ему позвонил Хрущев. То есть теперь уже Булганин — тот самый человек беззаветной храбрости, готовый взять все на себя. Впрочем, приказ устный — так что и Москаленко в высоком мужестве не откажешь.

«Нажатием кнопки электрического сигнала я тут же вызвал офицера для особых поручений майора Юферева В. И., начальника штаба генерал-майора Баксова А. И., начальника Политуправления полковника Зуба И. Г. и сказал им: надо ехать в Кремль, взяв с собой оружие, но так как его ни у кого не было, то я вызвал коменданта штаба майора Хижняка М. Г. и приказал ему принести и выдать пистолеты и патроны. Так как группа была маленькая, то я позвонил начальнику штаба ВВС (бывшему начальнику штаба Московского округа ПВО) генерал-майору Батицкому П. Ф. и предложил ему прибыть ко мне, имея с собой оружие».

Ладно, первые три офицера — лица подчиненные и, в принципе, имеют право вопросов не задавать. Любопытно лишь то, что получив столь странный приказ — ехать в Кремль с оружием (а в Кремль с оружием не пускали, оттого многие аресты проводились в кремлевских кабинетах), ни один из этих офицеров не обратился в Особый отдел (или что там было вместо него). По-видимому, предпочли участвовать в заведомо незаконном и, возможно, нарушающем присягу деянии, но честь офицера доносительством не замарать. Хотя, боюсь, трибунал этого довода также бы не принял. А вот генерал-майор Батицкий — еще один человек великой храбрости, поскольку Москаленко по службе не подчинялся. Ему «предложили», и он пошел, тоже с пистолетом и тоже не зная куда...

«И вот часов в одиннадцать дня 26 июня мы по предложению Булганина Н. А. сели в его машину и поехали в Кремль. Его машина имела правительственные сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль...»

Храбрость Булганина в этом эпизоде становится беспредельной, ибо министр, который на своей машине провозит в Кремль генералов с оружием, на смягчение приговора рассчитывать никоим образом не может.

«Вслед за нами на другой машине подъехали Жуков Г. К., Брежнев Л. И., Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин А. М.»

Бывший генерал-майор Брежнев давно уже пребывал на сугубо партийной работе, носил штатские костюмы, Жукову не подчинялся и приехать с ним едва ли мог. По-видимому, автор мемуаров добавил его сюда для громкого имени. Значит, написаны эти строки были, самое раннее, в середине 80-х, иначе за такое могло нагореть по-крупному. Ну да ладно. Переключимся теперь на маршала Жукова и посмотрим его «воспоминания» (кто бы их ни писал — человек это был достаточно осведомленный, поскольку единственный из всех упоминает заседание Совета министров, хотя и помещает его не в то время, когда оно состоялось).

Цитата 4.6. *«...Меня вызвал Булганин — тогда он был министром обороны — и сказал:*

— Садись, Георгий Константинович.

Он был возбужден, даже не сразу поздоровался, только потом подал руку, однако не извиняясь.

Помолчали. Затем Булганин, ничего не говоря по существу дела, сказал:

— Поедем в Кремль, есть срочное дело.

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии.

Потом я узнал, что в тот день было назначено заседание Совета Министров. И министры, действительно, были в сборе. На заседании информацию должен был делать Берия. И он готовился.

Я оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берии не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть. Что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его.

Потом стал говорить Хрущев... Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную операцию?

— Смогу, — отвечаю я.

... Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены

Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию.

Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета министров будет отменено, министры отпущены по домам. Вместо этого он откроет заседание Президиума».

Автор этого опуса явно был штатским, поскольку, в отличие от Москаленко, опустил вопрос об оружии. Что, Жуков ни на минуту не расставался с пистолетом? Ничего не говорит он и о присутствии в машине Булганина Москаленко со товарищи, а также названных последним спутников Жукова. Или министр перевозил генералов челночным способом? Зато не забыл упомянуть, что заседание Президиума (непонятно чего) открыл Маленков. Явно версии Хрущева и «Жукова» идут из одного источника, а Москаленко пишет сам, в меру собственной фантазии.

Но ведь и маршал Жуков до чего смел — решается на арест второго лица в государстве даже без приказа непосредственного начальника, министра обороны, по одному лишь хрущевскому слову. Надо же, каких беззаветно преданных генералов воспитала коммунистическая партия! Готовы жизнь положить по слову товарища Хрущева!

На самом деле авторы мемуаров, конечно, черным по белому расписались, что это был заговор, и имена своих подельников назвали. Ну, да не в этом суть. То, что это был заговор, мы и без их откровений знаем. Интересно другое: эти люди рисковали жизнью, всерьез и по-настоящему. Если бы что-то пошло не так, всем им стоять у одной стенки. Вот и вопрос: что заставило их пойти на такой безумный риск? Чего добивался генерал Москаленко? Неужели готов был на смерть ради поста заместителя министра обороны, который он в итоге получил? А маршал Жуков — неужели рисковал жизнью ради того, чтобы подняться на одну ступеньку карьерной лестницы? А Хрущев? Так ли уж нужна ему была власть в огромной стране? Он и с Украиной-то не справлялся, зато на уютном посту партсекретаря ему жилось очень неплохо, и ответственности, почитай, никакой. Ради чего они все совали голову в петлю?

Хорошо, раз на этот вопрос нет ответа, может быть, стоит задать другой — *почему?* И кстати, почему вообще вы-

брали такой способ проведения путча? Шумный, громоздкий, безумно рискованный. Зачем штурмовать дом возле Садового кольца, устраивать стрельбу в центре Москвы? Если так уж надо было убрать Берию, почему его не могли расстрелять, скажем, по пути из Москвы на дачу, где-нибудь на шоссе? Или того проще: дождаться, когда он отправится куда-нибудь на испытания, и сбить самолет? Или классическим способом, посадив снайпера в окно или на крышу?

И почему все действия путчистов носят отпечаток страшной спешки — так, словно им обязательно надо было ликвидировать Берию именно 26 июня. Ответ простой: чтобы он не успел чего-то сделать. Чего именно? Обсудить с Ванниковым предстоящие испытания? Даже и не смешно.

И тут мы снова приходим к назначенному на 14 часов заседанию неизвестно какого органа, на котором должны были говорить неизвестно о чем, ибо никаких следов в архивах не сохранилось, что уже само по себе наводит на размышления...

«Неважно, какой орган? Еще как важно!»

Итак, Молотов и Каганович утверждают, что это было заседание Президиума ЦК. Хрущев сначала говорит то же самое, а потом меняет версию: совместное заседание Президиума ЦК и Совмина. По составу присутствующих эти два варианта не отличаются, но они должны различаться по кругу рассматриваемых вопросов, полномочиям и порядку проведения. Помните слова Хрущева? *«Мы условились, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК. Маленков должен был открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание Президиума ЦК партии...»*

Что здесь забавного? Дело в том, что заявление Хрущева «мы» применительно к Президиуму Совмина лишено смысла. Туда входили пять человек: Маленков, Берия, Молотов, Булганин и Каганович. Хрущеву на этом заседании просто нечего делать. А в Президиум ЦК входили, кроме уже упомянутых, Хрущев, Ворошилов, Сабуров, Первухин и Микоян. Но самое главное было в другом... об этом чуть позже.

Никаких сведений о данном заседании в архивах, как я уже говорила, не имеется — кроме невнятного маленковского листочка. Что странно. Должна была существовать повестка дня, заранее объявленная участникам заседания, и даже если ее изменили — это не повод уничтожать подготовительные документы. О чем должна была идти речь?

Ни в одном архиве нет ответа.

И снова нам на помощь приходят Серго Берия и Руслан Чилачава. Снова в беседе с журналистом Серго приводит подробности, которым он настолько не придал значения, что даже не включил их в свою книгу. На даче, утром или же накануне вечером, он наверняка встречался с отцом и мог знать, какой вопрос будет обсуждаться. И, как оказалось, знал.

Цитата 4.7. «В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание Президиума ЦК, на котором планировалось обсудить деятельность министра государственной безопасности СССР С.Игнатьева и его заместителя М. Рюмина с целью установления их личной вины в фабрикации ряда дел: мингрельского, ленинградского и т. п. ...».

Рюмин к тому времени был уже три месяца как арестован, а Игнатьев еще гулял на свободе. Известно и из других источников, что Берия собирался в этот день потребовать санкции на арест Семена Игнатьева, бывшего министра внутренних дел, бывшего секретаря ЦК, повинного в том, что воскресил в МГБ дух времен наркома Ежова.

А значит, это никоим образом не могло быть заседание Президиума Совмина, поскольку данный вопрос не имеет к нему никакого отношения. Речь шла о чисто партийных делах. Согласно Постановлению СНК и ЦК ВКП(б) от 21 июня 1935 года арест коммунистов требовалось согласовывать с партийными организациями соответствующего уровня. Игнатьев уже не был ни секретарем, ни членом ЦК, но из партии не исключен. Совсем недавно он входил в высшую партийную номенклатуру, и его арест следовало все же согласовать, как минимум, с Президиумом ЦК. Кстати, вопросами кадровой работы также ведал ЦК, а вот к Президиуму Совмина арест бывшего партфункционера никаким боком не относился.

А теперь о главном. Почему нам важно разобраться в том, что это было за заседание? Давайте вспомним рассказ Хрущева (цит. 1.1.):

«...Мы условились у как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК Маленков должен был открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание Президиума ЦК партии...

...Когда Маленков открыл заседание, он сразу поставил вопрос:

— Давайте обсудим партийные вопросы. Есть такие вопросы, которые необходимо обсудить немедленно.

Все согласились...»

Главным различием между Президиумами Совмина и ЦК, кроме состава, была личность председателя. Как видим, Хрущев и прочие его сторонники изо всех сил стараются представить дело так, словно бы на этом заседании председательствовал Маленков. Но с какой стати? Маленков был руководителем *государства*, а не *партии*. После назначения на пост председателя Совета министров он отказался от должности партийного секретаря и теперь был просто рядовым членом Президиума ЦК. Так что открывать это заседание, вести его и председательствовать на нем должен был совсем другой человек, и все мы знаем этого человека. Это тот единственный из присутствующих, кто не имел государственных постов, а лишь пост секретаря ЦК — Никита Сергеевич Хрущев.

Зачем Хрущеву понадобилась эта ложь — в принципе, понятно. Коль скоро председатель Совета министров входит в их компанию, сделанное ими если и не становится законным, то все же приобретает некий оттенок легитимности. А если нет... представьте себе, что Хрущев начнет эту фразу так: *«Я открыл заседание и сразу поставил вопрос...»*

Ты поставил? А кто ты, собственно, такой, родное сердце? По советской Конституции — основному закону СССР — ты никто и звать тебя никак, и вообще государственно значимых решений принимать не имеешь права. Сталинское Политбюро, согласно Постановлению от 21 июня 1935 года,

давало санкции на арест по данным НКВД или прокуратуры, но *не принимало решений* об аресте. Сталинские же пометки на документах НКВД были руководящими указаниями ровно в той степени, в какой нарком считал их таковыми.

Впоследствии Хрущев усиленно старался всех убедить, что репрессии планировались на Политбюро, и вполне в этом успел. Но в 1953 году у него был лишь один выход — выпихнуть вперед себя Маленкова, как всеми признанного преемника Сталина.

А на самом-то деле нет никаких оснований считать, что председатель Совмина был в курсе их планов. Более того: помните, Серго Берия рассказывал, как Ванников позвонил Маленкову, а у того не отвечал телефон? Но такого не может быть, потому что не может быть никогда, ибо снимает трубку не сам Маленков, а кто-либо из его секретариата. (Если даже Ванников звонил по «вертушке», то, не получив ответа, он бы позвонил в секретариат и поинтересовался, где Маленков.) Если телефон не отвечал, значит, он был выключен. А если у главы государства выключен телефон... надеюсь, понятно, что это означает?

Более того, судя по его дальнейшей судьбе, именно Маленков являлся основным врагом Хрущева. После пленума 1957 года, когда противники Хрущева предприняли попытку снять его — кстати, совершенно уставными методами, — все они лишились своих высоких постов. В газетах появилось постановление «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» — именно в таком порядке.

Всех «смутьянов» перевели на незначительную работу, а впоследствии исключили из партии. Молотов, например, поехал послом в Монголию. Однако потом, выйдя на пенсию, все они спокойно жили в Москве. С Маленковым же поступили иначе. Его отправили сначала в Усть-Каменогорск, потом в Казахстан, в город Экибастуз, директором ТЭЦ. В 1961 году его исключили из партии и выпихнули на пенсию, но покинуть Казахстан не разрешили, позволив вернуться из ссылки лишь в 1968 году, после смерти матери. По всей видимости, условием стало молчание — Маленков не оставил воспоминаний, ничего не рассказал даже нашедше-

му ключик ко многим партийным функционерам Феликсу Чуеву. Остаток жизни он попросту промолчал.

Кстати, кроме кампании по дискредитации Берии, хрущевцами была развернута еще более разветвленная кампания по дискредитации Маленкова. Другое дело, что если «антибериевский» пиар проводился открыто и на всю страну, то здесь действовали несколько тоньше. Маленкова усиленно старались представить «мотором» самых грязных дел МГБ, и в первую очередь «дела врачей». Нет, конечно, основным злодеем тут считался Сталин, но Маленков выступал в роли его правой руки. Хотя не факт, что в ту зиму он вообще имел отношение к делам госбезопасности.

Согласитесь, это логично: у кого самая жестокая судьба, тот и есть главный враг существующей власти...

Тайна «маленковского черновика»

Вернемся теперь к документу, который считается одним из основных материалов по аресту Берии, — пресловутому черновику заседания Президиума, составленному Маленковым (док. 1.1.), и рассмотрим его поподробнее. Странное он производит впечатление — и чем дальше, тем «страньше». Почему-то состоящую из общих слов вводку, которую любой из присутствующих способен был произнести в порядке импровизации, автор прописал четко и полностью, а содержательная часть дается в виде отрывочных, конспективных фраз. Более того, в сборнике «Берия», где этот документ опубликован, под ним содержится примечание, что он двойной: часть напечатана на машинке, а часть написана от руки.

И вот тут впору сказать: «Блин!», если не крепче. Потому что какой же это черновик? Кто это печатает черновики на машинке, а потом продолжает от руки? Первая, машинописная часть — те самые общие фразы — может быть только одним: тезисами чьей-то речи, посвященной повестке дня заседания, то есть аресту Игнатьева. Когда понадобилось придумать «оправдательный» документ, кто-то из присутствующих пробежал глазами бумагу, сказал: «Годится!» и, взяв первый лист, предложил Маленкову дописать остальное. Маленков

дописал, но в дело эта бумажка не пошла, а после заседания он машинально положил листок в папку.

Почему я считаю, что эта фальшивка сделана экспромтом, во время заседания? Потому что позднее вряд ли стали бы стряпать «составной» документ — его изготовили бы от начала до конца в одном стиле. «Маленковский черновик» носит на себе следы явной импровизации и жуткой спешки, на уровне паники.

Но на самом деле все еще интереснее. Обратим внимание на стиль машинописной части и задумаемся над тем, кто его готовил.

«Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством.

Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии.

Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД.

Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений.

Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью.

Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления властью».

Берия ставил вопрос об Игнатьеве перед Президиумом ЦК и мог, в принципе, подготовить нечто подобное, — но это явно не бериевский стиль, слишком длинно и неконкретно. Маленков? С какой стати? Он к этому делу вообще никаким боком не причастеи. Значит, Хрущев — больше просто некому. За это говорит, кстати, и оборот «партия и правительство» — в таком сочетании употребить его, пожалуй, в июне 1953 года мог только Хрущев. Помните, Берия в «атомном» документе как писал? «Вы недооцениваете еще в полной мере своей ответственности за порученное Вам Государством дело».

Итак, на 14 часов 26 июня 1953 года было назначено заседание Президиума ЦК, на котором должен был разбираться вопрос об МВД в целом и об аресте бывшего министра внутренних дел Игнатьева в частности...

Жизненный путь Семена Игнатьева

Семен Денисович Игнатьев родился 1(14) сентября 1904 года в деревне Карловка Елисаветградского уезда Херсонской губернии, в украинской крестьянской семье. В десять лет поступил на Термезский хлопкоочистительный завод, затем в железнодорожные мастерские. С 1920 года работал в политотделе Бухарской группы войск, с 1921 года — в военном отделе Всебухарской ЧК, затем в Главном управлении милиции Бухарской республики. В 1922 году становится заместителем заведующего орготделом ЦК КСМ Туркестана, потом работает в профсоюзах. В 1931 году заканчивает Промакадемию, по специальности инженер-технолог по самолетостроению, но тут же начинает работу в аппарате ЦК ВКП(б) и дальше делает чисто аппаратную партийную карьеру С 1937 года он — секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), с 1943 года — первый секретарь Башкирского обкома. С 1946 года работает в аппарате ЦК, в управлении по проверке партийных органов, но недолго: уже в феврале 1947 года его переводят в Белоруссию, вторым секретарем ЦК республики. В Москву он вернулся лишь в 1950 году, став заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б).

Затем его карьера делает неожиданный вираж. После отстранения и ареста министра госбезопасности Виктора Абакумова Игнатьев становится сначала членом комиссии Политбюро по расследованию «сигнала» на министра, затем представителем ЦК в МГБ, а 9 августа 1951 года — министром госбезопасности.

Это второй случай, когда во главе органов госбезопасности становится партийный аппаратчик, причем дважды повторяется не только назначение, но и стиль работы. В первый раз это была трагедия, во второй — труба низенькая, дым жиденький, но результаты, в сумме, еще более сокрушающие. Если учитывать, конечно, что деятельность Игнатьева послужила причиной переворота 26 июня, а переворот 26 июня направил страну по пути, ведущему к катастрофе.

Как и при Ежове, при Игнатьеве «органы» вовсю занимались фальсификацией следственных дел. Правда, их было

немного — зато каких! Именно при нем завершилось расстрельным приговором всем подсудимым «дело еврейского антифашистского комитета». Полностью за ним числится «мингрельское дело». И наконец, «дело врачей» — самое знаменитое из послевоенных.

После смерти Сталина Игнатьев был снят с поста министра, зато стал секретарем ЦК. Однако на смену ему пришел не тот человек, который склонен прощать «липовые» дела. Уже 5 апреля по докладной записке Берии Игнатьев снят с секретарского поста и 28 апреля выведен из состава ЦК. 26 июня, как уже известно, Берия собирался требовать санкции на его арест. Но не успел.

7 июля, через двенадцать дней после убийства Берии, Игнатьев был восстановлен в членах ЦК — правда, в Москву уже не вернулся. Он стал первым секретарем Татарского, затем Башкирского обкома КПСС. В 1960 году вышел на пенсию. Умер 27 ноября 1983 года и похоронен на престижнейшем Новодевичьем кладбище.

...Почему такие высокопоставленные люди, как Хрущев и Жуков, кинулись вдруг спасать какого-то проштрафившегося аппаратчика? Ответ мог быть таким: узнав о своем предстоящем аресте, Игнатьев сказал Хрущеву что-то вроде: «Если вы меня не вытащите, я расскажу Берии...» Или Хрущев и так знал, что расскажет.

Теперь мы можем ответить на вопрос о причинах столь невероятной храбрости участников заговора. По-видимому, их шантажировал бывший министр внутренних дел, и выбора действительно не было: или Лубянка и стенка, или переворот, дающий некоторую надежду на спасение. Отсюда и жуткая спешка: Игнатьеву было что рассказать лубянским следователям, покупая себе жизнь, и рассказ этот оказался бы таким, что утром 27 июня проводить переворот было бы уже некому.

Это тоже, конечно, умозрительная версия — но согласитесь, куда более убедительная, чем арест второго лица в государстве по причине беззаветной преданности делу партии...

— Судите уж тогда и за изнасилование.
— А что, вы кого-то изнасиловали?
— Нет, но ведь аппарат-то есть...
Из анекдота

Глава 5

ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА — ЕСЛИ ОНА БЫЛА...

Так что же мог рассказать лубянским следователям бывший министр госбезопасности? Юрий Мухин предположил, что это обстоятельства смерти Сталина. Основания для такого предположения есть — Игнатьев в то время был не только министром, но еще и начальником Управления охраны, так что возможности для ликвидации вождя у него имелись. Аппарат, так сказать, был. Я сперва предположила то же самое («Сталин: второе убийство», «Последний рыцарь Сталина»), потом сильно сомневалась в этой версии, а затем публикации последнего времени вновь пробудили интерес к данной теме.

В доброй половине случаев, когда умирает крупный государственный деятель, возникают легенды об его убийстве. Начались такие разговоры и после марта 1953 года. Однако по-настоящему подозрения, что со смертью Сталина не все чисто, появились после публикации воспоминаний двоих бывших охранников сталинской дачи, Старостина и Лозгачева, которые довольно поздно, уже в околоперестроечные времена, вспомнили нечто ни с чем не сообразное.

Хроника рокового воскресенья: официальная версия

Известно, что в субботу, 28 февраля, у Сталина на даче состоялось совещание — одно из многих имевших место в ту зиму, с постоянным составом: кроме вождя, там присутствовали три первых заместителя Сталина по Совнаркому —

Маленков, Берия и Булганин — и Хрущев, один из секретарей ЦК. О чем шла речь — неизвестно. Хрущев изложил свою версию в воспоминаниях, остальные, по разным причинам, мемуаров не оставили.

Цитата 5.1. *«И вот как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он говорит: "Давайте посмотрим кино ". Посмотрели. Потом говорит снова: "Поедемте, покушаем на Ближней даче".*

Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его "обеды". Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-нибудь неожиданность. Распрощались мы и разъехались».

Правда, присутствие Сталина 28 февраля в Кремле никем, кроме Хрущева, не зафиксировано — но буйный полет фантазии для Никиты Сергеевича дело обычное. Зато охранник дачи Лозгачев не упоминает о том, что Сталин куда-то уезжал, но вот о гостях помнит хорошо.

Цитата 5.2. *«В ту ночь на объекте должны были быть гости — так Хозяин называл членов Политбюро, которые к нему приезжали. Как обычно, когда гости к Хозяину приезжали, мы вырабатывали с ним меню. В ночь с 28 февраля на первое марта у нас было меню: виноградный сок "Маджари"... Это молодое виноградное вино, но Хозяин его соком называл за малую крепость. И вот в эту ночь Хозяин вызвал меня и говорит: "Дай нам сока бутылки по две..."»*

Как видим, все нормально. А вот потом началось нечто совершенно из ряда вон и вообще никуда. Я привожу здесь рассказ Лозгачева, и примерно то же самое уже в 90-х годах рассказывал Радзинскому охранник Старостин.

Цитата 5.3. *«А когда Хозяин гостей провожал, то прикрепленный тоже провожал — двери закрывал за ними. И прикрепленный Хрусталев Иван Васильевич закрывал двери и видел Хозяина, а тот сказал ему: "Ложитесь-ка вы спать. Мне ничего*

не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобитесь". И Хрусталев пришел и радостно говорит: "Ну, ребята, никогда такого распоряжения не было...". И передал нам слова Хозяина... Мы действительно легли спать, нем были очень довольны. Проспали до 10 часов утра.

Что делал Хрусталев с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем. В 10 часов утра его сменил другой прикрепленный М. Старостин».

Есть у чекистов (как, впрочем, у любых профессионалов) такое замечательное свойство — изгаляться над писателями и журналистами. Навесят какой-нибудь лапши на уши, а потом с другими «профи» хохочут над той чушью, которую сей литератор под их диктовку записал и растиражировал. Похоже, товарищ Лозгачев именно за таких лопоухих нас всех и держит. Ну когда это охрана могла выполнить приказание «объекта» перестать его охранять и лечь спать? Да они, собственно говоря, по служебным вопросам Сталину и не подчинялись, у них был свой начальник. Старое, еще рыцарских времен правило: «вассал моего вассала — не мой вассал» в армии соблюдается до сих пор.

И что здесь любопытно — так это утверждение Лозгачева, что в ночь на 1 марта он спал и что делал Хрусталев — не знает. С чего это вдруг такая оговорка? Не по Фрейду ли — подсознание выскочило?

...Однако дальше пошли дела еще круче. Тот же Лозгачев рассказывает о событиях, имевших место на следующий день — это было 1 марта, воскресенье.

Цитата 5.4. *«На следующий день было воскресенье. В десять часов мы, как обычно, уже все были на кухне, начинали дела на сегодняшний день планировать.*

В 10 часов в его комнатах — нет движения (так у нас говорилось, когда он спал). Но вот пробило 11 — нет, и в 12 — тоже нет. Это уже было странно.

Обычно вставал он в 11—12, иногда даже в 10 часов он уже не спит.

Но уже час дня — нет движения. И в два — нет движения в комнатах, Ну, начинаем волноваться. В три, в четыре часа — нет движения. Телефоны, может, и звонили к нему, но когда он спал, обычно их переключали на другие комнаты. Мы сидим

со Старостиным, и Старостин говорит: "Что-то недоброе, что делать будем?" Действительно, что делать — идти к нему? Но он строго-настрого приказал: если нет движения, в его комнаты не входить. Иначе строго накажет. И вот сидим мы в своем служебном доме, дом соединен коридором метров в 25 с его комнатами, туда ведет дверь отдельная. Уже шесть часов, а мы не знаем, что делать. Вдруг звонит часовой с улицы: "Вижу, зажегся свет в малой столовой". Ну, думаем, слова Богу, все в порядке. Мы уже все на своих местах, все начеку, бегаем, и... опять ничего! В восемь — ничего нет. Мы не знаем, что делать, в девять — нет движения. В десять — нету. Я говорю Старостину: "Иди ты, ты — начальник охраны, ты должен забеспокоиться". Он: "Я боюсь". Я: "Ты боишься, а я герой, что ли, идти к нему?" В это время почту привозят — пакет из ЦК. А почту передаем обычно мы. Точнее — я, почта моя обязанность. "Ну что ж,— говорю. — Я пойду, в случае чего, вы уж меня, ребята, не забывайте. Да, надо мне идти..."».

На этой пронзительно-трагичной ноте прервем пока повествование охранника Лозгачева. Рассказано, надо сказать, весьма душевно, вот только один недостаток у этих воспоминаний — этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Надо же, какие пугливые у главы правительства охранники! Если бы Сталина поставили охранять милиционеров из ближайшего отделения, даже они бы себя так не вели, не торчали бы под дверью двенадцать часов, а это ведь специальная охрана, обученная и проинструктированная. Охраняют они старого и больного человека, с которым в любую минуту может произойти все что угодно. На этот счет у них не могло не быть инструкций. А надо понимать, что такое охранник. Охранник — это машина, которая в ответ на определенное воздействие срабатывает строго определенным образом, и никак иначе.

А теперь — как в таких ситуациях на самом деле действовала охрана. Юрий Мухин раскопал и привел в своей книжке воспоминания полковника КГБ Новика, который был тогда заместителем начальника Главного управления охраны. И тот рассказал замечательный эпизод с баней. По субботам Сталин ходил в баню, которая была построена тут

же, на территории дачи. Обычно он парился час с небольшим, но однажды в назначенное время из бани не вышел. Через двадцать минут охрана доложила об этом Новику, тот связался с министром госбезопасности Игнатьевым, последний — с Маленковым. И еще через пятнадцать минут охрана получила команду: ломать дверь. Но, едва они подошли с фомкой, как дверь открылась сама и вышел Сталин.

Есть история и еще похлеще. На сталинской даче имелся какой-то топчанчик под лестницей, на который вождь как-то раз прилег отдохнуть, накрыл лицо фуражкой, да так и заснул. Тем временем комендант дачи Орлов, обнаружив, что Сталина нет на месте, пошел его искать, нашел на этом самом топчанчике, подошел и, не смущаясь, приподнял фуражку — мол, не случилось ли чего? Проснувшийся Сталин, конечно, был недоволен, даже что-то там проворчал, но ничего более страшного не произошло, ибо комендант делал то, что ему положено.

Так обязана была действовать охрана, и так она действовала всегда, а утром 1 марта вдруг стала ну такая пугливая, такая трепетная...

Но даже если отрешиться от психологии охранников, задумаемся: а могло ли вообще такое происходить? Допустим, если Старостин и Лозгачев были заговорщиками, знали, что с вождем что-то не так и намеренно тянули время?

В помещении дачи находилась не только охрана, но и обслуга, так что никакие заговорщики не посмели бы при таком количестве свидетелей нарушить инструкцию. А если бы и дерзнули посметь, им бы не позволили остальные обитатели дачи, та же Матрена Бутусова — которая, кстати, была не подавальщицей, а сестрой-хозяйкой, а также имела звание офицера МГБ. Не говоря уже о том, что, если бы охранники поступили так, а потом выяснилось, что Сталин в это время лежал на полу с инсультом, они бы уже никогда никому и ничего не рассказывали, ибо в «преступную халатность» даже самый мягкий следователь с Лубянки ни за что бы не поверил.

По всей видимости, тут мы имеем дело с некоей промежуточной версией, которая появилась примерно в 1957—

1961 годах. Почему именно тогда, станет ясно из дальнейшего рассказа.

«Ну, я открыл дверь, иду громко по коридору, а комната, где мы документы кладем, она как раз перед малой столовой, ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на ковре Хозяин лежит и руку правую поднял... Все во мне оцепенело. Руки, ноги отказались подчиняться. Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог.

Слух у него был хороший, он, видно услышал мои шаги и еле поднятой рукой звал меня на помощь. Я подбежал и спросил: "Товарищ Сталин, что с вами?" он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: "Может, врача вызвать?" А он в ответ так невнятно: "Дз... дз..." — дзыкнул и все. На полулежали карманные часы и газета "Правда". На часах, когда я их поднял, полседьмого было, в половине седьмого с ним это случилось. На столе, я помню, стояла бутылка минеральной воды "Нарзан", он, видно, к ней шел, когда свет у него зажегся...»

Дальше Лозгачаев описывает, как они укладывали Сталина на диван, как Матрена Бутусова отвернула у него рукава сорочки... Что же охрана делала потом? По логике и по субординации, они должны были звонить своему непосредственному начальнику. Полковник Новик накануне, аккурат в субботу, загремел в госпиталь с аппендицитом, стало быть, его заместителю — кто там им был? В общем, по той же цепочке, что и в случае с баней. Механизм мы знаем. Министр госбезопасности поднял бы на уши лечебно-санитарное управление Кремля...

А вот ничего подобного! Бредовый день продолжился бредовой ночью...

«Я Старостину говорю: "Иди звонить всем без исключения"... Старостин стал звонить в КГБ (на самом деле — МГБ. — *Е. П.) Игнатьеву, но тот испугался и переадресовал его к Берии и Маленкову... Старостин дозвонился до Маленкова. Спустя примерно полчаса Маленков позвонил нам и сказал:"Берию я не нашел". Прошло еще полчаса, звонит Берия: "О болезни товарища Сталина никому не говорите"».*

Интересно, как это Маленков сумел не найти Берию при порядках, которые тот завел в своем ведомстве? Но еще бо-

лее интересно другое: по рассказу Лозгачева получается, что самым главным после Сталина был Берия. Что, опять подсознание выскочило?

Впрочем, это еще мелочи. А вот что дальше было...

«В три часа ночи слышу — подъехала машина, приехали Берия и Маленков. У Маленкова ботинки скрипели, помню, он снял их, взял под мышку. Они входят: "Что с Хозяином?"

А он лежит и чуть похрапывает. Берия на меня матюком: "Что же ты панику поднимаешь? Хозяин-то, оказывается, спит преспокойно. Поедем, Маленков!" Я им все объяснил, как он лежал на полу, и как я у него спросил, и как он в ответ "дзыкнул" невнятно. Берия мне: "Не поднимай панику и не беспокой. И товарища Сталина не тревожь". Ну и уехали...

Лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив: "Скоро будет медицина". Около девяти часов действительно появились врачи...»

Давайте все же утрем слезы и перейдем к делу. Теперь наконец, ясно, какую именно легенду озвучивали спустя тридцать лет бывшие сталинские охранники. Это была составная часть кампании по шельмованию не только Берии, но и Маленкова. Стало быть, она появилась уже после Пленума ЦК 1957 года, на котором пытались снять Хрущева. Никита Сергеевич и его пиар-группа таким образом пачкали обоих своих главных врагов — живого и мертвого.

Сам он, когда спустя десяток с лишним лет надиктовывал свои воспоминания, по-видимому, несколько запутался в версиях либо попросту забыл, что, кому и когда приказано было врать, и выдал иной вариант.

Цитата 5.5. *«...Уже было поздно, я разделся, лег в постель. Вдруг звонит мне Маленков: "Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилию), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда". Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут пятнадцать. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: "В чем дело?" Они: "Обычно товарищ Ста-*

лин в такое время, часов в одиннадцать вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было". (Заметьте, ни слова о том, что они не видели Сталина с самого утра! — *Е. П.). Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина. Ограниченную, но честную и преданную ему женщину.*

Чекисты сказали нам, что они уже посылали ее посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит. А под ним подмочено. Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблаговидном положении. Мы разъехались по домам».

Кто такие «мы», Хрущев не конкретизирует. Вся ли четверка участвовала в этом идиотизме, или кого-то Маленков «не нашел». Что здесь любопытно — так это то, что охранники говорят об Игнатьеве, а вот Хрущев вообще о нем не упоминает, словно бы и не существовало в СССР ни министра госбезопасности, ни начальника Управления охраны...

Непонятно, зачем вообще придумана была вся эта хрень. То ли для драматического эффекта, в порядке полета фантазии, то ли они хотели замаскировать нечто, случившееся в то воскресенье. Пока неясно...

Следы подлинных событий

Что же происходило 1 марта 1953 года на сталинской даче? Скорее всего, абсолютно ничего экстраординарного. Все было в порядке.

Совершенно выбивается из общего ряда, однако выглядит куда более пристойно версия, которую рассказал писателю Феликсу Чуеву Василий Рясной, по его словам, быв-

ший в то время начальником правительственной охраны. (На самом деле он был начальником 2-го Главного управления, то есть контрразведки — но кто знает, кем на то воскресенье подменили внезапно попавшего в больницу Новика.)

Цитата 5.6. *«Беда со Сталиным случилась в ночь с 1 на 2 марта 1953 года. Рясному позвонил его подчиненный Старостин, начальник личной охраны Сталина:*

— Что-то не просыпается...

Было уже часов девять утра. А он обычно вставал рано».

И какой же совет дает своему подчиненному начальник правительственной охраны?

— А ты поставь лестницу или табуретку и загляни!— посоветовал Рясной Старостину.

«Над дверью в спальню было стеклянное окно. В комнате стоял диван, стол. Маленький столик для газет и рядом с ним мягкий диванчик, покрытый шелковой накидкой. Старостин приставил лестницу, заглянул в окно и увидел, что Сталин лежит на полу. Потрясенный, он тут же позвонил Рясному, у которого на даче всегда дежурила машина. Рясной помчался в Кунцево и, приехав, сразу вскарабкался на ту же лестницу. Сталин лежал на полу, и похоже было, что он спиной съехал с диванчика по шелковой накидке.

— Скорей звони Маленкову! — приказал Рясной Старостину. Дверь в спальню заперта на ключ. Ломать не смеют. Ключу хозяина.

"Не знаем, что делать, — говорит Рясной, — ждем, приедет Маленков, распорядится. Я-то чего?"

Маленков и Берия приехали вместе. Рясной встретил их во дворе, кратко доложил о случившемся и добавил:

— Надо срочно вызвать врачей!

— Тучный Маленков побежал в коридор к телефону, а Берия усмехнулся:

— А наверное, он вчера здорово выпил!

"Эта фраза покоробила меня настолько, что до сих пор заставляет кое о чем задуматься», — признается Рясной. Тем самым Берия нежданно высказал свое отношения к Сталину'.

Эта версия более правдоподобна, но в ней тоже концы с концами не сходятся. Охрана никак не могла сказать, что

Сталин «не просыпается» — он ложился около 4—5 часов утра и вставал не рано, а наоборот, поздно, так что в 9 часов охранники и не подумали бы поднимать тревогу.

А вот версия, озвученная академиком Мясниковым, выглядит подлинной. Вечером 2 марта за ним приехали из Кремлевской больницы и отвезли в Кунцево.

Цитата 5.7. *«В одной из комнат уже был министр здравоохранения. Министр рассказал, что в ночь на второе марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг, с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер из охраны еще в три часа ночи видел его за столом (он смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в замочную скважину и увидел Сталина распростертым на полу между столом и диваном. Был он без сознания. Больного положили на диван, на котором он и пролежал все дальнейшее время».*

Увидев, что Сталин лежит на полу без сознания, охранники позвонили по цепочке Рясному (или кто там был над ними главный), тот — Игнатьеву, Игнатьев — Маленкову и Берии. Те распорядились вызвать врачей и помчались на дачу — именно в таком порядке действовал бы любой нормальный человек. (А Брент и Наумов утверждают, что охранники, согласно существовавшим в Главном управлении охраны порядкам, вообще обязаны были вызвать медиков сразу, не советуясь ни с кем.) Тогда по времени все сходится: как бы ни спешили, все равно раньше, чем через час, врачи бы не появились — их надо было собрать по квартирам, доставить в Кунцево, на все это нужно время.

В любом другом случае охранники дачи были бы сразу же после смерти Сталина арестованы и на свободу уже не вышли — а этого с ними не произошло.

Впрочем, все это ни в коей мере не исключает того, что Сталин был убит. Это как с убийством Кирова — вроде бы нет оснований подозревать нечто большее, но уж очень подходящее время и уж очень подходящий человек...

Нет, смерть Сталина могла бы показаться абсолютно естественной, если бы не несколько странных моментов.

Как Хрущев, так и (явно по сговору с ним) Светлана Аллилуева, дружно утверждали, что Сталин в ту зиму не доверял врачам и не пользовался их услугами, а чем-то лечился сам. Они связывают такое поведение с «делом врачей» — но это не аргумент, не был Сталин так уж пуглив — он, скорее, являлся фаталистом. Это могло быть и правдой: лечащим врачом Сталина являлся арестованный в ноябре академик Виноградов, и вождь решил не связываться с новым врачом, а подождать освобождения своего — ждать-то надо было всего несколько месяцев. Но пикантность ситуации в том, что ни Хрущев, ни Светлана не были близкими Сталину людьми и знать этого попросту не могли. Зачем им понадобилось это утверждение? Объяснить причину отсутствия данных о здоровье вождя?

Медицинская карта Сталина после его смерти бесследно исчезла. Уничтожать ее был смысл только в одном случае — если там не зафиксировано никакой гипертонии.

Охранник Хрусталев, о котором неизвестно, что он делал в ночь на 1 марта, вскоре после смерти Сталина последовал за ним, а еще двое охранников застрелились. Есть свидетельство, что после похорон Хрусталев был на несколько дней арестован, а потом выпущен на свободу — ничего удивительного в этом нет, по факту смерти Сталина наверняка велось следствие. А вот смерть его заставляет задуматься о привычке заказчиков убирать исполнителя. И с чего бы это Лозгачев обмолвился, что в ночь на 1 марта он спал и что делал Хрусталев, не знает...

Переворот произошел именно в тот день, когда Берия должен был получить санкцию на арест Игнатьева.

Именно Игнатьев ведал сталинской охраной, именно он резко уменьшил ее численность, он же удалил от вождя его бессменного помощника Поскребышева и начальника охраны генерала Власика (последнего зимой даже арестовали — правда, не сумели ничего доказать. А по-

скольку освобождать его было неприлично, держали в тюрьме до 1955 года, потом приговорили к высылке).

17 февраля внезапно умер комендант Кремля Косынкин, после чего Сталин в Кремле не появлялся.

Наконец, последние находки московского журналиста Николая Добрюхи тоже нельзя с ходу отмести, даже при всей их сомнительности. Работа эта напечатана совсем недавно, причем в газете, и ей присуща специфика жанра. Автор не рассказывает, какие документы попали к нему в руки, при каких обстоятельствах, где они находились все это время. Тем не менее отмахнуться от них нельзя. Поэтому терпение — я намерена привести все выдержки из большой статьи, имеющие отношение к версии отравления.

Николая Добрюха утверждает, что обнаружил данные обследования здоровья Сталина, относящиеся к началу 50-х годов, в которых нет ни малейших следов гипертонии. А это уже серьезно.

Цитата 5.8. «Вот выписка из обследования Сталина перед курортными процедурами в Мацесте 16.09.1947 года:

"Диагноз: основной — гипертония в начальной стадии; сопутствующий — хронический суставной ревматизм, переутомление. Пульс 74 в 1 мин. Артериальное давление 145/85. Леч. врач Кириллов".

У подавляющего числа людей в возрасте от 40 до 60 лет давление 145 на 85 считается нормальным, а в возрасте старше 60 (Сталину тогда было 67 лет) отвечают норме и гораздо более высокие цифры — 150 на 90. Каким было здоровье вождя в дальнейшем? Вот ошеломляющие выписки из его медицинской карты.

Сталину 70 лет. "*4.09.50. Пульс до ванной 74 в 1 мин. Давление 140/80. После ванной пульс 68 в 1 мин., ритм. Давление 138/75. Тоны сердца стали лучше. Сон удовлетворительный. Кишечник регулярно. Общее состояние хорошее. Кириллов"*.

Сталину 72 года. *"09.01.52. Пульс 70, полный, правильный. Давление 140/80.."*

Эти измерения сделаны при сильнейшем гриппе с высокой температурой. Вряд ли каждый, даже гораздо более молодой и здоровый человек может похвастаться подобными цифрами. Обращает на себя внимание и тот факт, что

даже о "начальной стадии гипертонии" больше нигде не говорится!»

Цитата 5.9. «Журнал врачей во многом сводит на нет все мемуары и исследования о последней болезни и смерти Сталина. Прежде чем его цитировать, выскажу свое мнение. Судя по всему, врачи понимали, что у Сталина отравление. Поэтому среди лечебных назначений есть почти все, что применяется при поражении ядами: холодный компресс (пузырь со льдом) на голову, сладкий чай с лимоном, очистка желудка серно-кислой магнезией и т. д. Теперь давайте приступим к чтению записей медиков о последней болезни и смерти Сталина.

2 марта 1953 года

"При осмотре в 7 часов утра — больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). Дыхание не расстроено. Пульс 78 в минуту с редкими выпадениями. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190/110. (...) Живот мягкий, печень выходит из-под реберного края по среднеключичной линии на 3—4 см. В области правого локтевого сустава — следы ушиба (экскориация и небольшая припухлость). Больной в бессознательном состоянии. (...) Менингиальных симптомов нет. (...) Состояние больного крайне тяжелое".

Из записей профессора Лукомского можно добавить: *"Был обнаружен полный паралич обеих правых конечностей. (...) При поднимании век глазные яблоки уходили то вправо, то влево. (...) В левых конечностях временами появлялось двигательное беспокойство. (...) Во избежание аспирации решено было снять зубные протезы..."*

"16.00 (...) В 4-м часу дня проглотил 3 чайные ложки чая без поперхивания. Паралич правых руки и ноги остается. (...) Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 час. утра стало еще более тяжелым... Третьяков, Куперин, Лукомский, Ткачев, Глазунов, В. Иванов.

18.30. Лед на голову пока отменен. (...) Начали давать сладкий чай с лимоном. Больной получил 4 чайные ложки. Температура тела в правой подмышечной ямке 37,4°, а слева 37,6°. В. Иванов.

(Создается впечатление, что врачи одновременно пытались лечить и от отравления, и от его последствий, выразившихся в нарушении кровообращения и инсульте, но, конечно, не говоря об отравлении ни слова. — *Н. Д.)*

22.45. Состояние тяжелое, больной открыл глаза и пытался разговаривать с тт. Маленковым Г. М. и Берия Л. П. (...) Больной сильно потеет. Температура 38°".

3 марта 1953 года, 10 час. 30 мин.

"Консилиум (Третьяков, Куперин, Коновалов, Мясников, Ткачев, Глазунов, Тареев, Филимонов, Лукомский, Иванов-Не¬знамов). В состоянии больного произошло значительное ухудшение: угнетение сознания стало более глубоким, усилились нарушения дыхания, деятельность сердца слабеет. Консилиум считает состояние больного угрожающим.

13.30 (...) После дыхания кислородом ритм дыхания становится более правильным и ровный. (...).Временами появляются проблески сознания, пытается что-то сказать, отдельное слово разобрать невозможно. Голову на подушке держит, глаза временами открывает, взглядом не фиксирует. Зрачки узкие, реакция на свет вялая, правая носогубная складка опущена, язык не высовывает. (...) Временами появляется двигательное беспокойство в левых конечностях (перебирание пальцами в воздухе, застывание поднятой руки, иногда хватательный рефлекс в левой кисти).

19.00 Около 50 минут больной был без кислорода. Наблюдался кратковременный проблеск сознания, реагировал на речь товарищей.

24 часа. Резко усилились расстройства дыхания, доходя часто до угрожающего состояния — полной остановки дыхания. В последний час консилиум применил, в целях спасения жизни тов. Сталина, медикаментозные средства, намеченные ранее на крайний случай. Несмотря на применение этих средств, в состоянии здоровья тов. Сталина улучшения не наступает".

4 марта 1953 года

"0. 10. В начале первого часа ночи состояние больного стало крайне тяжелым вследствие часто повторяющихся остановок дыхания... Лукомский.

7.35. Дан кислород — синюшность несколько меньше.

8.00. Резкий цианоз лица и конечностей. (Цианоз — посинение и почернение кожи и слизистых оболочек. Синюшная окраска кожи появляется при отравлении некоторыми ядами — анилином, нитробензолом, бертолетовой солью и др., — так как из-за них гемоглобин крови превращается в так называемый метгемоглобин, имеющий темную окраску. Не исключено, что Сталин был отравлен смесью различных ядов. — *Н.Д.)*

Начиная с 15.00 и до 21.00, то есть целых 6 часов, дневник врачей почему-то не велся. Делались лишь общие обзорные заметки о состоянии и процедурах.

'21.00 (...) Сознание полностью отсутствует. Дыхание с частыми и длительными паузами — до 10 секунд пауза.

22.00 (...) Значительное последовательное кровотечение после пиявок, особенно за правым ухом".

5 марта с 1 часу до 3 часов ночи дневник опять почти не ведется. Вначале я думал, что это от полной безнадежности. Но когда вдруг обнаружил цитируемую ниже невзрачную бумагу, то понял — причиной молчания была растерянность. К этому времени (в ночь на 5 марта) пришли анализы крови и мочи, из которых следовал однозначный вывод: отравление! Заключение консилиума на 1 час ночи 5 марта предельно лаконично:

"При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец до 17 000 (вместо 7000—8000 в норме) с токсической зернистостью в лейкоцитах. (Вот оно! — *Н. Д.) При исследовании мочи обнаружен белок".*

Еще одно подтверждение! Но как врачи могли сообщить такое Берии? Сразу бы последовал вопрос: "Лучше сами признавайтесь, кто из вас отравил товарища Сталина?! Иначе — всех..." Что делать? Решили, учитывая безнадежность положения и упущенное время, просто зафиксировать факт... Поэтому возникла такая длительная, без всяких процедур пауза.

"3 часа ночи. (...) Печень остается увеличенной. (Один из признаков сильнейшего отравления. — *Н.Д.)*

4.55. Появилась икота (2-3 раза)". Теперь события начнут развиваться стремительно! Икота станет частой и сильной, а к утру...

"8.20. *Двигательное беспокойство. Позывы на рвоту. Рвота с кровью (рвотные массы темного цвета). Сделана инъекция кофеина (1 кб. см). Состояние крайней тяжести. Больной открыл глаза. Резкий цианоз. Кровяное давление 170/110. Пульс — 110 в минуту, слабого наполнения. Рвотные массы посланы на анализ".*

Вот реакция на произошедшее профессора А. Л. Мясни¬кова:

"Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило — как его объяснить?.. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках..."

Нельзя забывать — воспоминания писались в те годы, когда еще тема эта находилась под страшным запретом. И несмотря на всю недосказанность — такое признание!

"8.27. Снова рвотные движения.

8.40. Снова повторились рвотные движения...

11.30. Внезапно наступили позывы на рвоту. Состояние больного сразу ухудшилось. Наступило резкое побледнение лица и верхнего отдела туловища. (...) Наблюдалось легкое движение головы, 2—3 тикообразных подергивания в левой половине лица и судорожные толчки в левой ноге".

Заключение консилиума 5 марта в 12 часов дня:

"(...) В начале девятого у больного появилась кровавая рвота... которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести. В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из коллапса больной был выведен с трудом...

21.30. Резкая потливость. Больной влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился.

21.40. Карбоген (4,6% С02) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Больной влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (60 СО) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание.

21.50. Товарищ И. В. Сталин скончался".

Обнаруженные мною документы свидетельствуют о бесспорном наличии яда в организме Сталина. Вместе с тем точный его состав и происхождение эти документы не отражают. Видимо, в те жуткие дни и ночи, когда делались анализы крови страшно умиравшего Хозяина Кремля, разрешения, а тем более указания на это медики не получали». **(Конец цитаты.)**

Медики и сейчас могут объяснить далеко не все в течении болезни. Документы сложные, с ними еще разбираться и разбираться. Но не учитывать их, как я уже говорила, нельзя.

Продолжим цитирование:

Цитата 5.10. «Итак, первые результаты анализов крови и мочи, потрясшие врачей, поступили в их распоряжение примерно к началу суток 5 марта 1953 года... Анализ крови от 5.03.1953 г. дал ошеломляющие результаты. Красные кровяные клетки (эритроциты) были в норме, а вот белые кровяные клетки (лейкоциты) оказались повышенными до 21 000 (норма 5000—8000). А ведь именно эти клетки поглощают бактерии, вредные для организма частицы и чужеродные вещества.

Была изменена и лейкоцитарная формула: *"Лимфоциты — 4,5%. При норме 22—30%.* (Такое резкое уменьшение означает серьезную борьбу организма за сохранение своей жизнеспособности и одновременно — опасное снижение защитных функций. Также это может говорить о том, что они зафиксировали в организме токсины, т. е. отравляющие вещества природного происхождения, и начали активно превращаться в моноциты и макрофаги, способные поглощать и переваривать токсины. Что и нашло отражение в следующих ниже показателях крови. — *Н. Д.)*

Моноциты — 10,5%. (При норме 4-8%. Это дополнительное подтверждение наличия в организме токсинов. — *Н. Д.)*

Нейтрофилы — 85% .(При норме 55-68%. Этот показатель на бланке жирно подчеркнут синим карандашом. Рост числа нейтрофилов, пожалуй, — главный свидетель наличия токсических ядов в организме. — *Н. Д.)*

Палочко-ядерные нейтрофилы — 18%. (При норме 2-5%. Этот показатель тоже жирно подчеркнут синим карандашом. — *Н. Д.)*

Особые замечания. В части нейтрофилов имеется токсическая зернистость».

Наверно, эти «особые замечания» и повергли врачей в шок, они-то знали (в отличие от простых смертных), что клетки крови, в которых была обнаружена «токсическая зернистость», защищают организм человека от бактерий и токсических веществ.

Здесь необходим дополнительный комментарий специалистов, которым я показал анализы, скрыв, кому они принадлежат. Вот что они ответили мне на вопрос: "Почему анализы крови не сразу, а только на 3-й день показали наличие токсинов?":

"Чтобы лейкоциты отреагировали на чужеродные токсины и произошло накопление антитоксичных клеток, лимфоцитам нужно время для распознавания по принципу «свой — чужой». Когда врачи обнаружили эту токсичность, было уже поздно, так как произошли необратимые разрушения в сердце и головном мозге..."

— Когда же и что нужно было делать, чтобы попытаться спасти больного? — не унимался я.

И мне ответили: "Во всех случаях должно производиться промывание желудка. Полезность и сила этого метода в относительной быстроте и полноте выведения яда из желудка (если отравление произошло через рот), а также в уменьшении опасности мозгового инсульта у пожилых людей благодаря отсутствию подъема кровяного давления, какое бывает из-за сильного натуживания при рвоте. Кстати, во многих случаях промывание желудка помогает и при других формах попадания яда в организм, а не только через рот. Почему? Долго объяснять... Но поверьте на слово, что это точно!.."» (Конец цитаты).

Дальше автор рассматривает данные вскрытия. С ними тоже все неясно. Например, в данных не указаны сросшиеся пальцы и усохшая левая рука. Из чего г-н Добрюха делает вывод, что вскрывали не Сталина, и выдвигает совершенно безумную версию о том, что Сталин умер сразу, а затем в Кремле отравили и привезли в Кунцево его двойника. Зачем — совершенно непонятно. Впрочем, у этого факта может быть и простое объяснение: медиков попросили не упоминать в акте

о физических аномалиях вождя. Этот документ увидят многие, и незачем позволять распространяться слухам о таких подробностях, со всеми вытекающими отсюда комментариями, типа «печати дьявола» и т.п. Да и просто незачем, чтобы пошли слухи о физических недостатках Сталина. Итак:

Цитата 5.11. «Чтобы не ухудшить "условия бальзамирования", при вскрытии "не проверялись щитовидная железа, гипофиз, половые железы, полость рта, язык, миндалины, пищевод, гортань и трахея". Зато было сделано сенсационное открытие — "воспалительные очаги в легких", о которых писали лечащие врачи, отсутствовали.

На воспаление легких, судя по всему, очень рассчитывали начальники от медицины, дабы объяснить им увеличение числа лейкоцитов и одновременно скрыть этим таинственную кровавую рвоту и "токсическую зернистость в лейкоцитах". Ведь в медицинском заключении о болезни и смерти И. В. Сталина писалось: "С *первого дня болезни повысилась температура и стал отмечаться высокий лейкоцитоз, что могло указывать на развитие воспалительных очагов в легких"*.

Сталина даже лечили пенициллином

А вот состояние желудочно-кишечного тракта свидетельствовало об отравлении, слизистые оболочки желудка и кишечника будто посекло бесчисленной дробью. Вот как это описано в "Акте патолого-анатомического исследования": *"Содержимое желудка представляет собой черного цвета жидкость в количестве 200 кб. см. На слизистой желудка обнаружены множественные мелкие черно-красные точки, легко снимающиеся ножом. По удалении их на слизистой желудка обнаруживаются мелкоточечные углубления. Слизистая желудка сглажена. Такого же характера изменения обнаружены на слизистой двенадцатиперстной кишки. На вершине складок верхнего отдела тощей кишки в слизистой оболочке обнаружены мелкоточечные кровоизлияния. Такие же кровоизлияния кое-где встречаются и на протяжении всего тонкого кишечника.*

В просвете верхнего отдела тонкого кишечника обнаружена густая темно-зеленого цвета масса, приобретающая на остальном протяжении кишечника черную окраску. Слизистая тонкого кишечника — местами интенсивно окрашива-

ется этой полужидкой массой в черный цвет..". **(Конец цитаты)**

Цитата 5.12. «Все вышесказанное я попросил прокомментировать одного из крупнейших специалистов в области ядов. На условиях анонимности он заметил, что не исключает в данной истории применения лекарства дикумарин. Дикумарин мог быть изготовлен специально с передозировкой, чтобы его прием вызвал инсульт...

Справка о дикумарине: дикумарин был первым и основным представителем антикоагулянтов — лекарств, снижающих свертываемость крови. Однако в связи с высокой токсичностью изъят из употребления. Эффект воздействия дикумарина проявляется медленно, но продолжительно — начинается через 2-3 часа и достигает максимума через 12—30 часов. (Что, заметим, соответствует времени углубления потери сознания у Сталина в течение первых суток его последней болезни. — *Н. Д.)* Повышает проницаемость сосудов, что чревато кровотечениями. Могут наблюдаться выделения крови с мочой, кровотечения из полости рта и носоглотки, желудочные и кишечные кровотечения, кровоизлияния в мышцы и т. д. Особо опасен для пожилых людей...» **(Конец цитаты.)**

• Кроме дикумарина, есть и другие вещества. Например, Владимир Наумов и Джонатан Брент в книге «Последнее дело Сталина» приводят предположение докторов медицины Лоуренса К. Когена и Филиппа Дикея еще о каком-то веществе, которое авторы не называют.

Цитата 5. 13. «Эти кристаллы используются в качестве крысиного яда и не имеют вкуса и цвета. Он препятствует свертыванию крови, и поэтому его назначают больным сердечными заболеваниями. Препарат был запатентован в 1950 г. и вскоре уже очень активно продавался по всему миру. Правильно подобранная доза в срок от трех до десяти дней могла вызвать у больного острым атеросклерозом кровотечение или даже кровоизлияние в мозг».

Когда я консультировалась с медиками по поводу книги «Последний бой Лаврентия Берии», мне также рассказали, что существуют препараты, резко повышающие давление. Они токсичны, то есть, обладают сильным побочным эффек-

том, поэтому не используются в медицинской практике, вводятся большей частью внутривенно и действуют не сразу. В принципе, и высказанная в той книге версия, что Сталину в ночь на 1 марта дали каким-либо образом снотворное а потом сделали укол, тоже не хуже прочих. Тогда понятна странная оговорка по поводу «сна охраны» — мол, если кто что и делал, то мы не видали. Что же касается укола — нормально обученные охранники имеют и определенные медицинские навыки, так что совсем не обязательно вызывать врача или медсестру, чтобы сделать инъекцию. Но эта версия не для документальной книги, а для детектива, где она и использована.

Не будем путать документалку и детектив, поэтому позвольте не поверить, что Сталина можно было заменить двойником и множество людей, с которыми он виделся ежедневно, не заметили бы подмены. Такое бывает только в бразильском сериале. Но вот что интересно — так это сообщенная Добрюхой первая запись в журнале врачей, датируемая 7 часами утра: *«Больной лежал на диване в бессознательном состоянии в костюме»*. Правда, из этого он почему-то делает вывод, что «его сразу нашли мертвым, а потом полураздетого покойного вождя заменили "срочно заболевшим" одетым в костюм двойником?». По-видимому, он так считает, потому что верит Лозгачеву, который вспоминал, что Сталин был в нижней солдатской рубашке — помните? Но Лозгачеву верить нельзя никак. И кстати, пикантность этой записи знаете в чем? Костюма в обычном понимании у Сталина не было вообще! Он носил или полувоенный френч без знаков различия, или положенный ему по званию мундир. Разве что врачи назвали «костюмом» френч.

Аналогичное свидетельство (непонятно кого) приводят Брент и Наумов: Сталин «лежал на диване в бессознательном состоянии. Он был одет в свою обычную одежду». Это еще раз подтверждает версию, что все случилось до того, как Сталин лег спать.

В общем, по-прежнему дело ясное, что дело темное. А уж медицинские вопросы — и вовсе дремучий лес. К счастью, у меня имеются и собственные консультанты. Эту тему лю-

безно согласился прокомментировать Юрий Томсинский, кандидат медицинских наук, патологоанатом Военно-медицинской академии.

— ...Описанная г-ном Добрюхой клиническая картина, к огорчению автора, не может однозначно свидетельствовать об отравлении товарища Сталина. Эти симптомы могут наблюдаться и при нарушении мозгового кровообращения (инсульт).

— Весь комплекс, или что-то выбивается из общего ряда?

— Если что и выбивается, то это анализ крови. Прежде всего я имею в виду так называемую «токсическую зернистость лейкоцитов», и вообще их количество. Но надо учитывать, что при проведении лабораторных анализов имеет огромное значение и оборудование, и квалификация лаборанта.

— Допустим, с этим было все в порядке...

— Не факт... но ладно, допустим. Тогда это может быть симптомом быстро развивающейся пневмонии при нарушении мозгового кровообращения — такие пневмонии текут очень тяжело, лечатся с трудом и зачастую являются причиной смерти больных.

— Но ведь при вскрытии не обнаружено следов пневмонии.

— **Я** бы хотел посмотреть на весь этот документ! Те выдержки, которые доступны нам сейчас, заставляют лишь пожимать плечами.

— Но все же: может такой анализ крови означать еще что-то, кроме пневмонии?

— Да, вялотекущий инфекционный процесс — кто рискнет утверждать, что у Сталина его не было? Кроме того, не исключена такая на первый взгляд парадоксальная ситуация, как наличие тяжелого заболевания, о котором просто никто не подозревал! Например, у пожилых людей, болеющих ишемической болезнью сердца, может встречаться воспаление клапанов сердца (т. н. эндокардит). Если, допустим, у Сталина патологоанатомы обнаружили что-либо подобное, то

становится совершенно понятным, что документ был фальсифицирован. Кому хочется попасть еще одним обвиняемым в «дело врачей»?

— Но все же: могут эти данные свидетельствовать о том, что Сталину дали препарат, резко повышающий давление, вызвав тем самым искусственный инсульт? Существовали ли они тогда? Что вы скажете о том же дикумарине?

— В принципе, такие препараты существуют сейчас и существовали тогда. Я не фармаколог, так что могу рассказать только в общих чертах. Есть целая группа сосудосуживающих препаратов, введение которых может вызвать кратковременное поднятие артериального давления. Что касается дикумарина, то это действительно очень мощный препарат, препятствующий свертыванию крови, однако при его введении должны были возникнуть обширные внутренние и подкожные кровоизлияния, т. к. его действие — системное.

— Мы знаем, что было желудочное кровотечение и кровотечение в кишечнике. Для инсульта это характерно?

— Нет, но может быть осложнением инсульта. В данном случае важнее знать состояние печени и почек, ибо при отравлении подобного рода препаратами кровоизлияния там должны встречаться закономерно, а при инсульте — нет.

— Но вы не исключаете возможности отравления?

— Естественно, нет. Однако у нас слишком мало данных, чтобы можно было дать однозначное утверждение. Как говорят математики, их количество исчезающе мало.

— Как вы думаете, если бы врачи подозревали отравление, стали бы они вносить в журнал записи, исходя из которых это можно было бы потом установить?

— Записи ведь можно трактовать по-разному. Однако в то время медицинскому сообществу Москвы был нанесен сильный удар «делом врачей», и в особенности академической элите. Поэтому при анализе их действий это необходимо учитывать далеко не в последнюю очередь.

— Возможно ли было, чтобы кто-либо из них подошел, допустим, к Берии или Маленкову и высказал предположение, что Сталина отравили?

— Не представляю, кто бы это мог быть. Все боялись. Тем более, необходимо учитывать принятую во врачебном сообществе иерархию и механизм передачи ответственности. Исходя из этого, делаю «дикое» предположение, что таким лицом мог оказаться только *министр здравоохранения*.

— А те врачи, которые лечили?

— Лечащие врачи в системе Лечсанупра Кремля выполняли рекомендации консультантов. А вот среди консультантов как раз и была вся академическая элита. Поэтому значительная часть ответственности за лечение и определение его стратегии лежала на них. Зачастую именно они рекомендовали и лечащих врачей.

— Остается только пожалеть, что там не было такого человека, как доктор Тимашук...

— В какой-то степени — да...

— Как вы думаете, знали ли врачи утром 2 марта, что Сталин умрет? А если нет, то когда они могли дать такой прогноз?

— Сказать, что знали *наверняка* — естественно, нет. Но вопрос ведь еще и в том, *как* жить. О восстановлении работоспособности не было и речи. Дальше стране предстояло обходиться без Сталина, даже если бы он остался жив.

...Естественно, по господину Добрюхе, вождя отравил злодей Берия. Почему — давно всем известно. Сталин планировал новые репрессии, и Берия — поскольку никаких высоких мотивов у такого негодяя, конечно же, быть не могло — спасал свою шкуру, ибо был одним из первых кандидатов. Серго Берия в своей знаменитой книге еще и припечатал данную версию печатью «очевидца». Он (или его соавторы и советчики) придумали простой и гениальный ход: они взяли всю хрущевскую ложь и свалили ее на Сталина. Мол, вождь был «за» все эти гадости, а Берия «против». Серго Лав-

рентьевич думал, что тем самым обеляет отца. Впрочем, одно оправдание у него есть: ну кто мог предположить, что вранья будет *столько]*

Однако мы все же поищем на роль злодеев более подходящие кандидатуры.

Но даже если причиной 26 июня стало 5 марта, все равно остается открытым вопрос мотивации. Теперь он будет звучать немножко иначе: «За что убили Сталина?» А если смерть вождя все же естественная, то перед нами все равно стоит первоначальный вопрос: «За что убили Берию?» Девять из десяти, что оба эти вопроса имеют один и тот же ответ.

«В тяжелой болезни т. Сталина виновны те же врачи-убийцы. Это, видимо, они и т. Сталину давали лекарства замедленного действия».

«Как жаль, что он так тяжело заболел. Не приложили ли руку к его здоровью евреи?»

«Не может быть, чтобы это обошлось без подлых рук врачей-убийц».

«Все возможно. У т. Сталина повышенное давление крови, а его враги направляли на юг лечиться. На юге же находиться с такой болезнью противопоказано. Это тоже, видимо, делали врачи».

«Вполне возможно, что тут врачи замешаны. Earn это дело подтвердится, у народа еще больше будет возмущения против евреев».

Из отчетов МГБ о настроениях в армии весной 1953 г.

Глава 6

САМОЕ СТРАННОЕ ДЕЛО МВД

По ходу работы Николай Добрюха делает одно очень точное замечание. «Медики знали: скажи они, что вождя отравили, а они все эти дни лечили инсульт и гипертонию, Берия арестует их тут же. А уж под пытками они сами наговорят что угодно. Так организованное как раз в эти дни (не важно кем!) "дело врачей" сыграло зловещую роль в убийстве Сталина».

Ну почему же «не важно кем», дорогой коллега? Если «дело врачей» имеет отношение к смерти вождя, то это как раз невероятно важно: кто и зачем его организовал? Тем более что никакого логического основания (кроме паранойи и патологического антисемитизма Сталина) оно не имеет до сих пор.

Начнем с конца

Берия, едва придя после смерти Сталина в МВД, в первую очередь разгромил «дело врачей». Уже 13 марта он назначил проверку самых громких дел МГБ. «Дело врачей» было прекращено первым. 3 апреля ЦК принял следующее постановление.

Документ 6.1.
Из постановления Президиума ЦК КПСС по «делу о врачах-вредителях».

«1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях», в количестве 37 человек;

б) о привлечении к уголовной ответственности работников б[ывшего] МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов.

2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати.

3. Предложить б[ывшему] Министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов.

4. Принять к сведению сообщение тов. Л. П. Берия о том, что Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключающие возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД.

5. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина Тимашук Л. Ф. как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

6. Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС:

"Ввиду допущения т. Игнатьевым С. Д. серьезных ошибок в руководстве быв. Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС".

7. Настоящее постановление вместе с письмом тов. Берия Л. П. и постановлением специальной следственной комиссии МВД СССР разослать всем членам ЦК КПСС, первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС».

Через два дня Игнатьева сняли с поста секретаря ЦК Формально это снятие должно было состояться на пленуме

который был назначен на конец месяца. Однако пленума ждать не стали, изгнание бывшего министра утвердили *телефонным опросом* всех членов ЦК, обзвонив более ста человек. А на пленуме Игнатьева вывели из состава самого ЦК и поручили комиссии партийного контроля решить вопрос о его партийной ответственности. Уже по стремительности оргвыводов можно представить, как был разъярен Берия!

Его сын Серго на следствии вспоминал замечательный разговор с отцом, относящийся к тому времени:

Цитата 8.1. *«После появления в газете "Правда" передовой статьи о серьезных недостатках в органах Министерства государственной безопасности в связи с делом врачей, я обратился к отцу с вопросом: "Почему охаивают работу Игнатьева, ведь он секретарь ЦК КПСС?"...Берия Л. П. на мой вопрос ответил раздраженно, презрительно по адресу т. Игнатьева: "Какой он секретарь ЦК, он... (нецензурное слово) собачье".»*

«Сообщение для опубликования в печати», о котором говорится в постановлении, было скупой и официальной информацией МВД о прекращении дела. Но вместе с ним появилась еще и та самая знаменитая передовая под характерным названием: «Советская социалистическая законность неприкосновенна», где открытым текстом было сказано о фальсификации дел в МГБ и применении недозволенных следственных методов. А судя по стилю, которым написана статья, похоже, что она — по крайней мере, ее содержательная часть — принадлежит перу самого Берии.

Документ 6.2.
Из передовой статьи «Советская социалистическая законность неприкосновенна».
«Правда». 6 марта 1953 г.

«В нашей печати опубликовано сообщение Министерства внутренних дел СССР о результатах тщательной проверки всех материалов по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже, и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессора и врачи были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Как говорится в сообщении Министерства внутренних дел, проверка показала, что выдвинутые против этих лиц обвинения являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия...»

Позднее, на июльском Пленуме ЦК, эту публикацию также поставят Берии в вину — зачем, мол, выносил сор из избы. Однако вопросами печати все еще ведал ЦК КПСС, и без соответствующего партийного решения этот материал не мог бы появиться. Стало быть, партия не возражала...

4 апреля Берия подписал беспрецедентный приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия» (приведен в Приложении). Подписывал министр, а готовил приказ Богдан Кобулов, первый заместитель — ему принадлежит основная доля работы по этим делам. (Тот самый Кобу¬ лов, которого потом, в порядке особого цинизма, ославили главным костоломом в бериевской команде.) Ему не привыкать — в 1938 году именно он возглавил Следственное управление НКВД, созданное специально для разгребания ежовских «авгиевых конюшен». Тогда творившемуся в органах беспределу не дали публичной оценки, спустили на тормозах — теперь приходилось расплачиваться за все сразу.

Так закончилось одно из самых нелепых, странных и абсурдных дел послевоенного МГБ.

Как все начиналось

Считается, что началось «дело врачей» за четыре года до описываемых событий, в августе 1948 года, когда тяжело больной Жданов доживал последние дня в санатории на Валдае.

Когда после 26 июня хрущевские пиарщики начали разветвленную кампанию дезинформации, среди запущенных ими версий была и следующая: Сталин назначил Жданова, секретаря ЦК и начальника Управления по пропаганде и агитации, своим преемником. На самом деле это, конечно, легенда — состояние здоровья Жданова не позволяло строить по отношению к нему далеко идущих планов. Когда в начале июля он потерял сознание в машине, направляясь на заседание Политбюро, его отправили на Валдай, в правительственный санаторий.

Известно, что 23 июля Жданов перенес сердечный приступ. К середине августа врачи решили, что больной достаточно окреп, и позволили ему вставать с постели, гулять по парку, даже ходить в кино. Последняя кардиограмма была сделана 7 августа, потом врач-кардиолог Карпай ушла в отпуск. 28 августа к больному приехали начальник Лечсануп¬ра Егоров, профессора Виноградов и Василенко. (Зачем — не совсем понятно, в истории болезни никаких экстраординарных событий не отмечено.) С собой они взяли доктора-кардиолога Тимашук, которая сняла ЭКГ и, расшифровав ее, пришла к выводу, что Жданов недавно перенес инфаркт.

То, что случилось потом, подробно описано самой Лидией Тимашук в письме, которое она 28 августа направила начальнику Управления охраны МГБ генералу Власику.

Документ 6.3.

« 28/VIII-с/г. я была вызвана нач, ЛСУК профессором Егоровым к тов. Жданову А. А. для снятия ЭКГ.

В этот же день вместе с пр. Егоровым, акад. Виноградовым и пр. Василенко я вылетела из Москвы на самолете к месту назначения. Около 12 ч. дня сделала А. А. ЭКГ, по данным которой мною диагностирован «инфаркт миокарда в

области левого желудочка и межжелудочковой перегородки», о чем тут же поставила в известность консультанта.

Пр. Егоров и д-р Майоров заявили мне, что это ошибочный диагноз и они с ним не согласны, никакого инфаркта у А. А. нет, а имеется «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни и предложили мне переписать заключение, не указывая на «инфаркт миокарда», а написать «осторожно» так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих ЭКГ.

29/VIII у А. А. повторился (после вставания с постели) сердечный припадок и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова ЭКГ 29/VIII в день сердечного приступа не была сделана, а назначена на 30/VIII, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем я поставила в известность т. Белова А. М.

Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают безусловно тяжелое состояние А. А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней «инфаркт миокарда», остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А. А.».

По-человечески совершенно понятно, что произошло в санатории на Валдае. С одной стороны, узнав о предполагаемом инфаркте, медики должны были бы перестраховаться, резко ужесточить больному режим и пр. Но с другой стороны, заключение Тимашук ставило под сомнение профессиональную квалификацию лечащего врача Жданова Майорова, который являлся ответственным за «проворонненный» инфаркт, а поскольку его порекомендовал Егоров, то свою долю вины нес и начальник Лечсанупра. Кроме того, мы не знаем, какие между ними были личные отношения, сколько спирта они выпили вместе. Егорову, чем решать проблему, проще было ее ликвидировать, заставив

Тимашук переписать заключение. Он так и поступил. Девять из десяти, что доктор согласилась бы это сделать — и чтобы не ссориться с начальством, и из чувства корпоративной солидарности.

Однако Егорову достался десятый шанс. Тимашук заупрямилась и переделывать заключение отказалась. Начальник Лечсанупра разозлился. Человек он был грубый и заносчивый, и можно представить, как он вел себя по отношению к какой-то там докторишке, осмелившейся ему перечить, каким тоном и в каких выражениях требовал привести выбивавшееся из строя заключение к общему знаменателю. Надо полагать, такое делалось не в первый и не в десятый раз. Высокое медицинское начальство не рисковало практически ничем. Если бы что-то со Ждановым и случилось, переделавшая заключение кардиолог оказалась бы повязанной с ними общей халатностью.

Сразу после этой «беседы» Лидия Тимашук и написала свое письмо «туда, на знаю куда» — ибо поначалу доктор хотела адресовать его в ЦК. Однако начальник охраны Жданова майор Белов порекомендовал ей обратиться в МГБ, к начальнику Главного управления охраны генералу Власику. Почему — понятно: в этом случае майор мог гарантировать, что меры будут приняты немедленно. И перед тем, как произносить слова осуждения, давайте задумаемся вот о чем. Все мы — потенциальные пациенты, и если вы, уважаемый читатель, находитесь в больничной палате, хотелось бы вам, чтобы рядом оказалась такая вот доктор Тимашук, или вы предпочтете врачей, заметающих мусор под ковер? То-то же...

Есть в этом письме и еще один нюанс. Тимашук называет высокопоставленного пациента не «товарищ Жданов», как следовало бы, а по имени-отчеству (точнее, как было тогда принято, «А. А.»), что говорит о хорошем с ним знакомстве. И в самом деле, доктор была прикреплена к Жданову еще в 1941 году и знала, как выглядит его нормальная кардиограмма. Долгим знакомством может отчасти объясняться и ее настойчивость в борьбе за жизнь Жданова. Тем более что он был, по многим воспоминаниям, хорошим, вызывающим искреннюю симпатию человеком.

Вернувшись в Москву, 31 августа Егоров собрал консилиум. Специалисты-кардиологи — профессора Незлин и Этингер, академик Зеленин — подтвердили, что инфаркта у пациента нет. По мрачной иронии судьбы, консилиум завершился сообщением о смерти Жданова. Для всех медиков, причастных к его лечению, ситуация была чревата серьезными неприятностями.

Первой и единственной странностью этого дела является вскрытие, которое проводилось почему-то прямо на Валдае, в ванной комнате санатория — хотя ехать оттуда до Москвы чуть более двух часов на машине и еще меньше на самолете. Однако проводили столь странное вскрытие с согласия Сталина — едва получив известие о смерти, Егоров позвонил вождю. С самим Сталиным он, похоже, не разговаривал, беседовал с его секретарем Поскребышевым, от которого и получил разрешение произвести вскрытие на Валдае. Затем начальник Лечсанупра вместе с патологоанатомом Федоровым вылетел в санаторий. Поэтому считается, что вождь не был заинтересован в установлении причин смерти Жданова. Впрочем, поведение Сталина может иметь и другие объяснения...

А скандал с жалобой доктора Тимашук только набирал обороты. О дальнейших событиях рассказывает она сама в одном из последующих своих писем:

Док. 6.5.

« 4/IX-1948 г. начальник ЛечСанупра Кремля проф. Егоров П. И. вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии глав. врача больницы В. Я. Брайцева заявил: "Что я Вам сделал плохого? На каком основании Вы пишете на меня документы. Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство и министр здравоохранения, а потому Ваш документ мне возвратили. Это потому, что мне верят, а вот Вы, какая-то Тимашук, не верите мне и всем высокопоставленным консультантам с мировым именем и пишете на нас жалобы. Мы с Вами работать не можем, Вы не наш человек! Вы опасны не только для лечащих врачей и консультантов, но и для больного, в семье которого произвели перепо-

лох. Сделайте из всего сказанного оргвыводы. Я Вас отпускаю домой, идите и подумайте!"»

По воспоминаниям Тимашук, Егоров был разгневан беспредельно, бегал по кабинету и стучал кулаками, кричал, что жалобу ему передали, потому что верят ему, «а не какой-то Тимашук». По-человечески его понять можно: и так-то положение неприятное, а тут, оказывается, эта мадам еще и в МГБ написала. Кстати, то, что он спустя четыре года оказался в подвалах Лубянки, во многом было следствием хамского обращения с подчиненными. Если бы Егоров вежливо разговаривал с доктором Тимашук еще на Валдае и дал себе труд урегулировать конфликт сразу, он избежал бы многих неприятностей. Читайте Дейла Карнеги, господа!

Через день, 6 сентября, состоялось чрезвычайно представительное совещание в Лечсанупре, на котором признали правильность назначенного лечения. Патологоанатом доктор Федоров озвучил на нем результаты вскрытия (привожу по книге Брента и Наумова).

Документ 6.4.

«Гипертония. Обширный атеросклероз. Атеросклероз аорты и коронарных сосудов с первичным повреждением левой ветви и ее ответвлений. Стенокардия. Кардиосклероз... Прогрессивное нарушение коронарной циркуляции с первичным повреждением внешней стенки левого желудочка и разрыв перегородки... Гипертония и расширение сердца, в основном на левой стороне. Инфаркт митрального клапана... и т. д.»

В результате он сделал вывод:

«Смерть товарища Жданова наступила от паралича необратимо изменившегося сердца, который явился следствием острого атеросклероза коронарных сосудов в сочетании с общим атеросклерозом. В результате сердечного приступа развилась острая эмфизема. Инфаркта не было».

Тимашук перевели подальше от «светил», во второразрядную клинику. Она, правда, не успокоилась — но это уже совсем другая история...

Комментарий Юрия Томсинского:

— Необходимо отметить, что в то время специалистов по чтению ЭКГ (функциональных диагностов) вообще было немного. Сам метод электрокардиографии стал внедряться в широкую клиническую практику достаточно недавно, примерно с середины 30-х годов. А учитывая то, что в Советский Союз все это приходило позже, у нас такие специалисты вообще были единичны и в цене.

— ...И медики старого поколения не доверяли новому методу?

— Не все так просто. Электрокардиография редко дает однозначные результаты. По оценке самой электрокардиограммы написаны целые тома руководств, и примерно столько же написано о методах оценки соотношения электрокардиографических и клинических показателей.

— То есть ситуация была не настолько однозначна, как кажется неспециалисту. Существовало ли пространство для спора?

— Безусловно. Предполагаю, что в данном случае речь могли идти о так называемом «немом» инфаркте миокарда, то есть без картины приступа стенокардии. А учитывая, что у Жданова были эти приступы, да еще и в сочетании с нарушением ритма (как иначе расценить слова «сердечный припадок»?), однозначное исключение вялотекущего инфаркта миокарда никак невозможно. Чтобы судить точно, надо собрать клиническую картину и на нее «наложить» ЭКГ.

— А если клиническая картина и ЭКГ противоречат друг другу? Может такое быть? И как в этих случаях поступают врачи?

— Следует говорить не о противоречии, а о несоответствии. Ведь речь идет не о здоровом человеке, у которого ЭКГ пишет черт знает что (при некоторых экзотических заболеваниях и при некоторых особых состояниях организма это бывает). В данном случае об этом речь не идет — просто клиническая картина не подтверждает данные ЭКГ. Если такое

происходит в обычной больнице, то собирается консилиум и решает, как поступить.

— Тогда почему Егоров вынуждал Ъмашук переписать заключение?

— Насколько я могу понять из литературы, речь шла не об остром инфаркте, а о его развитии, то есть он случился не сегодня. Возникал естественный вопрос: «А куда вы, братцы-кролики, раньше смотрели?» Поэтому Егоров и решил спрятать концы...

— А когда понял, что не получится, стал действовать так, как положено — созвал консилиум, который подтвердил его правоту. Но ведь в заключении патологоанатома написано: «Прогрессивное нарушение коронарной циркуляции с первичным повреждением внешней стенки левого желудочка и разрыв перегородки...» Разве это не означает, как писала Тимашук, «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки»?

— Означает.

— Почему же консилиум признал, что Егоров был прав? Они что, не умели читать кардиограмму?

— Читать кардиограмму они умели. А почему приняли такое решение, не знаю.

— Как вы полагаете, если бы не эта история, сколько Жданову оставалось бы жить?

— Один Бог знает. Он мог умереть в любой момент.

— А был какой-то смысл в том, чтобы проводить вскрытие не в патологоанатомическом отделении, а прямо на месте?

— Для лечсанупровского начальства — никакого. Разве что наоборот — кто-то другой, кто хотел знать истинное положение вещей, решил не дать им времени подготовиться.

— Как вы считаете, следует ли здесь говорить о преступной халатности или о медицинской ошибке?

— Думаю, и о том, и о другом.

— Тогда надо признать, что наиболее верно оценивала ситуацию доктор Тимашук. Потому она и стала бить тревогу, при этом пойдя самым прямым путем — через МГБ, и была в этом права!

— Пожалуй, да...

В общем и целом все происшедшее типично для медицинских будней. Как выглядят эти будни, описано многократно — например, в книге известного русского писателя Вересаева «Записки врача». Очень, надо сказать, поучительное чтение — особенно по части врачебных ошибок и той цены, которую человечество платит за развитие медицины. (Сталин, кстати, наверняка читал эту книгу.) Если за подобные истории сажать врачей, то лечить будет некому. И судя по дальнейшим событиям, в Политбюро это прекрасно понимали. Более того, профессор Виноградов до самого своего ареста оставался личным врачом Сталина.

Путь «рокового письма»

Итак, 29 августа письмо Лидии Тимашук ушло «наверх». Всплывет оно лишь через четыре года. Чтобы понять, как дальше развивались события, надо хотя бы попытаться проследить его «подводный» путь.

О дальнейшем прохождении письма по инстанциям существуют разные версии. Одна из них берет начало все в том же «деле врачей». (Чтобы не ссылаться постоянно: вся следственная информация по этому делу и «делу Рюмина» приводится по книге Джонатана Трента и Владимира Наумова «Последнее дело Сталина».)

16 декабря 1952 года был арестован бывший начальник Главного управления охраны, многолетний телохранитель Сталина генерал Власик, снятый незадолго до того со своего поста по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Одним из возводимых на него обвинений было: он-де, получив письмо Тимашук, не передал его дальше, «скрыл от ЦК», не проверил, не придал значения и т. п.

Власик на допросах в 1952 году говорил разные вещи. И то, что не проверял письмо Тимашук, потому что не полу-

чил соответствующих директив, — сомневаться в этом его заявлении нет оснований. С какой стати управлению охраны заниматься подобными проверками? И то, что проверка была, но его удовлетворили результаты вскрытия и обсуждения в Лечсанупре — а почему они должны были его не удовлетворить? Что понимают чекисты в сугубо медицинских вопросах? Не подозревать же всех врачей Лечсанупра вкупе с известнейшими кардиологами города Москвы в том, что они находятся в злодейском заговоре с целью убийства товарища Жданова! МГБ того времени отнюдь не страдало паранойей, это уже потом приписали...

Впрочем, полутора годами ранее, на оперативном совещании 30 июля 1951 года, Власик утверждал, что письмо еще в 1948 году было доведено до сведения ЦК (в данном случае имеется в виду Политбюро, которое тоже выступало от имени ЦК). В конце 1952 года об этом совещании не вспомнили и объяснений генерала не услышали. Неудивительно — Власика попросту *топили*, и следствию годился любой абсурд, лишь бы оставить самого верного из телохранителей Сталина в тюрьме.

На самом деле траекторию письма можно просчитать совершенно точно. Оно было получено Власиком, прочитано им и, учитывая чрезвычайную важность вопроса, тут же передано непосредственному руководству — министру госбезопасности Абакумову. Абакумов также не имел права решать этот вопрос самостоятельно. Поскольку дело затрагивало одного из первых людей в стране, он обязан был довести его до сведения Сталина, причем немедленно.

Прикинем по времени. Тимашук написала письмо 29 августа после обеда, в Москву его отправили вечером — хоть и на самолете, но не меньше двух-трех часов на доставку должно было уйти. Ночью его читали сначала Власик, потом Абакумов, и самое позднее утром следующего дня письмо должно было уже лежать на столе у Сталина. Любой иной путь был чреват 58-й статьей УК в крайне неприятных ее подпунктах. А вот что с этим историческим документом было дальше?

Согласно самой официальной из всех версий, Сталин получил сию бумагу, однако мероприятий по ней проводить

не стал, а попросту сдал в архив. По этому поводу есть и документ — спецсообщение Абакумова.

Документ 6.6.

«Совершенно секретно. Товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом представляю Вам заявление заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы — врача ТИМАШУК Л. Ф. в отношении здоровья товарища Жданова А. А.

Как видно из заявления ТИМАШУК, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время как начальник Санупра Кремля ЕГОРОВ и академик ВИНОГРАДОВ предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда.

Приложение: — Заявление т. ТИМАШУК и электрокардиография товарища Жданова. В. Абакумов.

30 августа 1948 года».

Дата стоит внизу, под ней — подпись Сталина, свидетельствующая о том, что он получил документ. Еще ниже — большими буквами написана резолюция: *«Д. В архив. Ст.»*

И сразу же любимый вопрос — о подлинности данной бумаги. На первый взгляд она производит хорошее впечатление (по сравнению с обычным уровнем хрущевских фальшивок). На второй — менее хорошее. Абакумов имел обыкновение выражать свои мысли чрезвычайно четко, языком военного рапорта. Возьмем, для примера, спецсообщение Сталину от 21 марта 1946 года, которое легло в основание знаменитого «дела авиапрома».

Документ 6.6.

«При этом представляю рапорт сотрудника главного управления «СМЕРШ» подполковника Елисеева.

Тов. Елисеев доложил, что, будучи по делам службы в центральном аппарате Военно-Воздушных Сил, он встретил начальника Главного Управления Заказов ВВС генерал-лейтенанта инженерно-авиационной

службы СЕЛЕЗНЕВА, который рассказал, что ему придется нести серьезную ответственность перед правительством за приемку недоброкачественных самолетов от авиационной промышленности» и т. д.

Таким образом, если бы это спецсообщение писал действительно Абакумов, он начал бы примерно так: «Тов. Тимашук сообщает, что 29 августа она была вызвана...» и т. д., а не с той невнятицы, с которой начата эта сопроводиловка.

Второе сомнение — более серьезное. Оно касается слова «товарищ». В документе использовано два варианта его написания — полностью по отношению к Жданову и сокращенно: «т.», когда речь заходит о Тимашук. Слово это разные люди сокращали по-разному. Абакумов употреблял сокращение «тов.» и применял только его, о ком бы ни шла речь. Ну, а прогибы спинного хребта (я имею в виду разные варианты написания для высокого начальства и для простых людей) ему и вовсе были не свойственны — Абакумов не прогибался не то что перед Ждановым, но и перед Сталиным. (А вот Серов, между прочим, писал как раз «т.» и мысли свои выражал с большим трудом.)

Есть еще и третье сомнение. Абакумов, как и любой другой начальник того времени, либо писал от руки, либо диктовал документы и потом отдавал их на машинку. Поэтому в ГБ бытовала такая практика: если шла речь о разведчиках, дипломатах, высокопоставленных людях и пр., то в тексте ставился пробел, который автор сообщения потом заполнял от руки. Здесь этого нет.

Так что приходится признать, что доверия данной бумаге мало.

И второй любимый вопрос: зачем было ее сочинять? Ради резолюции «В архив»? Может быть, и ради нее, родимой...

Гипотеза 1. Когда лепили антисталинскую версию «дела врачей», было очень удобно вытащить данную бумажку, как кролика из шляпы, и приготовить из него вот какое рагу: Сталин сначала не придал значения этой истории, а когда понадобилось начать кампанию против евреев и интеллигенции, вспомнил про нее, приказал найти письмо Тима-

шук и пустил его в ход. Потому-то и сделали хрущевские фальсификаторы эту сопроводиловку, а вот стиль до конца подделать не смогли... или не захотели — у КАГЭБЭШ-ни¬ков ведь тоже могло быть свое мнение о происходящем. **(Конец гипотезы.)**

Впрочем, тут есть место и для второй причины. Давайте задумаемся не о том, что в данной бумаге есть, а о том, чего в ней *нет*. А нет в ней первичной резолюции Сталина. То есть он мог, конечно, написать и «в архив» — но когда? 30 августа? Или, скажем, 15 сентября, после того как письмо пройдет все необходимые проверки?

Гипотеза 2. Вторая причина подделки сопроводиловки — скрыть подлинную реакцию Сталина на эту историю. Что должен был сделать вождь, получив письмо? Тут и к бабке не ходи — вернуть его Абакумову, чтобы МГБ как следует все проверило. В принципе, для хрущевских фальсификаторов истории этот вариант был бы удобен — коварный Сталин, точно зная из материалов проверки, что «дело врачей» — туфта, тем не менее, стал раскручивать его в каких-то своих злодейских целях. Но есть в данной версии и неприятный для хрущевцев момент: что произошло с письмом после того, как оно побывало у Сталина? К этому вопросу мы еще вернемся, а пока

Гипотеза 3. Никакой сопроводиловки вообще не существовало. Абакумов, учитывая чрезвычайную важность вопроса, — ведь речь шла о возможном покушении на жизнь одного из первых лиц государства (министр ГБ не обязан был разбираться в тонких медицинских вопросах, но что такое «инфаркт» — знал наверняка), попросил Сталина принять его. В этом случае писать спецсообщение не было нужды — он доложил обо всем устно.

Итак, десять из десяти, Абакумов получил от Сталина задание как следует проверить сигнал. Вернувшись к себе (или получив ответ), он вызвал куратора Лечсанупра и, для консультации, какого-нибудь надежного и доверенного врача. А еще вероятнее, сам Сталин, прочитав письмо, снял трубку и приказал соединить его с каким-либо известным кардиологом (а может быть, для надежности, и не с одним). Врач

сказал примерно то же самое, что объяснял нам несколькими страницами ранее Юрий Томсинский.

Гипотеза. Кроме того, Сталин должен был (это простая логика, господа, так ведут себя в подобной ситуации все родственники и друзья пациентов) позаботиться об «альтернативном» обследовании больного. Тем более что к тому времени майор Белов успел рассказать об истории с «инфарктом» жене Жданова. Какова ее самая естественная реакция? Ну, то, что она поставила на уши весь санаторий — известно, а кроме? Естественно, позвонить Сталину. Мог узнать о врачебных разногласиях и сам больной. Как он должен был поступить? Учитывая характер Жданова, принялся всех успокаивать, тем более что после последнего приступа ему все равно был предписан строгий постельный режим. (Конец гипотезы.)

Как бы то ни было, на «смену караула» у постели больного уже не оставалось времени — 31 августа Жданов умер. Дальше следовало подождать результатов вскрытия. Если в качестве причины смерти указан инфаркт, значит, этим делом надлежит заниматься МГБ, и пусть Абакумов разбирается, что это — ошибка, халатность или злой умысел. Если инфаркта нет, стало быть, это сугубо медицинский скандал, и дело можно списывать в архив. Кстати, вспомним гипотезу Томсинского о том, что вскрытие на Валдае могло производиться по настоянию кого-то, кто хотел знать правду и не дать врачам времени подготовиться, чтобы ее скрыть. В таком случае, Егоров должен был получить от Поскребышева не *разрешение* провести вскрытие на Валдае, а *указание* это сделать.

Гипотеза. В этом есть логика — не дать времени Егорову сговориться с патологоанатомом. Теоретически они могли бы побеседовать в самолете, но практически с ними летели еще секретарь ЦК Кузнецов и первый секретарь Ленинградского обкома Попков, а самолетик был наверняка небольшой и шумный. Кузнецов присутствовал и на вскрытии, и если даже глазами на стол не смотрел (ибо зрелище не для всех) — то уж ушами-то все слышал. Как мы помним, патологоанатом как раз и определил инфаркт, но потом, уже побеседовав с Егоровым, сумел запутать этот факт среди меди-

цинского текста, так что на заседании 6 сентября он не прозвучал.

Знал ли все эти прискорбные обстоятельства Сталин? А то! Не такая это сложная материя, чтобы в ней не разобраться. Почему он не применил никаких оргвыводов к Егорову и компании? А какие оргвыводы к ним можно было применить? Поставить на Лечсанупр другого халтурщика? А толку? Оставалось лишь надеяться, что эта история хоть как-то *пугнет* кремлевских медиков, отчего в оном заведении станет немножко больше порядка. И тогда ему был прямой смысл передать в Лечсанупр письмо Тимашук — именно с этой целью. **(Конец гипотезы).**

Но все равно следовало провести негласную проверку по линии МГБ. Скорее всего, в этом причина временного разрыва в событиях. Жданов умер 31 августа, а Егоров получил письмо Тимашук лишь 4 сентября. В чем причина задержки? Выходных дней в этом промежутке не наблюдалось, дело было «горячее». Только в одном: письмо проходило проверку по линии МГБ, проверка не выявила ничего подозрительного, и дальше оно отправилось... куда, кстати? Каким путем оно попало в Лечсанупр?

1. Существует версия, что письмо передал Егорову Власик, с которым они были приятелями и регулярно пили на даче. Но, во-первых, *передать* ему жалобу он не мог, ибо при этом рисковал головой. Максимум, что мог — так это сказать: мол, был такой сигнал. Но тогда что же получается: начальник Лечсанупра, которому начальник управления охраны выдал совершенно секретную информацию, в присутствии третьего лица сообщает это автору жалобы? Он что — МГБ *вообще не боится?*

2. 7 февраля 1953 года Егоров на допросе показывал, что узнал об этом письме целых два раза. Сначала ему дал прочесть Белов, начальник охраны Жданова (интересно, с какой целою?). Второй раз его предупредил министр госбезопасности. «Вскоре, пока еще был жив Жданов, позвонил мне Абакумов и спросил, не знаю ли я что-то о заявлении Тимашук. Я сказал Абакумову, что читал его на Валдае. Потом Абакумов сообщил мне, что он послал это заявление главе советского правительства».

По сути, Егоров обвиняет как Белова, так и Абакумова в должностном преступлении. Это как если бы Мюллер позвонил Штирлицу и сказал: «Послушайте, штандартенфюрер, вы в курсе, что на чемодане русской радистки обнаружены отпечатки ваших пальцев? Ах, вам уже сказали? Так имейте в виду, я доложил об этом рейхсфюреру».

Поскольку в то время следствие валило на бывшего министра весь компромат, который только могло отыскать, а также усиленно пристегивало его к «делу врачей», эти показания Егорова неудивительны — но и верить им не стоит. Власик хотя бы пил водку с Егоровым, но Абакумов был человеком другого возраста и другого круга общения, так что его даже в этом не заподозришь...

Но если Егоров не знал о письме, почему же он созвал 31 августа консилиум? Скорее всего потому, что Тимашук так и не успокоилась. Ну, а против жены Жданова средства не имелось в принципе. Серьезная была женщина, говорят...

3. Есть еще один вариант: убедившись, что дело не содержит криминала, Сталин отправил жалобу Тимашук министру здравоохранения Смирнову — пусть сам разбирается со своими кадрами. В принципе, это нормальный бюрократический путь подобного документа.

4. Еще один вариант — письмо передали в Лечсанупр из МГБ, чтобы его обсудили и вернули с объяснениями.

5. И, наконец, последняя версия — его вообще не передавали. Вспомним: Егоров только кричал, что ему вернули жалобу — но не *показывал* ее Тимашук. Ему сообщили из МГБ, что был такой сигнал, и предложили дать по нему объяснения. Поэтому-то 6 сентября (5-го было воскресенье) он и собрал совещание в Лечсанупре, где Тимашук пришлось выдержать форменную битву. Совещание подтвердило правоту «светил медицины». Кстати, согласно материалам «дела врачей», на его стенограмме была пометка Власика, что она отослана Абакумову.

Зачем мы так подробно разбирались в этом мелком вопросе? А потому что с ним завязан другой вопрос, тоже мелкий, но являющийся одним из важнейших пунктов всего дела: *в каком из архивов осело это письмо?* В архиве Лечсанупра, МГБ или ЦК ВКП(б)?

Вспоминая об этой истории впоследствии, генерал Власик писал:

Цитата 6.1. *«После смерти т. Жданова медсестра Кремлевской больницы Тимашук опротестовала диагноз врачей, лечивших Жданова, о чем было доложено на Политбюро начальником Санитарного управления Кремля профессором Егоровым П. И. Была создана авторитетная комиссия по этому вопросу из профессоров под председательством профессора Егорова П. И. После вскрытия тела т. Жданова комиссией было установлено, что лечение Жданова было правильным, а заявление медсестры Тимашук было ошибочно и совершенно безграмотно, о чем и было доложено на Политбюро».*

Этим и закончилась история со смертью Жданова и письмом Тимашук.

Что еще любопытно, так это признание, сделанное Виноградовым уже бериевским следователям, которое раскопал все тот же дотошный г-н Наумов. Профессор, уже, по-видимому, знавший, что скоро будет освобожден, сообщает: *«...Необходимо признать, что вскрытие А.А. Жданова, умершего 31 августа, обнаружило тот факт, что он недавно перенес инфаркт миокарда. Поэтому неприятие этого факта... было ошибкой с нашей стороны. Я должен категорически заявить, что у нас не было никакого коварного плана, когда мы ставили диагноз или проводили лечение».*

Несмотря на эти слова, врачей освободили, поскольку бериевские люди умели отличать убийство от врачебной ошибки. Впрочем, признание Виноградова ничего не меняет. Мы можем совершенно точно сказать, что в 1948 году по факту смерти Жданова и письма Тимашук не было предпринято никаких действий. А то, что началось в 1952 году, — это уже совсем другая история.

Профессор Этингер и его тень

Дальнейшие изыскания осложняет то, что со «знаковыми» делами МГБ времен Игнатьева связано совершенно запредельное количество фальшивок. После июля 1951 года нельзя верить, в прямом смысле, *ни одному* свидетельству. Если подделки официальных документов, писем известных

людей еще как-то можно отличить, то разделить, например, подлинные и фальшивые протоколы допросов, тексты жалоб и пр. практически невозможно.

Простая ситуация: все тот же доктор Егоров после смены власти в МГБ написал многостраничное письмо на имя Берии. Оно могло сохраниться в архиве от начала до конца, как было написано. А могло случиться и по-другому: где-нибудь осенью 1953 года доктора вызывают в ЦК к какому-нибудь известному товарищу или, что еще лучше, в МВД и просят переписать пару страниц. Вы думаете, он откажется — после прихода к власти Хрущева и всего, что этому приходу сопутствовало? Ага, конечно!

Другая простая ситуация: существует протокол очной ставки бывших работников МГБ Маклярского и Рюмина. Последний — человек, на которого пытались свалить все злоупотребления по «делу врачей». Первый — писатель (в прямом смысле — то есть книги писал). Сделаны протоколы бойко, информацию содержат убийственную. Один лишь вопрос — а присутствовал ли на этих очных ставках Рюмин? Могли ведь посадить того же Маклярского в кабинет, объяснить задачу — и вперед! Он сам чекист, протокол составить сумеет, фантазия развита профессионально...

Поэтому хроника дальнейших событий весьма и весьма условна. Как говорят в журналистике, «по некоторым данным»...

Итак, по некоторым данным, история с письмом Тимашук начала всплывать летом 1951 года, сразу же после отстранения и ареста министра госбезопасности Абакумова, когда началась тотальная проверка работы МГБ. Вроде бы в июле была организована специальная группа во главе с заместителем министра Питоврановым, которая занялась этим делом. А может быть, и не этим, а делом доктора Этингера, что больше похоже на правду. А может быть, и не делом доктора Этингера, а просто искали, из чего бы состряпать скандал погромче, чтобы как можно больше обвинений взвалить на бывшего министра.

63-летний кардиолог профессор Этингер был арестован в ноябре 1950 года за чрезвычайно простую и знакомую всем

нам провинность — он был диссидентом и еврейским националистом. Второе само по себе преступлением не являлось, но после того, как Израиль сменил ориентацию с просоветской на проамериканскую, вело к определенному вниманию со стороны органов. Если националист был настроен патриотически (существовали и такие), дело подлежало парткому, где товарищу объясняли, что все нации равны, а в синагогу коммунисту ходить не подобает. Но почему-то большинство из них имело прозападные настроения. А уж для диссидента, как известно, и солнце на западе восходит...

Специалистов в СССР охраняли особо. И можно себе представить, *что* должен был болтать доктор Этингер и как себя вести, чтобы его, известнейшего кардиолога, арестовали! По воспоминаниям Питовранова, ему вроде бы принадлежала следующая фраза: «Тот, кто смог бы освободить страну от такого чудовища, как Сталин, стал бы героем». Но это маловероятно — «чудовищем» Сталин стал несколько позже, а доктор и вообще не был обижен ни вождем, ни режимом. Но что-то он говорил такое, что вывело из себя даже Сталина.

Весьма правдоподобные показания дал приемный сын Этингера Яков, студент истфака. Он говорил: «Мы критиковали все советское — культуру, науку, литературу, внутреннюю и внешнюю политику правительства, клеветнически называя Советский Союз "полицейским", "фашистским" государством. И мы обвиняли советское руководство в проведении агрессивной иностранной политики, которая могла бы развязать новую мировую войну». А Сталин, при том, что приветствовал конструктивную критику, к охаиванию «всего советского» в целом относился очень отрицательно. Он любил эту страну.

Обвинять следователей в фальсификации показаний не приходится — люди старше тридцати лет поверят в показания Якова сразу. По простой причине: мы это видели! Именно таким было в годы застоя настроение интеллигентской тусовки: не ругать Советский Союз в этой среде считалось дурным тоном.

Власть в России ругали всегда. Обычно она относилась к этому благодушно, но иногда, в минуту жизни трудную, к

говорунам начинали применять меры. И осень 1950 года была именно таким временем. С конца 40-х годов разведка приносила Сталину американские планы атомного нападения на СССР. 25 июня 1950 года началась война в Корее, в октябре в нее вмешался Советский Союз. Ситуация из послевоенной все больше перетекала в предвоенную, а после того, как советские и американские летчики начали летать с разных сторон одной границы, любой пустяк мог вызвать войну И МГБ, как ему и полагалось перед возможной схваткой, начало искать внутри страны предполагаемую «пятую колонну» потенциального противника.

Долго искать ее не приходилось. Настроение в интеллигентской среде было как раз подходящим — если бы статью 58-10 применяли во всей ее строгости, представителей этой социальной группы на свободе осталось бы крайне мало.

Еще в 1948 году Сталин говорил вещи, под которыми мы, нынешние, хлебнувшие «дружеских отношений с Западом», подписались бы обеими руками. Вот, например, воспоминания Константина Симонова (сценка веселая, жаль резать, так что привожу со многими купюрами, но со всеми приколами):

Цитата 6.2. «*— А вот есть такая тема, которая очень важна... Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей... у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра... Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным...*

Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет снимать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали.

Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, десять лет эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает... а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у наших интеллигентов...»

Борьба борьбой, но трехсотлетний прогиб спины в три года не выправишь. Для этого понадобилось двадцать лет то фэйсом об тейбл, то мордой в навоз, чтобы начали проклевываться какие-то иные движения души.

Надо ли говорить, что в условиях военной угрозы вылизывание вероятного противника опасно для государства? И стоит ли удивляться, что в 1950 году, когда ситуация стала острой, этих товарищей посчитали потенциальной «пятой колонной» и начали брать — тем более что их болтовня была уголовно наказуемым деянием? Так что Этингер ни в коей мере не являлся безвинной жертвой, не надо нам этих песен. «Пятую колонну» в действии мы могли наблюдать во время «перестройки» — именно она обеспечила молчание народа, партии и всех общественных организаций в то время, как правящая верхушка разворовывала страну и сдавала ее Западу.

...А дальше доктору не повезло со следователем. Следствие вел подполковник Рюмин, который, узнав, что Этингер в свое время лечил бывшего первого секретаря московского обкома Щербакова, умершего в мае 1945 года, решил заработать орден.

Тут надо кое-что пояснить. Весной 1938 года на третьем «московском» процессе были приговорены к расстрелу двое высокопоставленных врачей — Плетнев и Левин, обвинявшиеся в том, что они «залечили» нескольких известных людей: Максима Горького, его сына, начальника ОГПУ Менжинского...

Как там на самом деле было — Бог весть, но история прогремела на всю страну. И неудивительно, что Рюмин решил

сделать из доктора Этингера второго Плетнева — золотое яблочко прямо-таки просилось в руки.

За полтора месяца профессора допрашивали 37 раз. Бить его не били, но работали жестко: допросы длились по много часов, *по некоторым данным,* пожилого больного человека заставляли все это время стоять на ногах перед следователем. В итоге 2 марта 1951 года профессор Этингер умер — не выдержало сердце. Проверкой дела занялась прокуратура. 30 июля 1951 года, на том же оперативном совещании, было оглашено заключение прокурора, который заявлял, «что Этингер был виновен лишь в том, что был антисоветчиком и еврейским националистом» и обвинял Рюмина в его смерти, поскольку тот не принял во внимание предупреждение врача лефортовской тюрьмы о слабом здоровье подследственного. В этом же ответе говорилось: «нет никаких оснований для утверждений Рюмина, что Этингер был террористом».

Гипотеза. Большинство собравшихся на этом совещании ни о каком Этингере и знать не знали. Но в МГБ к тому времени сложилась весьма специфичная ситуация — надо было во что бы то ни стало найти как можно больше недостатков в работе бывшего министра и показать в лучшем свете новое руководство. Прокурор, огласивший на этом заседании свой вердикт, привлек внимание собравшихся к истории Этингера, и они сообразили, что из нее можно раскрутить громкое дело. И самим по ордену заработать, и в абакумовские обвинения подбавить фактуры. К тому времени была арестована ученица Этингера Софья Карпай — однако одного врача и одной жертвы для громкого процесса мало. Нужна преступная группа и как можно больше трупов. **(Конец гипотезы.)**

Дальше вся эта история развивается весьма смутно. Летом 1951 года было начато расследование деятельности Лечсанупра, которое выявило множество недостатков, но связано ли оно с будущим «делом врачей» или шло само по себе — вопрос. Судя по тому, как лечили Жданова, бардак был еще тот...

По некоторым данным, в ноябре появился черновик постановления ЦК о расследовании «странных» смертей вы-

сокопоставленных товарищей, в том числе и Жданова. Несколько раньше, в октябре, начались аресты в МГБ. Одним из первых был арестован заместитель министра Питовранов, а бывший следователь по делу Этингера Рюмин, наоборот, назначен замминистра и начальником следчасти по ОВД. Позже мы обратимся к этой исторической личности. А пока продолжим хронику.

Чуть-чуть дело сдвинулось лишь в марте 1952 года, после ареста доктора Рыжикова, работника санатория в Барвихе, где в свое время лечился Щербаков. Рыжиков оказался слабоват и практически сразу дал нужные показания. Известно также, что весной 1952 года были созданы какие-то «комиссии», которые вроде бы провели посмертное исследование сердца Щербакова и его истории болезни и установили «криминальный» характер лечения. Правда, даже такой не очень-то заслуживающий доверия человек, как заместитель главного военного прокурора Китаев, проверяя то, что успела наработать следственная группа, заявил: работа комиссий была небрежной, незаконной, предвзятой, расследования проводились «при игнорировании норм законности», в деле нет объективных доказательств. (А не заслуживает он доверия, поскольку участвовал в фальсификации «дела Берии» и, если верить «акту о приведении приговора в исполнение», лично расстреливал в подвале Бутырской тюрьмы его соратников. Впрочем, возможно, весной 1952 года он совершенно честно выполнял свои прокурорские обязанности. После 26 июня Хрущеву помогали не одни заговорщики.)

До осени 1952 года дело тянулось ни шатко ни валко. А потом что-то произошло. Внезапно «вспомнили» о письме Тимашук, начались аресты врачей Лечсанупра. Впрочем, доказательств найти так и не удалось, да и с признаниями как-то не получалось — Рыжиков так и оставался единственной удачей следствия.

В начале ноября сняли и уволили из органов Рюмина, и лишь после этого «дело врачей» пошло раскручиваться в хорошем темпе. Секрет успеха чрезвычайно прост: арестованных начали интенсивно бить.

Не к чести «светил медицины» следует сказать, что сломали их очень быстро. Заносчивый Егоров, согласно его соб-

ственным воспоминаниям, начал «признаваться» в первый же день. Остальные «светила» также продержались недолго. Камня в них за это кидать, конечно, нельзя, но... Был в «деле врачей» человек, который так ни в чем и не признался, несмотря ни на моральное давление, ни на пытки. Этот человек — арестованная еще летом 1951 года врач-кардиолог Софья Карпай, та самая, которая летом 1948 года снимала кардиограммы у Жданова. Значит, можно было выдержать! Едва ли игнатьевские следователи щадили женщину — в СССР давно уже существовало равноправие.

Дым без огня

В начале января «дело врачей» из чисто чекистской плоскости перешло в плоскость политическую.

9 января 1953 года на заседании Президиума ЦК был утвержден текст сообщения ТАСС и передовой статьи в «Правде»:

Документ 6.7.
«Подлые шпионы и убийца под маской профессоров-врачей».
«Правда». 13 января 1953 *г.*

«Сегодня публикуется хроника ТАСС об аресте врачей-вредителей. Эта террористическая группа, раскрытая некоторое время тому назад органами государственной безопасности, ставила своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением. Прикрываясь высоким и благородным званием врача — человека науки, эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки. Встав на путь чудовищных преступлений, они осквернили честь ученых.

Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А. А. Жданов и А. С. Щербаков. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, умышленно скрыли имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища Жданова. Врачи-убийцы неправильным применением сильнодействующих лекарственных средств и установлением пагубного режима сократили жизнь товарища Щербакова, довели его до смерти.

В первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны. Арест преступников расстроил их злодейские планы, помешал им добиться своей чудовищной цели.

Кому же служили эти изверги? Кто направлял преступную террористическую и вредительскую деятельность этих подлых изменников Родины? Какой цели хотели они добиться в результате убийства активных деятелей Советского государства?

Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными платными агентами.

Большинство участников террористической группы — Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт". Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено.

Опираясь на группу растленных еврейских буржуазных националистов, профессиональные шпионы и террористы из "Джойнт", по заданию и под руководством американской разведки, развернули свою подрывную деятельность и на территории Советского

Союза. Как показал на следствии арестованный Вовси, он получил директиву "об истреблении руководящих кадров СССР" из США. Эту директиву ему передали от имени шпионско-террористической организации "Джойнт" врач Шимелиович и известный еврейский буржуазный националист Михоэлс.

Разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской сионистской организации. Теперь все могут видеть, какие "благотворители" и "друзья мира" скрываются под вывеской "Джойнт".

Другие участники террористической группы (Виноградов, М. Коган, Егоров) являются, как сейчас установлено, старыми агентами английской разведки, служат ей с давних пор, выполняя ее самые преступные и грязные задания.

Воротилы США и их английские "младшие партнеры" знают, что достичь господства над другими нациями мирным путем невозможно. Лихорадочно готовясь к новой мировой войне, они усиленно засылают в тыл СССР и стран народной демократии своих лазутчиков, пытаются осуществить то, что сорвалось у гитлеровцев, — создать в СССР свою подрывную "пятую колонну". Достаточно напомнить об открытом и циничном ассигновании американским правительством ста миллионов долларов на подрывную террористическую и шпионскую деятельность в странах социалистического лагеря, не говоря уже о том, что на эту цель тайным путем расходуются сотни миллионов долларов, американских и английских.

Советские люди ни на минуту не должны забывать о необходимости всемерно повышать свою бдительность, зорко следить за всеми происками поджигателей войны и их агентов, неустанно укреплять вооруженные силы и органы разведки нашего государства.

Товарищ Сталин неоднократно предупреждал о том, что наши успехи имеют и свою теневую сторону, что они порождают у многих наших работников на-

строения благодушия и самоуспокоенности. Такого рода настроения далеко еще не преодолены. Ротозеев у нас еще не мало. Именно это ротозейство наших людей и составляет питательную почву для злодейского вредительства.

В СССР безраздельно господствуют социалистические отношения...»

Дальше идет теоретическая часть статьи, которую мы опустим. Заканчивался опус так:

«Тот факт, что группа презренных выродков из "людей науки" в течение некоторого времени могла безнаказанно орудовать, показывает, что некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством.

Органы государственной безопасности не вскрыли вовремя вредительской террористической организации среди врачей. Между тем эти органы должны были быть особенно бдительными, так как история уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы и изменники Родины, вроде "врачей" Левина, Плетнева, которые по заданию врагов Советского Союза умертвили путем умышленно неправильного лечения великого русского писателя А. М. Горького, выдающихся деятелей Советского государства В.В. Куйбышева и В. Р. Менжинского.

Не на высоте оказались и руководители Министерства здравоохранения СССР. Они проглядели вредительскую террористическую деятельность гнусных выродков, продавшихся врагам Советского Союза.

Разоблачение шайки врачей-отравителей является сокрушительным ударом по американо-английским поджигателям войны. Поймана и обезврежена их агентура. Перед всем миром вновь предстало истинное лицо рабовладельцев-людоедов из США и Англии.

Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит, как омерзительную гадину. Что

касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово.

Все это верно, конечно. Но верно и то, что, кроме этих врагов, есть еще у нас один враг — ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока есть у нас ротозейство, — будет и вредительство. Следовательно: чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах».

Ничего экстраординарного в этой статье нет. Написано душевно — но по сравнению с 1937 годом весьма сдержанно. В США вовсю бушевала антисоветская истерия, американская и отчасти мировая пресса не стеснялись в выражениях, ну и наши тоже не отставали. Смысл ее появления также понятен — по-видимому, предстоял открытый процесс и надо было подготовить общественное мнение, как это делалось в 30-е годы.

Странно другое. В 30-х годах такие публикации появлялись непосредственно перед судом. Однако дело не было закончено, и до окончания оставалось еще далеко. Слишком большой получается временной разрыв между началом кампании и датой суда. Если не подбрасывать дров в топку, то за это время весь пар уйдет в свисток. И потом: казалось бы, развлечения НКВД в 30-х годах могли научить Сталина и его товарищей с осторожностью относиться к работе «органов». Тем не менее они почему-то позволили приоткрыть завесу над делом, к которому еще не прикасался прокурор.

Гипотеза 1. МГБ сумело убедить вождя. Подследственных били резиновыми палками, которые не оставляют следов на теле — так что узников в любой момент можно было представить Сталину. Игнатьев, конечно, рисковал — но не так уж сильно. Арестованные врачи все еще находились под властью МГБ, и им вполне можно было «объяснить», что пытки применялись по прямому приказу Сталина, да еще и продемонстрировать протокол допроса, на котором сталинским почерком и сталинским карандашом написано: «Бить, бить

и бить!» Ну, и подсказать при этом особенно ласковым тоном: мол, ты потом вернешься в тюрьму, и, если что не так, мы из тебя котлет наделаем.

Естественно, с чекистами или с партаппаратчиками, знавшими подлинные взаимоотношения МГБ и властей, эти номера бы не прошли. Но медики были далеки от проблем контроля над «органами», зато о «тридцать седьмом годе» слышали, наверняка, много. Тогда случившемуся в НКВД так и не была дана публичная оценка, и никто не знал, продолжают ли на Лубянке бить арестованных. Ну, а слухи ходили разные. Да и люди эти были к тому времени полностью сломлены. **(Конец гипотезы.)**

Еще более странна интонация статьи. Передовая в «Правде», конечно, не антисемитская — они антисионистская. Но процентов эдак девяносто восемь советского населения не отличали сионистов от евреев, так что де-факто она прозвучала как направленная против евреев вообще. А вот именно обвинения в антисемитизме после Второй мировой войны, когда была еще горяча память о холокосте, нам и не хватало! При умелой раскрутке темы это можно было бы сделать началом работы по пересмотру итогов Второй мировой войны.

Сталин, еще с дореволюционных времен признанный специалист по национальному вопросу, первый наркомнац СССР, проблемы межнациональных отношений чувствовал очень тонко. А что касается антисемитизма — тут он предпочитал снег студить. На эту тему есть любопытное свидетельство Константина Симонова, относящееся к февралю 1952 года. Сталину тогда передали списки кандидатов на Сталинскую премию. Напротив некоторых фамилий в скобках стояли другие, еврейские — в то время многие евреи-писатели брали себе русские псевдонимы. И посмотрите, чем был возмущен Сталин!

Цитата 6.3. *«Если человек выбирает литературный псевдоним, это хорошо. Мы говорим только об элементарной порядочности. Ведь очевидно, что некоторые намеренно пользуются двумя фамилиями, чтобы подчеркнуть, что они — евреи. Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это нужно?»*

Этот эпизод любят приводить как свидетельство антисемитизма вождя, хотя на самом деле он говорит об обратном. Что же касается последнего сталинского вопроса, то я предлагаю подумать вот над чем. Разговоры об антисемитизме в СССР велись всю дорогу, вплоть до начала «перестройки». Но как только Союз развалился и была размонтирована плановая социалистическая экономика, как они прекратились и больше уже не возобновлялись никогда, хотя поводов в послереформенном СССР было сколько угодно — чего стоит одна активность национал-патриотов. Тем не менее еврейские проблемы никого больше не интересовали. Вот и вопрос: кому это было нужно? А?

Сталин, как и все Политбюро, отлично знал, что обвинения в антисемитизме вот уже лет сто были расхожей монетой и при каждом удобном и неудобном случае выдвигались против русских властей. Ну и зачем Сталину так подставляться? В контексте данной темы не так уж нужно было говорить про «Джойнт» — достаточно упомянуть Англию и США.

Гипотеза 2. Сталин вел какую-то интригу.

Принято считать, что после этой статьи в прессе началась кампания травли будущих подсудимых, с уклоном в разжигание антисемитизма. На самом деле кампания, действительно, шла — но не эта! В газете «Правда» к теме врачей обратились еще два раза. 18 января вышла передовая «Покончить с ротозейством в наших рядах», в которой врачи были *упомянуты* — как пример. И 20 февраля появился материал «Почта Лидии Тимашук». Все.

Остальные материалы кампании, продолжившейся 31 января передовой статьей «Воспитывать трудящихся в духе высокой политической бдительности», были посвящены борьбе с неистребимым советским бардаком — рассказы о разнообразных аферистах, о плохой работе охраны на заводах и пр., и пр. Газеты с упоением предавались любимому занятию советской печати: клеймили нарушителей государственной дисциплины. Тема эта безбрежная, бездонная и, сколько ни пиши, никогда не будет во вред. В общем, пар отличный, свисток хороший, громкий — вот только паровоз мчится совсем по другому пути.

...Время шло, а процесс все не начинался и не начинался. Ситуация повисла в воздухе. О «деле врачей» словно забыли — но в народной толще продолжалось брожение. Воспользуюсь снова работой Брента и Наумова, которые цитируют писателя Якова Рапопорта — можно было бы найти что-то другое, да лень искать, во всех книгах содержится примерно одно и то же.

Итак, по г-ну Рапопроту:

Цитата 6.4. *«События шли к кульминационному моменту. Ужасные новости передавали устно. МГБ раскрыл еврейский заговор на Московском автомобильном заводе. Массовые аресты пугали всех москвичей... Большие еврейские заговоры были раскрыты в штате Московского метро и в других предприятиях. Зловещие слухи ползли по Москве, и ничего невозможно было проверить. Постепенно некоторые слухи находили свое подтверждение... Медицинский мир был не просто выкачан, он был сокрушен...»*

По стране поднимал голову антисемитизм. Во множестве мемуаров рассказываются разные ужасы о том, что евреев били на улицах, их дети боялись ходить в школу и т. п. Тот же Рапопорт поведал, как некий врач в Киеве отказался идти к больному ребенку какого-то местного партийного деятеля, заявляя, что ему запрещено лечить русских детей. В конце концов он все-таки пришел, после чего отец ребенка посоветовал ему уехать из Киева куда-нибудь за город. Имен, правда, автор не указывает — уж не байка ли?

Насчет взлета антисемитизма — вполне могло быть, хотя наверняка раз в пятьсот меньше, чем шумят. То, что в народе поползли слухи, что люди боялись врачей, — тоже понятно, ибо дураков на свете куда больше, чем хотелось бы видеть. А вот то, что боялись *врачи* — это да! По крайней мере, высокопоставленные московские светила медицины боялись достаточно, чтобы, если понадобится, отмести даже мысль о том, что Сталин был отравлен, — впрочем, об этом мы уже говорили...

Но остается вопрос: зачем понадобился этот мрачный балаган? Заговорщикам — ясно, для чего. А Сталину?

Вернемся еще раз к передовой от 6 апреля. Разгромив «дело врачей», она торжественно врезала и по антисемитизму.

Документ 6.2.

«Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель; народный артист СССР Михоэлс».

А на следующий день «Правда» разразилась передовой статьей «Советская идеология дружбы народов». Таким образом, была повторена даже форма, примененная 13 января: первый материал посвящался частному случаю — «делу врачей», а второй был на общую тему, с однократным упоминанием фабулы первой статьи. Изящно, однако! Представляю, какой облом по этому поводу произошел на Западе! Это у нас не было газетной кампании — а уж там, наверняка, все эти три месяца стояла форменная канонада на тему «советского антисемитизма». Может быть, авторы душещипательных рассказов о событиях того февраля изучали события по западной прессе?

Гипотеза. Появление статьи от 13 января имеет простой, видный невооруженным глазом смысл только в одном случае: если те, кто давал ей «путевку в жизнь», уже тогда знали, что через какое-то время за ней последует статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна».

Но неужели же Сталин устроил сие представление только ради того, чтобы сунуть носом в лужу западную прессу? Нет, конечно. Ссылки на «Джойнт» в передовой «Правды», сделанной по материалам МТБ, результатом которых стала оголтелая кампания на Западе по поводу антисеми-

тизма в СССР, нужны были совсем для другого. Если «дело врачей» развалится, именно этот факт позволит так врезать между глаз руководству МГБ, что оно уже не поднимется. А после этого заинтересоваться вопросом — что вообще происходит в данном министерстве? И для прояснения ситуации и наведения порядка поставить туда, невзирая на активное нежелание, нужного человека — надо, Лаврентий Павлович, форс-мажор, партия велит, товарищ Сталин просит...

Правда, для этого Сталин должен был *точно знать*, что именно происходит в МГБ. **(Конец гипотезы.)**

Вторая загадка «дела врачей» формулируется так же, как и основная загадка «большого террора»: на что рассчитывал глава госбезопасности, имея над собой Сталина и Берию?

Он мог надеяться какое-то время обманывать вождя — но и только. Можно было выбивать признания, фальсифицировать доказательства, посылать наверх «липовые» протоколы, даже привозить к Сталину арестантов. Но ведь любое дело надо заканчивать. И тогда оно уже не по жалобам подследственных, которые «наверх» можно и не передавать, а *по закону* попадет в сферу действия прокуратуры. Генеральный прокурор СССР Сафонов не принадлежал к «карманной» разновидности — по этой причине в июне 1953 года его заменили хрущевским ставленником Руденко. И можно не сомневаться — Сафонов не оставил бы от этого дела протокола на протоколе. А ведь впереди еще суд...

Подготовка судебных процессов над важными персонами сталинского СССР производилась очень тщательно. Когда в 1952 году готовился суд над активистами Еврейского антифашистского комитета, делом занимался не только прокурор. Материалы рассматривались на Политбюро, председатель Комиссии партийного контроля один на один беседовал с каждым из обвиняемых. «Дело врачей» ждала та же процедура. Более того, после газетной артподготовки в газетах не избежать открытого процесса. Что заявят подсудимые, оказавшись в полном зале, перед представителями иностранных посольств и прессы?

Так на что рассчитывал Игнатьев по истечении сроков, отпущенных на следствие? Этого мы не знаем, зато знаем,

на что рассчитывал его духовный предшественник товарищ Ежов. На государственный переворот, который он усердно готовил.

Зима 1952 — 1953 годов была отмечена еще одним совершенно бредовым, раскручиваемым в лихорадочной спешке делом, получившим название «мингрельского». Его рассматривают как подкоп под Берию. Это ж надо додуматься: при живом Сталине копать под Берию!

Гипотеза. А если не при живом? Если рассматривать «дело врачей» как направленное против Сталина — чтобы замаскировать его убийство, то дальнейшие действия могли быть следующими. Сталин умирает, после чего ЦК требует отстранения Берии «по данным следствия». Его можно даже не арестовывать — просто убрать с «Олимпа», лишить влияния. Как предлагалось в «маленковском черновике», назначить министром нефтяной промышленности. И поставить других руководителей государства — любых, с одним условием: чтобы они никогда не интересовались еще одним делом игнатьевского МГБ...

От радости бандиты пьяны все,
Всю ночь полны стаканы самогоном, —
Сегодня в полночь на глухом шоссе
Захвачен в плен предгубчека Семенов.
И атаман Алешка Костолом,
Бывалый подпоручик Чалин,
Расплатой упиваясь, как вином,
Кровавую нагайку измочалил.

Из ранней советской поэзии

Глава 7

РАБОТА НАД ФАЛЬШИВКАМИ: «ДЕЛО АБАКУМОВА»

У министра госбезопасности и тех, кто стоял за ним, была причина желать скорой смерти Сталина и если не удастся договориться и спустить дело на тормозах, то и Берии. Была и причина спешить — потому что давно уже прошли все приемлемые сроки следствия по делу человека, с которым, без всякого сомнения, Сталин захочет увидеться лично и сам будет проверять все, до последнего протокола. Может быть, даже пригласив в качестве консультанта министра иностранных дел, небезызвестного товарища Вышинского — чтобы не очень дергать и злить своего первого заместителя.

Судьба этого человека еще трагичнее судьбы Берии. Он был, как и Берия, убит и оболган, но перед смертью три года находился под следствием, умирал под пытками, боролся до конца и выслушал расстрельный приговор, не изменившись в лице.

Звали его Виктор Семенович Абакумов.

Служебная характеристика: «порывист»

Когда Берия в сентябре 1938 года принял Главное управление госбезопасности НКВД, Богдан Кобулов, назначенный начальником Следственного управления, нашел в недрах ГУГБ троих молодых офицеров: старшего лейтенанта Льва Влодзимирского и лейтенантов Павла Мешика и Виктора Абакумова. За считанные годы они, до тех пор мало чего добившиеся, сделали совершенно невероятную карьеру. Первый к 1941 году стал начальником следственной части по

ОВД, оставаясь в этой должности до мая 1945 года, потом работал в замечательной структуре под названием ГУСИМЗ (о ней речь впереди). Второй в 1941 году был назначен наркомом внутренних дел Украины, после 22 июня стал начальником Главного экономического управления НКВД — структуры, обеспечивавшей работу оборонной промышленности, а в августе 1945 года Берия взял его своим заместителем в Атомный комитет. Оба они будут арестованы в том же июне 1953 года и, по официальной версии, расстреляны 23 декабря 1953 года, а на самом деле — кто знает?

Третьего же ждала особая карьера и особая судьба.

Виктор Абакумов был одним из самых молодых членов сталинской команды. Он родился в 1908 году в Москве, в семье рабочего и прачки. Тринадцати лет, окончив четыре класса городского училища, стал рядовым в бригаде ЧОН (частей особого назначения) — вот и гадай: не то боец, не то сын полка... В 1923 году, после демобилизации, работал где придется — подсобником, упаковщиком, стрелком охраны. По партийной путевке в 1932 году пришел в ОГПУ, в экономический отдел. Два года спустя ему писали в служебной характеристике: «К оперативной работе влечение имеет. Порывист. Быстро делает выводы, подчас необоснованные. Иногда мало обдумывает последствия... Дисциплинирован». Склонность к необоснованным выводам и неумение обдумывать последствия с опытом обычно проходят. Порывистая натура и дисциплинированность вполне способны трансформироваться в две составляющих чекистского девиза: «горячее сердце, холодная голова». С третьей составляющей — «чистые руки» — немножко подождем.

Карьера в «органах» у Абакумова шла трудно. Чем-то он этой структуре не подходил. Сначала работал в экономическом отделе, потом почти три года отслужил в ГУЛАГе. Первое офицерское звание — младший лейтенант — получил лишь в декабре 1936 года. Только ежовская чистка помогла чуть-чуть продвинуться по карьерной лестнице — в апреле 1937 года его назначили оперуполномоченным в 4-е отделение ГУГБ. 4-е отделение — секретно-политическое, в ежовском НКВД самое перспективное место... или же самое неперспективное. Если ты даешь хорошие показатели — едешь

вверх, как на лифте, если не даешь — ты никто и звать тебя никак. В 1937 году добиться приемлемых для наркома показателей можно было лишь одним методом.

Абакумов карьеры не сделал. К моменту прихода в органы Берии он достиг должности помощника начальника отделения и имел звание лейтенанта ГБ. Возможно, причину столь медленного служебного роста объяснят воспоминания старого чекиста Ведерникова, приведенные в книге Олега Смыслова.

Цитата 7.1. *«Абакумов пальцем подследственного не тронет, даже голос на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил. Он на нас глянул так, словно на врагов народа».*

Неудивительно, что в ежовском НКВД он не сделал карьеры.

Зато при новом начальстве не пригодившийся в прежних органах лейтенант не шел, а летел вверх, перепрыгивая через звания и должности. Уже через три месяца после смены власти на Лубянке, в декабре 1938 года, капитан Абакумов становится начальником Ростовского УНКВД. Жуткое это было место, вотчина одного из самых кровавых людей «большого террора» — Евдокимова, залитое кровью по крыши. Новый начальник в рекордные сроки пересмотрел дела на еще живых арестованных и освободил около 60 процентов, без колебаний отдавая под суд фальсификаторов и палачей. За эту работу получил в апреле 1939 года орден Красного Знамени.

Непривычно звучит? Но было именно так.

В Ростове Абакумов прослужил до февраля 1941 года, когда был назначен заместителем наркома внутренних дел СССР. Снова прыгнув через ступеньку, он уже в марте 1940 года получает звание старшего майора ГБ (что соответствует армейскому полковнику), а 9 июля 1941 года ему присваивают звание комиссара госбезопасности 3-го ранга — по армейской «табели» это соответствует генерал-лейтенанту. Даже по меркам сталинских времен карьера просто фанта-

стическая. Объяснение на ум приходит лишь одно: совершенно исключительные профессиональные качества, то, что в своей узкой области это был работник бериевского масштаба.

Не имевший формального образования, но наделенный острым и дисциплинированным умом, настойчивостью и бойцовским характером, Абакумов оказался превосходным руководителем. Как вспоминал о нем генерал КГБ Филипп Бобков (правда, имея в виду послевоенные времена — но какая разница?), он ***(Цитата 7.2.)*** *«постоянно держал аппарат в напряженном трудовом ритме. Вне зависимости от того, где он сам в данный момент находился, люди ощущали его присутствие, знали: министр где-то рядом и зорко следит за работой всей системы госбезопасности. Абакумов мог совершенно неожиданно заглянуть к рядовому сотруднику, посмотреть, как тот ведет дело, расспросить о подробностях, все проверить, вплоть до того, насколько аккуратно подшиваются бумаги»*.

Автор воспоминаний, правда, видит здесь определенную игру, но скорее причина была в другом: Абакумов сам в свое время засиделся на низовой работе, брошенный на произвол судьбы старшими товарищами, и теперь старался не допустить этого в отношении своих сотрудников. А то, что это яркий пассионарий даже по меркам сталинских «звездных» времен, видно невооруженным глазом.

В первые же дни войны Абакумов получил под свое начало Управление особых отделов в армии. А весной 1943 года, во время очередной реорганизации спецслужб, стал начальником знаменитой контрразведки «СМЕРШ» и подчинялся теперь уже не Берии, а лично Сталину. О квалификации «смершевцев» много говорить не приходится: это была лучшая контрразведка Второй мировой войны. Об их работе можно писать сотни страниц, и все мало, однако нам важно лишь одно: особенно «СМЕРШ» прославился на стезе разведывательных игр.

Один из подчиненных Абакумова, А. И. Нестеров, вспоминал:

Цитата 7.3. *«В нем ему нужно отдать должное — хватка у него была крепкая. Он требовал беспрекословного исполнения*

своих указаний и уж о данных поручениях никогда не забывал и если что-то решал, от своего решения не отступал никогда, жестко настаивая на своем. Работать с ним было нелегко, но всегда была уверенность в том, что назавтра он не скажет: "Я ничего подобного вам не поручал"».

В работе и в жизни Абакумов не любил сложных маневров, шел напролом. С подчиненными был сух, официален, никакого панибратства — однако всегда готов помочь. Вспоминает П. И. Ивашутин — будущий генерал армии, начальник ГРУ, судя по биографии, человек, служивший совершенно другим политическим силам, от которого трудно бы ждать хороших слов о ненавистном хрущевцам министре.

В 1942 году Ивашутина неожиданно вызвали в Москву

Цитата 7.4. *«Абакумов начал неторопливо расспрашивать о положении на нашем фронте, о работе особого отдела армии и мельком поинтересовался, большая ли у меня семья. "Не знаю, — ответил я, — мои близкие пропали при эвакуации". Абакумов пообещал навести справки, а сутки спустя вызвал в кабинет, чтобы сообщить, что моя семья в Ташкенте. Я обрадовался, а он сухо, без лишних слов, дал мне 72 часа на устройство личных дел и посоветовал не рассусоливать — на центральном аэродроме приготовлен самолет».*

Эта история — самая известная, однако далеко не единственная. Вот еще одна, которую рассказал историку Леониду Млечину бывший «смершевец» Николай Месяцев.

Цитата 7.5. *«В 1943 году у меня от воспаления легких умерла мама в городе Вольске. Я узнал через месяц и обратился к Абакумову, чтобы он дал мне отпуск четыре дня побывать на могиле. Он вызвал меня, дал мне десять дней и сам подписал командировочное удостоверение и сказал:*

— Обратитесь в горотдел, там вам помогут.

Абакумов не обязан был проявлять такую заботу — звонить в горотдел безопасности, лично подписывать командировку, с которой я стрелой летел на всех поездах, кому ни покажешь, все берут под козырек... И когда я приехал в Вольский горотдел наркомата безопасности, мне помогли с продуктами».

Документ 7.1.

Из протокола допроса арестованного М. К. Кочегарова, бывшего управделами МГБ. 24 апреля 1952 года.

«Абакумов еще в "Смерше" держал своих подчиненных в постоянном страхе... Постоянной руганью за дело и без дела Абакумов подавлял даже робкие попытки в чем-либо ему перечить. В целях муштровки Абакумов выработал специальную, тщательно продуманную систему запугивания и затравливания работников, попадавших к нему в подчинение. Малейшее слово, направленное против воли Абакумова, всегда вызывало с его стороны целый поток площадной брани, которая перемешивалась с угрозами "расправиться", "сослать в Сибирь", "загнать в тюрьму"».

***Цитата 7.6.* Из беседы Н. Месяцева и Л. Млечина.**

«— Какое впечатление производил Абакумов? — спросил я Месяцева.

— Он мужик был статный, красивый, военная форма ему шла. Разговор всегда носил спокойный, деловой характер. Он не заставлял стоять навытяжку и предлагал сесть...»

Впрочем, это был общий стиль сталинских наркомов — как правило (хотя и не все), с подчиненными они обращались вежливо, зато с начальниками следующего после них уровня не церемонились.

«— Если к младшим чинам он относился с заботой, по-отечески, то высших он держал в кулаке. Я видел, как начальник следственной части Павловский дрожал, когда его Абакумов распекал, стоял весь белый, коленки тряслись! Думаю, что ж ты цепляешься так за должность?»

Впрочем, тем же самым грешил и Берия, и сам Сталин.

То, что по жизни Абакумов был грубым и деспотичным, говорится часто, однако почему-то все конкретные воспоминания похожи на рассказ Месяцева. Хотя.., стоп! Одно есть! Когда команда «Динамо» проиграла важный матч, министр собрал команду в своем кабинете, и уж тут ненормативной лексики хватало: «Играть надо, а не, мать-перемать,

книжки художественные читать! Я ждал от вас только победы! Продуть этой военной конюшне!»

Ужас! И что мужики находят в этом футболе?

Еще штрихи к портрету Абакумова. Он любил хорошо сшитую, красивую одежду — а вот наград в повседневной жизни не носил. Любил шашлыки из «Арагви», за которыми специально посылал. Старался по возможности не пользоваться автомашинами — ходил пешком. Была у него одна любимая забава — встретив старуху-нищенку, дать ей сто рублей. Говорят, ему нравилось, как они кланялись и благодарили. А может, и не забава это была... Еще штрих: у него не было сберегательной книжки. Даже женившись, он тратил всю зарплату, ничего не оставляя про запас.

То, что Абакумов был мастером спорта по самбо, известно. Менее известно, что библиотека у него дома насчитывала полторы тысячи томов. А кто-то из ветеранов КГБ рассказал, что министр завел для ведомства оркестр и часто заказывал классическую музыку.

И, напоследок, совершенно трогательное воспоминание — надо же и читательниц побаловать! Сын известной киноактрисы Ладыниной вспоминал, что незадолго до войны Абакумов был влюблен в его мать, жену режиссера Пырьева. Влюбленность эта выражалась весьма своеобразно: время от времени он приглашал Ладынину покататься на автомобиле по Москве, а сам сидел рядом и держал ее за руку. Когда началась война, Абакумов помог ей уехать из Москвы. В день отъезда пришел на вокзал, стоял в отдалении, смотрел — и даже не подошел попрощаться.

В сталинской команде Абакумов выделялся, как единорог в конском табуне — хотя серых личностей вокруг вождя не водилось, каждый был звездой. Кстати, интересно: а почему военная контрразведка вдруг получила собственное имя? Всю дорогу, начиная с 1918 года, это были либо «особые отделы», либо «третьи отделы», и вдруг — «СМЕРШ». Не связано ли это с личностью молодого командира новой структуры и отношением к нему Сталина?

В мае 1946 года Абакумов был назначен министром госбезопасности СССР и работал на этом посту до июля 1951 года. А потом произошло нечто...

Парад фальшивок

Считается, что падение могущественного министра началось с доноса его подчиненного, подполковника Рюмина, в котором тот обвинял своего начальника... впрочем, в чем заключались обвинения, надо разбираться особо. Известно, что письмо Рюмина послужило предметом разбирательства на самом высшем уровне, что был устроена «очная ставка» Рюмина и Абакумова, после чего вышел в свет следующий эпохальный документ. Полностью, если кто хочет, может прочесть его в Приложении, а здесь лишь отрывки.

Документ 7.2.
Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР»

13 июля 1951 г. Совершенно секретно.

Центральным Комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, министерствам государственной безопасности союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям МГБ

О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР

Центральный Комитет ВКП(б) считает необходимым довести до сведения ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, министерств государственной безопасности союзных и автономных республик, краевых и областных управлений МГБ нижеследующее постановление ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года...

«2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует о неблагополучном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности Абакумова.

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым...

Ввиду того, что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП(б) решил немедля отстранить Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с. г.

. На основании результатов проверки Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты.

1. В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявлявший резко враждебное отношение к советской власти, — врач Этингер...»

Дальше рассказывается, как Рюмин изобличил Этингера в «залечивании» Щербакова, — мы все это уже знаем.

«Однако министр госбезопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности... признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме».

Учитывая, что то же самое 30 июля заявил прокурор — вот только виновником смерти Этингера он посчитал Рюмина, установившего пожилому доктору жесткий режим допросов, — вся история приобретает уже совершенно шизофренический оттенок. Министр был прав — но при этом сидит...

«Таким образом, погасив дело Этингера, Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую за-

конспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрыл это важное дело от партии и правительства».

2. В августе 1950 года в Германии был арестован бывший заместитель генерального директора акционерного общества «ВИСМУТ» Салиманов, бежавший в мае 1950 года к американцам. Салиманов — крупный государственный преступник. Изменив Родине, он выдал американцам важные сведения. Несмотря на то, что прошел почти год с момента ареста Салиманова, Абакумов до сих пор скрывает от Центрального Комитета ход следствия по этому делу, хотя это дело имеет большое государственное значение...

3. В январе 1951 года в Москве были арестованы участники еврейской антисоветской молодежной организации. При допросе некоторые из арестованных признались в том, что имели террористические замыслы в отношении руководителей партии и правительства. Однако в протоколах допроса участников этой организации, представленных в ЦК ВКП(б), были исключены, по указанию Абакумова, признания арестованных в их террористических замыслах...

Неудивительно: ребята сидели и рассуждали о том, что хорошо бы убить всех членов Политбюро (кроме, почему-то, Ворошилова) — вот только возможностей у них к этому не было никаких. Естественно, ни один психически нормальный человек террором это не посчитает.

«4. В МГБ грубо нарушается установленный Правительством порядок ведения следствия, согласно которому допрос арестованного должен фиксироваться соответствующим образом оформленным протоколом, а протокол должен сообщаться в ЦК ВКП(б). В МГБ укоренилась неправильная практика составления так называемых обобщенных протоколов допроса арестованных на основании накопленных следова-

телями заметок и черновых записей. Эта вредная и антигосударственная практика в следственной работе привела к безответственности среди работников аппарата МГБ, способствует затяжке сроков расследования дел о серьезных преступлениях, дает возможность скрывать от партии положение дел в МГБ».

Это, похоже, след подлинного постановления. По крайней мере, в ходе следствия данное обвинение Абакумову предъявлялось. По какому поводу он горько жаловался на уровень грамотности своих следователей, которые допрашивать-то умеют, а вот протоколы оформлять... поэтому пришлось завести несколько специалистов, занимавшихся исключительно писаниной. Учитывая, что в 1940 году половина работников центрального аппарата (!) НКВД не имели даже среднего образования, — интересно, что ему оставалось делать? И как решал такие проблемы следующий министр?

«Далее, в нарушение закона об ограниченных сроках ведения следствия, в МГБ имеется много фактов недопустимой затяжки окончания следственных дел на очень длительные сроки. В центральном аппарате МГБ есть следственные дела, которые ведутся два-три года, тогда как согласно закону полагается вести следствие не более двух месяцев...»

А вот тут Игнатьев и компания копали под себя — только пока этого не понимали!

«На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять Абакумова В. С. с работы министра государственной безопасности СССР как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов...» и далее оргвыводы.

А вот пятый пункт важен:

«5. Назначить члена комиссии Политбюро по проверке работы МГБ и заведующего отделом партийных и

комсомольских органов ЦК ВКП(б) т. Игнатьева С. Д. представителем ЦК ВКП(б) в Министерстве государственной безопасности».

Ну, и дальше слова, слова, слова...

Что сказать по поводу этой бумаги? Она не кричит о том, что является фальшивкой, она об этом вопиет. Во-первых, самой фабулой доноса. За подобные «преступления» какому-нибудь лейтенанту ГБ могли влепить реальный выговор. А чтобы за такое снимали министра — чушь собачья! Я понимаю, конечно, на умы нашей читающей публики огромное влияние оказал Оруэлл — но не надо путать виртуальность и грубую жизнь, господа. В грубой жизни, снимая руководителей за прегрешения такого уровня, Сталин через год оказался бы без кадров вообще.

Во-вторых стилистика письма доказывает, что оно является фальшивкой. К тому времени письмоводители государственного аппарата успели выучить русский язык, так что они никогда не написали бы: *«Снять Абакумова В.С. с работы министра»*. Для сравнения: две выдержки из подлинных документов.

Документ 7.3.
Из постановления Политбюро о положении дел в компартии Грузии. 27 марта 1952 г.

«1. снять т. Чарквиани с поста первого секретаря ЦК КП(б) Грузии, отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б) для назначения на другую работу».

Документ 7.4.
Из постановления Политбюро о снятии К. А. Мокичева с поста заместителя Генерального прокурора СССР.

«За антигосударственное отношение к своим служебным обязанностям и нарушения советских законов при рассмотрении судебных дел исключить т. Мокичева К. А. из членов ВКП(б).

Снять т. Мокичева с должности заместителя Генерального прокурора СССР и запретить ему работать в органах прокуратуры».

Вот так писались в то время постановления ЦК. А уж дальше идет просто песня: *«Снять... с работы министра, как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства»* — при том, что в выдвинутых против Абакумова обвинениях нет ничего, противоречащего Уголовному кодексу. О каких же преступлениях идет речь? Это не говоря уже о презумпции невиновности и о том, что один лишь суд может определить, совершил человек преступление или нет. И, кстати, в законе существует понятие «преступление против государства» (или, скажем, против порядка управления), против личности. Но что-то не припомню там понятия «преступление против общественной организации», каковой, согласно Конституции 1936 года, являлась ВКП(б), — разве что умыкание партийной кассы?

«... *и передать его дело в суд»*.

Мне, по серости моей, до сих пор казалось, что передать дело в суд могут либо органы следствия, либо прокуратура. А оказывается, что ЦК ВКП(б), руководство *общественной организации*, имеет право делать это, минуя все инстанции, да еще по деяниям, не записанным в Уголовном кодексе, притом, что дело вообще еще *не возбуждено*. Дали отдыхает!

Если уж говорить о суде, то для сравнения:

Документ 7.5.
Из постановления Политбюро о фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР. 11 сентября 1949 г.

«...2. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9. VI 1947 г. и ввиду особой серьезности нарушений закона в Госплане СССР предать суду Вознесенского, как основного виновника этих нарушений...»

И всю эту галиматью якобы подписал Берия, имеющий без малого двадцатилетний стаж работы в органах внутренних дел!!! А потом ее представили Сталину, одному из разработчиков советской Конституции!!!

Интересно, кто все же ваял эти фальшивки — умеренно пьющий поклонник Оруэлла из Литературного института или чекист-саботажник?

Опубликовано и «письмо Рюмина» (я его не привожу, поскольку в нем содержатся те же обвинения, что и в «постановлении ЦК»). Начинается оно так: *«Товарищу Сталину И. В. от старшего следователя МГБ СССР подполковника Рюмина М. Д.»*. После чего этот документ можно дальше не читать, ибо не существовало должности «старший следователь МГБ», да и звание указано неправильно. Вот образец реальной подписи: *«Ст. следователь следчасти по особо важным делам МГБ СССР подполковник госбезопасности Мотавкин»*. У человека, подписывавшего сотни протоколов, формулировка его должности и звания сидит не то что в головном — в спинном мозгу, а рука ее сама выводит.

Когда родилась эта фальшивка, тоже можно примерно определить. В комиссию, упомянутую в ней, входили, кроме партийных функционеров Шкирятова и Игнатьева, Берия и Маленков. Стало быть, появилась она после 1957 года, когда Маленков уже не мог увидеть этот документ и опровергнуть его. (Не все фальшивки абакумовского дела изготовлены одновременно, некоторые, по-видимому, относятся даже к июню 1953 года.)

Кстати, мне часто задают вопрос: ведь эти документы идут под грифом «строго секретно» — какой смысл их фальсифицировать? Смысл самый прямой. Дело в том, что в 50-е годы были распространены всякого рода «закрытые показы». На одном из таких побывал Константин Симонов — по его воспоминаниям, там были выставлены документы, «доказывающие» связь Сталина с репрессиями. Симонов датирует эти показы весной 1953 года — якобы их сразу после смерти Сталина устраивал Берия, а потом они очень быстро сошли на нет. Однако писал он воспоминания много лет спустя и, скорее всего, просто немножко перепутал годы. Важна не дата, а сам факт таких «показов». Можно предположить и меха-

низм, с помощью которого фальшивки оказывались в архивах, — он тоже прост. Документ изымался для «показа» и заменялся подделкой, которая и возвращалась потом вместо подлинника в архивное дело.

Некоторое сомнения вызывает лишь то, что Док.7.1. — это письмо ЦК. Письма рассылались в республиканские ЦК и в обкомы партии, а при таком количестве копий истребить старые тексты практически невозможно. Но в данном случае это кажущееся противоречие сводится на нет последней строчкой документа: *«Настоящее закрытое письмо... через 15 дней подлежит возврату в Особый сектор ЦК ВКП(б)»*, чем легко объяснить отсутствие копий.

Но вернемся к Абакумову. 4 июля он был отстранен от работы и 12 июля арестован. Сначала его допрашивали работники прокуратуры, однако прокурорское следствие результатов не принесло. Тогда назначенный министром госбезопасности Игнатьев добился разрешения допрашивать своего предшественника в МГБ. *По некоторым данным,* Абакумова и его людей сразу же подвергли пыткам. Они ломались один за другим — все, кроме самого главного подследственного. Из тюрьмы он написал в адрес Маленкова и Берии несколько широко известных и часто цитируемых писем — впрочем, возможно, это тоже подделки, о них речь пойдет в следующей главе.

Нам куда интереснее другой вопрос: в чем *на самом деле* обвиняли бывшего министра?

Реконструкция доноса

Итак, к весне 1951 года Рюмину грозили крупные неприятности. По делу Этингера проводилась прокурорская проверка, более того, к нему было привлечено внимание министра. Этим и воспользовались те, кто хотел свалить Абакумова.

Кто были эти люди? За время работы Абакумов приобрел много врагов, а учитывая особенности личности — очень много. Но дело не в них. Здесь все тот же вечный вопрос мотивации — месть не является достаточно сильным мотивом для рискованных операций. Пнуть поверженного вра-

га — это да, но рисковать головой ради прошлых счетов — едва ли. А вот страх — дело другое. Топить Абакумова должны были люди, которым угрожало разоблачение.

Один из них, по-видимому, Семен Игнатьев. Его функции нового министра слишком важны, чтобы поручать их простому исполнителю. Игнатьев в заговоре — персона серьезная. В МГБ имелись как исполнители, так и заговорщики, но ни один из них не был выдвинут на министерский пост. Еще кое-кто из заговорщиков проявился 26 июня. Но далеко не факт, что мы можем вычислить всех, и не факт, что мы знаем главных в этой вендетте.

Для расправы с министром нужен был таран. Для этого и использовали оказавшегося в опасном положении подполковника Рюмина. Ему предложили написать письмо с такими обвинениями, которым Сталин сразу бы поверил. Какими могли быть эти обвинения? Уж всяко не теми, которые содержатся в «письме Рюмина» и «постановлении Политбюро».

Основные документы «дела Абакумова», конечно, фальсифицированы — однако никому не под силу, да и нет необходимости, подделывать их все. В сборнике «Лубянка. Сталин и МГБ» опубликованы несколько протоколов допросов подельников Абакумова, которые Игнатьев посылал Сталину. Там могут содержаться следы подлинных обвинений. Обвинения эти должны быть разумными, правдоподобными и убедительными — чтобы Сталин верил, что следствие идет, как надо.

И они действительно разумны, правдоподобны и убедительны.

Документ 7.6.
Из протокола допроса М.К. Кочегарова, бывшего Управляющего делами МГБ.

«...Абакумов не терпел никаких видов учета и отчетности, которые в какой-то степени связывали ему руки, так как он всегда ставил на первое место свои личные шкурнические интересы, а не интересы государства...

Игнорируя указания партии и правительства о бережном расходовании государственных средств, Абакумов стремился к другому — как бы побольше сорвать с государства...

Создав обстановку бесконтрольного и незаконного расходования средств, Абакумов и сам не упускал случая поживиться за счет государства... В своей жизни я еще не встречал человека, который так заботился бы о своем благополучии, как Абакумов. Каковы были аппетиты у Абакумова на этот счет, свидетельствует хотя бы то, что лишь на ремонт и оборудование его квартиры на Колпачном переулке... в 1948 году было израсходовано свыше миллиона рублей...

Вопрос. Где находятся документы на расходы по квартире Абакумова?

Ответ. Эти документы, по указанию Абакумова, уничтожены».

Ремарка. Был в Москве такой очень вредный человек с чрезвычайно дурным характером — Лев Захарович Мехлис, министр государственного контроля. Интересно, каким образом эта суперквартира проскользнула мимо его внимания? Что же касается документов — то их ведь могли уничтожить и при Игнатьеве, чтобы нельзя было проверить показания Кочегарова...

«Охотиться за государственным добром Абакумов начал еще с конца войны, когда по его указанию... вывезли из Германии и Румынии значительное количество имущества и ценностей, подлежащих сдаче в доход государства. Это скрытое от государства имущество в 1945 году по распоряжению Абакумова было помещено в специально организованных мною потайных хранилищах... Все доставленное в эти тайники имущество Абакумов осматривал лично сам, отбирал себе лучшее...»

Естественно, почуяв угрозу ареста, Абакумов «приказал уничтожить» эти склады. Так что и тут доказательств нет. Предусмотрителен был, ничего не скажешь. Вот только почему-то забыл сделать хотя бы маленькую заначку, чтобы

обеспечить жену с новорожденным сыном — когда после его расстрела их выбросили из тюрьмы, они в прямом смысле бедствовали.

Остальные показания, посылаемые Сталину, выдержаны примерно в том же духе — финансовые злоупотребления, невыполнение указаний правительства, создание нездоровой обстановки в МГБ. И ни слова ни о каком Этингере. Есть лишь упоминание о деле «еврейской молодежной организации», но там какая-то совершенная мелочь и хренотень. Вроде того, что Абакумов приказывал следователям не оскорблять арестованных и исключить показания о «террористических замыслах» — а каковы были эти замыслы, мы уже знаем.

Так что, как видим, Сталину представлялись именно те обвинения, которые позволяли надеяться, что вождь будет давать добро на продолжение следствия, однако не захочет видеть Абакумова лично. Финансовые злоупотребления вызывали у него особую брезгливость. Именно таким путем от Сталина убрали Власика — обвинив его ровно в том же самом, а именно в денежных махинациях. Сколько в этих обвинениях правды, сейчас уже не выяснить, да и ни к чему, говорим мы совсем о других вещах.

Существуют, однако, некоторые нюансы тогдашней жизни, которые нынче забыты. Совершенно случайно я натолкнулась на один весьма забавный протокол. Это допрос бывшего начальника отдела правительственной ВЧ — связи МВД М. А. Андреева, датируемый 19 ноября 1947 года.

Документ 7.7.

«...Считаю необходимым заявить, что мой арест является ошибочным, поскольку никаких преступлений я не совершал. Правда, я не стану скрывать, что... допускал отдельные проступки, позорящие меня как руководящего работника НКВД, но эти деяния я не считал уголовно наказуемыми

Вопрос. О каких проступках идет речь?

Ответ: ...Я виновен... в том, что... занимался расхищением трофейного имущества».

Ну и как вам такое? Генерал-майор НКВД, отлично знакомый с Уголовным кодексом, заявляет, что расхищение трофейного имущества преступлением не считает.

Здесь, говоря умными словами, имеет место конфликт *закона* и *обычая*. То, что делается повсеместно, вроде бы не является преступлением. Если бы стали арестовывать всех, кто занимался присвоением трофеев, нецелевым расходованием средств и тому подобными вещами, в СССР, боюсь, не осталось бы ни армии, ни МВД, ни экономики. Поэтому арестовывали за злоупотребления лишь тех, кто воровал эшелонами, а кто вагонами — тех уже выборочно (кстати, и с Андреевым разбирались не по мародерству, а по шпионажу). Но при необходимости посадить человека в тюрьму эти «бытовые преступления», совершаемые практически всеми и тем не менее преследуемые по закону, являлись вполне достаточным поводом. «Принцип Ходорковского» образца 40-х годов...

По всей видимости, именно эти обвинения содержались и в подлинном письме Рюмина. Затем последовал разбор письма — но не «комиссией», а в сталинском кабинете, в присутствии других членов Политбюро, где Рюмин должен был подтвердить свои обвинения, глядя в глаза тому, кого обвинял. Он подтвердил. Абакумова отстранили от работы, назначили проверку. А вот что нашла проверка — это уже совсем другая история, ибо проводил ее Игнатьев, как представитель ЦК в МГБ, и какие-то люди из «органов» — надо полагать, те самые, которые выбрали Рюмина для его «спецмиссии». Неудивительно, что они отыскали достаточно оснований для ареста и что в обвинении появилась статья 58-1 — «измена Родине». Ну, а дальнейшее было, как казалось тогда, делом техники...

Берия явно знал цену «абакумовскому делу». Когда после прихода в МВД ему принесли эти материалы, он презрительно фыркнул: «Ну, посмотрим, что на него есть, кроме квартиры и барахла».

Какой ответ на этот вопрос дало бериевское следствие, мы едва ли узнаем (известно лишь, что те, кто вел проверку, называли следственные материалы «навозом»). Переворот 26 июня Абакумов встретил в тюрьме. Новый министр успел освободить тех чекистов, которых арестовали в 1952 году, во

«втором потоке». Там было просто: грубо фальсифицированные дела, запрещенные методы допроса. С основными фигурами «дела Абакумова» все обстояло сложнее. В первую очередь из-за большого объема материалов — следователям предстояло изучить множество томов, в том числе и с трудом поддающиеся проверке «финансовые» обвинения при уничтоженных исходных документах. Да и сфальсифицированы они были куда тщательнее — в конце концов, топили-то Абакумова, а не Маклярского с Шейниным, этих взяли для массовки. А возможно, Абакумов был и вправду в чем-то виновен. Впрочем, могла быть и третья причина — Берия не хотел раньше времени спугнуть заговорщиков...

Чем бы закончилось «дело Абакумова», если бы не случилось в нашей истории 26 июня? Скорее всего, ничем. Квартира его была не личной, а государственной. Шестнадцать комнат, конечно, многовато — но учитывая, что там же должны были находиться охрана, порученцы, пункт правительственной связи, обслуга... Особняк Берии, который ему дали в 1938 году, когда он занимал тот же самый пост, едва ли меньше.

Что касается «барахла» — то протоколы обыска квартиры министра, конечно, впечатляют, но...

Во-первых, Абакумов получал 25 тысяч рублей в месяц, ничего не откладывал, тратил все сразу и, при желании, мог много чего купить. Сложнее с «ассортиментом». Юрий Мухин предположил, что министр попросту «поплыл» на почве стяжательства, и можно понять: список вещей, найденных у него на квартире, с житейской точки зрения на редкость нелепый. Желание человека, не стесненного материально, иметь несколько штук часов понятно. Но зачем нужны одной семье двадцать два фарфоровых сервиза? Их даже по шкафам не расставишь — едва ли Абакумов задавался целью сделать из своего дома музей посуды. Спорю, что они стояли в кладовке в запакованном виде. Вкладывать деньги? В громоздкий и хрупкий фарфор? Ладно, допустим, бывают и такие эксцессы... Но зачем ему десятки пар запонок или «множество фотоаппаратов»? А чемодан подтяжек?!!

Именно чемодан меня особенно заинтриговал. Кто видел фото «главного волкодава» страны, поймет. Зачем вообще с такой фигурой подтяжки?

Предполагаемый ответ до смешного прост. В качестве корреспондента профсоюзной газеты мне постоянно приходилось сталкиваться с «неформальной стороной» жизни трудовых коллективов. Награждения к празднику, юбилеи, свадьбы, дни рождения... по всем эти поводам принято дарить подарки. Сейчас все просто: выписали деньги и отправили секретаршу в магазин. Да и то получается по-разному: узнав, что у меня день рождения, председатель дружественной профорганизации тут же открыл шкаф в своем кабинете и достал оттуда соответствующий случаю графин. А как выходили из положения во времена тотального послевоенного дефицита, когда, даже имея деньги, ничего нельзя было купить? Создавали неучтенные запасы в не подлежащих ревизии местах, как еще-то? Из каких источников? Да из трофеев, конечно...

Думаю, именно в этом объяснение того, что на даче никогда не касавшегося клавиш маршала Жукова нашли восемь аккордеонов и двадцать охотничьих ружей, а у Абакумова, как записано в протоколе обыска, 65 пар запонок, 22 фарфоровых сервиза, 79 художественных ваз и пр. Ну и чемодан подтяжек, которые были ему самому совершенно не нужны...

Впрочем, барахло барахлом, однако Абакумов был работником высочайшей квалификации, а таким Берия прощал не только финансовые махинации, но и участие в заговорах. Подход у него был простой: этот человек нужен для работы? Освободить!

...Итак, первоначальная цель была достигнута — Абакумов сидел. Однако в перспективе две проблемы все же затмевали ясный горизонт. Первая — по тогдашнему Уголовному кодексу обвинения, предъявленные ему, были не подрасстрельными. Подрасстрельные обвинения предстояло еще изобрести, оформить и, что самое трудное, провести через Сталина.

По некоторым данным, Абакумова пытались обвинить в «смазывании» дел — в частности, что он якобы запрещал

допрашивать подследственных «ленинградского дела» по шпионажу. Существуют и соответствующие документы — например, протокол очной ставки между ним и бывшим начальником следчасти Комаровым, где последний обвиняет в этом министра. Данный протокол даже числится среди посланных Сталину.

Однако документик сей вельми ненадежен. Во-первых, выглядит он наивно. Ну что такое: Абакумов отводил «ленинградцев» от обвинений по шпионажу? «Ленинградское дело» плотно курировал Сталин, да и без Берии тут наверняка не обошлось. С такими кураторами не очень-то помухлюешь...

Во-вторых, протокол содержит моменты, ну очень удобные для реабилитации «ленинградцев». Например, слова следователя, адресованные Абакумову: *«Вы уже изобличены в том, что протоколов по этому вопросу* (то есть, по шпионажу — *Е. П.) в делах нет».* А поскольку известно, что в шпионаже «ленинградцы» *обвинялись,* — то что получается? Что МГБ представил суду голую фальшивку, так? Или что суд по злодейскому указанию Сталина мог осудить кого угодно по любым статьям, не заморачиваясь доказательствами?

Ну, а что касается следующего утверждения... Цитирую: *«Абакумов также заявил, что начни допрашивать арестованного Вознесенского — бывшего председателя Госплана СССР о связи с иностранной разведкой, в ЦК будут смеяться и, мол, отрицательно отнесутся к нашим действиям, так как в ЦК хорошо известно, что Вознесенский был очень осторожным человеком в отношении своих связей...»* Типа это говорит опытнейший контрразведчик и министр госбезопасности! Знаете, даже и не смешно — я просто устала смеяться...

Но что касается датированных 1952 годом обвинений, которые *похожи на подлинные,* — то по ним расстрел подследственным не грозил. В этом была проблема.

Конечно, следствие работало в данном направлении. Обвинения, доводившиеся до Сталина, — далеко не всё, о чем шла речь на допросах. Например, Абакумова пытались обвинить в шпионаже — даже на немцев. Геббельс на том свете, наверное, смеялся весело и долго...

Но были вещи и посерьезнее. Что имели в виду прокуроры, возбуждавшие против этих людей дела по статье 58-1 (измена Родине)? Поскольку прокурорское следствие с этого *начиналось*, данные явно посылали из МГБ. Что это могло быть?

Двоих из абакумовских подельников не приговорили к расстрелу. Один из них — полковник Чернов — получил пятнадцать лет, дожил до 90-х годов и рассказывал писателю Кириллу Столярову, что из него выбивали показания о существовании заговора в МГБ и подготовке государственного переворота. Наверняка выбивали и из других. Сталину эти протоколы не посылались, и совершенно понятно, почему — получив свидетельство о заговоре, вождь наверняка захотел бы допросить чекистов сам. И тогда всему конец.

Гипотеза. А вот после смерти Сталина и отстранения Берии эти протоколы вполне можно было бы вытащить и предъявить — как, впрочем, и было сделано. Правда, обвинения звучали уже другие: вместе «смазывания» «ленинградского дела» — его фальсификация. Но это, в конце концов, вопрос чисто технический.

...И вторая проблема, во весь рост вставшая перед Игнатьевым — постановление Политбюро о сроках ведения следствия. Обвиняя Абакумова в затягивании следствия, заговорщики в МГБ рыли самим себе яму. Прежнему министру вождь разрешал держать подследственных в тюрьме годами и пятилетками, а вот Игнатьев такого права не получил. 12 февраля 1952 года, когда Абакумова и его товарищей передали из прокуратуры в МГБ, следователям установили срок в три месяца, начиная с 1 апреля. 18 марта его перенесли — три месяца, начиная с 1 июня. Можно было рассчитывать еще на один-два переноса, однако бесконечно тянуть не получалось, время поджимало, и очень сильно. Судя по лихорадочной активности, которую Игнатьев развил с середины октября по поводу «дела врачей», последний срок был установлен, начиная с ноября, и истекал зимой.

Кстати, о Сталине и его интересе к «делу Абакумова». Интерес, разумеется, был. С бывшим министром вождь, де-

вять из десяти, не встречался — по крайней мере, даже намека на эту встречу нигде не проскальзывает. В чем причина? В том, что Абакумов молчал? Как раз наоборот: в прежние времена, когда высокопоставленные подследственные упорно не признавались, их приводили к Сталину, и часто именно после такого рандеву они начинали говорить. Секрет прост: только у вождя была *вся* информация: политическая, разведывательная, чекистская — и он находил, чем припереть к стенке упрямого врага. Тем не менее встречаться с Абакумовым он не находил нужным. Почему? Потому, что обвинения были не политическими? Или тут другая причина?

Но это не факт, что к вождю не приводили других чекистов, арестованных по тому же делу. И вполне возможно, что кто-то из тех работников МГБ, которых взяли в 1951 году и освободили еще при Игнатьеве, именно нужными показаниями, данными лично Сталину, заплатил за свою свободу. Не буду называть имена, поскольку это гипотеза, а пачкать людей таким подозрением не хочется — но, по логике вещей, подобное могло иметь место. Сроки следствия подходили к концу, и их продление надо было чем-то обосновывать.

По некоторым данным, 17 февраля Игнатьев передал Сталину обвинительное заключение по делу Абакумова. То, что печатается сейчас в сборниках документов под этим названием, — грубая туфта (приведено в Приложении рядом с подлинным обвинительным заключением того же времени, можете сравнить.) Но какое-то обвинительное заключение, по-видимому, существовало. (В фальсификации документов существует одна трудность: можно подделать, в принципе, любую бумагу — но не записи в тетрадях входящей корреспонденции в сталинском кабинете. Поэтому даты и темы должны совпадать.)

Судьба этой бумаги и реакция на нее вождя неизвестны. По идее, он должен был внести правки и вернуть документ обратно в МГБ для оформления и передачи прокурору. Прокурор обязан все проверить *и* встретиться с обвиняемыми — после чего карьера Игнатьева на посту министра ГБ закончится в течение нескольких дней.

Что любопытно: 18 февраля прошел последний отмеченный протоколом допрос по «делу врачей». Какие-то допросы без протокола еще вроде бы продолжались, но о чем там шла речь — неизвестно. Между тем «дело врачей» не было закончено — закончилось «дело Абакумова». Обвинительное заключение было направлено Сталину, и ощущение такое, словно бы после этого документа МГБ не то было выражено, как тогда говорили, «политическое недоверие», не то они сами решили, что продолжать комедию бесполезно...

«Чистые руки»

Если говорить грубую правду — в органах били, бьют и будут бить. Дело не в факте избиений, а в реакции на него руководства. Иногда оно следователей за это сажает, иногда закрывает глаза, а иногда дает ордена.

Достоверно известно, что пытки с санкции руководства (на на уровне заместителей наркома или министра) применялись в «органах» при Ежове и при Игнатьеве. (Кстати, Берия весной 1953 года открытым текстом заявлял: в 1938 году он пришел в НКВД, чтобы искоренить ежовщину, а теперь — чтобы искоренить игнатьевщину.) При Берии они не применялись — его реакция на игнатьевские художества не оставляет на этот счет сомнений. А при Абакумове? Вопрос этот чрезвычайно важен, ибо на него завязана реабилитация героев послевоенных дел МГБ. Считается, что их били, и это подтверждается свидетельскими показаниями. Но... Но давайте пойдем в «Кресты», войдем в любую камеру и скажем: «Ребята! Мы решили вас всех реабилитировать. Для этого вы должны объяснить, почему на следствии давали показания на себя и на других. Впрочем, даем подсказку: может быть, вас пытали?» А потом поверим их рассказам — и все, можно начинать новый Нюрнбергский процесс...

Кстати, почему-то считается, что после войны в СССР прошла новая волна репрессий. Что ж, поверим. Возьмем статистику МГБ, «нерепрессивный» 1939 год. В этом году было арестовано 44 731 человек. Примем его в качестве базы и сравним с послевоенными цифрами.

1946 год. Арестовано (округляя) 91 тысяча человек. Вроде бы много. Но из них почти 33 тысячи — за предательство и пособничество немецким оккупантам, 5600 — переход на сторону врага, почти 15 тысяч — повстанчество (разного рода «лесные братья»), около 3 тысяч — бандитизм. На «политику» остается примерно 35 тысяч — меньше, чем в 1939 году!

1947 год. Арестовано без малого 75 тысяч человек, но в статистике, приведенной Олегом Мозохиным, нет разбивки по видам преступлений. Пропустим.

1948 год. Арестовано чуть меньше 75 тысяч человек. Из них повстанцев — 16 тысяч, просто бандитов — около 500 человек, военных преступников около 1 тысячи и «немецких пособников» — 24 тысячи. В остатке — все те же 35 тысяч!

1949 год. 73 тысячи человек. Из них 15 тысяч повстанцев, 20 тысяч немецких пособников, 500 военных преступников и 500 бандитов, а также 5 тысяч перебежчиков военного времени. Остается 32 тысячи.

1950 год. Арестовано около 60 тысяч человек. Традиционно 14 тысяч повстанцев, 3500 перебежчиков и 16 500 немецких пособников. Остаток... 26 тысяч!

1951 год. Арестовано примерно 47 500 человек. 7500 повстанцев, 3500 перебежчиков, 14 500 немецких пособников. Остается 22 тысячи.

1952 год. Арестовано 17 500 человек. Из них около 3 тысяч повстанцев, тысяча перебежчиков, 3500 немецких пособников. Собственно репрессии — 10 тысяч. Какой хороший, какой добрый Семен Денисович Игнатьев! Да не хороший он и не добрый, просто он разгромил МГБ до полной утраты работоспособности!!!

Возьмем другой показатель — число вынесенных смертных приговоров. 1939 год — к высшей мере наказания приговорены 2601 человек, 1940 г. — 1863 человека. Теперь послевоенная статистика. 1946 г. — 2308, 1947 г. — 898, затем смертная казнь была отменена и возобновлена в 1950 году, когда было казнено 468, в 1951 г. — 1601 и в 1952 г. — 1611 человек.

Ну и где тут репрессии?

Сказка, господа, сказка! Зачем? Причина одна — оправдать некоторые дела усилением репрессий. Потому что если

репрессий не было, вопрос: за что расстреляли, например, подсудимых «ленинградского дела», становится о-о-очень интересным. А если произошел новый виток «тридцать седьмого года» — то какие могут быть вопросы?

Вот ведь какая гнусная штука — цифра! Как все было хорошо и удобно — мрачные послевоенные годы, полубезумный злодей Сталин, над страной кровавый туман и страх... и от всего этого ужаса нас избавил дорогой Никита Сергеевич! Слава ему, слава, слава!

А тут получается, что ни репрессий не было, ни безумного тирана. (А кстати: почему-то так и не опубликована статистика хрущевского времени. Интересно бы сравнить.) Из всех послевоенных ужастиков до наших дней дожила лишь повесть о кровавом чекисте Абакумове.

Ну что ж, посмотрим, каков он в реальности, этот злодей...

Для начала еще раз приведу воспоминания о «ежовском» времени.

Цитата 7. 1. *«Абакумов пальцем подследственного не тронет, даже голос на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил. Он на нас глянул так, словно на врагов народа».*

Другая история. Когда Рюмин добился от Этингера признания, что тот «залечил» Щербакова, и представил наконец арестованного министру, Абакумов, выслушав доктора, обронил всего одну фразу: «Это вы в тюрьме вспомнили?» Знал товарищ министр свои кадры...

Леонид Млечин приводит совершенно дивный рассказ Николая Месяцева об одном случае из его практики.

Цитата 7.6. *«Посадили двух профессоров-кораблестроителей. Один специалист в области плит, которые навешиваются на борт как броневая защита, а другой специалист в области рулевых вспомогательных устройств. Их допрашивали жестко и потом одного передали мне. Я с ним разговаривал по-человечески. И чайку попьем на ночь, и поесть ему разрешу дополнительно...*

И он стал давать показания. Что он, будучи мичманом на царской яхте "Штандарт", когда Николай II побывал у Германии у кайзера Вильгельма, сошел на берег, где его завербовали. И с тех пор он работает на немецкую разведку. Признал что занимался вредительством на наших военных кораблях. Объяснил, что именно делал во вред. Его показания изучили эксперты, подтвердили: да, все так... Он признался, что занимался вредительством не один, и назвал многих видных флотоводцев.

Месяцев допросил его вместе с начальником следственной части — профессор подтвердил свои показания.

Вдруг Месяцева вызвали к Абакумову. Пришел, доложился, смотрит: у него в кабинете сидит арестованный профессор. Абакумов взглянул на профессора и спросил его:

— Так почему же вы обманывали следствие?

Он ответил:

— Знаете, следователь мне очень понравился. Я уже старый, песенка моя спета, а на моем деле он может отличиться...»

Тут что самое интересное — профессор, ученый, обманул и запутал всех, даже эксперты подтвердили его правоту. Каким образом Абакумов, с четырьмя классами образования, сумел разобраться, что это ложь?

«Профессора увели. Абакумов сказал Месяцеву:

— Арестованных нельзя бить. Но нельзя и умасливать, уговаривать. Вы его уговорили. Он полюбил вас и дал липовые показания».

Факты эти приходится собирать буквально по крохам, как той курочке. Но ведь и курочка сыта бывает, и из крошек информации можно сложить картинку. Вот еще один ее клочок. Абакумов был назначен министром ГБ в мае 1946 года, сменив на этом посту Всеволода Меркулова, одного из основных членов бериевской команды. Во время приема-передачи дел новый министр, в числе упущений своего предшественника, с возмущением упоминает следующую историю. В 1943—1944 годах сотрудники НКГБ сфабриковали дело о «заговоре» ненцев-колхозников. Дело насквозь фальсифицированное, во время следствия убито или ранено 14 человек, а из 51 арестованного 41 человек умер в тюрьме. В вину Меркулову Абакумов ставил то, что

он «не принял мер для наказания всех участников сфальсифицированного дела». То есть, судя по формулировке, какие-то меры принял, но не расправился так, чтобы впредь неповадно было...

Но ведь есть и документы! Точнее, документ, в котором за подписью самого Абакумова утверждается, что пытки в органах применялись к особо упорным «врагам народа» с санкции Политбюро. Это датируемое 17 июля 1947 года спецсообщение Абакумова Сталину «О практике ведения следствия в органах МГБ».

Я не стану приводить его ни здесь, ни в Приложении. Нет смысла. По содержанию и стилю это — переписанная методичка какой-нибудь школы милиции о том, как следователю действовать надлежит. Зачем Абакумову переписывать, а Сталину читать на многих страницах вещи, которые вождь прекрасно знал еще до рождения своего министра? Им что, больше заняться нечем?

Впрочем, мое недоумение разрешилось примерно на середине документа. Пунктом восьмым в нем значится:

Документ 7.8.

«В отношении изобличенных следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ, в соответствии с указанием ЦКВКП(б) от 10 января 1939 года, применяют меры физического воздействия.

В центре — с санкции руководства МГБ СССР.

На местах — с санкции министров государственной безопасности республик и начальников краевых и областных Управлений МГБ».

Ремарка. А если враг народа отказывается выдавать сообщников не нагло, а вежливо? Тогда его тоже бить надо или уже ни-з-зя? Это я к тому, что в реальных документах НКВД и МГБ эмоциональные оценки не даются *никогда*. Уже по одному этому показателю фальшивки определяются сразу.

Однако здесь есть еще и ссылка на очень интересный документ! «Указание ЦК» — это знаменитая шифровка, разъяснение Сталина от 10 января 1939 года о том, что, мол, не надо смущаться, если выяснится, что в работе НКВД применялись «физические методы». Сие делалось с санкции Политбюро. Сама шифровка, опубликованная во многих источниках, тоже в высшей степени сомнительна — но мы сейчас не об этом. Как нетрудно догадаться, *разъяснение* не является документом, на котором можно основывать какие бы то ни было действия — основывать их можно только на самой санкции, номер такой-то и пр.

Так что все это странное письмо — фальшивка от и до, сфабрикованная, как и многие другие свидетельства, только с одной целью: доказать, что в абакумовском МГБ применялись пытки.

А когда Хрущев и компания что-то очень старательно доказывают, то сразу же рождается предположение, что на самом деле это было не так.

P. S. Немного шизы на десерт

Гуляя по Интернету, я наткнулась на замечательную статью. Написал ее Валерий Лебедев (судя по датам, в 1998 году), и называется она «Загробное правосудие». Оказывается, с окончанием реабилитации шиза не закончилась — она продолжается! Предлагаю выдержки из этой статьи, касающиеся Абакумова.

«В Москве в конце прошлого года по протесту заместителя Генерального прокурора Военная коллегия Верховного суда пересмотрела дело В.С. Абакумова... и других, переквалифицировала их деяния на ст. 193-17-б УК, то есть — превышение полномочий и злоупотребление служебным положением.

Осудили и расстреляли Абакумова в декабре 1954 года по статьям за стандартный набор антисоветских преступлений. Это статьи 58-1-б, 58-7, 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР — измена Родине, совершенная военнослужащим, вредительство, совершение терактов, участие в контрреволюционной организации.

Один раз, в 1994 году, дело Абакумова уже пересматривали. И тоже дали статью «злоупотреблений», однако приговор о высшей мере оставили в силе. Вышла знатная глупость, ибо статья 193-17-б УК и в сталинское время ни в каком виде не предусматривала казни. Получилось, что нынешнее российское правосудие много более жестоко, чем сталинское! Спохватившись, ныне Военная коллегия Верховного суда, через три года (!) снова пересмотрела дело Абакумова и, согласившись с тем, что Абакумов ничего иного не имел за душой, кроме как превышение полномочий, оценила его деяния на 25 лет лагерей. Учтите, что нынешняя коллегия применяла сталинский УК и сталинские меры наказания, ибо сейчас и срока-то такого нет...

"Суд у нас теперь вне политики, — сказал один из опытнейших юристов генерал-лейтенант А. Т. Уколов... являвшийся председателем в заседании Военной Коллегии. — С точки зрения закона у нас не было иной, соответствующей нормам права альтернативы, нежели удовлетворить протест о переквалификации. — Тем более что фигуру Абакумова не сравнить ни с Ежовым, ни с Ягодой (почему, если суд вне политики? — *Е. П.)*. Но тогда, в 94-м, коллегия допустила ошибку, оставив без изменения меру наказания — расстрел. Поэтому в декабре прошлого года по протесту Главного военного прокурора президиум Верховного суда России изменил определение 1994 года и назначил в качестве меры наказания тем, кто был приговорен к расстрелу, 25 лет заключения".

На вопрос, чем руководствовалась прокуратура, направляя в суд протест о пересмотре дела, генерал-лейтенант юстиции ответил: "Законом "О реабилитации жертв политических репрессий". Он предусматривает пересмотр дел всех граждан, подвергавшихся политическим репрессиям за время существования советской власти, начиная с 7 ноября 1917 года".

Это говорит один из опытнейших военных юристов! Давайте вникнем: Абакумова расстреляли 43 года назад. Теперь ему определили за его "превышения и злоупотребления" 25 лет. Стало быть, он уже 18 лет должен был бы находиться на свободе! Но он — не может. В принципе, Абакумов

злостно нарушает постановление Военной коллегии о том, что давным-давно свободен. Не есть ли наглое попрание норм российского правосудия покойным еще более чудовищное преступление, чем какие-то там злоупотребления? Наверное, нужно через годик-другой еще раз пересмотреть дело Абакумова и все-таки вкатить ему вышку? Ему хуже не станет, а юридическая логика будет соблюдена».

Выпуск о рейде по задержанию браконьеров в программе «Время». Показывают рыбака, лежащего на земле. Некто в маске и в камуфляже скручивает рыбаку руки за спиной.

Рыбак:

— Вы кто?

— Мы ОМОН...

*— Пошли на х**, ОМОН! Менты — козлы!*

Голос диктора за кадром:

— С юридической точки зрения рыбак оказался прав, т. к. при нем не было обнаружено ни сетей, ни рыбы.

Из сборника баек

Глава 8

РАБОТА НАД ФАЛЬШИВКАМИ: ЧЕКИСТЫ

Хрущевской команде очень надо было доказать, что после войны в МГБ били подследственных и вообще всячески издевались над ними. Во-первых, это положение должно было лечь в основу реабилитации. А во-вторых — создать впечатление, что он не так уж и виноват — этот человек с тонким интеллигентным лицом дипломата или высокого партийного чиновника, Семен Денисович Игнатьев. Просто он оказался не на своем месте и не смог сдержать эту бешеную банду под названием МГБ. Чекисты морочили ему голову, за спиной легковерного министра спокойно обделывая свои кровавые делишки.

Да, конечно, Игнатьев был человеком партийным, с чекистами по прежним делам не связанным. И даже при том, что он привел с собой команду людей из ЦК, он ничего мог изменить на Лубянке, поскольку противостояли ему профессионалы. Самый известный из стаи «кровавой гэбни» — тот самый подполковник Рюмин, автор доноса на Абакумова, ставший начальником следчасти по особо важным делам. Он же одновременно и самый загадочный герой нашей истории.

«Гражданин Никто»

Михаил Рюмин уникален тем, что *все* известные сведения о нем являются фальшивыми — кроме дат рождения и смерти да послужного списка. Все — от рассказа о личности этого человека до его роли в делах МГБ. Начнем с начала — с личности.

Владимир Наумов со ссылкой на доклад МВД Берии, датируемый мартом 1953 года, пишет, что Рюмин был «полуобразован и глуповат, эгоист по натуре, обманщик, способный представить любой факт в выгодном для себя свете, не так, как есть».

Что касается обманщика — то покажите мне человека, который поступает иначе! Все трактуют факты в выгодном для себя свете, кроме святых — но, как в песне поется, «где ты святого найдешь одного, чтобы пошел в десант». А вот насчет первых двух эпитетов — извините...

Рюмин, по меркам того времени, имел неплохое образование — восемь классов и бухгалтерские курсы. Мало у кого в органах было за плечами что-то большее. Работу в НКВД он начинал в конце 30-х годов с отдела финансового планирования, куда дураков, в общем-то, не брали. Во время войны служил в СМЕРШе, потом в 3-м Главном управлении (военной контрразведке) МГБ, затем, с 1947 года, в следчасти по особо важным делам. Как видим, это типичный чекист «бериевского» призыва, к 1951 году насчитывавший десятилетний стаж работы в лучшей контрразведке мира. А ведь было ему всего тридцать восемь лет.

Рюмин действительно вел дело Этингера и провинился, за что ему вроде бы после окончания прокурорской проверки объявили выговор. Этингер, напоминаю, умер не от пыток, а от сердечного приступа, который, безусловно, был спровоцирован жестким следствием, но не более того. И едва ли Рюмину грозило что-то страшнее выговора. Так что, по некотором размышлении, я все же думаю, что подполковник был не орудием заговорщиков, а членом *команды*. Слишком важной и ответственной была его функция — составить донос и защищать его в сталинском кабинете, — чтобы доверить ее постороннему человеку. А с приходом Игнатьева он получает один из ключевых постов в МГБ — в июле 1951 года его назначают начальником следчасти по особо важным делам, а 19 ноября — еще и заместителем министра. На Рюмине держалось все игнатьевское следствие — нет, не может быть такого, чтобы он не входил в команду.

Но потом происходит нечто непостижимое. 13 ноября 1952 года Рюмина внезапно снимают со всех постов и уволь-

няют из МГБ. Причем за что? Никогда не угадаете! За то, что не выполнил правительственных указаний при расследовании «дела Абакумова — Шварцмана» и «дела врачей», ограничившись «выяснением формально-юридической стороны дела, а нужно добираться до корней дела, до первоисточника преступлений».

В переводе на нормальный язык это означает, что Рюмин завалил расследование. За это, действительно, можно снять — но увольнять из органов контрразведчика с десятилетним стажем за то, что был выдвинут на руководящую работу и не справился? Любопытно...

Впрочем, все эти вопросы уместны *до* чтения постановления об увольнении Рюмина, ибо *после* вопросов уже не остается. Сей документ настолько замечателен, что не откажу себе в удовольствии привести его целиком. Даже в ряду хрущевских фальшивок он совершенно беспримерный, по сравнению с ним меркнет все предыдущее.

Документ 8.1.

«13 ноября 1952 г.

Совершенно секретно

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Постановление правительства

Правительство несколько раз указывало как Министру госбезопасности, так и особенно нач. следственной части по особо важным делам МГБ СССР, что при расследовании таких важных, связанных с иностранной разведкой антисоветских дел, как дело о вражеской работе Абакумова — Шварцмана и дело о террористической деятельности врачей из Лечсануп¬ра, нельзя ограничиваться выяснением частностей и формально-юридической стороны дела, а нужно добираться до корней дела, до первоисточника преступлений.

Однако, несмотря на эти указания Правительства, Следственная часть по особо важным делам ввиду порочной установки ее начальника тов. Рюмина, сводящей дело к выяснению формально-юри-

дической стороны дела, — оказалась неспособной выполнить эти указания Правительства, и оба упомянутые выше дела все еще остаются не раскрытыми до конца.

В связи с этим Правительство приняло решение:

1) Снять т. Рюмина с поста начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР и освободить его от обязанностей заместителя Министра Государственной Безопасности СССР с направлением его в распоряжение ЦК КПСС.

2) Обязать Министра Государственной Безопасности СССР т. Игнатьева лично проследить за тем, чтобы указания Правительства по делам Абакумова — Шварцмана и врачей из Лечсанупра проводились со всей точностью.

3) Предложить т. Игнатьеву представить кандидатуру на должность начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, способную выполнять указания Правительства».

Как видим, здесь изобретен совершенно новый орган власти, до сих пор в СССР не существовавший, — Правительство. В сборнике «Лубянка» сей опус значится как «Постановление Совмина о М. Д. Рюмине» — притом, что по остальным кадровым вопросам в сборнике приводятся постановления Политбюро. Здесь его, по-видимому, не нашли.

Слово «Правительство» действительно употреблялось в совминовских документах. Так, в постановлении о Госплане СССР говорится: «Госплан СССР вместо того, чтобы честно выполнить директиву Правительства, встал на путь обмана Правительства...», поскольку председатель Госплана обманывал не только Совмин, но и его бюро, и министерства... он обманывал всех. Но вот *постановить* или же *принять решение* может лишь *существующий* орган — то есть Совет министров. Что же касается «указаний» по поводу ведения следствия — то покажите мне хотя бы одну совминовскую бумагу по этим вопросам. В особо важных случаях ход следствия обсуждался на Политбюро, и то не в полном составе. А обыч-

но указания по этим вопросам давал Сталин — и не имел обыкновения прятаться за спину какого-то безымянного органа.

Но почему все-таки не стали подделывать постановление Президиума ЦК? Следствие XIX съезда? Но что-то не припомню, чтобы там принимались такие эпохальные решения, как вывод МГБ из-под контроля ЦК. Скорее уж Хрущев, который входил в Политбюро, но не имел отношения к Совмину, таким образом отмазывается от «дела врачей» — мол, это все «правительственные», сталинские дела, а мы в ЦК и не знали ничего...

Впрочем, «объяснение Рюмина», будто бы написанное им 13 ноября и адресованное Сталину, ничуть не уступает данному шедевру. Михаил Дмитриевич, никогда не блиставший литературным талантом, вдруг научился писать! До сих пор он был усредненно-косноязычен:

Документ 8.2.
Из «письма» М. Д. Рюмина Сталину.
***2 июля 1951** г.*

«Во время "допроса", вернее, беседы с Этингером, тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний о злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета, тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он — Этингер — "заведет нас в дебри". Этингер понял желание тов. Абакумова и, возвратившись от него, на последующих допросах отказался от всех своих признательных показаний, хотя его враждебное отношение к ВКП(б) неопровержимо подтверждалось материалами секретного подслушивания и показаниями его единомышленника арестованного Ерозолимского, который, кстати сказать, на следствии рассказал и о том, что Этингер высказывал ему свое враждебное отношение к тов. Щербакову» и т. д. и т. п.

И вдруг товарищ Рюмин обрел слог газетных передовиц и разразился поэмой в прозе.

Документ 8.3.
Из «письма» Рюмина Сталину. 13 ноября 1952 г.

«Дорогой товарищ Сталин, я понимал и понимаю государственную важность этих дел, поэтому суровые, но в то же время справедливые выводы, сделанные в отношении меня Правительством, я принимаю как должное.

Вместе с тем прошу поверить, товарищ Сталин, что я всегда был честным перед партией и до предела отдавал все свои силы, способности и опыт делу любимой партии, Родине.

Ваше учение, ваши личные указания, каждое слово, а их я получал немало, для меня были ежеминутно путеводной звездой в практической работе.

Для того, чтобы выполнить свой долг перед партией, выполнить Ваши, товарищ Сталин, указания, я никогда не жалел своих сил, но этого, как я глубоко сейчас осознаю, оказалось недостаточно.

В чем причины, где корни, что я не обеспечил полностью порученного мне партией, лично Вами серьезного и исключительно ответственного участка работы?

В данный момент я несколько потрясен и нервничаю, поэтому не смогу всесторонне осветить обстановку, существующую в Министерстве государственной безопасности, и сформулировать некоторые свои предложения, с моей точки зрения, полезные для будущего...»

Нет, право, я всерьез начинаю верить, что фальшивки для хрущевской команды делал какой-то саботажник. Уж очень он презирает своих хозяев!

Но зачем вообще понадобился этот «почтовый роман»?

Посмотрим на проблему с другой стороны.

Хрущевская команда не имела чувства меры. На Рюмина вылили столько грязи, что по этому показателю он, наверное, следующий после Сталина и Берии. А между тем фигура по масштабу вроде бы и невелика...

Цитата 8.1. *«Низкого роста, лысеющий, с округлившимся животом... Рюмин был жесток, узок умом, груб и злобен. Его коллеги по МВД боялись и ненавидели его за надменность»* — так охарактеризовал Рюмина Сергей Кондратов (не знаю, кто ЭТО) В интервью Джонатану Бренту.

Зато в документальной повести Демидова и Кутузова «Первый удар» авторы, со слов побывавших в тюрьме бывших героев «ленинградского дела», дают такое описание Рюмина:

Цитата 8.2. *«Все, кому выпадала горькая доля встречаться с этим негодяем, отмечали: стройный щеголеватый, в глянцевых сапогах — красавец. Более наблюдательные... женщины уточняли: "Красавец, а красота какая-то змеиная, порочная, ужасающая". Оскалится в усмешке — страшно становится...»*

Дальше — больше. Выясняется, что этот высокий человек маленького роста, стройный «роковой красавец» с брюшком, лысиной и улыбкой вампира вместе со Сталиным являлся главным антисемитом Советского Союза. Эта линия прослеживается на очной ставке Рюмина и арестованного работника МГБ Маклярского. Очная ставка эта состоялась 1 февраля 1954 года и, согласно Бренту и Наумову, Маклярский утверждал, что Рюмин делал следующие беспримерные заявления:

Цитата 8.3. *«Рюмин часто говорил, что евреи — нация шпионов, что он уже покончил с евреями в МГБ и теперь получил разрешение правительства на разоблачение всех евреев в Советском Союзе. Он... хотел, чтобы я дал подробные показания против всех евреев, занимавших ответственные посты в аппарате партии».*

По словам Маклярского, Рюмин «копал» под Эренбурга, Жемчужину и даже Кагановича. Кроме того, он говорил, что собирается поставить перед правительством вопрос об изгнании всех евреев из Москвы. Также он будто бы заявлял следующее:

«В Москве проживают около полутора миллионов евреев. Они захватили посты в медицине, в области права; они входят в союзы композиторов и писателей. Я уже не говорю о торговой сфере. В то время как эти евреи представляют пользу для страны, все остальные являются потенциальными врагами народа. Особенно если принимать во внимание, что в Москве расположены иностранные посольства...»

Не совсем понятно: то ли у Рюмина неладно с головой, то ли Маклярский издевается над следствием. Кто имеется в виду под «остальными евреями»? Остальные «традиционные» еврейские профессии примерно следующие: портной, парикмахер, часовщик, ювелир... Какие тайны они могли передавать иностранным посольствам? Покрой костюма Кагановича? Кроме того, было достаточно евреев на заводах, в школах, в милиции и пр. Они что же, пользы для страны не приносили?

Следующее заявление оставим без комментариев:

«Факт вашего ареста доказывает вашу виновность, и я не хочу слышать никаких разговоров на эту тему. Уже долгое время вы и ваши сподвижники были объявлены вне закона. Вы арестованы по распоряжению правительства, и, если не признаете это, вам вряд ли удастся выжить».

И все это, конечно, сопровождалось потоком ругани. Продолжим цитировать повесть «Первый удар»:

Цитата 8.4. *«А говорить начнет, рот только откроет — сразу понимаешь, к кому попала: "сука" — это еще приличное слово в его крайне скудном лексиконе...»*

Впрочем, согласно данным официальной истории, матерились не переставая все — Берия, Кобулов, Абакумов... Один Игнатьев был образцом корректности.

А вот на Льва Шейнина, тоже чекиста и тоже писателя, Рюмин почему-то не ругался. Наоборот, был чрезвычайно вежлив. В разговоре употреблял не грубый мат, а поэтические выражения — например, «сердце проблемы».

Цитата 8.5. *«Вы, Лев Романович, несомненно, человек, имеющий огромный опыт в розыскной деятельности. Кто, как не вы, должен понимать, что признания в МГБ должны быть направленными и политически острыми, ведь нужно принимать во внимание политическое положение страны и международное положение».*

Удивительно талантливый стилист этот Михаил Рюмин. Вы не находите, что его литературная одаренность — на грани гениальности? Он умеет изображать из себя косноязычного служаку, умеет писать и высоким стилем оды, и утонченным языком политолога. А «сердце проблемы»? Да это уже поэзия!

Впрочем, есть и еще один (какой уже по счету-то?) образчик стиля.

Цитата 8.6. *«В заключение я хочу сказать, что если в результате какой-то чудовищной ошибки я попаду в лапы абакумовщины и они посадят меня на кол, то мои последние слова будут: в J951 году я пришел в Центральный Комитет с верой. Когда я должен буду умереть, независимо от того, кто и какие обстоятельства станут этому причиной, мои последние слова будут звучать так: я верен партии и Центральному Комитету. А сейчас я верю в мудрость Л. П. Берии и в ведущую роль МВД в России и я надеюсь, что мое дело будет иметь справедливое завершение».*

Это цитата из «признания Рюмина», датируемого 27 марта 1953 года. Давайте на этой высокой патетической ноте закончим обзор его многогранного литературного стиля и перейдем к конкретным обвинениям.

«Чекист отпущения»

Обвинений, по сути, два: именно Рюмин виноват в фальсификации дел и в возрождении в МГБ пыток.

Первое высказано еще в знаменитой передовой от 6 апреля.

Документ 8.4.

«Как могло случиться, что в недрах Министерства государственной безопасности. СССР, призванного стоять на страже интересов Советского государства, было сфабриковано провокационное дело, жертвой которого явились честные советские люди, выдающиеся деятели советской науки?

Это произошло прежде всего потому, что не на высоте оказались руководители бывшего Министерства государственной безопасности. Они оторвались

от народа, от партии, позабыли, что являются слугами народа и обязаны стоять на страже советской законности. Бывший министр государственной безопасности С. Игнатьев проявил политическую слепоту и ротозейство, оказался на поводу у таких преступных авантюристов, как бывший заместитель министра и начальник следственной части М. Рюмин, ныне арестованный. Рюмин поступил как скрытый враг нашего государства, нашего народа. Вместо того, чтобы работать по разоблачению действительных врагов Советского государства, действительных шпионов и диверсантов, Рюмин встал на путь обмана правительства, на путь преступного авантюризма. Поправ высокое призвание работников государственного аппарата и свою ответственность перед партией, перед народом, Рюмин и некоторые другие работники Министерства государственной безопасности в своих преступных целях пошли на грубейшие нарушения советской законности, вплоть до прямой фальсификации обвинительных материалов, посмели надругаться над неприкосновенными правами советских граждан, записанными в нашей Конституции».

По поводу фальсификации следственных материалов никто не спорит — вина за это лежит на Рюмине. Даже если он и выполнял чьи-то приказы — это не оправдание для суда, ибо он отлично знал, что нарушает закон.

А вот со вторым обвинением, вокруг которого и поднят основной шум, все гораздо запутанней. Оно подтверждается многими свидетельствами. Приведем некоторые из них.

1. Документ 8.5.
Из письма Абакумова Берии и Маленкову.
18 апреля 1952 *г.*

«Дорогие Л. П. и Г. М. Два месяца находясь в Лефортовской тюрьме, я все время настоятельно про-

сил следователей и нач. тюрьмы дать мне бумагу написать письма Вам и тов. Игнатьеву

Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах стоит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол... Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), провел восемь суток. Установка включилась, холод в это время усиливался. Я много раз... впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут. Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг, 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть, вспрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой. Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такую штуку. Ответили: "Руководство **МГБ".** Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает что и как хочет...

Прошу Вас, Л. П. и Г. М.:

1) Закончить все и вернуть меня к работе... мне нужно лечение.

2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую тюрьму и дать допрашивать прокурорам...

Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой. Вам вечно буду за это благодарен. Она человек честный и хороший.

Уважающий Вас В. Абакумов. 18 апреля 1952 г.»

И сразу же любимый вопрос — о подлинности данного документа. На первый взгляд, он убедителен. Однако на второй — убедительность несколько выцветает.

К письмам Абакумова из тюрьмы, как к этому, так и к другим, приложены сопроводиловки. На них стоит штамп секретариата Берии и написано, что Берия и Маленков ознакомились с этими жалобами, а потом передали их Игнатьеву. Стоит ли говорить, что сопроводиловки фальшивые? Даже не потому, что там какие-то не те подписи или штампы, и не из убеждения, что Берия и Маленков были «не такими людьми»... А просто потому, что следователям надо быть клиническими идиотами, чтобы передавать эти жалобы по назначению. Многолетняя практика советских органов безопасности показывает: после того как в Кремль приходят подобные письма, чекистская карьера тех, на кого жалуются, заканчивается навсегда.

Естественно, следователи это понимали и письма дальше Лубянки не пошли. Но ведь это понимал и Абакумов! Он-то отлично знал, что если применяют запрещенные приемы допроса, то жалобы на эти приемы адресатам не передадут. Тогда зачем он вообще их писал?

Умиляет также девическая невинность министра ГБ, который не только не ведает о существования в Лефортово «холодного карцера», но не знает даже этого названия, равно как и прочей лубянской терминологии — в документе нет ни одного слова на корпоративном языке МГБ. Еще умилительней его профессиональная неосведомленность, ибо он называет «чем-то невероятным» практику допросов, которая была в ходу если не при нем самом и не при Берии, то уж точно при Ежове. А ведь он работает в «органах» с 1932 года и наверняка имеет полное представление о допросах «третьей степени» и методах, при них применявшихся. И кстати, описывая, что с ним делали на допросах, даже не упоминает, что эти методы строжайшим образом к применению запрещены.

Такое письмо мог бы написать профессор Гаспар из «Трех толстяков», буде его угораздило бы попасть в МГБ: батенька мой, что-то невероятное, меня бросали со стула на пол и три раза матом обложили — какая зверская выходка!

Да и по характеру не сходится. Абакумов — несгибаемый боец, из тех, что умирают, стиснув зубы на горле врага. Он выдержал все допросы, ничего не признав. Даже на последнем своем суде, отлично понимая, что обречен, боролся до конца и выслушал смертный приговор, не изменившись в лице. Отчаянные жалобы и умоляющий тон — совершенно не в его характере.

Да, но ради чего подделывать это письмо? Существенно в нем, кроме, конечно, подлой роли Маленкова и Берии, отсылавших эти крики о помощи обратно Игнатьеву, всего один кусочек: *«Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такую штуку. Ответили: «Руководство МГБ». Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает что и как хочет...»*

2. Кирилл Столяров в книге об Абакумове (с неожиданным для 90-х годов названием «Голгофа») приводит показания подполковника Миронова, начальника внутренней тюрьмы МГБ, данные им на допросе 4 декабря 1953 года.

Цитата 8.4. *«Меня вызвал заместитель министра полковник Рюмин и предложил подобрать двух надежных и физически сильных сотрудников... для выполнения важных оперативных заданий. На другой день я вместе с отобранными сотрудниками Кунишниковым и Беловым зашел к Рюмину, который разъяснил, что важное оперативное задание состоит в том, что мы, по указанию его, Рюмина, будем применять меры физического воздействия к арестованным. За это он пообещал в будущем предоставлять нам путевки в дом отдыха, денежное пособие и присвоить внеочередные воинские звания. В нашем присутствии Рюмин вызвал одного из сотрудников Следчасти по особо важным делам и предложил собрать и передать нам резиновые палки, что и было выполнено... В Лефортовской тюрьме мы разместились в кабинете № 29 и по указанию Рюмина подвергли избиению арестованных Абакумова, Бровермана, Шварцмана, Белкина и других...»*

Кстати, эти показания походя опровергают то, что при Абакумове применялись пытки — ибо если это делалось, зачем заново создавать команду для выполнения «важных оперативных заданий». Почему не воспользоваться абакумов-

скими палачами? Может, их арестовали вместе с министром? Но ведь бьют не офицеры-следователи, а сержанты-надзиратели, этих-то зачем арестовывать?

Но это к слову, а странно здесь вот что. Формально Рюмин курировал работу тюремного отдела и имел право приказывать Миронову. Но Миронов сам не первый месяц в органах, отлично знает, что можно делать, а чего нельзя, и должен помнить, чем закончилась карьера ежовских палачей. Почему он выполняет заведомо преступные приказы, а не бежит к министру с ябедой, что мерзавец Рюмин понуждает его нарушить закон? Тот себе орден и карьеру зарабатывает, а Миронов-то ради чего должен под сроком ходить? Из-за приказа какого-то выскочки, вчерашнего следака из ОВД? Не вяжется. Миронов должен был, как минимум, потребовать подтверждения от более высокой инстанции — если, конечно, он сам не входил в *команду*. В общем, этот товарищ и без Рюмина хорош...

3. Напрямую обвиняет Рюмина «Берия» — кавычки здесь поставлены потому, что документ, о котором идет речь, также фальшивый. Бумаги, исходящие от Берии, определяются легче легкого — у него характерный стиль деловой переписки, очень четкий и выстроенный. Вроде бы и простой — а подделывается чрезвычайно трудно, ибо чтобы так писать, надо так мыслить. Здесь же все расплывается, расползается, присутствует множество эмоциональных оценок и пр. Однако документ вошел в исторический оборот как подлинный — смотрите, даже палач Берия говорил то же самое, даже он возмущался!

Документ 8.6.
Из «записки Берии» в Президиум ЦК по делу «врачей-вредителей»

«В результате проверки выяснилось, что все это дело от начала до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя министра государственной безопасности СССР Рюмина. В своих преступных карьеристских целях Рюмин, будучи еще старшим следо-

вателем МГБ, в июне 1951 года под видом незаписанных показаний уже умершего в тюрьме к тому времени арестованного профессора Этингера сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей...

Для придания правдоподобности своим измышлениям Рюмин использовал заявление врача Тимашук, поданное ею еще в 1948 году в связи с лечением А. А. Жданова, которое было доложено И. В. Сталину и тогда же было направлено им в архив ВКП(б)...»

В этом документе вышла забавная вещь — столкнулись два разнонаправленных потока дезинформации. Цель у них одна — обелить Игнатьева, но в одном случае собак вешают на Рюмина, в другом — на Сталина. Вышла форменная ерунда. Во-первых, если Сталин отправил письмо в архив ВКП(б), то откуда его взял Рюмин? Кто ему передал сию эпохальную жалобу? Выбор невелик — или Сталин, или Игнатьев. Но тогда в чем вина Рюмина?

Ладно, тут мы ответ как-нибудь измыслим. Допустим, в ходе проверки Лечсанупра раскопали материалы совещания от 6 сентября, вызвали Тимашук, у нее была копия и пр. Но ведь есть и «во-вторых»: если Сталин знал о письме и отправил его в архив, то почему генерала Власика в декабре 1952 года обвиняли в том, что он скрыл заявление Тимашук, не сообщив о нем «наверх»? В общем, снова вранье...

Я даже могу рассказать, как такие вещи получаются. Когда пишешь какой-нибудь заказной материал, в ходе согласования заказчик сплошь и рядом указывает — мол, надо вставить то-то и то-то... Можно с ним спорить, доказывать, что получится хуже, а можно махнуть рукой и послушаться. В конце концов, он бабки платит, так что право имеет. Эту бумагу и так делал исполнитель невеликой квалификации (либо откровенный саботажник), а когда ему от *заказчика* велели вставить еще кусочек, он не стал спорить и послушно вставил. Что, ему больше надо, чем идеологическому сектору ЦК?

...Впрочем, дальше еще интересней:

«Заручившись на основе сфальсифицированных следственных материалов санкцией И. В. Сталина на применение мер физического воздействия к арестованным врачам, руководство МГБ ввело в практику следственной работу различные способы пытки, жестокие избиения, применение наручников, вызывающих мучительные боли, и длительное лишение сна арестованных...»

Почему это интересно? Потому что когда мы пытаемся сориентироваться во времени, то получаем совершенно неожиданные результаты.

4. Возьмем еще одно свидетельство: письмо доктора Егорова Берии от 13 марта 1953 года.

Цитата 8.8. *«...Я поставил подпись, поскольку не видел иного выхода в этих невыносимых условиях, и как только я это сделал, мои отношения с Рюминым резко изменились... Если раньше он угрожал мне пытками... то теперь... его лицо выражало неприкрытую радость...*

...Но на следующий день они снова стали меня бить. Не он лично, это делали другие в его присутствии... После таких, кажется двух, избиений Рюмин спросил: "Будешь ты, предатель, говорить?"...»

Брент и Наумов, люди чрезвычайно дотошные и скрупулезные, пишут, что избиения арестованных начались \2 ноября 1952 года. Рюмин в своих показаниях от 18 марта 1953 года утверждает:

Цитата 8.9. *«Министр вызвал меня 12 ноября. Он разговаривал со мной на повышенных тонах о телефонной беседе с товарищем Маленковым, который отдал ему приказ бить врачей смертным боем. Вскоре я спустился в тюрьму к Миронову, где они стали бить Василенко, Виноградова и запугивать Егорова в кабинете Миронова».*

В середине избиения Василенко его вызвал Игнатьев и показал приказ о снятии с должности.

Даже если эти показания подделаны (коль скоро к пыткам пристегивают Маленкова, есть основания подозревать, что бумага была изготовлена после 1957 года), то уж всяко не в пользу Рюмина. Тем не менее получается нечто странное. Егоров пишет, что избивали его в присутствии Рюмина,

причем утверждает, что били *снова*, то есть не в первый уже раз. А ведь допрашивать «с пристрастием» начали 12 ноября, а 13-го Рюмина сняли. На долгие допросы просто не остается физического времени. Их могло быть максимум два — вечером 12-го и утром 13 ноября."

Но в таком случае, *кто* входил в «руководство МГБ», которое «ввело в практику различные способы пытки»? Заместитель Рюмина, и.о. начальника следчасти Соколов, которые даже не имел должности замминистра? Первые замы Игнатьева — опытнейшие чекисты Гоглидзе и Огольцов? С ними вообще такая ведьмина пряжа получается, что этим вопросом надо заниматься особо. Одно ясно совершенно точно: если верны данные Брента и Наумова, что пытки начались 12 ноября, то «вводить в практику» их мог кто угодно, кроме Рюмина, покинувшего органы в середине следующего дня.

5. Пойдем далее. Занятную вещь пишет «Рюмин» в «объяснении по поводу снятия с должности» (это тот документ, который начинается «поэмой в прозе»). Цитирую:

Документ 8.3. Продолжение

«Еще большая моя вина состоит в том, что я, как справедливо нам было сказано, боялся запачкать руки при допросах опасных государственных преступников. Первый период после происшедших событий в прошлом году в МГБ СССР я считал, что такой метод в следствии исключен, и постоянно требовал от следователей творческой, инициативной работы, сбора документов, уличающих в преступлениях врагов, активной наступательной тактики при допросах, как обо всем этом сказано в наставлении следователю.

Я не говорил следователям, как они должны поступать в том случае, если опасный государственный преступник не сдается».

Дальнейший текст я привожу с купюрами, которые потом заполню.

«При расследовании дела Абакумова, а особенно дела террористов-врачей я понял, что крайние меры в таких случаях необходимы и что мой взгляд... неправильный.

После этого я вынашивал мысль о том, что мне необходимо написать в ЦК свои предложения... В данном случае из-за боязни того, что мой поступок кому-то не понравится, я не осуществил своих намерений, но, как и всегда бывает, нас не стали ждать и справедливо поправили».

И что же получается, исходя из этого документа? А получается, что Рюмин вообще был против пыток! Между тем письмо явно фальшивое — и потому, что это образчик высоколитературного рюминского стиля, и, самое главное, по причине того текста, который содержится на месте купюр. Тем не менее сами фальсификаторы, ни в коей мере не расположенные обелять Рюмина, пишут, что он только *собирался* применять эти методы. В самом худшем варианте, если мы поверим письму Егорова, получается, что все рюминские зверства ограничиваются одним-единственным допросом, во время которого он ухитрялся присутствовать одновременно в трех местах.

И наконец, самое странное. Почему было заменено фальшивкой подлинное постановление о снятии Рюмина? Что бы там ни содержалось, снять его могли лишь по одной причине: не справился со своими обязанностями. Что в этом случае скрывать?

Ответ до смешного прост: отсутствие самого постановления.

Гипотеза. Игнатьев, которому уже конкретно пятки припекало, 12 ноября вызвал Рюмина и «на повышенных тонах» в ультимативном порядке потребовал пытать арестованных врачей — только со ссылкой не на Сталина или Маленкова, а на руководителей заговора. Или на обстоятельства типа: «Ты что, не понимаешь, если эти м... не расколются, к весне мы сами будем на Лубянке!» Поговорили хорошо, так, что Рюмин, озверев от беседы, отправился к Миронову и дал соответствующее распоряжение.

Однако в дело вмешалось неожиданное обстоятельство. Рюмин — человек кабинетный, начинал работу в НКВД уже при Берии, никогда не видел пыток и не знал, как это выглядит в реальности. Хвост ему Игнатьев накрутил крепко, и он сам принял участие в «острых» допросах. Продержался до середины дня 13 ноября, а потом пошел к Игнатьеву и заявил, что больше работать в МГБ не будет.

Игнатьев согласился — хотя бы потому, что давить на человека, находящегося в таком состоянии, опасно. Кто его знает — вдруг он психанет и отправится прямо к прокурору? Министр без слова подписал заявление. Как он там со Сталиным объяснялся, неведомо — но как-то объяснился. Условие было одно — молчать. **(Конец гипотезы.)**

Учитывая, что после ухода Рюмина как раз и начался беспредел, можно предположить, что он не только не провоцировал беззаконие, но в какой-то мере сдерживал его.

Еще более любопытна дальнейшая судьба этого человека. Какое-то время Рюмин ходил без работы, а потом вдруг оказался... в роли контролера в Министерстве государственного контроля! Ничего себе, поворот судьбы! Как он туда-то попал?

Гипотеза. Рюмин оказался в отчаянном положении — без работы, без денег. Кроме того, он, по-видимому, сообразил, зачем так срочно понадобилось раскручивать «дело врачей», а после появления передовой от 13 января мог догадаться и о встречной игре Сталина. Не надо забывать, что он был опытным контрразведчиком. С одной стороны, Рюмин понял, в какую мерзость вляпался, с другой — близился срок окончания следствия, прокурорская проверка и все оргвыводы, которые за этим последуют. А то, что собак станут вешать на начальника следчасти, можно было и не сомневаться.

Окончательно изнемогая под грузом всех этих обстоятельств, Рюмин решился на предательство. Куда идти? Путей было два. Официальный — в прокуратуру, которая обязана надзирать за следствием, и рациональный — в Министерство государственного контроля, глава которого имел прямой выход на Сталина. Он выбрал второе. Почему? Ведь Сафонов тоже пришел бы к вождю. Возможно, разгадка в

личности министра госконтроля — Всеволод Меркулов, бывший министр ГБ, был для чекистов своим и скорее мог войти в положение запутавшегося работника органов, чем прокурор. Да и по-человечески он был чрезвычайно симпатичен — спокойный, вежливый, доброжелательный к людям. Рюмин мог надеяться, что Меркулов не только доведет до Сталина информацию, но еще и как-то поможет в жизни. И Меркулов, действительно, помог.

Если эта гипотеза неверна, трудно объяснить, почему, всемерно спасая Игнатьева, хрущевцы хладнокровно и жестоко утопили Рюмина, да еще и взвалили на него ответственность за пытки — то есть, поступили, как с врагом. Своих подставлять нельзя — это закон функционирования любой команды.

Кстати, вспомним напоследок слова Серго Берия (цит. 4.7.).

«В тот день, по предложению отца, было назначено расширенное заседание Президиума ЦК, на котором планировалось обсудить деятельность министра государственной безопасности СССР С. Игнатьева и его заместителя М. Рюмина с целью установления их личной вины в фабрикации ряда дел...»

Но, простите, Рюмин уже три месяца сидел на Лубянке с предъявленными обвинениями! Какое может быть «установление личной вины»? Разве что *перераспределение*, перенос основной вины с Рюмина на Игнатьева — как оно наверняка и было в действительности.

МГБ — всадник без головы

А теперь пришло время заполнить купюры в «письме Рюмина Сталину» от 13 ноября 1952 года.

«При расследовании дела Абакумова, а особенно дела террористов врачей я понял, что крайние меры в таких случаях необходимы и что мой взгляд, ***укреплявшийся мнением товарища Игнатьева С. Д.****, неправильный.*

После этого я вынашивал мысль о том, что мне необходимо написать в ЦК свои предложения, ***так как товарищ Игнатьев такого вопроса не решал и не хотел идти с ним в ЦК. В*** *данном случае из-за боязни того, что мой поступок кому-то не понра-*

вится, я не осуществил своих намерений, но, как и всегда бывает, нас не стали ждать и справедливо поправили».

То, что письмо — подделка, ясно и так, а теперь понятно и зачем она, эта подделка, понадобилась. С ее помощью главным противником пыток в МГБ представляли Игнатьева — который-де пошел на крайние меры лишь под нажимом ЦК. Датировать этот документ трудно, но поскольку, вразрез с общепринятой легендой, Рюмин в нем выставлен противником пыток, он довольно ранний. Может быть, с его помощью на июльском Пленуме 1953 года восстанавливали Игнатьева в ЦК? Должны же были для этого предъявляться какие-то основания!

Ну, а дальше все пошло просто. Рюмина сделали ответственным за применение пыток, а Игнатьева изобразили невинной жертвой, вынужденной подчиняться грубому насилию со стороны Сталина и обманутой подлыми чекистами, — все сразу! 27 марта 1953 года он «написал объяснительную записку» на имя Берии. Возможно, записка действительно принадлежит перу Игнатьева — почему бы и нет? Его докладные и фабриковать не надо, после 1953 года Семен Денисович был вполне доступен, так что мог написать и подписать любые бумаги.

Записка эта, кажется, так и не опубликована, известна лишь в отрывках — но и отрывки впечатляют. Например, когда речь заходит о Егорове, Сталин спрашивает:

Цитата 8.10. *«Надели ли на него наручники? Когда я доложил, что в МГБ наручники не используют* (???!!! — *Е. П.), Сталин пришел в ярость, проклял меня на грубом языке, которого я до сих пор никогда не слышал* (ну прямо анекдот про поручика Ржевского: «Папа', кесь ке се жопа'?» — *Е. П.), назвал меня идиотом, добавив: "Вы политически слепы, вы не чекист, вы никогда не сделаете это с врагами* (но мы ведь сделаем это, ребята?! — *Е. П.) , и вам не следует действовать так, как вы действуете", и потребовал, чтобы все, что он приказывает, выполнялось без вопросов, точно и аккуратно, и что ему следует докладывать об исполнении его приказов незамедлительно».*

«Отзыв» Сталина о Рюмине:

«Я неоднократно говорил, что Рюмин — честный человек, коммунист, он помогает Центральному Комитету раскрыть

серьезные преступления в МГБ, но он, бедный парень, не нашел у нас поддержки, и это из-за того, что я назначил его вопреки вашему протесту (тогда за что же бедняжку из органов выгнали? Поставили бы министром, раз Игнатьев не справляется! — *Е. П.)*».

Сталин о «деле врачей».

«С конца октября 1952 г. тов. Сталин все чаще и чаще в категорической форме требовал от меня, тов. Гоглидзе и следователей (А Рюмина куда дели? — *Е. П.) применять меры физического воздействия в отношении арестованных врачей, не признающихся во вражеской деятельности. "Бейте!— требовал он от нас, заявляя при этом, — вы что, хотите быть более гуманными, чем был Ленин, приказавший Дзержинскому выбросить в окно Савинкова?*(А мы-то, по серости своей, полагали, что Савинков был арестован уже после смерти Владимира Ильича. Но товарищу Сталину, конечно, виднее... — *Е. П.) У Дзержинского были для этой цели специальные люди-латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский не вам чета, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете. Если хотите быть чекистами, снимите перчатки. Чекистская работа, это — мужицкая, а не барская работа"* (Я че-то не поняла: у официанта что — барская работа? Потому что в перчатках? Как не вспомнить Честертона, в одном из рассказов которого посетители элитного клуба носили зеленые фраки, чтобы их не перепутали с лакеями. — *Е. П.) »*.

«К концу января 1952 года почти во всех разговорах с тов. Сталиным я слышал не только острую брань, но и угрозы приблизительно такого характера: "Если вы не раскроете террористов, американских агентов среди врачей, то вы будете там, где сейчас находится Абакумов", "Я не МГБ-шник. Я могу требовать и прямо заявлять вам об этом, если вы не выполняете моих требований", "Мы будем управлять вами как баранами" и т. д.»

Звучит-то как: боевые бараны партии! Оценили?

Та же цена и «заявлениям Гоглидзе» от 25 марта 1953 года.

Цитата 8.11. *«Почти каждый день товарищ Сталин проявлял интерес к ходу расследования дела врачей и дела Абакумова, Шварцмана, разговаривая со мной по телефону, и иногда*

вызывал меня к себе в кабинет. Товарищ Сталин, как правило, разговаривал в сильном раздражении, постоянно выражал неудовлетворенность ходом расследования. Он ругался, грозился и. как правило, требовал, чтобы заключенных избивали: "Бейте их, бейте их смертным боем"».

Аналогичные вещи Игнатьев утверждал и относительно «мингрельского дела»... но я уже устала приводить эти примеры.

А теперь — о том, что было на самом деле. В реальности применение «физических методов» в ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ было запрещено. Сами методы, естественно, применялись. Время от времени жалобы по этому поводу пробивались сквозь низовой бардак и доходили до высокого начальства. Возникал очередной скандал, в ходе которого Сталин требовал карать виновных, «невзирая на лица». В качестве финального аккорда появлялся внутриведомственный документ, вроде следующего (подчеркивание принадлежит Сталину.):

Документ 8.6.
Из обращения начальника ОГПУ Генриха Ягоды к чекистам. Август 1931 г.

«За последнее время ко мне через ЦКК, прокуратуру, а также и непосредственно поступил ряд заявлений и жалоб на действия отдельных наших сотрудников, допускающих якобы такие приемы в следствии, которые вынуждают обвиняемых давать ложные показания и оговаривать себя и других.

При расследовании оказалось, что подавляющая часть заявлений представляет собой гнусную ложь... НО НЕСКОЛЬКО ЗАЯВЛЕНИЙ ВСЕ ЖЕ ИМЕЛИ ПОД СОБОЙ ПОЧВУ..

Применением недопустимых в нашей работе приемов следствия наши работники не только позорят органы ОГПУ, но и по существу запутывают дело, давая тем самым возможность ускользнуть подлинному врагу.

Допустившие эти действия работники заслужили самого беспощадного и жестокого наказания...

...Никогда партия и рабочий класс нам не простят, если мы хоть в малейшей мере станем прибегать к приемам наших врагов. Издевательства над заключенными, избиения и применение других физических способов воздействия являются непременными атрибутами всей белогвардейщины.

ОГПУ ВСЕГДА С ОМЕРЗЕНИЕМ ОТБРАСЫВАЛО ЭТИ ПРИЕМЫ КАК ОРГАНИЧЕСКИ ЧУЖДЫЕ ОРГАНАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Чекист, допустивший хотя бы малейшее издевательство над арестованным, допустивший даже намек на вымогательство показаний, — это не чекист, а враг нашего дела.

Каждый наш работник должен знать и помнить, что даже малейшая его ошибка, сделанная хотя бы и не по злой воле, пятном позора ложится на всех нас.

Этим моим письмом я предостерегаю всех чекистов, каковы бы ни были их заслуги, что повторение подобных случаев встретит беспощадную кару».

Как видим, Ягода настроен чрезвычайно резко — если даже он и был неискренен, то выразить свои подлинные взгляды во всеуслышание не мог. Обвинения в фальсификации дел были в ОГПУ-НКВД расхожим оружием, типа «сам дурак»: «Липач!» — «Сам липач!» — дальше ругань, мордобой, а иногда и револьвер. Нравы в НКВД времен Ягоды были простые.

Что говорил по этому поводу Ежов — неизвестно. Берия, придя в сентябре 1938 года в НКВД, вызывал сотрудников и спрашивал: кто, по их мнению, ведет себя «не по-человечески». Палачей он наказывал действительно беспощадно: Ягода, несмотря на все громогласные обещания, всего лишь ссылал их на периферию, в крайнем случае сажал на пару лет; Берия без всяких громких слов сажал лет на десять-пятнадцать и расстреливал. Позицию Абакумова по этим вопросам мы уже рассматривали. Пристрастие Сталина к допросам «третьей степени» также не подтверждается ничем, кроме усилий хрущевских пиарщиков.

Кстати, кроме моральных, у такой позиции были и практические причины.

«Надо твердо помнить, что среди попадающих к нам противников есть элементы, готовые дать любое показание с целью добиться своего освобождения, а иногда сознательно стремятся навести наши органы на ложный след. Со стороны руководящих работников обязательна критическая проверка материалов следственного производства фактами и действенное руководство агентурной и следственной работой».

Опытный контрразведчик, Сталин прекрасно понимал, что добытые таким путем показания сомнительны. Постоянной перепроверки показаний требовал по своим каналам и генпрокурор Вышинский.

При Ягоде иной раз возникали связанные с «недопустимыми методами» скандалы, в ходе которых Сталин требовал наказать виновных. После того как Берия навел порядок в НКВД, эта тема на высоком уровне не обсуждалась — если выплывет что-нибудь подобное, разберется сам нарком, без привлечения Политбюро. Поэтому хрущевским пиарщикам очень удобно было вбрасывать в это пустое пространство любые измышления — опровержений-то нет...

Однако в 1952-1953 годах «физические методы» применялись — это стократно доказано. Неясно, как долго и в каких масштабах, — но факты были. Ну, и какую долю ответственности за это авторы наших фальшивок возлагают на плечи министра ГБ? В записке о «деле врачей», которую я уже цитировала, роль эта такова:

Документ 8.4. Продолжение

> «Бывший министр государственной безопасности СССР т. Игнатьев не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы».

Аналогичные положения содержатся и в другой записке — по «мингрельскому делу» (тоже, само собой, фальшивой).

Документ 8.5.

«И. В. Сталин, будучи неудовлетворен результатами следствия, требовал применения к арестованным физических мер воздействия, с целью добиться их признания в шпиоиско-подрывной работе.

Бывший министр государственной безопасности СССР т. Игнатьев, несмотря на получаемые им чуть ли не с начала следствия... сигналы о недопустимых методах следствия и о провокационном характере всего этого дела, занял по меньшей мере непонятную позицию невмешательства (именно «непонятная позиция невмешательства», конечно, заставила Берию рассвирепеть до того, что Игнатьев с треском вылетел из ЦК и еле-еле остался в партии. — *Е. П.)* — в произвол и беззаконие... За время следствия по этому делу, длившегося выше 15 месяцев, арестованными было подано общей численностью свыше 145 заявлений с жалобами на применяемые к ним преступные методы. Все эти заявления МГБ Грузии представляло т. Игнатьеву, однако ни в одном случае т. Игнатьевым не было принято мер к проверке жалоб арестованных».

МВД (бывшее МГБ) Грузии помогло Хрущеву с «делом Берии», сфабриковав документы об участии подсудимых в репрессиях, так что ссориться с ним не было резона. Поэтому, согласно данной легенде, оно честно «передавало» Игнатьеву жалобы, а неопытный министр «не реагировал». Вот только неумелые фальсификаторы подставили своему подзащитному неслабый капкан. Что, неужели все эти 145 заявлений были на его имя? Или какие-то из них адресовались Сталину, Берии, Генеральному прокурору, и вскрывать их кому-либо другому, согласно правилам того времени, было строжайше запрещено? Ну, и что делал с ними Игнатьев? Читал и не принимал мер или не передавал адресатам?

Ах да, передавал, но Сталин велел: «бить их смертным боем».

Наконец, последнее «доказательство» — записка Игнатьева Сталину, датированная 15 ноября 1952 г.

Документ 8.6.

«Во исполнение Ваших указаний от 5 и 13 ноября с. г. сделано следующее...

2. К Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия, усилены допросы их, особенно о связях с иностранными разведками...

3. Абакумов переведен из Лефортовской в Бутырскую тюрьму и содержится в ручных кандалах (может, все же в наручниках? Ах да, наручники в НКВД не применялись... — *Е. П.*)...

4. Подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников...»

То, что документ фальшивый, — ясно. Но насколько он врет по датам и фактам? Ведь фальшивки, как правило, делаются на основе подлинных событий.

Согласно показаниям Рюмина, указание о применении пыток было получено 12 ноября, и он его выполнил. Однако Игнатьев называет другие даты — 5-е и 13-е. Брент и Наумов пишут, что 13 ноября министр получил от Сталина резкий выговор на заседании какого-то органа, который назван «ЦК» — в реальности это могло быть Бюро Президиума ЦК, примерно по составу адекватное Политбюро. Однако об этом выговоре известно лишь из той же «записки Игнатьева Берии», так что поставим знак вопроса.

Четвертый пункт Док. 8.6. явно совпадает с показаниями Миронова, где говорится об избиениях подследственных уже по «делу Абакумова» — получается, что и этот рассказ относится к ноябрю? Игнатьев утверждает, что он *«ни разу не был информирован, что кто-то из следователей принимал непосредственное участие в пытках заключенных или назначал им ужесточение режима содержания. И не получал никаких жалоб от арестованных врачей. Это было сделано только после очень жестких требований товарища Сталина»*, и что именно Сталин приказал привлечь для избиений двоих работников тюремной охраны.

Нас не интересует, *кто* приказал — а только дата. Если верно, что бригада Миронова появилась лишь в ноябре, ста-

ло быть, и чекистов до ноября не били (остальных способов мы не касаемся). Еще один аргумент в уменьшение виновности Рюмина...

Миронов, правда, утверждал, что они «работали» в Лефортово, а Абакумов, как явствует из письма, уже переведен в Бутырку. Впрочем, дату и название тюрьмы в мироновских показаниях могли и подкорректировать, чтобы виноватым снова выходил Рюмин. В этом деле либо работали несколько фальсификаторов, либо писатели сами уже запутались в своих сюжетах — но подобные несообразности вылезают постоянно.

Итак, перед нами целая гора самых разнообразных фальшивок, разного времени изготовления и уровня профессионализма, но сделанных с одной целью — отвести от ответственности за пытки министра ГБ Игнатьева. Да кто же он такой, в конце-то концов? Не знаю, но всяко не второстепенная фигура. Думаю, не ошибусь, поместив его в самую верхушку заговора.

И самое главное: подняв невероятный шум вокруг пыток, хрущевцы, а вслед за ними и все остальные, как-то совершенно упустили из виду, что основная вина Игнатьева со товарищи была не в этом. Основная их вина в фальсификации следственных дел — что, кстати, можно делать, вообще не вызывая арестованных на допросы и даже вовсе не имея никаких арестованных.

Напоследок слово тому же Рюмину. После прихода в МГБ Берии он был арестован. Ничего удивительного — как бы он ни повел себя осенью 1952 года, однако до этой осени успел заработать хороший срок. После прихода Хрущева его оставили в тюрьме, в 1954 году судили и расстреляли. Но вот судебные протоколы подделать куда труднее, чем протоколы допросов. Когда Рюмина спросили, почему он фальсифицировал направляемые Сталину материалы, он ответил: *«Я боялся, что Игнатьев сделает со мной то же, что я в свое время сделал с Абакумовым. Близко работая с Игнатьевым, я узнал, что это умный и лицемерный человек, способный на любой поступок»*.

Все же переход МГБ в новое качество и сопутствующие тому события отразились на Игнатьеве: 14 ноября он попал в

больницу с сердечным приступом и на работу вышел только 27 января, о чем доложил Сталину (документ опубликован и вроде бы даже подлинный). Получается, что практически все пытки проходили без него, так что Игнатьева тоже осуждать не за что. Если, конечно, и тут нет какого-нибудь вранья.

Так кто все-таки отвечает за царивший в МГБ беспредел? Валить все на Игнатьева — тоже не ответ, он не профессионал. Это как с Булганиным и Жуковым: министр-то он министр, но для того, чтобы заставить армию действовать по устному приказу, нужен кто-то посолидней.

Вчерашний партиец — недостаточный авторитет для работников МГБ, чтобы заставить их нарушать закон. Должен был существовать еще кто-то, похлопавший министра по плечу, промолвив утешительно что-нибудь вроде: «Не горюй, товарищ нарком, все сделаем!» А может статься, и посоветовавший ему удалиться куда-нибудь на время, не путаться под руками. А потом этот «кто-то» собрал следователей и заявил: «Ну, ребята, а теперь будем слушать меня!»

Надо искать этого «кого-то», опытного, даже матерого чекиста. Ибо после ухода Рюмина в действиях МГБ появляется особого, ежовского свойства профессионализм. Дела начинают раскручиваться по старым проверенным рецептам «тридцать седьмого года».

...В отсутствие Игнатьева спецсообщения для Сталина подписывали его первые заместители. Их было двое, оба Сергеи: Гоглидзе и Огольцов. И тут начинается ведьмина пряжа.

Официально считается (и даже вошло в справочник «Лубянка»), что Огольцов был замом «по разведывательным делам», а Гоглидзе — «по остальным делам». Но уж очень неравномерная получается у них нагрузка. Огольцов курирует всего лишь один узкий участок, притом что сам никаким конкретным подразделением не руководит, а начальник 1-го Главного управления (разведки за границей) Савченко тоже входит в число заместителей министра. Гоглидзе же везет всю остальную работу, плюс к тому являясь еще и начальником 3-го Главного управления (военной контрразведки).

Для подтверждения того, что именно Гоглидзе руководил следствием, он упоминается в этом качестве в насквозь

фальшивом «письме Игнатьева Берии». Он вообще упоминается постоянно, к месту и не к месту, что, зная нравы хрущевской команды, уже подозрительно. Опубликованы также спецсообщения Гоглидзе Сталину, касающихся «дела Абакумова» — впрочем, их могли и нарисовать, дело житейское. Другое существенно: если он был ответственным за пытки, почему Берия после своего прихода оставил его в МВД? Гоглидзе даже неведением не сумел бы отговориться, он старый чекист и «проворонить» такие нарушения не мог. Возможно, конечно, со стороны Берии это была игра с целью усыпить бдительность заговорщиков — но если Гоглидзе был их человеком, почему его расстреляли? Тоже предал?

В то же время всячески замалчивается деятельность другого первого зама Игнатьева — Огольцова, того самого «главного разведчика». Между тем это фигура куда более двусмысленная. Гоглидзе к ноябрю 1952 года уже девять месяцев находился в Москве, работал заместителем министра, имел свою сферу ответственности, никаким боком не пересекавшуюся со следчастью по ОВД, которую курировал замминистра Рюмин. Подведомственны Гоглидзе были: военная контрразведка, Главное управление охраны на водном и железнодорожном транспорте (которым он руководил до прихода Игнатьева), отделы «А» (учетно-архивный) и «К» (оперативное обслуживание атомных объектов). Так что, как видим, это был специалист в несколько другой области.

А вот с Огольцовым все куда интереснее. До середины ноября 1952 года он пребывал в Узбекистане, в должности министра ГБ этой солнечной республики, а потом вдруг был возвращен в столицу и 20 ноября назначен одним из двух первых замов Игнатьева. Что может быть естественнее, чем сделать вывод — Огольцов был вызван из Ташкента, чтобы заменить внезапно сошедшего со сцены Рюмина. Но в этом случае он автоматически попадает в козырную масть заговорщиков.

А любопытно, кстати, проверить: кем были оба «первых чекиста», когда снимали Абакумова? Смотрим дальше. В июле 1951 года, когда проходила проверка работы министра ГБ, Гоглидзе занимал важный, но далекий от театра боевых действий пост — начальника Главного управления охраны же-

лезнодорожного и водного транспорта. Заместителем министра он стал лишь 26 августа 1951 года. А вот Огольцов в момент отстранения Абакумова являлся его единственным первым замом и вполне мог как участвовать в проверке деятельности министра, так и подобрать любой материальчик.

Более того, 3 апреля, в тот самый день, когда ЦК принял постановление по «делу врачей», Огольцов был арестован. Существует совершенно изумительная по непрофессионализму фальшивка от имени Берии, касающаяся «убийства» Михоэлса. На основании этой бумаги считается, что Огольцова арестовали и лишили полученного в 1948 году ордена как раз за это убийство. Однако записка — грубая подделка, а кроме того, Юрий Мухин раскопал свидетельства о том, что и убийства-то не было. В таком случае вопрос: за что арестовали Огольцова? И ответ: за что — если не за игнатьевские дела? Тем более при такой дате ареста...

Уже 6 июля 1953 года Огольцов освобожден, причем не просто так, а по решению Президиума ЦК КПСС — который почему-то закрыл глаза на его участие в политическом убийстве, хотя обычно миловать соучастников сталинских преступлений был не склонен. Впрочем, «еврейский» уклон тема приобрела несколько позднее. В том июле даже сам Огольцов еще не знал, что по приказу Сталина ликвидировал Михоэлса.

Дальнейшая судьба Огольцова сложилась ни хорошо, ни плохо. 1 января 1954 года его отправили в запас, в 1959 году лишили генеральского звания, как запятнавшего себя за время службы в органах. А в целом он легко отделался: тот факт, что пытки в МГБ активизировались *после* ухода оттуда Рюмина, попросту замяли, свалив все на бывшего начальника следчасти. Но совсем не наказать Огольцова, когда начал раскручиваться скандал вокруг «дела врачей», было бы политически неправильно.

А вот в судьбе Гоглидзе все вышло куда более печально. В день убийства Берии он находился в Германии. Его арестовали там 27 июня 1953 года, привезли в Москву — по крайней мере, тюремные фотографии имеются, значит, когда оформляли, он был еще жив — а потом убили вместе с другими бывшими чекистами, проходившими по «делу Берии».

На первый взгляд, фигура это двусмысленная. С одной стороны, человек, карьера которого резко рванулась вверх именно после прихода в МГБ Игнатьева, из чего можно заключить, что он тоже входил в *команду*. А с другой, если взглянуть на его карьеру вообще...

В ноябре 1934 года 33-летний Сергей Гоглидзе становится наркомом внутренних дел Закавказской республики, что вроде бы несколько странно, поскольку до того он был начальником Управления пограничной и внутренней охраны. Однако если знать, что к тому времени Берия увел за собой в партийный аппарат большинство толковых чекистов, то и не странно, пожалуй. После расформирования Закавказской Федерации он становится наркомом внутренних дел Грузии. А дальше начинается что-то малопонятное.

Когда 30 июля 1937 года нарком внутренних дел Ежов подписал знаменитый приказ № 00447, которым был дан старт массовым репрессиям (подробно о том, что это за приказ, как он появился на свет и какие цели преследовал, — в моей книге «Творцы террора»), в нем определялись персональные составы «троек» по республикам. В «тройки» должны были войти нарком внутренних дел, первый секретарь и прокурор республики — однако как Берия, так и Гоглидзе от этой почетной обязанности уклонились. Председателем «тройки» стал начальник 2-го отдела ГУГБ Грузии (то есть контрразведки) Авксентий Рапава. Что, в общем-то, логично — стратегически важный район Закавказья был нашпигован иностранной агентурой так, что дальше некуда, и уж если заниматься внесудебными чистками, так пусть это делает специалист.

А потом начинаются странные телодвижения. Внезапно, в ноябре 1937 года, Рапава оказывается на советской работе в Абхазии, вернувшись в органы лишь после окончания репрессий, уже при Берии, на пост наркома внутренних дел Грузии. Это, в общем-то, понятно: увидев, что Ежов превращает «чистку» в беспредел, он мог просто заявить, что делать этого не станет, — и Берия, от греха подальше, вообще убрал Рапаву из органов. Дальше вроде бы «тройку» возглавлял Гоглидзе — но получилась довольно странная вещь: с ним не расправился Ежов за отсутствие усердия и не арестовал Бе-

рия за его присутствие. Более того, впоследствии, став союзным наркомом, Берия поручал ему самые важные участки работы: сначала, до февраля 1941 года, это был Ленинград, затем, до начала войны — Молдавия, а потом, почти десять лет - до января 1951 года — Гоглидзе был уполномоченным по Дальнему Востоку. Человек, как видим — круче некуда. А в январе 1951-го его внезапно отзывают в Москву, в центральный аппарат, на должность начальника управления охраны железнодорожного и водного транспорта.

Но и это еще не все. 26 августа 1951 года Гоглидзе становится первым замом Игнатьева, а в ноябре его с какого-то перепугу назначают министром ГБ Узбекистана — но через три месяца возвращают в Москву, а вместо него туда едет Огольцов. Не знаю уж, что это было за паломничество игнатьевских заместителей в солнечный Ташкент... а ведь интересный вопрос! Но судя по тому, что, вернувшись, Гоглидзе получает под свою опеку отдел по оперативному обслуживанию атомной промышленности, без Берии тут не обошлось. По-видимому, его возвращение связано с тем, что в январе сменился начальник отдела... по крайней мере, это был предлог не хуже прочих.

Так что перед нами типичный член бериевской команды. А поскольку именно Берия в бытность наркомом курировал внешнюю разведку, а потом держал в руках все нити атомного шпионажа, то естественно предположить, что он постарался поставить на эту чрезвычайно важную область своего человека. Кроме того, Гоглидзе не мог курировать следствие хотя бы по той причине, что был человеком Берии, — кто его допустит? Но вопрос: знал ли он, что происходит в НКВД? Ответ: неясно. При Ежове, когда пытки применяли повсеместно, — знали все. А в 1952 году, когда били нескольких человек в одном из кабинетов тюрьмы, знание этого могло остаться в кругу исполнителей. С другой стороны, Гоглидзе не был ярко выраженным членом бериевской команды, начиная с 1939 года он работал на периферии, и тот же Огольцов, особенно под водочку, мог быть с ним весьма откровенным.

И второй вопрос: *почему Абакумов вдруг, за полгода до своего ареста, выдернул Гоглидзе с Дальнего Востока в Москву?*

Попытка ответить на этот простой вопрос выводит нас совсем на другой уровень расследования. Сверим даты. 19 октября Рюмин становится начальником следчасти (до тех пор он был и. о.) и заместителем Игнатьева. В МГБ начинается активная работа по фальсификации дел. А 13 ноября Гоглидзе отправляют в Узбекистан — впечатление такое, что Игнатьев хочет от него избавиться. 15 февраля он возвращается обратно — судя по всему, по требованию Берии. А помните, что произошло за три дня до этой даты? Решением Политбюро от 12 февраля Абакумов и его люди были переданы из прокуратуры в ведение МГБ. Гоглидзе очень похож на присматривающего не только за атомным проектом, но и за делами в МГБ. Неважно, знал ли он о происходящем лично — он мог координировать работу осведомителей, при этом находясь вне контроля руководства МГБ. Можно сколько угодно следить за ним, прослушивать телефонные разговоры — он имел прямую связь с Берией через отдел «К».

Если это так, ответ на выделенный курсивом вопрос может звучать следующим образом: и Абакумов, и Берия (и, само собой, Сталин) *знали*, что заговорщики собираются перейти в наступление. Догадывались также, на каком фронте. И позаботились заранее посадить в органы надежного человека, «заслать казачка». Это вполне в духе Берии, и еще больше в духе Абакумова, который был, как мы помним, мастером *игры* — в специфическом разведывательном понимании этого термина. Но тогда получается, что Сталин сознательно подставлял Абакумова, а тот столь же сознательно шел в тюрьму?

А впрочем, что тут необычного? Вполне в духе «СМЕРШа». Да и Сталин к таким вещам относился философски. Одним из его аргументов по данному поводу было: «Ну и что? Я тоже в тюрьме сидел...»

Это люди совершенно другой формации...

У меня на сарае слово из трех букв написано, а там дрова лежат.
Поговорка

Глава 9
В ПОИСКАХ КУКЛОВОДОВ

Мы не строили ни психологических, ни политических теорий, не рассуждали о технологиях управления и прихотях тиранов. Мы просто рассмотрели факты, и их сцепление привело нас к человеку, являющемуся кодовой фигурой событий. Виктор Абакумов, нарком ГБ, который слишком глубоко копал. Если дело было в нем самом, а не в его делах, то почему вместе с ним валили все руководство следчасти по ОВД? Ответ один и простой: эти люди слишком много знали. Вот только что именно они знали? К каким тайнам подошли?

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся снова к деятельности МГБ, но теперь уже в другом аспекте. Ясно, что за Игнатьевым стояли не бывшие полицаи и не болтающие школьники, а люди с партийно-государственной верхушки. Какие дела, затрагивающие важных персон, раскручивало после войны МГБ? Рассмотрим эту тему совместно с процессом реабилитации. Поодиночке они тоже, конечно, о чем-то могут рассказать, но когда мы берем эти два процесса в сопоставлении...

Дело в том, что раскапывать пласты «тридцать седьмого года» Хрущев додумался позже (отдельные случаи бывали, но касались они чьих-то старых приятелей и проводились потихоньку). Поначалу освобождали почти исключительно тех, кто был осужден после войны, что еще раз свидетельствует: причиной столь роковых событий стали дела именно этого времени.

Кого первыми реабилитировали хрущевцы после прихода к власти?

«Вы слышите, грохочут сапоги...»

Начиная с 1943-го и до 1946 года все было ясно и просто: есть МВД, есть МГБ, есть «СМЕРШ» — три наркома, три веселых друга, в точности как на известной картине (правда, там они серьезно-сосредоточенные, как положено чекистам, однако в жизни были людьми веселыми).

После войны в советских спецслужбах начались разнообразные изменения. Внезапно из МГБ была практически полностью извлечена бериевская команда. Этого следовало ожидать: уходя на новое место работы, Берия лучших своих работников забирал с собой. На этот раз он ушел в атомный проект, а его люди разделились между Спецкомитетом и конторой под названием «Государственное управление советским имуществом за границей» (ГУСИМЗ). Организация эта считалась чисто коммерческой, вот только возглавлял ее бывший министр ГБ Меркулов, заместителем у него был человек, долгое время являвшийся «правой рукой» Берии — Богдан Кобулов, кадрами ведал бывший начальник следчасти по ОВД Лев Влодзимирский, и на работу туда очень любили набирать людей, уволенных из МГБ. Задачи эта контора могла выполнять самые разнообразные, но учитывая, что атомный шпионаж был сосредоточен в руках Берии... И это еще очень большой вопрос, допустил бы он в эту область МГБ, ибо вероятность провала разведчика пропорциональна квадрату информированных сотрудников Центра.

В общем, в Советском Союзе появилась не то одна, не то две новых спецслужбы (это зависит от того, являлось ли ГУСИМЗ внешней структурой советской оборонной промышленности, или у него имелись и другие задачи). Вскоре внешняя политическая разведка была сосредоточена в особой структуре под названием «Комитет информации». А во главе МГБ, которое, наконец, стало именно МГБ и ничем больше, Сталин поставил армейского контрразведчика. Неужели же неясно, с какой целью? Война закончилась, предстоял «разбор полетов», а также падений, аварий и катастроф.

О делах МГБ против военных говорят мало. В основном, упоминают маршала Кулика, генералов Гордова и Рыбаль-

ченко, расстрелянных как бы типа за антисоветские разговоры (поскольку из дела, кроме этих разговоров, ничего не предъявлено.) Хочется напомнить, что за болтовню расстрельной статьи у нас не было, даже для военных.

Еще говорят о том, как после войны сажали разведчиков. Называют бойцов легендарной «красной капеллы» Леопольда Треппера и Анатолия Гуревича, резидента в Швейцарии Шандора Радо. При этом «забывая» упомянуть некоторые детали. Например, что Треппер и Гуревич после провала работали на немцев А знаменитый Радо во время перелета в Москву, когда самолет совершил остановку в Каире, попытался скрыться, обратившись за помощью в английскую миссию — но англичане выдали его обратно.

Упоминают о посаженных — естественно, совершенно безвинно — верных сторонниках маршала Жукова генералах Телегине и Крюкове. Вот и все, пожалуй.

И вдруг, едва успел пепел убитого Берии упокоиться в яме «для невостребованных прахов», как Президиум ЦК принял интереснейший документ.

Документ 9.1.
Постановление ЦК КПСС от 13 июля 1953 года

1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда СССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: Романова Ф. Н., Цирульникова П. Г., Чичканова А. С, Гапича Н. И., Гельвиха П. А., Мошенина С. А., Ляскина Г. О., Голушкевича В. С, Жукова И. И., Тимошкова С. П., Самохина А. Г., Минюка Л. Ф., Туржанского А. А., Васильева А. Ф., Жарова Ф. И., Ильиных П. Ф., Эльсница А. Г., Токарева С. Ф., Мрочковского С. И., Буриченкова Г. А., Попова Д. Ф., Ширмахера А. Г., Бычковского А. Ф., Ухова В. П., Телегина К. Ф., Ворожейкина Г. А., Терентьева В. Г., Филатова А. А., Кузьмина Ф. К., Иванова И. И., Крюкова В. В., Власова В. Е., Петрова Е. С, Бежанова Г А., Лапушкина Я. Я., Вейса А. А., Клепова С. А.;

б) снизить наказание до фактического отбытого ими срока и освободить из-под стражи осужденных бывших генералов: Калинина С. А., Герасимова И. М., Ротберга Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: Жукова Г. В., Гуськова Н. Ф., Дашичева И. Ф., Варенникова И. С, Сиднева А. М., Ильина В. Н., Глаз¬кова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С, Соколова Г И., Ширмахера А. Г

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осужденных генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С, Соколова Г. И., Ширмахера А. Г».

Ой, сколько же их, оказывается, было! Приказом ЦК освобождались от уголовной ответственности 55 военных в высших чинах. Стало быть, МГБ открыло дела на 55 человек — притом, что в списке нет Кулика, Гордова, Рыбаль¬ченко, адмирала Афанасьева и, наверное, много кого еще (говоря об арестованных после войны генералах и адмиралах, называют цифру в 101 человек). И не считая тех, кто от полковника и ниже.

И ничего себе погром устроил МГБ в армии! Что же это за люди?

За всех, конечно, не скажу. Но некоторые имена кое-где выплывают. Вот трое из них: Сиднев А. М., Клепов С. А., Бежанов Г А.

Опубликованный протокол допроса Сиднева начинается без лишних предисловий:

«Вопрос. Как получилось, что вы стали мародером?

Ответ. Сидя в тюрьме, я сам неоднократно задавал себе этот вопрос...»

Короче, все трое сели за мародерство, то есть присвоение трофейных ценностей. Точно за ту же вину загремели в лагерь близкие к маршалу Жукову генералы Крюков, Телегин и Минюк, а самого маршала только статус «полководца Победы» спас от той же участи — он всего лишь отделался направлением в Уральский военный округ. Как ушел от ответственности Серов, на которого показывали Сиднее, Бежанов и Клепов, — вопрос. Учитывая, что Серов постоянно собачился с Абакумовым и писал на него доносы Сталину, Виктор Семенович поступил чрезвычайно благородно. (В Приложении привожу один «почтово-телеграфный роман» на эту тему — не для дела, а просто для удовольствия читателей.)

Впрочем, в армии мародерство за преступление не считалось — так, проступок (помните протокол допроса Андреева?)... Сажали тех, кто воровал в количествах, превосходящих всякие границы. Телегин, скромненько так, отправил на родину в Сибирь эшелон трофейного имущества, не считая того, что взял себе. Сиднев со товарищи потрошили подвалы «Дойче банка». Поэтому вполне можно понять обретшего после смерти Берии полную силу маршала Жукова — возможно, по армейским меркам, эти люди сели и вправду «ни за что».

Но едва ли мародерство — главное в разборке с «армией Победы». В списке есть фигуры куда интереснее. Например, разведчики. Не знаю, за что сел полулегендарный Мрочковский — хотя учитывая, что до войны этот человек находился в самой сердцевине советской торговли оружием, мог оказаться за решеткой не за измену, а за то, что к рукам фунты с долларами прилипали.

Но вот дело генерала Самохина уж точно с имущественными преступлениями не связано. До войны этот человек был резидентом военной разведки в Белграде, под псевдонимом «Софокл», перед войной вернулся в Союз. Затем его карьера начинает давать виражи. После 22 июня он некоторое время служит в действующей армии, но уже в декабре возвращается в центральный аппарат ГРУ, вскоре став ни больше ни меньше, как начальником информационного управления. Кто и по каким причинам отправил этого

сверхинформированного человека на фронт, где существовала, пусть даже гипотетическая, опасность попасть в плен?

Тем не менее в апреле 1942 года Самохин был назначен командующим армией и вылетел к месту назначения. Как считается, летчик совершил ошибку, приземлившись вместо Ельца где были наши, в захваченном немцами Мценске. Однако есть в этом деле и вопросы: например, куда делось звено истребителей, которое должно было сопровождать командарма в перелете? Тоже ошиблось? Или почему генерал не уничтожил находившиеся при нем секретные документы, хотя время у него на это было?

Естественно, немцы отправили столь важного пленника в Германию, где его мгновенно расшифровали, а вот что с ним было дальше — опять же скрыто тьмой. В 1945 году отбывшего плен генерала доставили в Москву — но не с территории Германии, а из Парижа. Как он туда попал? Возможно, конечно, его освободили из концлагеря союзники... но вообще-то в столице Франции немцы собирали захваченных разведчиков, согласившихся на них работать.

Судьба освобожденных из немецкого плена генералов бывала разной. Одних после проверки восстанавливали в армии, другие шли в лагеря, а иной раз и к стенке. Однако Самохин не относился ни к тем, ни к другим. Он просидел на Лубянке под следствием до 1952 года — иной разумной причиной, кроме использования его в разведывательной игре, на которые Абакумов был большой мастер, это объяснить нельзя. Не факт, что сам генерал был недоволен таким стечением обстоятельств — смотря что ему грозило по суду. С приходом Игнатьева, в 1952 году, Самохина скоренько приговаривают к 25 годам и выпихивают в лагерь, а 13 июля вдруг реабилитируют.

Интересно, правда? Узнать бы, кто и по каким причинам добивался освобождения этого человека... Но еще более интересно становится, едва мы обратимся к довоенной биографии разведчика «Софокла». Самохин, до того добропорядочный пехотный генерал, никакого отношения к разведке не имевший, был направлен в Югославию в качестве военного атташе и по совместительству резидента в августе 1940 года. Именно тогда, когда начальником ГРУ был Иван Проску-

ров, легендарный летчик, участник испанской войны, расстрелянный в 1941 году по так называемому «делу авиаторов». По этому делу проходили высокие чины ВВС, обвинявшиеся в заговоре, который, по данным НКВД, возник среди наших военных, служивших в Испании во время гражданской войны. Это был очень удобный для деятельности такого рода момент: НКВД далеко, а немцы и троцкисты близко. Потом война закончилась, наши военные вернулись домой и привезли с собой свою организацию. И если подходить к делу теоретически, следовало бы очень внимательно присмотреться к тем, кого посылали за границу при Проскурове: нет ли среди них связников?

Кстати, именно в принадлежности к «испанскому» заговору обвинялся командующий Западным особым военным округом генерал Павлов, разбор деятельности которого дает все основания считать, что он намеренно открыл фронт врагу. И не только обвинялся, но и признавался в этом — ну естественно, под пытками, как же еще-то? На самом деле следствие проводила военная контрразведка, которая тогда подчинялась наркомату обороны, присматривал за ней НКГБ, да еще наверняка дело курировал Сталин, и такого подследственного никто бы пальцем не тронул. Расстрел Павлов себе и без «политики» заработал, так что не признание от него нужно было следствию, а информация. И сразу возникает новый вопрос: почему на таком важном, ключевом участке обороны оказался именно Павлов? Интересно: кто ведал назначениями в 1940-1941 годах, не тот ли это человек, который назначал Самохина, и как сложилась его дальнейшая судьба?

Любопытная цепочка у нас вытягивается? Ну, тогда упомянем еще, что осенью 1952 года Генеральный штаб вдруг озаботился «загадкой 22 июня». Естественно, никакого неожиданного нападения тогда не было, 18 июня 1941 года по округам разослали приказ о приведении войск в боевую готовность. И вдруг, спустя более чем десятилетие, Генштаб затеял опрос уцелевших генералов, которые в июне 1941 года занимали должности командиров частей в западных приграничных округах: доведена ли была до их сведения телеграмма от 18 июня? Похоже, Сталин всерьез собирался воплотить в действие свое заявление о том, что «победителей мож-

но и нужно судить». Не всем, конечно, но некоторым людям в погонах было чего бояться.

Кстати, постановлением от 13 июля 1953 года реабилитация военных не ограничилась, вскоре полезли наружу другие дела. Одним из пунктов обвинения в «деле Берии» стал расстрел без суда 24 человек, проходивших по тому самому «делу авиаторов». Вот только непонятно, почему «без суда». В опубликованных документах черным по белому написано: «привести *приговор* в исполнение». Стало быть, приговор существовал — не обязательно Военной коллегии, это могло быть и Особое совещание, которое по случаю войны наделили правом выносить смертные приговоры. Но ведь наделили его совершенно официально — и что тут, спрашивается, противозаконного?

Интересно, кто вспомнил о расстрелянных летчиках? И имеет ли факт их внезапной реабилитации какую-то связь со странным приказом о возможной бомбежке Москвы, который отдал 26 июня начальник ВВС МВО Красовский?

Видите, какие любопытные цепочки тянутся, стоит лишь увязать вместе два процесса: деятельность госбезопасности и реабилитацию? Абакумов не имел обыкновения бросать раз начатое, и если он продолжал трепать старые дела — к каким людям в погонах привели бы эти ниточки? Известно, что Абакумов собирал материал на маршала Жукова — впрочем, на следствии он открытым текстом говорил, что считает маршала очень опасным человеком. А роль «полководца Победы» в перевороте, как мы знаем, одна из первых, так что министр оказался прав — маршал был действительно очень опасен. Это не говоря уже о том, что саму *акцию* проводили генералы.

Люди в погонах сыграли решающую роль в событиях 26 июня. Но были ли они организаторами этой кровавой интриги? Едва ли. Генералы действовали в тесном сотрудничестве с деятелями партии. Возможно, под их дудку плясал Хрущев, который воевал в качестве члена Военного совета фронта, еще с Украины имел тесную связь с Жуковым. Но вот за Игнатьевым, чистопородным партаппаратчиком, с которого все и началось, стояли уж всяко не военные. А он вышел на сцену еще в 1951-м.

«Дело авиапрома»

Среди известных реабилитаций есть одна любопытная межведомственная история. Затрагивает она как армию (а именно ВВС), так и промышленность. Если это дело является политическим, то вроде бы бьет по Маленкову, настраивая его против Абакумова. Но Абакумова и так мало кто любил, является ли это дело политическим — еще очень большой вопрос, и не факт, что Маленков имел мелкотравчатую привычку мстить за собственную вину тому, кто ее обнаружил.

Более того, это единственное неигнатьевское дело, которое *вроде бы* пересматривалось при Берии. Его герои были реабилитированы Военной коллегией Верховного суда 29 мая 1953 года, еще до переворота. Называется оно «дело Шахурина — Новикова» или «дело авиапрома».

Официальная версия данной истории примерно следующая (цитирую первую попавшуюся статью — «Авиационное дело» Александра Вайса в «Аргументах и фактах». Впрочем, все пишут одно и то же).

Цитата 9.1. *«16 марта 1946 года была создана Государственная комиссия по ВВС во главе с Н. А. Булганиным, заместителем министра Вооружённых Сил СССР. В её состав вошли секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, начальник Генштаба маршал А. В. Василевский, Главком Сухопутных войск маршал Г К. Жуков, а также три маршала авиации — С. И. Руденко, К. А. Вершинин и А. Е. Голованов. Комиссия первоначально проверяла сведения, выбитые абакумовскими «соколами» из бывшего командующего 12-й Воздушной армией маршала авиации С. А. Худякова, арестованного ещё в декабре 1945 года. Его обвиняли в шпионской связи с англичанами, в службе в дашнакском отряде в 1918 году и в злоупотреблении служебным положением...*

Но первоначально взяли показания против Новикова. Суть их сводилась к утверждениям, будто командование ВВС принимало от наркомата авиапромышленности дефектные самолёты и моторы. Исходил этот поклёп, кстати, всё от того же Василия Сталина, который пожаловался отцу, что на наших самолётах летать-де слишком опасно... Как утверждала

дочь маршала Новикова Светлана Александровна в одном из своих интервью, дело не ограничилось только приватной беседой генерал-майора Сталина с отцом. Василий Иосифович (скорее всего, по распоряжению царственного родителя) написал и официальный донос в МГБ на командующего ВВС, виня его в том, что советская авиатехника якобы никуда не годится, а вот у американцев она замечательная...» (Конец цитаты.)

Дальше, как водится, в дело вступила «злобная гебня». В марте — апреле 1946 года были арестованы министр авиационной промышленности Шахурин, главком ВВС Новиков, генералы Репин, Селезнёв, Шиманов и два ответственных работника ЦК. Из них — естественно, пытками — выбили признания.

Позднее Новиков писал: *«Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путём создания ложных показаний. Это мне стало ясно гораздо позднее. Вопросы о состоянии ВВС были только ширмой...»* Считается, что из него выбивали показания на Маленкова и маршала Жукова. Недавно в недрах архива ЦК КПСС нашли его заявление, где он пишет «ужасный компромат», вроде следующего:

Документ 9.2.

«Касаясь ЖУКОВА, я, прежде всего, хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений...

Вместо того, чтобы мы... сплачивали командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, ЖУКОВ ведет вредную. Обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что он для них является "добрым дядей"...

ЖУКОВ, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им...» и т. д. и т. п.

Тоже мне, компромат! Можно подумать, что в армейской среде существовал хоть один человек, который бы всего этого не знал!

В отличие от других дел МГБ, следствие было проведено стахановскими темпами. Уже 10 мая Военная коллегия Верховного суда вынесла приговор. Шахурин получил 7 лет лишения свободы, Репин (один из генералов) — 6 лет, Новиков — 5 лет, остальные меньше. Феноменально мягкий приговор по масштабам того времени — вы не находите? Тем не менее спустя несколько лет дело было объявлено сфальсифицированным, признания — выбитыми, а все осужденные — реабилитированы.

Однако взглянем в лицо фактам. А они таковы. Генерал Василий Сталин ли наябедничал отцу, или тот получил информацию из других источников (поверьте, у Сталина они были! Вождь судил о положении в авиации не только по рассказам Василия), но 20 декабря 1945 года наркома авиационной промышленности Шахурина сняли с занимаемой должности. Назначили нового наркома, и началась процедура, именуемая передачей дел. Процедура это опасная, поскольку именно при ней вскрываются основные недостатки в работе структур. В наркомате авиации она шла долго и бурно, о чем свидетельствует следующее постановление Политбюро, датируемое аж 23 февраля.

Документ 9.3.

«1. Ввиду того, что Будников и Григорьян как заведующие отделами ЦК по авиации сами несут ответственность за неустройства в Наркомате авиации, снять их немедленно с работы в ЦК и воспретить им какое-либо участие в Комиссии по приему и сдаче дел Наркомата авиации.

2. Воспретить т. Шахурину участие в Комиссии по приему и сдаче дел Наркомата в части, касающейся формулировки выводов по оценке работы Наркомата».

Как видим, 23 февраля, спустя почти два месяца, скандал еще в самом разгаре — значит, новое начальство нашло какой-то совершенно уже исключительный бардак. Тем не менее никаких страшных последствий для Шахурина не последовало, более того, 28 марта он был назначен заместите-

лем Предсовмина РСФСР. Тем и закончился скандал в авиа¬ проме. Сажать бывшего министра явно никто не собирался.

В военной области шла своя разборка. 16 марта была создана та самая государственная комиссия по ВВС, а 20 марта Абакумов, тогда еще глава СМЕРШа, получил следующий рапорт одного из своих сотрудников, подполковника Елисеева.

Документ 9.4.

«Считаю необходимым доложить Вам о большой растерянности начальника Главного Управления Заказов Военно-Воздушных Сил генерал-лейтенанта инженерно-авиационной службы СЕЛЕЗНЕВА в связи с проверкой его работы.

19 марта с. г., когда я по делам службы был в центральном аппарате Военно-Воздушных Сил, меня встретил СЕЛЕЗНЁВ и высказал опасение, что ему придется серьезно отвечать за приемку непригодных самолетов.

СЕЛЕЗНЕВ сообщил, что 19 марта с.г. он присутствовал на совещании у маршала ВАСИЛЕВСКОГО, где главный маршал авиации НОВИКОВ провалился с отчетом о работе ВВС, так как не принимал мер и не докладывал правительству о серьезных недочетах в работе Военно-Воздушных Сил. После этого совещания, сказал СЕЛЕЗНЕВ, я совсем растерялся и не знаю, как отчитаюсь за приемку недоброкачественных самолетов.

СЕЛЕЗНЕВ рассказал:

"Мы принимали недоведенные серийные машины. Я, как начальник Главного Управления Заказов, ничего не мог сделать, чтобы улучшить их качество, ибо этот вопрос целиком зависел от Министерства авиационной промышленности.

Научно-исследовательский институт Военно-Воздушных Сил давал необъективные заключения по испытанию самолетов, выпускаемых авиационной промышленностью. В отчетах института указывалось, что самолеты имеют такие-то летно-тактические преиму-

щества, и в то же время перечислялось много конструктивных дефектов в машине.

Пользуясь такими заключениями научно-исследовательского института, Министерство авиационной промышленности протаскивало свои машины буквально в недоработанном виде, и они запускались в серийное производство.

Последующая стадия приемки от промышленности самолетов оказывалась наиболее трудной.

Я не принимал недоработанные машины и ставил об этом в известность командующего Военно-Воздушных сил Главного маршала авиации НОВИКОВА и Военный Совет, но Министерство авиационной промышленности договаривалось непосредственно с НОВИКОВЫМ, ВОРОЖЕЙКИНЫМ, ШИМАНОВЫМ и РЕПИНЫМ, после чего Главное Управление заказов получало указания принимать самолеты, т. е. приходилось соглашаться с Министерством авиационной промышленности.

Нашу работу усложняло и то, что Министерство авиационной промышленности очень часто самостоятельно, без ведома ВВС, выпускало самолеты, даже не прошедшие испытания в Научно-исследовательском институте ВВС.

Так было с самолетами "ЯК-9у", которые были запущены в производство без ведома ВВС. У этих машин была масса дефектов, и они оказались совершенно непригодными.

Министерство авиационной промышленности изготовило около 900 самолетов «ЯК-9у», оказавшихся настолько плохими, что их сейчас нельзя использовать. В связи с этим Министерство Авиационной Промышленности списало 800 самолетов «ЯК-9у», и их сейчас разбирают на запасные части. Я же принял от авиационной промышленности 90 таких самолетов и не знаю, что с ними делать, так как их нельзя давать в части..."»

В этом рапорте — вся фабула «дела авиапрома», как она выглядит на сегодняшний день. Известны и цифры. Общий

итог галочки в плане — пять тысяч бракованных самолетов. Естественно, в ВВС списали эти потери на войну, но ведь в армии у Сталина была собственная, независимая служба наблюдения — особисты, они же СМЕРШ. По данным этой структуры, с 1942-го по февраль 1946 года из-за некачественной материальной части — то есть по причине заводского брака, в частях ВВС произошло около 45 000 невылетов на боевые задания, 756 аварий и 305 катастроф.

Получив рапорт Елисеева, Абакумов тут же переправил его Сталину. Реакция вождя оказалась вполне предсказуемой, и СМЕРШ начал следствие. Дело оказалось простым и предельно ясным, так что через полтора месяца Шахурин и компания получили свои смешные по тем временам сроки, а Маленков, курировавший авиапромышленность, поплатился местом секретаря ЦК.

Что можно сказать по поводу этого «поклепа»? Повезло мужикам, что на дворе был не сорок четвертый, а сорок шестой год. Во время войны за такое могли и к стенке.

Кстати, именно «дело авиапрома» однозначно доказывает, что МГБ не шило всем без разбору политику. Потому что уж в этом-то случае 58-я статья прямо просится в обвинительное заключение. Доказать «контрреволюционный умысел» тоже нетрудно — сводить пару раз в подвал, вызвав надзирателей с резиновыми дубинками, и порядок! Если дело в МГБ было поставлено так, как об этом вещает официальная история, события должны были выруливать на ст. 58-7 или 58-14 (вредительство и контрреволюционный саботаж). Между тем осудили этих деятелей по несравненно более мягкой, прямо-таки либеральной ст. 193.17а, которая гласит:

Документ 9.5.

«Ст. 193.17 а) Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии, если деяния эти совершались систематически, либо из корыстных соображений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорга-

низацию вверенных ему сил, либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но могли их иметь, или были совершены в военное время, либо в боевой обстановке, влекут за собою лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

б) Те же деяния, при наличии особо отягчающих обстоятельств, влекут за собою высшую меру социальной защиты».

Интересно, 305 катастроф являются «особо отягчающими обстоятельствами»? Нет, честное слово, пожалели мужиков! Война, победа, радость...

Под эту статью не подпадает разве что Шахурин — он вроде бы человек штатский. Но в Уголовном кодексе была и другая статья.

Документ 9.6.

«Ст. 128а. За выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции с нарушением обязательных стандартов — директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий караются как за противогосударственное преступление, равносильное вредительству, тюремным заключением сроком от 5 до 8 лет».

По идее, этих людей надо было включить в общий «Жуковский» список. (Тем более что если мы продолжим одну из фраз в Док. 9.2., то прочтем: *«... и делает вид, что он для них является "добрым дядей". Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов. Жуков был ко мне очень хорошо расположен, и я в свою очередь угодничал перед ним».)* Но конкретные обстоятельства позволяли лепить из их истории политическое дело — и его слепили. А потом эти товарищи так и пошли как жертвы политических репрессий. Ничего удивительного здесь нет — ведь те же Сиднев, Телегин, Минюк тоже считаются «политически репрессированными».

Согласно официальным данным, реабилитированы жертвы «дела авиапрома» были одними из первых. Уже 18 марта вышел следующий приказ министра внутренних дел:

Документ 9.5.

«Придавая важное государственное значение материалам следственного дела на бывших работников ВВС Советской армии и министерства авиационной промышленности, следствие по которому, как это было установлено проверкой, было проведено... необъективно и поверхностно, — приказываю... организовать тщательную проверку...»

Сориентируемся по датам. Берия только что пришел в наркомат. 13 марта он приказал провести проверку текущих дел МГБ, установив срок в две недели. Поскольку дела были «горячие», по-видимому, это предельный срок для такого рода работы. Вопрос: *когда успела пройти проверка,* о которой говорится в Док. 9.5.? Ее что, проводили еще при Игнатьеве?

Дальше, по той же официальной версии, 26 мая Берия представил в ЦК записку о том, что «героев» этого дела надо реабилитировать.

В докладной утверждалось:

Документ 9.6.

«Произведенной проверкой установлено, что обвинение ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. основано на материалах, фабрикованных б. начальником Главного управления контрразведки "Смерш" АБАКУМОВЫМ и следственными работниками подчиненного ему аппарата.

Как показала проверка, ШАХУРИН, НОВИКОВ и др. были арестованы при отсутствии данных об их преступной деятельности и даже, в нарушение элементарных требований советской законности — без санкции прокурора...

Для того чтобы обосновать их арест, АБАКУМОВ прибег к искусственному созданию материалов о том,

что якобы ШАХУРИН, НОВИКОВ и др. умышленно наносили вред Военно-воздушным силам Советской Армии. С этой целью арестованные путем применения к ним извращенных методов ведения следствия...» и т. д.

Бумажка-то, конечно, фальшивая, ибо многословна до безобразия, да и данные о преступной деятельности у МГБ были - вы сами их только что прочли. Кроме того, добрая половина ее посвящена долгим и нудным объяснениям, при каких обстоятельствах были получены от подследственных какие-то «заявления, в которых делалась попытка оклеветать товарища Маленкова». Едва ли Берия так уж был озабочен этой древней историей — за провороненный им бардак Маленков в свое время был наказан, об этом все знали, дело прошлое.

Дата, к которой можно отнестись с некоторой долей доверия — 29 мая, день, когда приговор был отменен Военной Коллегией. Именно *с некоторой долей,* ибо Военная Коллегия в хрущевские времена тоже была совершенно ручной, реабилитировала кого велят, так почему бы и фальшивую бумажку не изготовить? Но все-таки это — единственная *судебная реабилитация* по делу, которое МГБ вело при Абакумове, вроде бы проведенная в бериевский период. Мог ли Берия реабилитировать этих деятелей?

А вы знаете — мог! Именно Берия и мог реабилитировать. Дело в том, что для Сталина, Жукова, Василевского, Абакумова некачественные машины — это пять тысяч бракованных самолетов. И только для Берии, единственного в Политбюро производственника, это — пять процентов заводского брака, в общем-то, вполне обычная цифра. Но даже в этом случае бериевское понимание распространилось бы на наркома авиационной промышленности Шахурина, но не на высоких чинов ВВС, которые совершенно сознательно гнали на фронт бракованные самолеты. Так что и это дело по внимательном изучении оказывается весьма темным...

...А кончилась эта история, как и история Абакумова, натуральной шизой. В сборнике «Реабилитация: как это было» рассказывается, как из «дела авиапрома» лепили политику.

Цитата 9.2. *«А. И. Шахурин, А. А. Новиков и другие участники этого "дела" были осуждены и, соответственно, реабилитированы Военной Коллегией Верховного суда СССР по так называемой неполитической статье 193, п. 17а УК РСФСР. После принятия в октябре 1991 г. Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий", определившего круг лиц, подлежащих политической реабилитации, участники "дела" по российскому законодательству оказались не подлежащими реабилитации. Поэтому 24 мая 1993 г. комиссия Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий, изучив представленное Главной Военной прокуратурой РФ "дело" А. И. Шахурина, А. А. Новикова и др., установила, что они "осуждены по политическим мотивам"».*

Ладно, не будем касаться факта переквалификации, это дело житейское... Однако с какого перепугу Главвоенпрокуратура РФ взялась реабилитировать людей, которые *уже были реабилитированы* аж в мае 1953 года за отсутствием состава преступления???!!! У кого крыша едет — у меня или у прокуроров?

«Хорошая еврейская дочь»

Но самой громкой реабилитацией, относящейся к той весне, было возвращение в Москву Полины Жемчужиной. Дама сия интересна тремя моментами своей бурной жизни: она была жена Молотова, еврейка с ярко выраженными национальными пристрастиями и относится к числу «жертв политических репрессий». В декабре 1948 года товарищ Жемчужина была исключена из партии и в январе арестована. Следствие длилось почти год, но отделалась она на удивление легко: в декабре 1949 года решением Особого совещания выслана на пять лет в Казахстан, только и всего...

Что вскрылось в ходе следствия, мы не знаем, эти материалы не публиковались, и ни один из историков данной темой не озаботился. А из партии ее исключили вот за что:

Документ 9.7.
Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об исключении П. С. Жемчужиной из членов ВКП(б). 29 декабря 1949 г.

«1. Проверкой Комиссии Партийного Контроля установлено, что Жемчужина П. С. в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже; участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором об обстоятельствах его смерти с еврейским националистом Зускиным дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса; участвовала 14 марта 1945 года в религиозном обряде в Московской синагоге.

2. Несмотря на сделанные П. С. Жемчужиной в 1939 году Центральным Комитетом ВКП(б) предупреждения по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно.

В связи с изложенным — исключить Жемчужину П. С. из членов ВКП(б)».

В принципе, все достаточно понятно. Национализм бывает разный. Если бы товарищ Жемчужина являлась, скажем, убежденной калмычкой, ее бы пожурили, и на этом все успокоилось. Национализм грузинский, украинский, прибалтийский преследовался более жестко, поскольку был традиционно связан с сепаратизмом, а в данное конкретное время — еще и с «лесными братьями». Еврейский национализм, опять же, особого рода. Евреи не имели своей территории в СССР, зато у них была «историческая родина» вне страны — государство Израиль. Пока Израиль в своей внешней политике придерживался просоветской ориентации, на «нацио-

нальные» забавы евреев из советской верхушки смотрели сквозь пальцы. Но когда Израиль откачнулся к Соединенным Штатам, которые недвусмысленно готовились к войне с СССР, ситуация изменилась. Ибо вербовать по «еврейской линии» шпионов — что грибы собирать в нетронутой тайге. И жена министра иностранных дел должна бы это понимать.

Но постановление ЦК — это общие оценки. А как по фактам? Может быть, там мелочи и чепуха? В основу постановления легло сообщение председателя КПК Шкирятова и министра ГБ Абакумова, которые сообщили Политбюро весьма веселые вещи.

Документ 9.8.
Из записки Шкирятова и Абакумова Сталину.
27 декабря 1948 г.

«Характеризуя отношение ЖЕМЧУЖИНОЙ к евреям, МИХОЭЛС сказал: «Она хорошая еврейская дочь» <...> О ЖЕМЧУЖИНОЙ МИХОЭЛС отзывался восторженно, заявляя, что она обаятельный человек, помогает, и с ней можно посоветоваться по комитету ("Еврейский антифашистский комитет, председателем которого являлся Михоэлс. — *Е. П.)*...

Первый факт. На основании опроса ФЕФЕРА на очной ставке с ЖЕМЧУЖИНОЙ установлено, что через нее было передано подписанное МИХОЭЛСОМ на имя товарища МОЛОТОВА письмо о якобы допускаемых местными советскими органами, в особенности Украины, притеснения евреев. В этом письме, как заявил ФЕФЕР, излагался также протест против распределения среди трудящихся других национальностей подарков, присылаемых в СССР еврейскими организациями Америки. За этим письмом ЖЕМЧУЖИНА посылала свою автомашину с нарочным на квартиру МИХОЭЛСА, это письмо было от него получено и доставлено ей, а затем ЖЕМЧУЖИНА передала его по назначению.

Второй факт. В 1947 году, когда в партийных, в советских органах имелись данные о политически вред-

ной линии в работе Еврейского антифашистского комитета, МИХОЭЛС и ФЕФЕР решили путем обращения в правительственные органы поставить вопрос об укреплении комитета. И на этот раз они прибегли к помощи ЖЕМЧУЖИНОЙ: МИХОЭЛС связался по телефону с ней, и она послала своего брата к ФЕФЕРУ в Еврейский антифашистский комитет, и письмо было передано ею в правительственные органы.

Третий факт. В 1944 году, после возвращения МИ¬ХОЭЛСА и ФЕФЕРА из командировки в Америку, они занялись составлением письма в Правительство, в котором выдвигали проект создания на территории Крыма Еврейской республики. Эту свою националистическую затею, возникшую под влиянием еврейских реакционеров США, МИХОЭЛС и ФЕФЕР решили продвинуть каким-либо путем через ЖЕМЧУЖИНУ

ФЕФЕР по этому поводу на очной ставке с ней заявил: «МИХОЭЛС говорил мне, что у нас есть большой друг, и называл имя ЖЕМЧУЖИНОЙ: "Я все-таки об этом посоветуюсь с ней, стоит ли лезть с таким вопросом сейчас или временно отложить". Спустя два дня МИХОЭЛС мне позвонил и сказал, что он должен меня видеть. Я поехал к нему в театр, и он сказал, что советовался с ЖЕМЧУЖИНОЙ и она положительно относится к этому проекту, считает реальным и советует взяться за этот вопрос...»

Вообще деятельность ЕАК — это чрезвычайно любопытная тема, но к данной книге отношения вроде бы не имеет {*вроде бы* — потому что теперь уже ничего однозначно утверждать нельзя). А чтобы понять положение Жемчужиной, проведем простую аналогию. Допустим, в 1939 году (до подписания пакта) жена наркома иностранных дел, этническая итальянка, поддерживает такие вот тесные и демонстративные контакты с соотечественниками, являющимися горячими сторонниками дуче. Как вы думаете, какие оргвыводы сделает из этого Политбюро? Вот именно такие выводы оно и сделало.

Но если бы это был весь компромат! Дальше пошло куда интереснее. В начале января 1948 года Михоэлс погиб в городе Минске. Официальная версия — возвращаясь поздно вечером из гостей (ясно в каком состоянии), он и его спутник попали под грузовик. Ничего удивительного — Минск разрушен, улицы не освещены, водитель какого-нибудь тяжелого «студера» мог и не заметить, что он там кого-то сбил. Ну и как же ведет себя жена министра иностранных дел?

> «ЗУСКИН на очной ставке о своем разговоре с ЖЕМЧУЖИНОЙ заявил следующее: "Вечером 13 января 1948 года я стоял у гроба и принимал венки от всех организаций и в это время увидел Полину Семеновну, поздоровался с ней и выразил ей печаль по поводу смерти МИХОЭЛСА. Во время беседы Полина Семеновна спрашивает: "Как вы думаете, что здесь было — несчастный случай или убийство?" Я говорил: "На основании того, что мы получили сообщение от т. ИОВЧУКА, МИХОЭЛС погиб в результате автомобильной катастрофы, его нашли в 7 часов утра на улице, невдалеке от гостиницы". А Полина Семеновна возразила мне и сказала: "Дело обстоит не так гладко, как это пытаются представить. Это убийство"... Из разговора с ЖЕМЧУЖИНОЙ и, в частности, ее заявления о том, что МИХОЭЛС убит, я сделал вывод, что смерть МИХОЭЛСА является результатом преднамеренного убийства"».

Между тем, как выясняется сейчас, все было предельно ясно. Юрий Мухин раскопал показания того же самого Зускина на суде:

Цитата 9.3. *«...В Москву прибыл гроб с телом Михоэлса. Перед этим нам позвонил академик Збарский, который был дружен с Михоэлсом, и сказал, что как только прибудет гроб с телом в театр, чтобы позвонили ему, так как он хочет осмотреть, в каком состоянии находится тело и можно ли его выставлять для прощания. И в 11 часов, как только прибыло тело, прибыли академик Збарский, Вовси (брат Михоэлса) и художник Тышлер.*

Когда раскрыли оцинкованный гроб, около гроба мы были впятером, мы увидели проломанный нос, левая щека сплошной

кровоподтек, и тогда мне академик Збарский заявляет, что он заберет труп к себе в институт, где обработает лицо, чтобы можно было выставлять...

Когда Збарский приехал на похороны, он мне говорил, что, безусловно, смерть Михоэлса последовала вследствие автомобильной катастрофы, и объяснил мне, что одна рука сломана и потом эта же щека в кровоподтеке. Это случилось вследствие того, что одна машина, шедшая навстречу, налетела на другую и их обоих отбросило в сторону, значит, они погибли в результате удара машиной. И здесь же он мне сказал, что он умер хорошей смертью. Если бы ему оказали сразу помощь, то, может быть, можно было кое-что сделать, но он умер от замерзания, потому что он лежал несколько часов в снегу».

Эти показания ликвидируют основную странность всей истории. Михоэлс был не просто какой-то там актер, он являлся еще и председателем Еврейского антифашистского комитета, по тем временам видным общественным деятелем. Почему же те, кто принимал его в Минске, отпустили высокого московского гостя бродить ночью по улицам? Официальная версия берет свое начало в «записке Берии», изготовители которой даже не удосужились изучить обстоятельства дела и написали, что Михоэлс и его спутник Голубов погибли *под колесами,* а Збарский говорит о столкновении двух машин, что куда больше похоже на правду.

Могла ли не знать этого Жемчужина? Конечно, могла — если целыми днями лежала на диване, читала любовные романы, и вдруг ей позвонила тетя Софа и воскликнула: «Перл! Ужас-то какой! Нашего Соломончика убили-и!» Но если у нее был хотя бы минимальный интерес к Михоэлсу, то об обстоятельствах его смерти она разузнала бы непременно. Тем не менее жена министра иностранных дел распускает следующие слухи:

Документ 9.8. (продолжение)

«Что действительно такой разговор с ЖЕМЧУЖИНОЙ имел место, подтверждается и заявлением на очной ставке ФЕФЕРА, которому ЗУСКИН в этот же день сообщил о своем разговоре с ЖЕМЧУЖИНОЙ:

"После паузы, ЖЕМЧУЖИНА покачала головой и говорит: "Это не случайная смерть, это не случайность. Его убили". Я спросил у ЗУСКИНА: "Кто убил?" — "Она не говорила кто", — ответил ЗУСКИН. Ну, видимо, убили его специально. При этом он сказал такую фразу: "Не то обезглавили, не то голову сняли". Такого же мнения и ЖЕМЧУЖИНА" — заключил ЗУСКИН. Я вновь спросил, кто же обвиняется в этом деле. ЗУСКИН ответил, что из разговора с ЖЕМЧУЖИНОЙ у него сложилось мнение, что речь шла о советских органах».

Ну, и как все это прикажете понимать?

По-видимому, в реальном криминале Полина Семеновна все же не была замешана — иначе что могло бы помешать отправить ее в тюрьму? В СССР и не таких персон судили, да и супруг к тому времени уже не был министром. Но предъявить ей, кроме 58-10 (антисоветская агитация), было нечего — вот ее и вышибли в Кустанай.

Кстати, в одной из книг мне попалось описание реакции Молотова на забавы его жены — и в эту сцену я верю, она вполне в духе данного человека. Надо полагать, он, как и большинство мужей, не имел представления о том, чем занимается супруга. А тут его вызвал Сталин и показал данные МГБ (возможно, тот самый доклад). Молотов прочел и спросил Сталина: «Ко мне претензии есть?» — «К тебе — нет!» — ответил вождь. Тогда Молотов поднял телефонную трубку, позвонил жене и сказал, что они больше не могут жить вместе.

Вот такие это были люди...

Но вернемся к реабилитации. Официальные версии таковы. Первая: Берия, придя к власти после смерти Сталина, тут же, в качестве подарка Молотову, вернул Жемчужину в Москву.

Вторая: Берия, придя в МГБ, назначил проверку «дела Жемчужиной», результатом которой стала очередная «записка», представленная им 12 мая 1953 года. Правда, она того же уровня профессионализма в изготовлении, что и прочие рассмотренные нами документы — но кого из историков это интересует, коли есть архивная ссылка?!

В документе долго рассказывается о том, какими ужасными методами МГБ выбивало из родственников и знакомых показания на Жемчужину, а в заключение говорится: *«Министерством внутренних дел принято решение т. Жемчужину и арестованных...* (перечисляются остальные, проходившие по делу) *из-под стражи освободить с прекращением дела и полной реабилитацией»*.

А что самое забавное — так это еще один документик, опубликованный в том же сборнике «Реабилитация», что и предыдущий. Он очень короткий.

Документ 9.9.

«Утвердить следующее решение Комитета партийного Контроля при ЦК КПСС: "Отменить решение Партколлегии КПК от 29 декабря 1948 года об исключении т. Жемчужиной П. С. из членов КПСС как неправильное. Восстановить ее членом КПСС"».

И дата — *21 марта 1953 г.*

Ну и кто мне объяснит, каким образом эта дама сумела восстановиться в партии почти за два месяца до своей реабилитации?

Объясняется эта «петля времени» просто: фальсификаторы «письма» от 12 мая не знали о существовании постановления от 21 марта. По-видимому, ни Молотов, ни его жена в этой комедии не участвовали, а как следует подготовиться к работе авторы документа не удосужились. Думаю, если бы Жемчужина не была еврейкой, о ней бы и не вспомнили. Но после XX съезда пошла раскручиваться легенда о преследовании евреев, так что сюда все пригодилось.

Молотов и его особая роль

А теперь прикинем даты. Если Жемчужину восстановили в партии уже 21 марта, то когда же прошли проверка по делу, отмена решения Особого Совещания, разбор дела КПК — учитывая, что до 10 марта Берия был занят похоронами Сталина, а потом принимал министерство? Первые проверки были им

назначены лишь 13 марта — и в этом списке дела Жемчужиной нет.

Остается один вариант: этим делом занималось не МВД, а МГБ, то есть товарищ Игнатьев. А почему, собственно, нет? Юрий Жуков упоминал, что в 1952 году была создана какая-то комиссия по реабилитации. Чем она занималась — неизвестно, однако реабилитировать могла лишь жертвы «абакумовских зверств».

Да, но зачем? Сама по себе Жемчужина — никто, ибо с евреями тогда еще не заигрывали. Стало быть, речь может идти только о ее муже.

Трудно сказать, какие чувства испытывал Молотов к бывшей супруге. Во-первых, она столько раз его подставляла, что это могло и надоесть. Во-вторых, по некоторым данным, МГБ в ходе наблюдения за оной дамой обнаружило не только «политически неправильные связи», но и чрезвычайную сексуальную распущенность. Но как бы то ни было, Жемчужина компрометировала Молотова, и этот компромат следовало устранить. Зачем?

А вот это самое интересное. Заниматься этим имело смысл только в том случае, если Молотова, окончательно отставленного от государственных дел в октябре 1952 года, собирались вернуть к активной политической деятельности. Кто это мог быть? Сталин? Или те, кто знал, что в скором времени у СССР будет новое правительство, формируемое уже без участия вождя?

Когда перед войной Сталин заменил Литвинова на Молотова, причина такой замены понятна: вождю нужен был на этом посту человек верный и несгибаемый. Таковым Молотов и был, пока приходилось играть против Германии. Но после войны ситуация изменилась.

В декабре 1945 года внутри Политбюро произошел скандал. Причиной его, на первый взгляд, стала совершеннейшая мелочь — отдел печати НКИД слегка ослабил цензуру и выпустил за границу несколько «не тех» корреспонденций западных журналистов. В одной говорилось, что, возможно, Сталин скоро уйдет с поста Предсовнаркома и туда вернется Молотов; в другой — что в Политбюро существуют разногласия по поводу работы Лондонской кон-

ференции министров иностранных дел. По-видимому, это был не первый такой случай, потому что вождь всерьез разозлился.

5 декабря он пишет соратникам по Политбюро:

Документ 9.10.

«На запрос Молотова по этому вопросу Молотов ответил, что допущена ошибка. Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился три дня назад навести строгую цензуру, то надо привлечь к ответу отдел печати НКИД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКИД ни при чем и надо привлечь к ответу Молотова...»

Остававшиеся в Москве Молотов, Берия, Маленков и Микоян, как положено, проверили инцидент и сообщили, кто виноват, однако Сталин остался недоволен. 6 декабря он пишет уже троим членам Политбюро: Маленкову, Берии и Микояну.

Документ 9.11.

«Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны...»

На самом-то деле история была глубже. В ноябре агентство «Рейтер» сообщило, что Молотов на приеме в честь 7 ноября заявил американскому журналисту: «Я знаю, что вы, корреспонденты, хотите устранить русскую цензуру. Что бы вы сказали, если бы я согласился с этим на условиях взаимности?»

Молотов утверждал, что ничего подобного не говорил, однако Сталин ему не верил. По-видимому, у него были какие-то основания, которые и прорезались во втором письме.

Документ 9.12.

«Молотов... не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это

дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей игнорирование таких пасквилей, особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?..

...Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только Вам трем. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать».

Почему-то, анализируя послевоенные кадровые перестановки, наши историки объясняют их лишь тем, что Сталин одних людей к себе «приближал», а других «отдалял». Но ведь у этих назначений могли быть и *объективные причины!* Как видим, и «проблема Жемчужиной» появилась не в 1948 году, а гораздо раньше. Вспомним Документ 9.8. — показания против Жемчужиной. Почему письмо о «притеснениях» евреев на Украине было адресовано Молотову? А с кем советовалась Жемчужина по поводу Крыма, если не с мужем? То, что еврейские круги рассматривали министра иностранных дел в качестве своего «агента влияния» в правительстве, — это еще полбеды. Вопрос в другом: чьими агентами (и не только «влияния») были они сами?

...В ответном письме Сталину 7 декабря Маленков, Берия и Микоян изложили уже весь список прегрешений товарища Молотова за последние месяцы — и там оказались вещи гораздо более серьезные.

Документ 9.13.

«Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на совете министров сдал позиции, отвоеванные Советским Союзом в Потсдаме, и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров. Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку, то он, сославшись без всякой нужды на указания Правительства, повел себя так, что в глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а Советское правительство и Сталин неуступчивы.

Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя советскому правительству, высказав Гарриману свою личную, уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии... Здесь мы напомнили Молотову, что он сам согласился с проектом решения Политбюро... в котором было сказано: "...Признать неправильную манеру Молотова отделять себя от правительства и изображать либеральнее и уступчивее, чем правительство"...

Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7-го ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве, как корреспондент газеты, и хотел получить интервью у Молотова...

Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период... идут в одном плане политики уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, Молотовым, можно сработаться».

Как видим, произошла очень простая вещь. Министры — тоже люди и могут иметь свои предпочтения. Молотов был хорош против Германии, но когда дело дошло до вчерашних союзников, оказалось, что министр испытывает к ним не-

простительную для сложившейся международной обстановки симпатию. Резюмируя, Сталин 9 декабря писал:

Документ 9.14.

«Одно время Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умилостивить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом Вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете наше государство. Именно в это время вся заграничная печать кричала, что русские не выдержали, они уступили и пойдут на дальнейшие уступки... Очевидно, что, имея дело с такими партнерами, как США и Англия, мы не можем добиться чего-либо серьезного, если начнем поддаваться запугиваниям, если проявим колебания. Чтобы добиться чего-либо от таких партнеров, нужно вооружиться политикой стойкости и выдержки».

Тогда Молотов повинился, и инцидент был исчерпан. Но проблема-то осталась! Вячеслав Михайлович был по характеру, с одной стороны, невероятно упрям и амбициозен, а с другой — чрезвычайно изворотлив. Достаточно почитать его воспоминания о довоенном визите в Германию — как он профессионально раскручивал Гитлера на разговор о его стратегических планах. Не зря Сталин писал про «ловкость рук» — он-то за тридцать лет совместной работы изучил своего ближайшего соратника вдоль и поперек.

Молотов подчинился Сталину — но не стоит думать, что он мог (да и хотел!) так легко пересмотреть свои политические позиции. После того как выяснились его симпатии, вопрос о замене министра иностранных дел был лишь вопросом времени. Тем более что Сталина имел человека на замену. Вышинский в МИДе занимался как раз отношениями с «союзниками», был единомышленником Сталина, а к тому времени являлся и более крупной фигурой, чем Молотов.

Так что причина отстранения министра была не в «деле Жемчужиной» — скандал с супругой мог послужить разве что спусковым крючком. Молотов не подходил Сталину по своим взглядам. Поэтому очень мала вероятность, что Сталин согласился бы с его возвращением на пост министра иностранных дел. Эту кандидатуру продавили какие-то иные силы, и данная замена опять выводит нас на новый уровень расследования. Тем более что весной 1953 года Молотов сыграл во внешней политике СССР неоднозначную и, можно сказать, «черную» роль — возможно этого и не осознавая...

Основным яблоком раздора между СССР и бывшими союзниками в то время являлась Германия. Естественно, Сталин охотно включил бы эту страну в социалистический лагерь — однако союзники очень вовремя предприняли высадку в Нормандии: не слишком рано, чтобы всерьез не ввязываться в войну, однако вполне своевременно, чтобы успеть захватить большую часть Германии. В такой ситуации СССР выступал за Германию единую, нейтральную и не включенную ни в какие военные блоки. Американцев же, рассматривавших эту страну как свой плацдарм в Европе, такой подход ни в коей мере не устраивал.

Договориться они так и не смогли, и 20 сентября 1949 года была образована Федеративная Республика Германия, а три недели спустя — Германская Демократическая республика. После этого немецкие коммунисты, получив наконец собственное государство, радостно приступили к строительству социализма. Однако СССР не только не подстегивал этот процесс, но даже несколько тормозил его. Причина понятна: Сталин надеялся после подписания всех договоров, когда Германия в какой-то мере освободится от влияния союзников, все-таки объединить эту страну.

Ставки в игре были куда выше, чем можно предполагать, читая работы политологов. Дело тут совсем не в политике и не в сферах влияния, а в носителях атомного оружия. Да, американцы первыми взорвали атомную бомбу — но вот стратегическое положение СССР было намного выгодней. В то время в качестве носителя предполагалось использовать не ракеты, а самолеты. Так что американцы, как бы ни грозили

нам, могли нанести эффективный удар разве что по Дальнему Востоку, зато наши с дальневосточных аэродромов накрывали всю территорию США. Янки жизненно необходимы были базы в Европе, а нам жизненно необходимо, чтобы этих баз у них не было. Естественно, без согласия правительства на территории чужого государства военные базы не разместишь. А самой зависимой от США страной в послевоенной Европе была побежденная Германия — американцы ее, во-первых, оккупировали, а во-вторых, финансировали ее восстановление. Вот почему Сталин так продавливал объединение Германии на нейтральной основе, чтобы ее неприсоединение к военным блокам закреплялось международными договорами. Американцам же надо было иметь хотя бы кусок зависимой от них европейской территории. В этом смысл всей игры вокруг ФРГ и ГДР — не в политике, а в военных базах.

Естественно, советская верхушка была посвящена в эти аспекты проблемы — но вопрос: до какой степени они осознавали то, что времена опять изменились? Не стоит забывать, что стратегия и тактика Второй мировой войны в то время были *новым мышлением* в военном искусстве — и вот это новое мышление, не успев стать привычным, уже устарело, сменившись новейшим, причем прямо противоположным. Например: главный плюс существования ГДР — возможность разместить там советские войска — с новых позиций был вообще ничем.

Кто из советской верхушки того времени был способен мыслить категориями ультрасовременной войны? Естественно, Сталин. Само собой, Берия — даже, наверное, в большей степени, чем Сталин, поскольку бомбы и носители были его прямым делом. Возможно, Вышинский, как «сталинский» министр иностранных дел. Может быть, причастный в работе военно-промышленного комплекса Маленков. А Молотов, твердолобый упрямец, начетчик — какими категориями мыслил он? И думал ли он вообще — политик, никогда не соприкасавшийся с боевыми действиями, — о такой прозе, как бомбардировщики?

...Правительство ГДР, начав строить в своей стране социализм по примеру СССР образца 30-х годов, маленько ошиб-

лось в расчетах. Форсированные темпы восстановления экономики в сочетании с перегибами и неумелой социальной политикой привели весной 1953 года к серьезному кризису. Если рассматривать этот кризис изолированно от событий в СССР и в мире, то все кажется простым и естественным: ну не рассчитали, бывает... А вот если определиться по событиям и по времени...

Правительство ГДР совершило не одну ошибку, а несколько, причем в разных областях: экономической, политической, социальной. Тут были и форсированные темпы строительства, непосильные для страны, и излишний нажим на частный сектор, и ухудшение материального положения рабочих, спровоцированное так называемым «режимом экономии», и неправильное планирование снабжения населения — благополучие к середине года привело к товарному голоду в конце. По отдельности каждый такой шаг выглядит естественным, но когда смотришь на картину в целом, то все эти формально независимые друг от друга ошибки, ведущие к одной цели, весьма напоминают провокацию. Но если так, то вопрос — кто ее организовал? Притом, что немецкие власти работали под плотным контролем Москвы, да и сами все время хватались за руку «старшего брата»?

Все это было бы не так уж и страшно, если бы в СССР была твердая власть. Но пик кризиса, вызванного этими шагами, пришелся на весну 1953 года. Случайность?

Окончательно увязнув в кризисе, германские руководители кинулись в Москву. Состоялось то самое заседание Президиума ЦК, на котором Берия сказал им: «Вы не любите свой народ». Именно тогда произошла и стычка между Берией и Молотовым, о которой последний с таким возмущением рассказывал на июльском пленуме.

Берия стоял за отказ от строительства социализма в ГДР. Причины, если знать реалии того времени, понять просто. Дело в том, что осенью в ФРГ должны были состояться выборы, так что канцлер Аденауэр был чрезвычайно озабочен своим реноме. Если он сделает хоть шаг навстречу предложениям Советского Союза, западные покровители страны поднимут такую бурю, что Аденауэра попросту растопчут в прессе. Так что западногерманский канцлер вынужденно

держал антисоветский курс. Но кто сказал, что он станет придерживаться той же политики и *после* выборов?! В конце осени можно было бы вернуться к переговорам с ФРГ на новой основе. С одной стороны, победа уже одержана, бояться нечего, а с другой — представители СССР сумели бы объяснить немцам, что, играя в военные игры на стороне США, они нарываются на ядерный удар по своей территории. А в качестве козырного туза выложить на стол водородную бомбу, испытания которой назначены на август 1953 года. Для успеха кампании необходимо было лишь одно условие: Германию не станут вынуждать строить социализм.

И вот тут Молотов сказал свое золотое слово! Он был коммунистом-начетчиком, хранящим в душе идеалы 20-х годов, и не смог стерпеть того, что 18 миллионов немцев придется «подарить империалистам». И он буквально продавил одно-единственное слово, которое решило судьбу послевоенной Европы. Вместо *«признать неправильным в нынешних условиях курс на строительство социализма»* в «Мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР» было записано: *«признать неправильным в нынешних условиях курс на форсированное строительство социализма»*. ГДР оставалась социалистической страной, а объединение Германии становилось проблематичным.

Вот и вопрос: случайным ли являлось возвращение Молотова в правительство, да еще на пост министра иностранных дел? Ведь то, как он поведет себя в вопросе о строительстве социализма в ГДР, предсказать было совсем нетрудно.

Но и это еще не все! Весной 1953 года немецкие власти предприняли совсем уже идиотский шаг: они повысили нормы выработки для рабочих — самое время! На заводах начался ропот. В рекомендации советского правительства по преодолению кризиса вошли самые разные меры, направленные на снижение темпов социалистического строительства, в том числе частичный отказ от коллективизации, прекращение наступления на частный капитал... *но туда не вошло снижение норм выработки!* Почему? Ответ может быть лишь один: немецкие руководители не рассказали о них советским товарищам. Пересмотр норм выработки относится к тем мерам, которые проводятся не на государственном уров-

не, а по отдельным министерствам или заводам, как текущее решение. Случайность?

Нетрудно догадаться, как отреагировали немцы на происходящее. С одной стороны, поблажки частным хозяевам, с другой — продолжение наступления на рабочих. Настроение прокоммунистической части немецкого общества можно выразить словами: «Нас предали!», антикоммунистической: «Они отступают! Нажмем еще!» И тут в события включилась радиостанция «РИАС», вещавшая с территории Западного Берлина, и принялась поднимать народ на борьбу. И грохнуло!

Смысл провокации прост. Власти ГДР, с подачи Советского Союза, подтвердили курс на строительство социализма. Оставалось лишь, чтобы они подавили вооруженной силой выступление народа ГДР, продемонстрировав «звериный оскал коммунизма», — и о воссоединении Германии можно будет забыть навсегда. А на карте Европы появится «линия напряженности» — граница между ФРГ и ГДР, что и требовалось получить...

Неудивительно, что Берия, бросив все, умчался в Германию. Ставки в том июне были — как в августе тридцать девятого, а то и повыше. То, как он боролся с провокацией, — отдельная тема. Не зря же об этом его визите молчат даже сейчас, спустя полвека.

Известно, что советские войска, стоявшие в ГДР, практически не вмешивались в события. По крайней мере, ожидаемый расстрел не состоялся. Число погибших в ходе волнений ничтожно — всего сорок человек, причем сюда входят и потери восточногерманской полиции. Зато, запретив стрелять в народ, Берия двинул танки к границе Западного Берлина. И тут же радиостанция РИАС, до того времени раскачивавшая события, принялась призывать демонстрантов подчиниться властям. Танки остановились, не дойдя до границы нескольких кварталов. Новый правитель Советского Союза показал, на каком языке он собирается разговаривать с «западными партнерами».

На следующий день после возвращения из ГДР Берия был убит.

Случайность?

Ленинград брови насупил и хочет, чтоб его понимали.
Из письма. Декабрь 1950 г.

Глава 10

ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ «ЛЕНИНГРАДЦЕВ»?

Ну вот, мы прошлись по всем послевоенным делам — кроме одного. Самого громкого и самого загадочного, фабула которого неизвестна до сих пор. Нет ни одного человека, который бы его видел — а учитывая колоссальный интерес историков, тот факт, что никто не смог к этому делу пробиться, означает: документов этих, девять из десяти, вовсе не существует. Все, что мы о нем знаем, — это общая фабула и некоторые чисто внешние моменты. Но даже они заставляют тревожно нырять поплавок: клюнуло!

Называть надо? «Ленинградское дело».

Но перед тем как перейти к нему, надо бы договориться о подходе.

Дела этого, как я уже говорила, никто не видел. Хрущевская реабилитация — чистопородный «заказняк», а подвиги Генерального прокурора СССР товарища Руденко на ниве фальсификации «дела Берии» не позволяют верить ни одному его слову. Ни в одном сборнике документов не опубликовано практически ничего. Скорее всего, проведя реабилитацию, следственные и судебные документы попросту уничтожили, заменив их парочкой наскоро сляпанных фальшивок.

Следовательно, пока что нет оснований считать «ленинградское дело» фальсифицированным — тем более что для этого напрочь отсутствует *мотив.* Зачем расстреливать молодых перспективных руководителей, если они заведомо невиновны? У «липовых» процессов 30-х годов были и мотивы, и основания, и организаторы. Здесь ничего этого нет. Зато есть четкий интерес сперва реабилитировать, а потом унич-

тожить все документальные данные, чтобы скрыть тот факт, что реабилитация — «липовая».

Поэтому, пока не будет доказано обратное, я отношусь к этому делу, как к *настоящему*. А поскольку документов нет, приходится угадывать его фабулу по косвенным данным — и даже их практически не имеется. И то, насколько добротно произведена зачистка, тоже свидетельствует: здесь-то и прячется кащеева смерть...

Видимая часть айсберга

В 1945 году первого секретаря Ленинградского обкома Жданова перевели на работу в Москву. Спустя год, в марте 1946-го, туда же отправился и его преемник, Алексей Кузнецов. Он также стал секретарем ЦК и занял один из двух ключевых постов в аппарате ЦК — начальника Управления кадров. До него в этой должности работал Маленков, пока что временно отставленный от серьезных дел (по-видимому, в связи в разборками в курируемом им авиапроме). Учитывая, что второй основной пост в аппарате — начальника Управления пропаганды и агитации — занимал Жданов, впору было говорить о «ленинградском десанте» в ЦК. (Впрочем, какие отношения были между Ждановым и Кузнецовым — вопрос, на который пока никто толком ответить не может.) А одну из ключевых должностей в государстве — председателя Госплана — занимал выходец из Ленинграда Вознесенский. Само по себе это еще ничего не значит: например, три члена Политбюро были выходцами с Кавказа — ну и что?

...Считается, что все началось с ленинградской оптовой ярмарки.

В октябре 1948 года, подсчитав накопившиеся неликвиды продовольственной и прочей продукции на складах Министерства торговли, Бюро Совмина СССР разрешило провести в декабре межобластные оптовые ярмарки, чтобы все это реализовать. Этим предлогом и воспользовался председатель Совета министров РСФСР Родионов — в начале января он проводит в Ленинграде огромную, формально всероссийскую, а по сути всесоюзную оптовую ярмарку. Проводит без санкции Совмина СССР, лишь уведомив о том оперативный ор-

ган — Бюро Совмина так, словно бы речь идет о выполнении октябрьского решения. Да, конечно, она была и межобластной, эта ярмарка — но едва ли Совмин, давая санкцию, имел в виду торговлю между Калининградом и Сахалином...

Толку из этого действа не вышло никакого. Распродать неликвиды не удалось, итогом мероприятия стали испорченные товары на сумму в 4 миллиарда рублей — и это в голодное послевоенное время. Еще одним итогом стало то, что Родионов с треском вылетел с занимаемой должности.

...Едва закончилась ярмарка, как практически сразу, в январе 1949 года, в ЦК пришло анонимное письмо — о том, что на состоявшейся 25 декабря партконференции Ленинградского обкома сфальсифицированы результаты голосования. Проверка показала, что на самом деле так оно и было. Чтобы достичь «единогласия», председатель счетной комиссии заменил 23 бюллетеня «против» на бюллетени «за». Голоса эти в масштабе ленинградской парторганизации никакой погоды не делали, так что подмена явно была проведена для эстетики. А вот последствия эстетических пристрастий оказались для партийных лидеров очень неприятными: поплатились постами секретарь ЦК Кузнецов и первый секретарь Ленинградского обкома Попков, второму секретарю Капустину был объявлен выговор. Так считается.

А теперь посмотрим факты. На самом деле махинации с голосованием разбирались на местном уровне, и за них поплатился председатель счетной комиссии. А в постановлении Политбюро о снятии с должностей Кузнецова, Родионова и первого секретаря Ленинградского обкома Попкова о мухлеже с бюллетенями нет ни слова. Речь там идет о вещах куда более серьезных.

Документ 10.1.

Из Постановления Политбюро «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т. т. Родионова М. И. и Попкова И. С». 15 февраля 1949 г.

«На основании проведенной проверки установлено, что председатель Совета Министров РСФСР вме-

сте с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) тов. Кузнецова А. А. самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, включая и самых отдаленных, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму около 9 млрд. рублей, включая товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краев, областей и республик. Кроме того, проведение ярмарки нанесло ущерб государству в связи с большими и неоправданными затратами государственных средств на организацию ярмарки и на переезд участников ее из отдаленных местностей в Ленинград и обратно.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает главными виновниками указанного антигосударственного действия кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова и Попкова и члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки и, в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, самовольно организовали ее в Ленинграде».

Как видим, дело ясное, словно вода лесного родника. Кузнецов, Родионов и Попков сами, своей волей, без каких-либо санкций превратили межобластную ярмарку во всесоюзную (поскольку приехали делегации других республик), да еще и погорели на этом. Сталин последние двадцать лет только и делал, что боролся с бардаком, — и вдруг такой рецидив! И за меньшие прегрешения люди с треском улетали далеко с государственных постов. Нам эта ярмарка интересна разве что своей бессмысленностью — зачем?

Однако последовавшие вслед за этим обвинения оказались уже серьезней и отражали некую тенденцию, которая, по-видимому, была хорошо известна присутствующим.

«Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у т. т. Кузнецова А. А., Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б).

В связи с этим следует отметить, что т. Попков, являясь первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), не старается обеспечить связь ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде и вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии, на путь сомнительных закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозваных «шефов» Ленинграда, вроде т. т. Кузнецова, Родионова и других.

В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение «шефствовать» над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н. А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым «шефом» т. Кузнецовым А. А. Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что такие непартийные методы должны быть пресечены в корне, ибо они являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие в отношениях между Ленобкомом и ЦК ВКП(б) и способны привести к от-

рыву ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления ленинградской организации партии и ее Центральному Комитету».

Что любопытно — на пленуме Ленинградского обкома, состоявшемся 21 февраля, с этими обвинениями никто не спорил. Их даже отчасти прокомментировали. Сейчас это объясняют тотальной запуганностью ленинградского актива... интересно, чем можно так сильно напугать людей, переживших войну и блокаду, чтобы заставить согласиться с заведомо неправильными обвинениями? Но вот что говорил сам Попков:

Цитата 10.1 *«Дело обстояло таким порядком, что абсолютное большинство вопросов, которые шли из областного и городского комитетов партии... они шли в ЦК через Кузнецова. Меньше было поставлено вопросов через Жданова, больше — через Кузнецова. Причем... я считал такую постановку правильной. Я видел стремление Кузнецова руководить Ленинградской организацией, но я не понимал, что этим он отделяет Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)...*

Вот некоторые факты. Мне товарищ Кузнецов однажды позвонил и с возмущением накричал на меня (я за один крик должен был поставить в известность ЦК партии): "Что вы строите дорогу в Териоки? (Зеленогорск. — Е.П.) — Для того, чтобы вам легче было ездить на дачу?" Я сказал: сдается курортная зона, нужна дорога. Есть решение сессии Ленсовета и горкома партии. "Это вы все придумали. Такие вопросы нужно согласовывать с ЦК— вы не имеете права решать такие вопросы..." Теперь я понимаю, что, требуя согласования таких вопросов с ЦК, под ЦК он разумел себя.

Приезжает Вербицкий (секретарь Ленинградского горкома. — *Е. П.) и говорит: "Я был у Алексея Александровича Кузне-*

цова, который спрашивал меня, на каком основании вы хотите снять трамвайное движение с проспекта Энгельса?.." Вербицкий тогда заявил: такие вопросы Кузнецов требует согласовывать с ним...

Кузнецов мне предложил: "Будете готовиться к пленуму, привезите резолюцию предварительно, мы ее вам здесь поправим, у нас аппарат большой... "»

Напоминаем: Кузнецов был секретарем ЦК, начальником Управления кадров, а не куратором Ленинграда. В Советском Союзе такие действия не приветствовались, не раз и не два местному начальству советовали не искать себе «шефов» в Москве — но все, естественно, как об стенку горох.

«...В правильности действий Кузнецова я сомневался. Будучи в Москве, я зашел к Андрею Александровичу Жданову и рассказал ему об этом. Андрей Александрович разъяснил мне: Кузнецов так действовать не имеет права. "Почему, — сказал, — я таких претензий не имею? А ведь, кажется, я больше прав имею на Ленинград, чем Кузнецов"... Я говорю: "Как быть?" — "Вы поменьше советуйтесь с Кузнецовым, чаще докладывайте о работе мне, а я буду докладывать Политбюро".

...Я заходил к Андрею Александровичу... Меня товарищ Жданов спросил: "Чем, товарищ Попков, объяснить, что на вас озлился Кузнецов? — Тем, говорю, что вы мне посоветовали: я перестал его информировать". — "Нет, посмотрите, здесь что-то большее". — "Хорошо, говорю, пригляжусь". Но я так и не понял...»

Вообще читать все это довольно противно: как они, оправдываясь, друг друга топят. И, что любопытно, они ведь суть претензий так и не понимают. Вот Капустин, второй секретарь:

«В системе нашей было так: как поездка — так обязательно зайти. В последний раз, когда я с делегацией приехал приветствовать Московскую партийную конференцию, я приветствовал ее от души, по-ленинградски. И... опять не преминул к нему зайти. Зайти к снятому секретарю! Чего ради зашел? Зачем?»

Тут уж покоробило даже ко многому привычного Маленкова.

«Дело не в том, что вы ходили или не ходили к товарищу Кузнецову — он был секретарем ЦК: почему бы не зайти?

А дело в том, что Центральный Комитет не знал, о чем вы говорили с Кузнецовым, какие указания давал Кузнецов. Все это замкнулось в группе..,У Центрального Комитета есть секретариат, есть бюро, есть Политбюро, и, в зависимости от важности вопроса, решает Секретариат, бюро или Политбюро. В партийном порядке... Вы поддерживаете другой порядок — единоличное решение вопроса, единоличные указания. Вот о чем идет речь. А не о том — зашел или не зашел? Заходите, пожалуйста. Разве это запрещено? Вы и сейчас не понимаете, о чем идет речь...»

А нынче стало ли яснее, о чем речь? Сейчас ведь рассматривают дело так, как и Капустин, — словно бы разговор исключительно о личностях. Ошибся Кузнецов или не ошибся, разгневался на него вождь или не разгневался. А ведь проблема совершенно в другом — во взаимоотношениях центра и регионов. И порядок, когда партийные организации должны быть прозрачны для ЦК, установлен не от хорошей жизни.

Беда крылась в специфической системе управления страной. Она тоже появилась от отчаяния, когда власти поняли, что не могут заставить работать государственный аппарат — но от этого не легче. В 20-х годах установился такой механизм руководства: формирующийся новый госаппарат плотно курировала партия. Все, кто занимал более или менее видные посты, являлись членами ВКП(б), которая управляла, пользуясь партийной дисциплиной, ибо государственную не ставили ни в грош. Партия не была иерархической структурой, полномочия в ней делегировались снизу вверх, низы были чрезвычайно активны — в этих условиях любая замкнутая группа тут же начинала проводить свою линию во всех областях жизни, до которых могла дотянуться. Это даже если у нее не было идеологических особенностей. А если были?

У меня есть любимый пример. Допустим принято решение проводить коллективизацию. При этом треть организаций подчиняется решению, как оно есть; еще треть выступает за тотальное обобществление всего, что движется, и действует соответственно, расстреливая всех, кому это не нравится; а остальные стоят за «постепенное врастание» кре-

стьянина в кооператив и не делают вообще ничего. И что, в таком случае, начнется в стране?

Или другой пример, из реальной жизни. В Казахстане, в середине 30-х годов, ЦК республики по партийным каналам передал указание: судить расхитителей колхозного добра собранием колхозников с приведением приговоров в исполнение — короче говоря, велено было устраивать самосуды. И ничего себе подготовочка к принятию Конституции! Не от хорошей жизни в ЦК хотели знать, о чем разговаривают между собой коммунисты: если этот процесс не контролировать, они такого наворотят!

Лишь после «тридцать седьмого года» партийных руководителей удалось более-менее привести в чувство. И вот опять: всего два года, как Кузнецова взяли в аппарат ЦК, а уже появилась группа и уже черт знает что вытворяют: провели ярмарку на всю страну, угрохали кучу денег, убытков на четыре миллиарда. Есть от чего озвереть...

И ведь это самое безобидное, из того, что придумали в Ленинграде. У них в головах бродили такие идеи, что закачаешься!

Снова Попков:

«Я неоднократно говорил — причем говорил здесь, в Ленинграде... говорил это и в приемной, когда был в ЦК... о РКП. Обсуждая этот вопрос, я сказал такую штуку: "Как только РКП создадут — легче будет ЦК ВКП(б): ЦК ВКП(б) руководить будет не каждым обкомом, а уже через ЦК РКП". С другой стороны, я заявил, что, когда создадут ЦК РКП, тогда у русского народа будут партийные защитники».

То есть Попков во всеуслышание признается в том, что агитировал за создание компартии России. Знакомая история, не правда ли? На эту идею сорок лет спустя купились люди куда более образованные, чем тогдашнее партийное начальство. А Кузнецов выдвигал идею сделать Ленинград столицей России, перевести туда республиканские министерства. Трудно ли догадаться, кого он видел в роли Первого секретаря Российской компартии?

Надо ли объяснять, что значит создание такой партии при тогдашней структуре страны? Это значит, что партийный центр мгновенно превратится в аналог СНГ, всецело зави-

сящий от воли республиканских компартий. А определять эту волю станет самая многочисленная организация — РКП. Как вы думаете, будет ли Кузнецов, при его-то характере, выполнять решения Москвы? Впрочем, мы все это наблюдали в натуре: сначала создание РКП, потом появление президента России — а затем легкий и элегантный перехват управления у союзных структур.

Вот и вопрос: было ли такое в планах «ленинградцев», когда они выдвигали эту идею, или же они просто «не подумали»... Любопытно, что со Ждановым Попков о создании РКП не говорил — стало быть, соображал, что не так эта идея чиста, как кажется.

...Впрочем, «ленинградцы» отделались легко. Кузнецова назначили начальником Дальневосточного бюро ЦК, которое, правда, пока существовало только на бумаге — но кто мешал новому начальнику заняться его организацией? Родионова и Попкова направили на партийные курсы при ЦК ВКП(б) — по-видимому надеясь, что с образованием к ним придет понимание того, что такое государственная дисциплина и для чего она нужна. Но официальная версия упорно считает: их сняли, чтобы вскоре арестовать.

А вот это не факт! Общеизвестна истина: «вслед за этим» не всегда означает «вследствие этого». Возможно, одно с другим как-то связано — но вовсе не обязательно, что уже тогда, в феврале, их судьба была решена. Секретарей ЦК снимали и вправду редко — но бывало. Маленков за бардак в авиапромышленности поплатился тем же самым. Но уж Попков точно был не одинок: в конце 40-х — начале 50-х годов прошла целая серия региональных скандалов. «Ульяновское дело» — секретарь обкома снят за пьянство и расхищение спирта. Карельский обком — развал работы, пьянство, растраты. «Челябинское дело» — развал работы, блат, пьянство, бытовое разложение и т. д. Кстати, и Кузнецова Хрущев, уже в 1954 году, «обласкал», заявив во всеуслышание в Ленинграде, на собрании партийного актива: *«Известно, что тов. Кузнецов и другие допускали разные излишества, выпивки допускались. И расходование средств государственных не по назначению допускалось, и бахвальство, и некоторое зазнайство...»*

Партийных секретарей снимали постоянно: за развал работы, пьянство, групповщину, воровство... Одних сажали, другим находили работу по силам. Показательна в этом смысле история секретаря Московской организации Попова. Он, кстати, тоже выходец из Ленинграда, тоже секретарь ЦК, и сняли его в том же 1949 году за совершенно замечательные художества. Как было написано в письме, с которого начались его неприятности, товарища Попова «одолевает мысль в будущем стать вождем нашей партии и народа». Что касается фактов, то он вознамерился управлять всем, что расположено в Москве, в том числе союзными министерствами. Как было написано в постановлении Политбюро, Попов пытался «подмять министров и командовать министерствами, подменить министров, правительство и ЦК ВКП(б)» и многое, многое другое. В сравнении с постановлением по Москве «ленинградцев» просто по головке погладили.

Казалось бы — таких должны отстреливать в первую очередь. А вот ничего подобного! Товарища Попова, действительно, сняли с постов секретаря ЦК и первого секретаря МГК, но вот арестовывать его никто и не думал. Впоследствии, еще в сталинское время, он занимал министерские посты, был директором завода, при Хрущеве — послом в Польше, потом снова директором завода, благополучно дожил до пенсии и умер в 1968 году. Так что дело было в чем-то другом...

От Устава ВКП(б) к Уголовному кодексу

Разбирая эти вопросы, надо очень четко понимать: есть Устав партии, а есть Уголовный кодекс. В сталинское время одно с другим не путали. В постановлении по «ленинградцам», в принципе, можно найти и статьи УК — превышение власти там точно есть. Но вот статья 58 в нем не содержится — его герои виновны лишь в нарушениях Устава партии.

В действиях председателя Госплана Вознесенского прегрешений против партийного устава нет. Осужден он был на одном судебном процессе с «ленинградцами», но начиналось его дело самостоятельно — однако сразу после разборок с

Кузнецовым и его командой. Это заставляет кое о чем задуматься. Если «ленинградцы» в своих неприятностях виноваты исключительно сами — не стоило быть такими борзыми! — то председателя Госплана Вознесенского, возможно, слегка подставили.

Итак, не успел отгреметь «ленинградский» скандал, как начался скандал в Госплане. 1 марта 1949 года заместитель Вознесенского Помазнев написал в Бюро Совмина записку, в которой предал гласности перекосы в планировании. А 3 марта пришла какая-то очень уж своевременная жалоба от министра внутренних дел Круглова на непосильный для его ведомства план.

Бюро Совмина назначило проверку деятельности Госплана — и волосы у тех из проверяющих, у кого не было лысины, встали дыбом, такие там вскрылись приписки и перекосы. Оказалось, что председатель Госплана систематически занижал план одним министерствам и завышал другим. Соответственно у тех, кого он «любил», были хорошие показатели, премии и пр. А вот МВД товарищ Вознесенский, должно быть, недолюбливал...

Надо ли объяснять, к чему вели такие фокусы в условиях плановой экономики? К дезорганизации экономической жизни страны. В результате Вознесенский, естественно, полетел из Госплана — однако не на новую работу, а в бессрочный отпуск. Другого места работы для него не планировали, и неудивительно: как бы ни повернулось дело, товарищу Вознесенскому в ближайшем будущем предстояло на практике познакомиться с Уголовным кодексом. Хотя бы потому, что такие игры никогда не ведутся бескорыстно.

Итак, Вознесенского отстранили, а в Госплане началась тотальная проверка. Обнаружила она такое, рядом с чем все предыдущие факты были не компроматом, а так, семечками. За пять лет, с 1944 по 1948 год, в этом ведомстве пропало 236 секретных документов. Причем это были не бумажки на одном листочке. Вот лишь некоторые из пропаж: несколько государственных планов восстановления и развития народного хозяйства (документы на сотнях листов); планы меньшего масштаба, отдельные постановления, которые тоже не надо недооценивать. Например, исходя из баланса разных

видов оборудования в пятилетнем плане можно было составить представление о дальнейшей экономической стратегии советского руководства. Ну, а такие документики, как сведения об объемах перевозок нефти и нефтепродуктов или об организации производства радиолокационных станций, говорят сами за себя.

Подбор пропаж тоже впечатлял. Во всем списке только один документ — об издании учебников для школ Украины — не был «находкой для шпиона» (должно быть, его на самом деле потеряли). Выяснилось, что Вознесенский о происходящем прекрасно знал, однако никаких мер не принял. В первом приближении партийные органы посчитали случившееся выдающимся бардаком. Вознесенского исключили из ЦК, а по факту пропажи документов началось следствие.

Чтобы правильно понять ситуацию, надо кое-что знать. В 1945 году советское правительство обратилось к Соединенным Штатам с просьбой о кредите на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Американское правительство согласилось дать кредит, но потребовало в ответ информацию о состоянии советской экономики такой глубины и объема, что наши отозвали просьбу: лучше уж самим выбираться, чем снабжать потенциального противника подобными сведениями. И самое естественное предположение, когда вскрылась госплановская клоака, было: американцы нашли более дешевый выход.

В деле явственно запахло шпионажем.

Шпионажем пахло и в «ленинградском деле». Именно с него оно и началось. Летом 1949 года МГБ по своим заграничным каналам получило информацию, что второй секретарь (теперь уже бывший) Ленинградского обкома Капустин является агентом английской разведки. 23 июля Капустина берут, 4 августа он начинает говорить, и уже 13 августа за решеткой оказываются первые герои «ленинградского дела»: Кузнецов, Попков, Родионов, председатель Ленинградского горисполкома Лазутин, секретарь Крымского обкома Соловьев. Вскоре за решетку попали и другие партийные аппаратчики.

Первый, основной процесс по «ленинградскому делу» состоялся 30 сентября 1950 года. Суд был вроде бы открытым, хотя состав присутствующих узок: офицеры МГБ и партийные аппаратчики. На скамье подсудимых — девять человек. Все признали себя виновными, ни один не отказался. Кузнецов, Родионов, Попков, Вознесенский, Лазутин и Капустин были приговорены к высшей мере, еще один их подельник получил 15 лет и двое — по десять.

Долгое время одним из свидетельств, что «ленинградское дело» идет в графе политических репрессий, являлось количество тех, кто был по нему привлечен. Говорили и писали, что осуждено более 2000 человек, из них 200 приговорены к смертной казни. Но сейчас выяснилось, что его масштабы гораздо меньше, чем принято думать. 10 декабря 1953 года МВД подготовило для Хрущева справку об осужденных и высланных по этому делу в 1949—1951 годах. Итак, на самом деле к высшей мере наказания приговорены 23 человека, 85 получили разные сроки — от 5 до 25 лет, и еще 105 человек отправлены в ссылку на срок от 5 до 8 лет. Из осужденных 36 человек работали в Ленинградском обкоме и горкоме, а также в областном и городском исполкомах, 11 — в обкомах других областей и 9 — в районах области. Как видим, на поверку дело-то невелико. Высланные — это, должно быть, члены семей, а самих осужденных — 108 человек, вместе с теми, кому дали по 5 лет (возможно, также члены семей). Собственно партийных работников — около 60 человек. При этом надо учитывать, что часть из них наверняка пошла под суд не по «политике», а за воровство — ибо злоупотребления в славном городе на Неве были, под стать его размерам и величию, беззастенчивы и громадны. Как видим, на репрессии никоим образом не тянет. Это явно какое-то групповое дело.

Когда в МГБ появился Игнатьев, в Ленинграде прошла новая волна арестов, в ходе которой пострадали еще несколько десятков человек — но это уже совсем другая история, которая, кстати, практически не исследовалась. В 1988 году список пострадавших увеличился до 600 фамилий — но это уже третья история...

Что известно о приговоре? Собственно говоря, ничего. В книге «Ленинградское дело» напечатаны выдержки из него.

В 1938 году подсудимые (**Цитата 10.2**) *«объединились в антисоветскую группу с целью превратить ее в опору по борьбе с партией и Центральным Комитетом ВКП(б)»*... Действовали они *«с целью отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и в намерении превратить Ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК...»*

Они расставляли своих сторонников по всей стране, чтобы, *«опираясь на таких антипартийных людей и имея в руках Ленинградскую организацию, взорвать партии изнутри и узурпировать партийную власть...»*

Еще они, *«действуя как раскольники, подрывали единство партии, распространят клеветнические измышления в отношении ЦК ВКП(б), вынашивали и высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе Советского правительства и ЦК ВКП(б)»*.

Ну и, кроме того, подрывали бюджетную дисциплину, нарушали государственные планы и снижали тем самым эффективность работы народного хозяйства страны.

Да, конечно, с таким приговором людей можно реабилитировать автоматически. Ибо ни отрыв Ленинградской организации от партии, ни борьба с ЦК, ни даже пожелание внести изменения в состав правительства не являются уголовно наказуемыми деяниями. Более-менее к таковым можно отнести экономическую часть — перекосы в планировании, пропажу секретных документов — но касается все это одного лишь Вознесенского, и сколько за такие вещи дают, мы примерно знаем (см. «дело авиапрома»).

Без сомнения, этот документ полностью доказывает невиновность подсудимых и ужасный сталинский произвол. Вот только кто докажет, что эта бумажка является тем самым приговором, который был зачитан 30 октября 1950 года в Ленинградском Доме офицеров?

Но, может быть, это общая часть, за которой последуют конкретные преступления? Да, а с каких пор в общую часть приговора заносились деяния, не подвластные Уголовному кодексу? Когда это у нас судили за «подрыв единства партии» и «отрыв от ЦК»? В тридцать седьмом году, говорите?

Приведем, для сравнения, подлинный приговор состоявшегося весной 1938 года суда по делу «право-троцкист-

ского блока». Подсудимые тоже принадлежали к партийной верхушке, а культура юстиции, кстати, была гораздо ниже. И вот как выглядит общая часть:

Документ 10.2.

«Подсудимые... являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932 — 1937 годах по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу...

Право-троцкистский блок поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпи¬онско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в расчленении СССР..»

Это — приговор! А то, что выдается за таковой по «ленинградскому делу», — максимум закрытое письмо ЦК, связанное с процессом, а то и просто фальшивка, сделанная на основе этого письма.

Ну что ж, давайте займемся любимым делом — реконструкцией событий. Что нам известно?

Известно, что следствие было проведено достаточно быстро. Уже 8 января 1950 года Абакумов направляет Сталину список арестованных и пишет:

Документ 10.3.

«Видимо, целесообразно по опыту прошлого осудить на закрытом заседании Выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде без участия сторон, то есть обвинения и защиты, группу человек в 9-10 основных обвиняемых.

Остальных обвиняемых осудить в общем порядке Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

Для составления обвинительного заключения и подготовки дела к рассмотрению в суде нам необхо-

димо знать лиц, которых следует осудить в числе группы основных обвиняемых...»

Как видим, уже в январе 1951 года в МГБ готовы были написать обвинительное заключение и передать дело в суд. Однако первый процесс над «основной группой» состоялся лишь в конце сентября. Почему?

В серьезных случаях, связанных с заговорами и шпионажем, МГБ не обладало всей информацией по делу. Она шла из разных источников — из Министерства госконтроля, Комитета информации, партийной разведки, из бериевских структур, еще по каким-то каналам. Всей ее полнотой обладал Сталин и, возможно, Маленков и Берия — у последнего, кстати, были и свои источники информации (один ГУСИМЗ чего стоил!) В этом причина того, что Сталин иной раз буквально вел за руку следствие. Он не мог и не собирался раскрывать источники информации, однако куда двигаться, подсказывал. К 8 января Абакумов свою работу выполнил, и теперь решить, что дело еще не закончено, мог только вождь.

А 12 января произошло экстраординарное событие. Президиум Верховного Совета СССР принял следующий указ:

Документ 10.4.

«Ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры о необходимости внести изменения в Указ об отмене смертной казни с тем, чтобы этот Указ не распространялся на изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. В виде изъятия из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года об отмене смертной казни допустить применение к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам смертной казни как высшей меры наказания.

2. Настоящий Указ ввести в действие со дня его опубликования».

Трудно не увязать принятие этого указа с окончанием следствия по «ленинградскому делу».

Кстати, принято думать, что в случае с «ленинградцами» закон получил обратную силу — то есть людей расстреляли за преступления, которые на момент их совершения не карались смертной казнью. Но кто сказал, что их судили за то, что они делали с 1947 по 1950 год? Открытым текстом сказано, что их организация была создана в 1938-м. А до 1947 года смертная казнь в СССР существовала — так что никакой обратной силы здесь нет. Все абсолютно по закону!

...Поскольку Кузнецова со товарищи к диверсантам-подрывникам не отнесешь, ясно, что осудили их либо за измену Родине, либо за шпионаж. Согласно постановлению ЦИК от 8 июня 1934 года измена Родине определялась как *«действия, совершаемые гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то — шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу»*.

Список деяний в этой статье конкретный, однако чрезвычайно узкий. Но правовые понятия со временем совершенствовались, так что, думаю, правильнее будет обратиться к кодексу 1961 года. Там измена Родине определяется шире: как *«деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдана государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти»*.

Как видим, единственное, что могло быть вменено «ленинградцам» — это шпионаж, выдача государственной тайны, оказание помощи в подрывной работе и подготовка государственного переворота. Шпионаж там был. А что еще?

...А еще мы знаем тех, кто, едва придя к власти, поторопился реабилитировать «ленинградцев». Реабилитация их состоялась 30 апреля 1954 года. А 7 мая Хрущев выступал по этой теме перед ленинградским партийным активом.

Речь эта не так популярна, как доклад на XX съезде, а жаль. Она замечательнейшим образом показывает очень многое. В том числе уровень правосознания как Хрущева, так и Генпрокурора СССР Руденко. Хоть это и не совсем по теме, но как удержаться, не привести парочку цитат!

Цитата 10.3. *«В связи в ленинградским делом снят с работа и осужден Куприянов — бывший секретарь ЦК Карело-Финской республики. Узнав, что его арестовали по ленинградскому делу, я сказал т. Руденко: "Прошу пересмотреть дело Куприянова". Он через несколько дней говорит: "Надо подумать".*

"Что же тут думать, — спрашиваю, — мне хорошо известно, что он арестован по ленинградскому делу".

"Верно, — говорит т. Руденко, — по ленинградскому делу, но он в лагере снюхался с преступниками, с белогвардейцами. Он разговаривает там языком бандитов, белогвардейцев".

Тов. Руденко правильно ставит вопрос. Если он быстро пошел на сговор с белогвардейцами, нашел общий язык с классовым врагом, то у него нутро гнилое. Его надо бы из ленинградского "дела" исключить»...

То, что у товарища Куприянова «гнилое нутро» — спорить трудно. Это персонаж особый. Снят он был со своего поста 2 декабря 1949 года отнюдь не по политическим причинам, а за полный развал работы, очковтирательство, за то, что покрывал воров и коррупционеров и тому подобные подвиги. Но ведь для реабилитации важно не «нутро», а обоснованность осуждения, так? Получается, что, если невинно осужденный нравится прокурору, тот его освободит, а не нравится — пусть сидит дальше?

(Кстати, рассказывают совершенно дивную историю о первой встрече Абакумова и Руденко. В изложении самого Руденко, как он поведал ее 6 мая 1954 года ленинградскому партийному активу, она выглядела так:

Цитата 10.4. *«Когда недавно представитель прокурорского надзора проверял Лефортовскую и Внутреннюю тюрьму Комитета госбезопасности... он зашел в камеру, где содержится арестованный Абакумов. На вопрос прокурора — не имеет ли Абакумов каких-либо жалоб на тюремный режим и условия содержания его под стражей, Абакумов заявил, что никогда не поверит тому, что прокурор смог посетить Внутреннюю тюрь-*

му для производства проверки. Тогда представитель прокуратуры предложил Абакумову ознакомиться с его прокурорским удостоверением. На это Абакумов заявил: "Любое удостоверение можно подделать"».

Однако существует и альтернативная версия этого свидания. Увидев Руденко, Абакумов спросил: «Что, Хрущев пришел к власти?» — «Почему?» — удивился тот. «А кто же еще тебя, г...ка, назначит Генеральным прокурором?».

И наконец, мое любимое, совершенно беспримерное заявление:

Цитата 10.5. *«Избиения арестованных в тюрьме, как вы теперь знаете, не являлись секретом. Как это тогда объясняли, да и сейчас некоторые говорят: врага надо бить. Но надо бить врага. Я тоже за то, что врага бить надо. Но ведь надо знать, что бьешь именно врага, а не невинного человека».*

Он на самом деле так сказал! Кстати, из этой цитаты следует, что избиения арестованных не встречали особого протеста в партийной среде — по крайней мере, пока применялись к кому-либо другому.

Но все же изронил Никита Сергеевич золотое слово, рассказав, в чем на самом деле обвинялись «ленинградцы».

Цитата 10.6. *«Вы помните, как фабриковалось дело. Утверждалось, что в Ленинграде была заговорщическая организация, которая хотела выделиться из Советского Союза, захватить руководство страной в свои руки... Утверждалось, что в Ленинграде хотят создать какой-то центр, противопоставить его Центральному Комитету партии...»*

В таком случае все связывается, на свое место становятся и агитация за создание РКП, и идея объявить Ленинград столицей РСФСР. А возможности у них имелись, и еще какие! Кузнецов был начальником Управления кадров и мог расставлять любых людей на любые места. И кстати, немало успел: 22 декабря 1948 года Попков на конференции обкома с гордостью сказал, что за два года Ленинградская партийная организация выдвинула на руководящую работу 12 тысяч человек, в том числе 800 — за пределы области. Выходцы из Ленинграда стали руководителями Ярославля, Мурманска, Эстонии, Крыма, много их было во Пскове и в Новгороде — а прошло, напоминаем, всего два года. Еще парочка лет —

и если верховный шеф всех этих людей выдвинет идею создания РКП, то может получиться так, что ее поддержит большинство российских парторганизаций. Противостоять этой инициативе Москва будет бессильна. Разве что Сталин, наделенный громадным авторитетом... но Сталин не вечен. А в дни безвластия после его смерти очень удобно будет все это провернуть, особенно имея в рядах председателя Госплана, способного в любой момент вызвать в стране экономический кризис. В конце 80-х эта идея была реализована. Результат известен.

Выдал Хрущев и конкретные планы. Помните: *«организация, которая хотела выделиться из Советского Союза, захватить руководство страной в свои руки?»* Так захватить или выделиться? Или захватить, а если не получится, выделиться, выйти из СССР — сделать то, о чем столько времени кричали в конце 90-х?

Впрочем, выйти не получилось даже в 90-е годы, ибо процедура выхода республики из Союза была практически нереализуема. И тогда задействовали запасной механизм, дававший сто процентов гарантии.

Советский Союз погубила мечта его создателей о мировой революции. Когда в 1922 году обсуждалось его устройство, одним из основных аргументов (кроме прав народов) был следующий: не сегодня завтра грянет мировая революция, и чтобы облегчить создание «Земшарной республики Советов», надо строить ее зародыш — СССР — таким образом, чтобы новые члены коммунистического братства могли легко и безболезненно присоединиться к уже имеющейся структуре. Потом мечта умерла, а проблемы остались.

Республик в разное время было разное число, но союзный договор подписали только четыре: РСФСР, Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация, остальные к ним присоединились. В 1936 году Закавказскую республику расформировали, осталось три. Достаточно было лидерам этих трех республик сговориться и разорвать союзный договор — и все, СССР переставал существовать. Как и было проделано в сентябре 1991 года в Беловежской пуще.

Мог ли такой сценарий задумываться в качестве запасного году этак в сорок седьмом? А почему, собственно, нет?

Конечно, при Сталине этих лидеров потом бы по кусочкам от башмаков окружающих их товарищей отскребали — но ведь Сталин не вечен! А после его смерти или отставки по возрасту и болезни...

А давайте-ка посмотрим, кто в 1947-1948 годах были лидерами основополагающих республик? Так, на всякий случай...

Кузнецов, как уже говорилось, видел себя главой РСФСР. А на Украине сидел не кто иной, как Хрущев — надо же, какое совпадение! Но еще интересней становится, едва мы окинем глазом список белорусского руководства. В феврале 1947 года двоих работников Управления ЦК по проверке партийных органов направили в Белоруссию, первым и вторым секретарями — напоминаем, именно тогда, когда Кузнецов работал начальников Управления кадров. Первым секретарем стал Гусаров, бывший до 1947 года инспектором, а номером вторым — заместитель начальника управления, некто Игнатьев. Да-да, тот самый. После расстрела «ленинградцев», в 1950 году, оба белорусских руководителя снова материализовались в столице.

Оба-на! РСФСР, Украина, Белоруссия. Кузнецов, Хрущев, Игнатьев.

Вот вам и связь, и мотив!

Первый орден Лидии Тимашук

Вернемся теперь к доктору Тимашук, ее письмам и наградам. Орден, полученный ею в январе 1953 года в связи с «делом врачей», был не первым. В 1950 году она была награждена орденом «Знак Почета». Она по-прежнему работала в Кремлевской больнице, где начальником был все тот же Егоров, имевший могучие основания не любить доктора Тимашук. И тем не менее она получила орден, причем в тот самый год, когда осудили «ленинградцев» (к сожалению, не знаю, в каком месяце)... Это еще не связь — но тень связи...

Считается, что доктор Тимашук была секретным сотрудником МГБ. Но так ли это? Едва ли. Если бы она являлась осведомителем МГБ, ей не было бы нужды советоваться с

майором Беловым, кому адресовать свое письмо. Она бы отлично это знала и мгновенно отрапортовала куда следует. Судя по тому, что письмо, после долгих колебаний по части адресата, было по совету майора послано Власику, показывает, что осведомителем Тимашук не была.

Тем не менее после разговора с Егоровым 4 сентября доктор пишет еще одно письмо в МГБ, на сей раз некоему Суханову. Существует и ее рапорт от 8 числа, на который при допросе ссылается Власик. Да, но если Тимашук не была сотрудником МГБ, зачем она пишет эти письма? Тем более какому-то Суханову — кто он такой?

Давайте задумаемся: а что еще должен был сделать Абакумов, получив письмо и указание Сталина его проверить? Да проще простого: встретиться с самой Тимашук! Не обязательно лично — но по ходу проверки ее встреча с кем-то из МГБ должна была состояться непременно. Возможно, работал по этому делу как раз тот самый Суханов. И логично было использовать для проверки (кроме прочих источников, разумеется) и саму Тимашук. В этом случае она, вполне естественным образом, писала бы отчеты в МГБ.

Итак, 7 сентября Тимашук перевели во второразрядную клинику. До сих пор она реагировала на все происходящее незамедлительно, и теперь тоже написала рапорт в МГБ. А 15 сентября она вдруг отправляет еще одно письмо, где тщательнейшим образом излагает историю на Валдае, действия свои и Егорова, и просит о помощи. Адресовано письмо... Кузнецову! И вот вопрос: почему именно ему? Если продолжать жаловаться, логичнее было бы писать Абакумову, Мехлису, в конце концов, даже Сталину. Но почему Кузнецову? Потому что он был начальником Управления кадров? Первое письмо Тимашук вообще собиралась адресовать «на деревню дедушке», то есть просто в ЦК, а тут вдруг такое точное знание, к кому следует обращаться. Быстрая, однако, эволюция!

...В хронике 31 августа есть один неясный момент. Известно, что на вскрытии присутствовали Кузнецов, Попков и Вознесенский. До сих пор предполагалось, что они прилетели вместе с Егоровым. Но в книге Брента и Наумова я наткнулась на упоминание, которое все меняет. Оказывается,

Вознесенский приехал на Валдай, когда Жданов был еще жив. Зачем? Может быть, их связывали особо теплые отношения и Вознесенский, узнав о тяжелом состоянии Жданова, примчался проститься? Может, конечно, и так...

Однако Хрущев все на том же заседании партактива в Ленинграде «обласкал» и этого героя: «Очень многие члены Политбюро не уважали Вознесенского за то, что он был хвастлив, груб, к подчиненным людям относился по-хамски». Мог скромный и деликатный Жданов испытывать симпатию к такому человеку? Едва ли...

И сразу возникает еще один вопрос: а это точно, что Кузнецов с Попковым появились в санатории уже после смерти Жданова?

И третий вопрос: имел ли Кузнецов основания *не хотеть*, чтобы к этому визиту было привлечено особое внимание? Если нет — значит, нет. А если да, то у нас развивается совершенно замечательная интрига.

...Давайте подумаем: что знал и чего не знал Кузнецов о скандале в Лечсанупре? Во многом это зависит от того, в каких отношениях он был со Ждановым и его семьей. Если в хороших, то супруга Жданова, уж верно, рассказала бы ему про споры вокруг диагноза. Если в плохих — нет. Кузнецов должен был знать, что существовала какая-то жалоба, что Егоров собирал совещание, которое признало его правоту, после чего инцидент был исчерпан. Едва ли Кузнецов вникал в существо конфликта, возможно, даже не знал, что жалоба была адресована в МГБ.

И тут он получает письмо Тимашук, где та подробнейшим образом рассказывает о ходе конфликта.

Документ 10.5.

«28/VIII с/г по распоряжению начальника Лечебно-Санитарного Управления Кремля, я была вызвана и доставлена на самолете к больному А. А. Жданову для снятия электрокардиограммы (ЭКГ) в 3 ч.

В 12 час. этого же дня мною была сделана ЭКГ, которая сигнализировала о том, что А. А. Жданов перенес инфаркт миокарда, о чем я немедленно доложила консультантам академику В. Н. Виноградову,

проф. Егорову П. И., проф. Василенко В. Х. и д-ру Майорову Г. И.

Проф. Егоров и д-р Майоров заявили, что у больного никакого инфаркта нет, а имеются функциональные расстройства сердечной деятельности на почве склероза и гипертонической болезни и категорически предложили мне в анализе электрокардиограммы не указывать на инфаркт миокарда, т. е. так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих электрокардиограммах.

Зная прежние электрокардиограммы тов. Жданова А. А. до 1947 г., на которых были указания на небольшие изменения миокарда, последняя ЭКГ меня крайне взволновала, опасение о здоровье тов. Жданова усугубилось еще и тем, что для него не был создан особо строгий постельный режим, который необходим для больного, перенесшего инфаркт миокарда, ему продолжали делать общий массаж, разрешали прогулки по парку, просмотр кинокартин и пр.

29/VIII, после вставания с постели у больного Жданова А. А. повторился тяжелый сердечный приступ болей, и я вторично была вызвана из Москвы в Валдай. Электрокардиограмму в этот день делать не разрешили, но проф. Егоров П.Ив. в категорической форме предложил переписать мое заключение от 28/VIII и не указывать в нем на инфаркт миокарда, между тем ЭКГ явно указывала на органические изменения в миокарде, главным образом на передней стенке левого желудочка и межжелудочковой перегородки сердца на почве свежего инфаркта миокарда. Показания ЭКГ явно не совпадали с диагнозом "функционального расстройства"».

Это поставило меня в весьма тяжелое положение. Я тогда приняла решение передать свое заключение в письменной форме Н. С. Власик через майора Белова А. М. — прикрепленного к А. А. Жданову — его личная охрана.

Игнорируя объективные данные ЭКГ от 28/VIII и ранее сделанные еще в июле с/г в динамике, больно-

му было разрешено вставать с постели, постепенно усиливая физические движения, что было записано в истории болезни.

29/VIII больной встал и пошел в уборную, где у него вновь повторился тяжелый приступ сердечной недостаточности с последующим острым отеком легких, резким расширением сердца и привело больного к преждевременной смерти.

Результаты вскрытия, данные консультации по ЭКГ профессора Незлина В. Е. и др., полностью совпали с выводами моей электрокардиограммы от 28/VIII-48 г. о наличии инфаркта миокарда.

4/IX-1948 г. начальник ЛечСанупра Кремля проф. Егоров П. И. вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии глав. врача больницы В. Я. Брайцева заявил: "Что я Вам сделал плохого? На каком основании Вы пишете на меня документы. Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство и министр здравоохранения, а потому Ваш документ мне возвратили. Это потому, что мне верят, а вот Вы, какая-то Тимашук, не верите мне и всем высокопоставленным консультантам с мировым именем и пишете на нас жалобы. Мы с Вами работать не можем, Вы не наш человек! Вы опасны не только для лечащих врачей и консультантов, но и для больного, в семье которого произвели переполох. Сделайте из всего сказанного оргвыводы. Я Вас отпускаю домой, идите и подумайте!"

Я категорически заявляю, что ни с кем из семьи тов. А. А. Жданова я не говорила ни слова о ходе лечения его,

6/IX-48 г. начальник ЛечСанупра Кремля созвал совещание в составе академ. Виноградова В. Н., проф. Василенко В. Х., д-ра Майорова Г. И., патологоанатома Федорова и меня. На этом совещании Егоров заявил присутствующим о том, что собрал всех для того, чтобы сделать окончательные выводы о причине смерти А. А. Жданова и научить, как надо вести себя в подобных случаях. На этом совещании пр. Егоров еще раз упомянул о моей «жалобе» на всех здесь присут-

ствующих и открыл дискуссию по поводу расхождения диагнозов, стараясь всячески дискредитировать меня как врача, нанося мне оскорбления, называя меня «чужим опасным человеком».

В результате вышеизложенного, 7/X-48 г. меня вызвали в отдел кадров ЛечСанупра Кремля и предупредили о том, что приказом начальника ЛечСанупра с 8/X с/г я перевожусь на работу в филиал поликлиники.

Выводы:

1) Диагноз болезни А. А. Жданова при жизни был поставлен неправильно, т. к. еще на ЭКГ от 28/VIII-48 г. были указания на инфаркт миокарда.

2) Этот диагноз подтвердился данными патологоанатомического вскрытия (д-р Федоров).

3) Весьма странно, что начальник ЛечСанупра Кремля пр. Егоров настаивал на том, чтобы я в своем заключении не записала ясный для меня диагноз инфаркта миокарда.

4) Лечение и режим больному А. А. Жданову проводились неправильно, т. к. заболевание инфаркта миокарда требует строгого постельного режима в течение нескольких месяцев (фактически больному разрешалось вставать с постели и проч. физические нагрузки).

5) Грубо, неправильно, без всякого законного основания профессор Егоров 8/1X-с/г убрал меня из Кремлевской больницы в филиал поликлиники якобы для усиления там работы.

Зав. кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы врач Л. Тимашук».

Я не зря привожу это письмо целиком — оно очень умно составлено. На самом деле все было так, да чуть-чуть не так. Консультанты не подтвердили вывод Тимашук, не подтвердил его напрямую и патологоанатом. Мы рассматривали события, как они происходили в действительности, и нас не удивило, что делу не был дан ход. Однако в изложении Тимашук ситуация выглядит немного по-другому, но это «немного» приводит к вполне однозначному выводу: МГБ про-

сто обязано провести следствие по делу о возможном убийстве Жданова (напоминаю, дело «кремлевских врачей» образца 1938 года было у всех на памяти). Обязано — но не провело. Почему?

(Кстати, к вопросу о том, в каком архиве хранилось письмо Тимашук. В 1952 году следователи МГБ вовсе не обязательно пользовались первым письмом. Возможно, они использовали ее письмо Кузнецову, которое вполне могло попасть в «ленинградское дело».)

Как известно, невинные и виновные ведут себя в одних и тех же ситуациях совершенно по-разному. Недаром говорят, что у страха глаза велики. Если за человеком числится что-то неположенное, ему все время кажется, что его подозревают, что спокойствие обманчиво, там, в глубине, плетутся против него тайные сети... Если Кузнецов имел причины скрывать факт визита к Жданову в день его смерти, у него сразу же должно было возникнуть подозрение, что на самом деле все это хитрые маневры, следствие идет, и, если внимание Абакумова и Сталина привлечет этот визит, неизвестно, до чего они докопаются.

Мы говорим: «Если за человеком числится что-то неположенное». Но ведь за Кузнецовым оно и в самом деле числилось! Короче говоря, если это письмо написано, чтобы *пугнуть* Кузнецова, оно должно было достичь цели.

Да, но зачем МГБ понадобилось пугать Кузнецова? А вот тут надо знать некоторые особенности тогдашнего государственного устройства.

Питерский исследователь, коммунист Владимир Соловейчик рассказал мне, что первый компромат на Кузнецова Сталин получил еще в начале 1948 года. Предоставил его человек, против которого даже у секретаря ЦК средства не было — министр госконтроля Мехлис, бывший секретарь Сталина, один из тех людей, кому вождь доверял безгранично. О Министерстве госконтроля известно мало, но есть основания считать, что это была личная спецслужба главы государства.

Мехлис и раскопал огромную кучу компромата на ленинградских лидеров — в основном чисто экономического. Воровали в славном городе на Неве так, что жуть брала. На

неучтенных трофеях делались совершенно умопомрачительные бабки, и это был не единственный источник дохода. Пустячок, а приятно: директор одного из ленинградских заводов преподнес товарищам Кузнецову, Попкову и кому-то еще по большой золотой шашке для них лично и по маленькой шашечке для сыновей. А где воровство покрупному, там редко обходится без политического криминала. Мало кто знает, но основной причиной развала СССР в 1991 году было желание первых лиц республик уйти от ответственности за экономические злоупотребления совершенно фантастических масштабов. После того как на всю страну прогремело «дело Рашидова», первого секретаря компартии Узбекистана, которого даже высокий партийный пост не спас от ответственности, прочие первые секретари и брызнули в разные стороны вместе с вверенными им республиками...

...Мехлис свое дело сделал, а заниматься политической частью должно было МГБ. Вот только МГБ не имело права разрабатывать людей, входивших в партийную номенклатуру, без санкции Политбюро. А Политбюро для санкции нужны были железные основания. Но как можно предоставить эти самые основания, если нельзя производить никаких мероприятий, даже вести агентурную разработку? Получался замкнутый круг. Можно, конечно, махнуть рукой и привлечь ленинградских руководителей за экономические преступления — но почему они ведут такие упорные разговоры о создании РКП?

МГБ оказалось в оперативном тупике. Но Абакумов, мастер *игры*, имел в арсенале самые разнообразные приемы. В том числе и очень простой, но эффективный: пугнуть подозреваемого и посмотреть, что получится. И если Кузнецов был на подозрении, то письмо Тимашук вполне могло сыграть роль такой вот пугалки. Если человек не виноват — он примет меры по письму и забудет о нем. Но коли виноват, то неминуемо занервничает. И что дальше? А дальше все зависит от опыта. Старый конспиратор уйдет на дно, будет вести себя тише воды, ниже травы, никуда не ходить, ни с кем не общаться. А неопытный поступит с точностью до наоборот — пойдет на поводу у настоятельной потребнос-

ти посоветоваться. Тем более ситуация неоднозначная — может быть, все кончится ничем, а возможно, они на пороге провала. Кузнецов — начальник Управления кадров, он имел возможность рассадить своих сторонников по всей стране и теперь попытается их собрать. Стало быть, надо отслеживать массовые мероприятия, в которых...

И тут грянула Ленинградская оптовая ярмарка. Недозволенная, нелепая, разорительная затея, организаторы которой отлично знали, что за такое мало не покажется. Зато позволяющая собрать людей со всей страны.

Если эти рассуждения верны, то ярмарка и в самом деле явилась стартом «ленинградского дела». Дальнейшее было уже чисто техническим вопросом. Кузнецова со товарищи сняли с высоких постов, а когда они вышли из-под защиты номенклатурных привилегий, стали разрабатывать, как простых смертных.

Косвенно в пользу этой версии свидетельствует еще один совершенно замечательный документ, который 29 января 1952 года Игнатьев прислал на утверждение Маленкову.

Документ 10.6.

«В архивах некоторых органов МГБ хранятся дела на лиц, занимающих в настоящее время ответственные посты в партийном и советском аппаратах. Дела эти состоят в основном из показаний арестованных за 1937-1938 гг., анонимных заявлений и других материалов, трудно поддающихся проверке.

Есть дела производства бывших экономических отделов НКВД-УНКВД, в которых неудачные мероприятия честных советских специалистов преподносились агентурой, как вредительские акты, ничем в последствии не подтвердившиеся.

Все эти материалы при выдвижении проходящих по ним лиц на ответственную партийную и советскую работу, как правило, партийными органами учитывались.

МГБ СССР считает целесообразным:

1. Изъять из архивов органов МГБ дела на лиц, занимающих в настоящее время ответственные посты в

партийном и советском аппаратах (секретарей и заведующих отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов и горкомов ВКП(б), председателей советов министров республик, председателей краевых и областных исполкомов, министров СССР, их заместителей и им равных) и снять их с общего оперативного учета в органах МГБ.

2. Поручить министрам государственной безопасности республик, начальникам УМГБ краев и областей лично просмотреть указанные дела и при отсутствии в них материалов, дающих основание подозревать проходящих по делам лиц в проведении вражеской или иной преступной деятельности, и, если на них после сдачи дел в архив не поступило других компрометирующих материалов, вынести соответствующее заключение и направить дела в МГБ СССР для хранения в особом фонде.

Материалы, не подтвердившиеся, а также не представляющие никакого оперативного интереса, вследствие их малозначительности и давности, уничтожить по акту.

Дела, в которых имеются материалы, вызывающие сомнение, либо требующие проверки по другим мотивам, а также на лиц, в отношении которых дополнительно поступили другие компрометирующие материалы, подвергнуть тщательной оперативной проверке. О результатах проверки доложить Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов ВКП(б) и поступить по их указаниям.

3. По делам, хранящимся в особом фонде МГБ СССР, справки выдавать только по запросам Центрального Комитета ВКП(б).

Обязать МГБ СССР, в случае поступления новых заслуживающих внимания материалов на лиц, проходящих по делам, хранящимся в особом фонде, предоставлять Центральному Комитету ВКП(б) исчерпывающую информацию по всем материалам. На лиц, снятых с ответственной работы в партийном и советском аппаратах, материалы из особого фонда передавать

соответствующим органам МГБ для оперативного использования в общем порядке.

4. Еще раз строго предупредить руководителей местных органов и центральных управлений МГБ СССР о том, чтобы агентура не направлялась на разработку лиц, работающих в партийных органах или занимающих ответственное положение в местных органах советской власти. Если от агентуры или из других источников в органы МГБ на указанных лиц будут поступать материалы инициативно, докладывать их Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и поступать с такими материалами по их указанию».

Особо, конечно, интересен п. 4, но и остальные неплохи. И тут ко времени будет вспомнить странные командировки в Узбекистан заместителей министра ГБ — сперва Гоглидзе, а потом Огольцова. Записка датирована 29 января, а Огольцов назначен министром ГБ Узбекистана в середине февраля. Случайность?

Что здесь любопытного? Пункт назначения. Столицей Узбекистана, как известно, является Ташкент, а именно Ташкент был основным местом эвакуации для разного рода важных персон советского государства. С началом войны наркомом внутренних дел в эту республику был назначен Амаяк Кобулов, брат Богдана Кобулова, высокопрофессиональный разведчик. В узбекских архивах должно было накопиться много интересного...

А в целом этот документ можно рассматривать как свидетельство заботы о том, чтобы «ленинградское дело» не могло повториться. Убрать из архивов «органов» весь компромат на партийных деятелей, даже устаревший — кто знает, как все эти невинные с виду сведения станут «работать» в случае появления нового компромата? Собрать всю информацию в особом архиве (заодно почистив), поставить работу по ней под тщательный контроль партийных деятелей. И вывести на будущие времена их всех из сферы действия МГБ.

Притом, что практически все заговоры в СССР зарождались в партийной и государственной верхушке.

Делая, это настолько нелепое предположение, что, на первый взгляд, оно полностью лишено смысла. Но только так можно объяснить все до единого факты в деле. Выслушав, ты сама будешь удивлена, почему мы раньше до этого не додумались

Эрл Стенли Гарднер

Глава 11

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ

На девяносто процентов конспирология — это, конечно, шиза. Но заговоры все же случаются — сие есть объективная реальность, спорить с которой бессмысленно.

Сразу после революции их развелось очень много, ибо в России и за ее пределами существовало огромное количество людей, которые не прочь были бы вернуть то, что отняли у них большевики. До конца 20-х годов заговорщиков, связанных с прежней Россией, постепенно вылавливали, пока они не закончились — поскольку любая группа, которая убывает и не воспроизводится, когда-нибудь приходит к концу.

Но одновременно формировалась другая питательная почва для заговоров — причем это была система, которая воспроизводилась ровно в той мере, в какой убывала. Называлась она «аппарат ВКП(б)» — пользуясь терминологией Оруэлла, «внутренняя партия», члены которой часто занимали и государственные посты.

Партия и государство: эволюция конфликта

Борьба за власть внутри советской верхушки шла с самого начала — и еще какая!

Первым водоразделом стало отношение к мировой революции и к России в ее контексте. Обозначилось это различие еще летом 1917 года, на VI съезде партии, и затем лишь углублялось. Очень грубо говоря, после завоевания власти партийцы-большевики разделились на две группы. Одни считали, что всю силу и энергию партии и страны следует направить на дело разжигания мировой революции, а Со-

ветская Россия должна служить лишь вязанкой хвороста для раздувания всемирного пожара. Другие, не отрицая мировую революцию, предпочитали основные усилия направить на то, чтобы привести в порядок доставшуюся им страну Различие тут чисто психологическое: одни люди предпочитают воевать, а другие строить. Ситуация общая для всех революций, и заканчивается она, как правило, истреблением тех, кто так и не смог успокоиться. Недаром даже афоризм существует: «Революция пожирает своих детей».

Вождями первой группы были профессиональный революционер Троцкий, человек с явно демонстративным характером, огромными амбициями и не менее огромными связями, и Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна и первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). Прочие, вроде Каменева и Бухарина, являлись больше деятелями «разговорного» жанра, а эти — товарищи чрезвычайно *конкретные*. Силу они представляли нешуточную. Первый, как бывший наркомвоен, имел множество сторонников в армии и, по старой памяти, огромные международные связи. Второй, как ближайший соратник Ленина — столь же мощное лобби в партии, не считая, само собой, Коминтерна. Сию контору у нас практически не изучают и, в общем-то, недооценивают, а зря. Именно на Коминтерн было завязано международное коммунистическое движение, практически вся зарубежная разведка, он имел и боевиков-террористов, которых при необходимости можно было «развернуть» внутрь страны. Ну и Ленинград, вторая столица, значил немало — при желании в нем можно было создать параллельное правительство, перехватив власть у Москвы.

Во главу второй группы — «государственников» — очень быстро выдвинулся Сталин. Опирался он, в основном, на партийные (и отчасти беспартийные) низы, а со сторонниками «наверху» у него долгое время было не так чтобы очень хорошо. Сталинская группа располагалась по центру, между достаточно большими группами «правых» и «левых» деятелей. Каюсь, я так и не поняла, чем «уклонисты» по большому счету друг от друга отличались, а объединяла их активная нелюбовь к Сталину, над чем он немало в свое время смеялся. Но потом стало не до смеха.

Считается, что первый бой оппозиция попыталась дать партии еще в 1923 году. Хотя и до того имели место какие-то стычки, возникали некие полулегальные группы, но все же первым серьезным конфликтом стало известное «письмо 46-ти». В этом чрезвычайно пространном документе единственным конкретным требованием являлась свобода дискуссий. Надо полагать, что от дискуссий к тому времени озверели все, потому что последовавшую вслед за тем внутрипартийную разборку оппозиция с треском проиграла. Если бы ее деятелей тогда же исключили из партии и отправили в места глухие и отдаленные, на этом бы все и закончилось. Но не исключили и не отправили — у членов правящей группировки недостало цинизма, чтобы переступить через память о совместной борьбе.

В 1927 году оппозиция перешла в более решительное наступление — ровно с тем же результатом, что и в 1923-м. После чего правящая команда преодолела часть имеющихся у нее комплексов, и противников «линии партии» стали снимать с работы и отправлять в глубины российских просторов — благо места в стране много. Оппозиция, в свою очередь, начала постепенно (по мере разгрома очередного «направления») переходить к нелегальной работе, достаточно быстро сообразив и все преимущества объединения. В СССР появилась «вторая партия», нелегальная и противопоставившая себя первой. По мере обострении конфликта ее методы становились все более острыми, пока не дошли до прямой подготовки государственного переворота. Со «второй партией» боролись — сперва менее, а потом более успешно и, в конце концов, зачистили в ходе репрессий.

Но параллельно в верхних эшелонах советского общества формировался заговор. Самый настоящий, разветвленный, с группами в ОГПУ - НКВД, в армии, в партии, во властных структурах. Начало его можно отнести не позже, чем к 1927 году — именно в этом году Авель Енукидзе, человек, занимавший очень высокий государственный пост, вербовал в заговорщики Тухачевского (последний сам рассказывал об этом на следствии).

Заговор, как уже говорилось, включал в себя несколько групп. Самые известные (и самые бестолковые, ибо насквозь

политизированы) были троцкисты. Кроме них, имелась группа в органах, которой руководил нарком внутренних дел Ягода, несколько военных групп (согласно показаниям Ежова на следствии, три: Тухачевского, Якира и Егорова) и какие-то люди в государственном аппарате.

Заговор, связанный с первым расколом партии большевиков, разгромили в ходе «тридцать седьмого года» — но не до конца. «Испанский» заговор, например — это явно какое-то щупальце «военной группы», недогрызенное НКВД в ходе репрессий. Да и связи маршала Жукова тянутся именно к «группе Тухачевского».

...Но если бы одними только оппозиционерами все ограничилось! Параллельно в стране вызревал другой, ничуть не менее опасный раскол.

Далеко не все «старые революционеры» ушли в оппозицию. Большинство поддерживали «генеральную линию», иные искренне, другие — постольку, поскольку ее колебания никак не влияли на их личное положение. Многие из этих людей с дореволюционным партийным стажем выдвинулись «наверх», но весьма немногие из них имели необходимые для решения все усложняющихся задач образование и деловые качества. В итоге основным методом борьбы со всеми проблемами на советских просторах оставалась грубая сила. Пока жизнь в СССР строилась по «чрезвычайным» законам, такое положение еще как-то можно было терпеть. Но с окончанием коллективизации задачи, решаемые «кавалерийскими» методами, окончательно иссякли, а сами методы остались. Культивировала их, в основном, партийная верхушка, поскольку для работы в формирующемся государственном аппарате люди отбирались исходя из деловых качеств, а в партии в ходу были партстаж, заслуги, участие в Гражданской войне и пр. И чем более нормальным государством становился СССР, тем очевиднее было, что партаппарат профессионально непригоден для того, чтобы им управлять. К середине 30-х годов, когда государственный аппарат более-менее сформировался, вопрос о власти стал со всей остротой.

До сих пор власть в СССР осуществлялась весьма своеобразно. Государственная машина образца 20-х годов была

практически неуправляема, а партия управляема, зато не имела властных полномочий. Выходом стал остроумный механизм: все люди, занимавшие ответственные посты, становились членами партии и если не выполняли решения Совнаркома в порядке государственной дисциплины, то поневоле выполняли решения Политбюро в порядке дисциплины партийной. Так что по факту страной руководило Политбюро, вообще не имевшее формальных властных полномочий. Поскольку оно персонально совпадало с верхушкой Совнаркома, проблем «двоевластия» на самом верху не возникало. Проблема была в другом — в статусе Политбюро.

Государственная иерархия строилась, как положено нормальной властной структуре, — полномочия передавались сверху вниз. А вот в партии все было с точностью до наоборот — они делегировались снизу вверх. Высшим органом партии, если кто не помнит, являлся съезд, который избирал Центральный Комитет, а уже тот выделял из своего состава Политбюро и имел над ним полную власть. Сталинскую команду во главе с ним самим могли попросить очистить кремлевские кабинеты на любом пленуме. И то, что этого пока не происходило, объяснялось двумя вещами: эффективной работой команды и культом личности ее вождя. Но глупо было обольщаться насчет стабильности такого положения: оно сохранится ровно до той минуты, когда сталинская политика пойдет вразрез с интересами большинства ЦК. А большинство как раз и составляли те самые «старые революционеры, верные генеральной линии» — малообразованные, амбициозные, склонные к силовым методам и приверженные идеям революции так, как они эти идеи понимали.

Малообразованными, кстати, они были не по нынешним меркам, когда недостаточным образованием считается десять классов за плечами. Вот, скажем, Роберт Эйхе, секретарь Западно-Сибирского крайкома, хозяин колоссального края. Сын батрака, образование — двухклассное начальное училище. Станислав Косиор, «хозяин Украины» — начальное заводское училище. Недоброй памяти нарком внутренних дел Ежов, секретарь ЦК, писал в анкетах: «образование неполное низшее» — понимай как хочешь. И таких в партий-

ной верхушке было подавляющее большинство. К февраль¬ско-мартовскому пленуму 1937 года зав. отделом кадров ЦК ВКП(б) Маленков подготовил записку, в которой говорилось об образовательном уровне партийного аппарата. Среди секретарей обкомов высшее образование имели 15,7 процента, а низшее — 70,4 процента. На городском уровне это соотношение было 9,7 и 60,6 процентов соответственно, на районном — 12,1 и 80,3 процента. Для сравнения: в 1922 году среди уездных секретарей, что примерно соответствует должности секретаря райкома, высшее образование имели 5% и среднее — 8%. Как видим, за пятнадцать лет воз практически не сдвинулся. Эти люди не только раньше ничему не учились, но и потом не желали. Между тем именно данные товарищи руководили всей жизнью страны, в том числе и государственным аппаратом.

Долго такое положение сохраняться, естественно, не могло. Тем более что устранение партии от дел имело под собой железное идеологическое обоснование. Изначально большевики были куда большими демократами, чем кто-либо в то время, и стояли за прямое народовластие. Когда жизнь внесла поправки в их воздушные замки, они смирились с нелегитимной, не записанной в конституции властью партии — но рассматривали ее как временное явление. Как в первой, так и во второй советской конституции ни слово «партия», ни ее название не присутствуют вообще, в конституции 1936 года она упоминается как общественная организация, и только после 1953 года в Основной закон СССР была внесена приснопамятная 6-я статья о «руководящей и направляющей роли» КПСС. По замыслу творцов 1917 года, партия должна была привести страну в порядок и тихо уйти со сцены, передав штурвал законным демократическим структурам. Однако, вкусив сладость власти, большинство партийных функционеров постарались об этом забыть. Тем более что вне партии им мало что светило.

К середине 30-х годов Сталин, решив, по-видимому, что государственный аппарат достаточно окреп и новый строй утвердился, начал преобразования, которые иначе, как контрреволюционными, не назовешь. В самых разных областях жизни революционные новшества стали изживаться, выдав-

ливаться из обихода, заменяясь традиционными ценностями. Троцкий, сидя за границей, с явным ужасом и скрытым торжеством констатировал сталинские «предательства»: материальное стимулирование, личную собственность колхозников, «реабилитацию» семьи, отмену «классового подхода», восстановление казачества и пр., и возмущенно предвидел примирение власти с церковью. Книгу, написанную в 1936 году, он назвал «Преданная революция» — и не был в этом названии неправ. Кстати, и преследования церкви к началу 1937 года практически сошли на нет. «Главный безбожник» СССР Емельян Ярославский горько жаловался на февральско-мартовском пленуме на то, что закрыли последнюю его газету «Безбожник» — мол, нет бумаги... Людям, приверженным идеалам и методам революции, в сталинском СССР становилось нечего делать.

Впрочем, партийные функционеры образца 30-х годов были уже далеко не столь пламенными, как в семнадцатом году и на отход от идеалов революции не реагировали никак. Но кроме отхода от идеалов, Сталин задумал установить в Советском Союзе широчайшую демократию, такую, какой не было в ту пору нигде в мире. В частности, новый советский избирательный закон предполагал сделать выборы в Советы равными (избирательные права получало все население СССР, без каких-либо классовых, национальных, образовательных и имущественных различий), прямыми, тайными и альтернативными. До сих пор вождь правил, опираясь на партию, а теперь, похоже, собирался сменить опору. Могла ли это допустить партийная верхушка — вопрос риторический.

По ходу преобразований и начал формироваться в партии «заговор первых секретарей». Я ставлю его в кавычки, ибо не уверена, что это был настоящий формализованный заговор, нацеленный на захват власти. Государственная власть этих людей, в общем-то, не интересовала, они хотели сохранить свое положение и обеспечить себе безопасность. Да и направлен он был не против Сталина — как раз Сталин-то был им нужен, — а против его преобразований. В первую очередь против избирательного закона, с помощью которого их могли лишить постов.

В схватке с такой мощной силой, как Центральный Комитет, Сталин не имел шансов. И тогда он подготовил удар внезапный и неожиданный, причем такой, которому очень трудно было что-либо противопоставить. На февральско-мартовском пленуме 1937 года сталинцы, якобы в порядке подготовки к выборам в Советы, продавили такие же — то есть равные, прямые и тайные — выборы в партии, которые были назначены на весну 1937 года. Теперь возникла угроза уже каждому отдельному партийному деятелю, причем не только его положению, но и личной безопасности, ибо с утратой высокого партийного поста его обладатель утрачивал и личную неприкосновенность. И покатилось...

Естественно, партия не была монолитна, в ней существовали различные группировки. В ходе подготовки к выборам они сцепились уже по-настоящему, с привлечением НКВД. Поскольку параллельно полным ходом шла кампания по выявлению оппозиционного подполья, в органах обстановка также была подходящей. Следствием этой избирательной кампании стало то, что потом назвали репрессиями в партии, — на самом деле это была кровавая разборка между группировками, основным оружием в которой стали уже не обвинения на партсобраниях, а доносы в НКВД. Предвидел ли это Сталин или надеялся отрешить прежних аппаратчиков от власти мирным путем — теперь не узнать.

Однако сдаваться «партийные бароны» не собирались. На июньском пленуме 1937 года они нанесли по сталинским планам удар жестокий и страшный. За день до окончания пленума один из них — первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Эйхе, — ссылаясь на то, что органы НКВД обнаружили в регионе контрреволюционную организацию, потребовал особых полномочий на проведение «чистки» во внесудебном порядке («особыми тройками») и с применением расстрела. Отказать ему Политбюро не могло — на следующий день Эйхе обратился бы к пленуму, и тогда неизвестно, чем бы все это закончилось. Существуют косвенные свидетельства, что после пленума аналогичные требования выдвинули и другие секретари. Это был старт массовых репрессий. Другой цели, кроме как сорвать альтернативные выборы в Советы, у этой операции просто не

просматривается. (Подробнее об этом см. мою книгу «Творцы террора».)

Следующий удар нанес Сталин. После пленума по стране поехали проверяющие от ЦК якобы контролировать ход репрессий — а на самом деле они их корректировали, обращая острием против самих организаторов террора. А потом, когда все закончилось, новый нарком внутренних дел Берия прошел по полю битвы, зачищая остатки. Что касается заговора — то вроде бы в сердцевине всей этой круговерти существовала какая-то организованная группа. По крайней мере, в связи с неким «подпольем» всплывают имена наркома внутренних дел Ежова, партсекретарей Евдокимова, Косиора, Эйхе. Если судить по показаниям Ежова, поначалу эта группа существовала отдельно от старой оппозиции, и лишь немцы, на которых работал нарком, связали его с людьми из «военной группы».

А одним из самых кровожадных первых секретарей был не кто иной, как Никита Сергеевич Хрущев. Репрессии в Москве, а потом на Украине вошли в число самых жестоких. Вот и вопрос: состоял ли он в заговоре или же следовал велениям души?

После 1937 года на смену выбитым в ходе репрессий пришло новое поколение партийных аппаратчиков. (Правда, они тоже выросли не на пустом месте. Тот же Кузнецов в 1937 году хорошо приложил руку к репрессиям. Владимир Соловейчик рассказывал историю человека, которого Жданов, секретарь обкома, велел не трогать, а Кузнецов, попросту наплевав на Жданова, отправил на пятнадцать лет в лагерь.) Это поколение хотело уже совершенно конкретных вещей — денег, хорошей жизни, власти. Добиться всего этого им мешала сталинская система, не дававшая отдельному человеку возможности работать на себя. К этому поколению относились Кузнецов, Попков, Игнатьев и большинство их соратников по ЦК.

К началу 30-х годов оппозиция, состоявшая из разрозненных групп, объединилась. Точно так же, судя по событиям 1953 года, после войны объединились остатки прежних заговоров и новая оппозиция. И принялись готовиться к захвату власти.

И последний вопрос: на кого опирались заговорщики? Самая широкая социальная база была у «параллельной партии» образца 1927 года. Но даже они крутили шашни со всеми иностранцами, до которых могли дотянуться: поляками, французами, англичанами и, в первую очередь, с немцами. Тухачевский дружил с рейхсвером, а Ежов получал задания уже от германских правительственных структур. А новые заговорщики — есть ли хоть какие-то сведения, что они опирались на заграницу?

Прямых сведений нет, есть лишь косвенные. Это германские события, подозрительно похожие на провокацию. Это последующая деятельность Хрущева, словно бы специально нацеленная на удар по самым уязвимым точкам советского государства. Это «идеологическая Хиросима» XX съезда. Наконец, это весьма странный состав арестованных по «делу Берия».

Если Гоглидзе, Богдан Кобулов, начальник Следственного управления Влодзимирский, Мешик, бывший в то время министром внутренних дел Украины, и Деканозов, занимавший тот же пост в Грузии, хотя бы теоретически могли быть опасными свидетелями, то в чем причина ареста Амаяка Кобулова, не участвовавшего напрямую в делах госбезопасности? Более того, его не убили, как остальных, в декабре 1953 года, а допрашивали еще целый год. Он был приговорен к высшей мере 1 октября 1954 года, а расстрелян спустя еще пять месяцев — 26 февраля 1955-го. За что этому человеку, не самому видному члену бериевской команды, такая честь?

Замечательны в его биографии только две вещи. Во время войны он являлся наркомом внутренних дел Узбекистана (помните паломничество Гоглидзе и Огольцова в Ташкент?), а также был тесно причастен к атомному шпионажу, работал на стыке науки и разведки. Меркулов, Богдан Кобулов, Влодзимирский имели отношение к ГУСИМЗ, а Мешик являлся заместителем Берии по атомному проекту. Всех арестованных взяли в течение двух — трех дней после переворота, кроме Меркулова, который был арестован лишь три месяца спустя, 18 сентября. Хрущевцы явно пытались о чем-то с ним договориться.

Не слишком ли много среди арестованных людей, тесно причастных к атомным делам? О чем хотели договориться с Меркуловым? О чем Амаяка Кобулова целый год расспрашивали на допросах? А остальных о чем спрашивали? О «преступлениях Берии», которые и без того прекрасно нарисовал генпрокурор Руденко? Или о том, кто работал на советскую атомную разведку в Америке?

Заговорщики, не имеющие социальной базы внутри страны, всегда опираются на заграницу. Иначе им никак. А спецслужбы всегда используют таких людей для шпионажа. Глупо, знаете ли, не воспользоваться...

Последняя спецоперация Сталина

Реконструкция событий

Итак, после войны в партийно-государственной верхушке Советского Союза консолидировался новый заговор. Его члены стали готовиться к перехвату власти по тому сценарию, который позднее был реализован в ходе «перестройки».

Когда Сталин начал догадываться о происходящем? МГБ было лишено права разрабатывать высокопоставленных партаппаратчиков, но Министерство госконтроля работало вовсю. Да и «ленинградцы» сглупили, начав в открытую говорить о создании РКП. Вообще, судя по тому, как они действовали, это были люди больших амбиций, но невеликого ума. Для такого опытного человека, как Сталин, ничего не стоило сопоставить эти разговоры с кадровой политикой Кузнецова и сообразить, что к чему

Гипотеза 1. Воспользовавшись историей с письмом Тимашук, Сталин и Абакумов заставили «ленинградцев» занервничать и спровоцировали их на очень большую глупость: Кузнецов и Родионов под прикрытием ярмарки собрали в Ленинграде нелегальное совещание своей группы. Немножко присмотрев за тем, кто с кем встречается, МГБ смогло очертить круг предполагаемых заговорщиков. Затем, воспользовавшись ярмаркой, главный действующих лиц сняли с высоких постов и принялись разрабатывать уже всерьез.

Гипотеза 2. Письмо Тимашук Кузнецову не имеет отношения к раскрытию заговора. Сталин просто воспользовал-

ся ошибкой кузнецовской команды, чтобы снять их с занимаемых постов.

В ходе «ленинградского дела» удалось выявить и уничтожить основных заговорщиков кузнецовской группы. Однако прочие группы остались в целости и сохранности. По-видимому, в этом вопросе «ленинградцы» все же соблюдали конспирацию, и связи с другими ветвями заговора были известны всего нескольким членам арестованной группы, которые сумели промолчать. У них был прямой резон молчать об оставшихся. Смертной казни в СССР не существовало, а Сталин старел. Что будет после его смерти, какое равновесие установится между партией и государством? Вполне может случиться, что оставшиеся на свободе заговорщики обретут большое влияние и вытащат своих арестованных соратников из тюрьмы. И кстати, такой расчет имел под собой все основания: если бы не указ от 12 января 1950 года, то Кузнецов, Родионов, Вознесенский в июле 1953-го вышли бы на свободу, восстановились в партии и на руководящей работе. Одного они не учли — того, что в СССР будет восстановлена смертная казнь.

Позднейшие события выявили еще три группы заговорщиков: «украинская» во главе с Хрущевым, «военная», которой руководил Жуков, и «партийная», базировавшаяся в аппарате ЦК. К ней принадлежал Игнатьев, а кто там правил бал, мы не знаем. Существовала и группа в МГБ. «Дело Абакумова» выявило принадлежность к ней Рюмина, «дело врачей» — Огольцова, а события 26 июня — Серова.

Безусловно, Сталин должен был догадываться, а может быть, и знал, что существуют другие группы. Но поименный их состав ему, по-видимому, не был известен. Иначе все обошлось бы проще: изобрели бы с Абакумовым еще парочку провокаций и взяли всех.

МГБ продолжало вести следствие — трудно сказать, насколько успешно. Однако заговорщики-то не знали, насколько результативны расследования МГБ, зато хорошо знали профессиональный уровень Абакумова. Так что само существование абакумовского МГБ служило для них провокацией, и не надо быть великим оракулом", чтобы предвидеть, что у них вот-вот не выдержат нервы.

Как они станут действовать? Пока жив Сталин, о государственном перевороте думать не приходилось. Обезопасить себя заговорщики могли только одним образом: ударить по МГБ. Причем простой способ, такой, как убийство Абакумова, ничего не давал — в курсе расследования наверняка находились и другие работники следчасти по ОВД, а всех не перебьешь. Скорее всего, следовало ждать какой-то провокации, целью которой станет отстранение Абакумова и его людей от работы, а потом заговорщики постараются взять под контроль **МГБ** и обрубить концы.

Гипотеза. Предвидя подобное развитие событий, Сталин решил провести чисто воинскую операцию под названием «отступление». Военный энциклопедический словарь определяет это понятие так:

Цитата 11.1. ***«Отступление*** *— оставление войсками занимаемых рубежей и их отвод на новые рубежи в глубине своей территории в целях создания новой группировки сил и средств для последующих военных действий».*

Короче говоря, Сталин решил сдать заговорщикам МГБ.

Он, конечно, мог не санкционировать отстранение и арест Абакумова или организовать *настоящую* проверку работы министра. Однако слишком долгожданным было это наступление заговорщиков, которые, тем более, сами шли в ловушку. Если бы Сталин «прикрыл» Абакумова, рыба сорвалась бы с крючка — а ведь время работало не на вождя. Зато поддавшись на провокацию Игнатьева и К^0, он провоцировал заговорщиков на активные действия. Оставалось лишь дать им как следует увязнуть, а потом снять с постов, арестовать и начать разматывать заговор. Естественно, в этом случае подставляли под удар чекистов — но такая у них работа. На войне как на войне. А заодно, кстати, и проверку пройдут...

Кто, кроме Сталина, участвовал в подготовке операции? Первым номером следует назвать самого Абакумова — великолепного мастера *игры*, после войны работавшего в паре с вождем. Некоторые шаги позволяют вычислить и других разработчиков.

Едва ли заговорщики перешли бы в наступление до окончания или сразу после «ленинградского дела» — слишком естественной выглядела бы связь между ним и провокацией

против Абакумова. Надо было выждать какое-то время — но недолго, ибо МГБ-то работает и в любой момент может выйти на оставшиеся группы. Этот срок определялся, с одной стороны, необходимостью как можно дольше тянуть паузу, с другой — нервами заговорщиков. Однако несколько месяцев на подготовку у Сталина были.

Первым делом надо было посадить в МГБ «резидента» — человека, с одной стороны, непричастного к работе абакумовской команды (чтобы грядущая провокация ему ничем не грозила), а с другой, абсолютно надежного. В январе в Москву с Дальнего Востока переводят Гоглидзе — старого, но неявного члена бериевской команды. Для этой роли он подходил идеально. Во-первых, создавалось впечатление, что Гоглидзе у Берии в опале — начиная с 1939 года нарком гонял его по периферии, тогда как остальную команду держал в Москве.

Во-вторых, Гоглидзе поистине оказался нужным человеком на нужном месте. В «ленинградском деле» содержится одна-единственная конкретная цифра — 1938 год, дата создания «ленинградской» группы. Не самый лучший год для антипартийной деятельности — однако всякое бывает. Но как их, наделенных таким великим умом, упустили чекисты? Интересно бы посмотреть, кто в то время рулил Ленинградским УНКВД? И вот тут нас ожидает сюрприз: начальником городского УНКВД в то время был не кто иной, как Огольцов. Но это еще не все, ибо УНКВД области возглавлял... кто бы вы думали? Гоглидзе!

Он настолько производит впечатление «человека Игнатьева», что трудно заподозрить иное — единственным доказательством того, что этот человек работал на Берию, является его расстрел. Однако расстрел *является* доказательством, причем весьма убедительным. И если Гоглидзе был «засланным казачком» в игнатьевском МГБ, стало быть, в разработке операции принимал участие и Берия.

Итак, заговорщики сумели убрать Абакумова и других опасных для себя людей и взять в свои руки МГБ. На этом пути им сопутствовало редкостное везение — Игнатьев в то время занимал пост начальника отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, который позволил задействовать его в проверке и потом назначить министром.

Какое-то уж очень своевременное вышло назначение — как раз в 1950 году, и именно на этот пост, а потом в эту комиссию! Интересно, кто его туда поставил?

Точно не знаю, кто в то время рулил Управлением кадров, но приходилось слышать, что Игнатьев считался «человеком Маленкова». А поскольку в этом деле как-то уж слишком много случайностей, учитывать возможность *случайного* назначения мы все-таки не станем — без Маленкова, в то время «главного по партии», тут обойтись никак не могло. Тогда получается, что он либо входил в число заговорщиков, либо был в курсе операции. Однако, рассматривая хронику 26 июня, мы убедились, что, девять из десяти, Маленков не участвовал в подготовке переворота. Стало быть, он воевал на стороне Сталина. Этот человек вообще не так прост, как кажется на первый взгляд. Он был отменный психолог и хороший кадровик, и ничего удивительного, если он принимал участие в подготовке операции, вовремя поставив нужного человека на нужный пост. **(Конец гипотезы.)**

У заговорщиков, оказавшихся в МГБ, было две задачи. Первая — тщательно и умело фальсифицировать следственные документы, чтобы, пока тянется следствие, создавать иллюзию достоверности. И вторая — истребить из следственных дел все выходы на оставшихся на свободе подельников «ленинградцев». Ну, а потом останется только убрать свидетелей.

Однако самый главный контрразведчик Советского Союза оставался на свободе, поскольку был для заговорщиков недосягаем. По мало-мальски важным делам Сталин читал все протоколы и был полностью в курсе расследования. Неужели Игнатьев и компания рассчитывали его обмануть? Да, но... а откуда им было знать, насколько плотно Сталин курирует работу МГБ?

Это сейчас, когда написаны десятки книг, когда опубликована переписка Сталина с руководителями спецслужб, стало известно, кто на самом деле управлял органами. Но не факт, что это было широко известно в те времена. Абакумов, а до того Берия, а еще до того Ежов имели прямой выход на Сталина, без посредников. Донесения МГБ доставлялись ему лично, и никто, кроме министра и вождя, не знал, что содержится в этих конвертах. В курсе его контр-

разведывательной работы были единицы. Их можно перечислить поименно. До войны — Молотов, Берия. После войны — Берия, Абакумов, вероятно, Маленков, возможно, Мехлис, а потом Меркулов. И все. Так что Хрущев, Игнатьев, даже Огольцов могли попросту не знать, кто был главным контрразведчиком СССР, и рассчитывать, что удастся обмануть главу государства. Лишь когда Игнатьев оказался в должности министра ГБ, заговорщики должны были понять, кто такой Сталин в делах госбезопасности, — и то если вождь не прикинулся глупее и доверчивее, чем был на самом деле. А он, судя по тому, что послушно санкционировал все игнатьевские художества, именно таким и прикинулся...

Как бы то ни было, операция началась, теперь заговорщики могли идти только вперед.

Предельным сроком пребывания их в МГБ (и на свободе) было окончание «дела Абакумова». Не знаю, как Игнатьев, но и Огольцов, и Хрущев отлично понимали, что проверок, которыми в СССР сопровождалась передача дела в суд, оно не пройдет. Надо было срочно что-то придумать — а ничего не придумывалось. Убийство Абакумова, как мы уже говорили, ничего не решало, а если уничтожить всех, то не удастся спрятать концы, неминуемо начнется расследование со всеми вытекающими...

Гипотеза. Оставался один выход: чтобы спастись, надо уничтожить Сталина. С этой целью и стали осенью 1952 года раскручивать наполовину сдохшее к тому времени «дело врачей». Да, это безумный план — но выхода у заговорщиков не было. Для тех, кто находился в МГБ, речь шла о жизни и смерти. Вот ведь ирония судьбы: ни за превышение власти, ни за фальсификацию дел, ни даже за пытки вышка им не грозила. Но числилось за ними одно деяние, которое вписывалось в подрасстрельную статью об измене Родине — арест министра госбезопасности и дезорганизация работы министерства. Впрочем, после того, как они оказались бы на Лубянке, реабилитированный к тому времени Абакумов легко докопался бы и до остального.

Сталин был заинтересован в том, чтобы заговорщики увязли как можно глубже. Поэтому он не только делал вид, что верит им, но пошел на беспрецедентный и чрезвычайно

рискованный шаг — допустил по материалам *незавершенного* дела публикацию статьи о «врачах-убийцах», с явно антисемитским уклоном. Вождь прямо-таки нарывался на международный скандал, и можно себе представить, как взвыла после такой статьи западная пресса. Однако этот скандал позволял, когда настанет пора разбираться с МГБ, предъявить его руководству не только злоупотребления — но и то, что их действия являлись политической провокацией, которая повлекла за собой серьезные последствия для страны. **(Конец гипотезы.)**

17 февраля Игнатьев передал Сталину обвинительное заключение по «делу Абакумова». После этого допросы врачей прекратились — в них больше не было надобности. 17 февраля внезапно умер комендант Кремля генерал Косынкин, а Сталин заперся на даче.

Понимал ли он, что идет на риск? Конечно — однако Сталин был не просто человеком большого личного мужества, он был фаталистом. Кто не верит, почитайте, как вождь себя вел во время войны.

Вот и ответ на вопрос: был ли Сталин убит. Его смерть выглядела абсолютно естественной. Но сцепление фактов выявило вполне определенную логику событий, а логика событий гласит: *Сталин должен был умереть в течение нескольких дней после 17 февраля*. Ибо потом Игнатьев будет снят с поста министра и арестован, а уж на Лубянке из него вытащат все, что он знает.

Как известно, Сталин действительно умер через несколько дней после 17 февраля — совершенно естественной смертью. Какое совпадение, однако...

Впрочем, практически сразу выяснилось, что его смерть лишь отсрочила неизбежный конец заговорщиков. У Хрущева всегда так: решая одну проблему, он вляпывается в новую, худшую. Решая ее, увязает еще глубже...

Несбывшееся будущее

Послевоенное время изучено мало, а после 1950 года и вовсе лежит пустыня. Но о том, что в 1951 — 1952 годах жизнь

советской верхушки шла как-то не так, все время глухо упоминалось на июльском пленуме ЦК. Хрущев, Каганович, Ворошилов один за другим говорили, что в последнее время Сталин болел, отошел отдел. Микоян конкретизировал: последние два года. Действительно, из года в год сокращалось количество принимаемых им в Кремле людей и сам он все реже приезжал туда. Впрочем, это еще ничего не значит. Сталин работал и на даче, и в отпуске — он работал всегда.

Кое-что может прояснить решение Политбюро от 16 февраля 1951 года, где говорится:

Документ 11.1.

«Председательствование на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей председателя Совета Министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью председателя Совета Министров СССР тов. Сталина И.В.».

Естественно, сбросив с плеч безбрежную «текучку», Сталин мог позволить себе меньше бывать в Кремле, меньше принимать людей, что и дало возможность Хрущеву и другим утверждать на пленуме, что он-де болел и мало занимался делами. Однако говорили это люди, которые в то время не работали непосредственно рядом со Сталиным — Хрущев, Ворошилов, Микоян, Каганович. Те двое, кто был рядом и от имени Сталина принимал решения — Маленков и Булганин, — не сказали о его отходе от дел ни одного слова.

Юрий Жуков обратил внимание еще на один странный факт — в 1951 году внезапно прекратилось издание собрания сочинений Сталина. Более того, о нем перестали упоминать. Жуков объясняет это так:

«Вряд ли причиной прекращения работы над изданием послужили сложности составления очередного, четырнадцатого тома... Причину такого экстраординарного события можно объяснить иным — стремлением узкого руководства

выразить тем самым свое новое равнодушное отношение к тому, кто внешне еще почитался как живой бог. Но такое могло произойти лишь в одном случае — только тогда, когда Сталина отрешили бы от власти».

Ну, если все трое новых правителей были совсем уж идиотами — тогда да, конечно, они стали бы демонстрировать равнодушие таким вот странным способом. Но думаю, прекратить издание собрания сочинений Сталина мог только один человек — сам Сталин. Почему? Да по очень простой причине: не было времени. Он действительно старел, работоспособность падала. И вождь жертвовал теми делами, которые считал менее ценными — совнаркомовской «текучкой», редактированием своих сочинений, во имя... Во имя чего, кстати? Чем занимался Сталин в эти странные два года?

Ну, во-первых, он продолжал кое-какую прежнюю работу. Откроем книгу «Двести встреч со Сталиным». Там приводятся воспоминания авиаконструктора Яковлева, относящиеся к июню 1951 года.

Цитата 11.1. *«В 1951 году в серийном производстве и на вооружении Военно-воздушных сил находился истребитель МиГ-15 — основной реактивный стреловидный истребитель нашей армии... Мы тогда разработали несколько вариантов новых стреловидных истребителей, но все наши предложения встречали возражения Сталина...»*

Суть проблемы в том, что проекты Сталину представляло министерство. Устав общаться с вождем через посредника, Яковлев обращается с письмом к нему.

«Спустя три-четыре дня после отправки письма меня вызвал министр авиационной промышленности М. В. Хруничев...

— Только что звонил Сталин. Он получил и прочитал твое письмо. Сказал, что твое предложение очень интересное. Он удивлен тем, что ты предлагаешь истребитель с такой дальностью и продолжительностью полета... и обещал твое предложение поддержать...

И действительно, Сталин через два дня вызвал Хруничева, Артема Микояна и меня. В кабинете у Сталина были Булганин, Берия, Маленков. Сталин взял со стола мое письмо и прочитал его вслух...»

Дальше Яковлев рассказывает о ходе разговора. Сталин интересовался параметрами и конструктивными особенностями самолета, обсуждал вопрос об оснащении его радиолокатором. В принципе, обо всем договорились.

«30 июля в том же составе мы опять собрались у Сталина для рассмотрения и утверждения проекта постановления о постройке двигателя АМ-5 конструкции Микулина, двухместного реактивного барражирующего всепогодного и ночного перехватчика Як-25, модификации этого же самолета в качестве разведчика Як-25р, а также истребителя, послужившего основой известного истребителя МиГ-19...»

Что же мы видим? Сталин, «с пониженной работоспособностью», внимательно изучает все предложения Яковлева (надо полагать, идеи других конструкторов столь же внимательно изучались). Пока их представляет министерство, они отвергаются, но после того, как конструктор обращается лично к нему, Сталин (больной? В маразме? Отрешенный от власти?) читает письмо сразу по поступлении и решает вопрос в течение нескольких дней. Но все это мелочи по сравнению с тем, что началось потом...

«Проект постановления был послан Сталину заблаговременно. Он уже был с ним знаком и, почти не высказав никаких замечаний, заявил, что у него возражений нет.

В этот момент Берия раскрыл свою папку и вытащил оттуда какой-то документ.

— Товарищ Сталин, — сказал он, — а вот тут есть еще предложение конструктора Лавочкина.

— Какое предложение? — раздраженно спросил Сталин. — Мне ничего не известно о предложении Лавочкина».

Берия кратко рассказывает о предлагаемом самолете. И что вы думаете, как реагирует вождь?

«Сталин вспылил:

— Почему не доложили? — спросил он Хруничева.

Хруничев вначале растерялся, но потом ответил, что самолет Ла-200 уже однажды был забракован, как явно неудачный и поэтому никакой базой для нового самолета он служить не может...

Сталин ничего не хотел слушать, он только повторял, все больше накаляясь:

— Почему не доложили? Почему не доложили?

Наконец, Михаилу Васильевичу удалось разъяснить, что предложение Лавочкина рассматривалось в министерстве и оно не получило одобрения. Впоследствии Лавочкину удалось добиться разрешения на проведение этой работы, но машина у него так и не получилась... А Сталин, не унимаясь, продолжал допрашивать Хруничева:

— Почему не доложили?

Как будто тот умышленно скрыл предложение Лавочкина. В конце концов Сталин понял, в чем дело, и сказал:

— Принятое решение оставим без изменения, а предложение Лавочкина можно рассмотреть отдельно».

Ну, и как вам история?

Тут надо кое-что пояснить. Научная среда — гадюшник еще тот, там есть свои любимчики и свои изгои, причем многие вопросы решаются совершенно ненаучными методами. Зная обо всем этом, Сталин знакомился со *всеми* проектами в области авиации. Не получив поддержки в министерстве, Лавочкин, по-видимому, обратился к Берии. Берия не был специалистом в вопросах авиации, но свое дело сделал — предложение конструктора до Сталина довел. Так разворачивалась эта интрига. Но что здесь важно — как видим, вождь по-прежнему плотнейшим образом курирует производство военной техники.

Серго Берия вспоминает, что на протяжении 1952 года он видел Сталина на совещаниях раз пятнадцать. При этом Серго был всего лишь полковником и доктором наук, в общем-то, рядовым конструктором и мог встречаться со Сталиным только по своему узкому вопросу. И тем не менее — «раз пятнадцать». При этом он не отметил в вожде никаких признаков ослабления умственной деятельности — разве что раздражительность. Что, впрочем, понятно — во-первых, возраст, а во-вторых, от тридцати лет работы с такими кадрами и устрица озвереет.

Встреча вторая. Вспоминает генерал Чуйков. Лето 1952 года.

Цитата 11.2. *«Я отдыхал в Сочи. После обеда раздался телефонный звонок...*

— Говорит Поскребышев. Соединяю вас с товарищем Сталиным.

От неожиданности я растерялся. Вскоре услышал негромкий и спокойный голос со знакомым каждому грузинским акцентом...

— Вы могли бы приехать ко мне? — спросил Сталин.

— Как прикажете, товарищ Сталин. Я готов приехать в любую минуту.

— Сейчас за вами придет машина...

...Мы прошли в большую комнату, в бильярдную. Сталин начал меня расспрашивать о положении в Германской Демократической республике. В ту пору я был Главнокомандующим Группой советских войск и председателем Советской контрольной комиссии в Германии.

Ужин был собран на открытой веранде. Непринужденная обстановка за столом располагала к откровенности. Я спокойно отвечал на все вопросы, которые возникали у Сталина. Он вспомнил о Сталинградской битве и вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, как вы думаете, можно ли было нам в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там ее захлопнуть вместе с Паулюсом?»

И дальше весь вечер Сталин и Чуйков обсуждали военные вопросы, расставшись только в первом часу ночи.

В то время полным ходом шло осмысление уроков и итогов прошедшей войны. Известно, что планировалось, например, подготовить серьезное многотомное издание по Курской битве, фундаментальные работы по другим основным битвам Великой Отечественной. Трудно даже предположить, что хотя бы один серьезный военно-исторический труд мог обойтись без внимания Верховного Главнокомандующего.

Да и вопросы внешней политики Сталин, естественно, тоже не передоверял «тройке», от его имени подписывавшей совнаркомовские документы.

Наконец, еще одна встреча, которую мемуарист датирует началом марта (!) 1953 года. Вспоминает министр финансов А. Г. Зверев.

Цитата 11.3. *«В начале марта 1953 года специально созданная комиссия рассматривала справку о размерах подоходного налога граждан, занимающихся сельским хозяйством, и отдельных местных налогов... Мне поручили составить справку о раз-*

мерах налога с оборота по отдельным видам сельхозпродукции. Там значилось, что налог с оборота по зерну был равен 85 процентам, по мясу — 75 процентам и т. д.

Эти цифры вызвали сомнение. Справку показали Сталину. В разговоре со мной по телефону Сталин, не касаясь происхождения цифр, спросил, как я истолковываю природу налога с оборота. Я ответил, что налог родственен прибыли, одна из форм проявления прибавочного продукта. Слышу: «верно». Новый вопрос: «А помните, до войны один член ЦК на заседании ЦК назвал налог с оборота акцизом?» Я помнил этот случай. Сталин тогда ответил, что у акциза иная экономическая природа. Далее Сталин спросил: чем объясняется столь высокий процент налога с оборота по основным видам сельскохозяйственной продукции? Я отвечал, что здесь выявляется разница между заготовительными и розничными ценами, установленными правительством на сельхозпродукты. Следующий вопрос: для чего мы раздельно берем прибыль и налог с оборота и не лучше ли объединить эти платежи? Говорю, что если объединим, хотя бы в виде отчислений от прибыли, то в легкой и особенно в пищевой промышленности возникнет прибыль процентов 150—200 в год; исчезнет заинтересованность в снижении себестоимости, которое планируется в размере 1—3 процентов в год... Так были затронуты многие коренные вопросы деятельности финансов...»

Это в известной мере символично — что последние воспоминания о встрече со Сталиным посвящены именно данной теме.

Примерно в начале 1950 года (или чуть раньше) Сталин неожиданно озаботился вопросами политэкономии социализма. Первым результатом этой озабоченности стала работа по написанию учебника. Вот что вспоминал впоследствии Дмитрий Шепилов, в то время не то заместитель, не то начальник Управления ЦК по пропаганде и агитации. Он был в театре, на премьере оперетты Соловьева-Седого, когда его вызвали к Сталину. Судя по сопутствующим обстоятельствам, дело было летом 1948 года. Сталин сказал Шепилову:

Цитата 11.4. *«— Мы думаем сейчас проводить очень крупные экономические мероприятия. Перестраивать нашу экономику на действительно научной основе. Для того, чтобы это*

сделать, нужно, чтобы люди, наши кадры, молодежь знали настоящую политическую экономию. А для того, чтобы знали политическую экономию, нужен учебник...»

И дальше:

«Положение сейчас таково: либо мы подготовим наши кадры, наших людей, наших хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо мы погибнем! Так поставлен вопрос историей».

Как шла работа? На заседании Политбюро по этому вопросу Сталин сказал:

«— Поскольку эта работа имеет огромное, первостепенное значение, я полагаю отправить их всех за город со строгой изоляцией, один выходной, а в понедельник чтобы снова работали и через год положили нам на стол книгу. Управлению делами надо сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались, ни на что не отвлекались, сидели и работали...»

Так и поступили. Выделили экономистам бывшую дачу Горького на берегу Москвы-реки.

«...Писали главы, направляли Сталину, он вызывал и обсуждал каждую главу. Он очень строго, придирчиво разбирал.

— Слушайте, почему нет ничего о кхетах?— спросил Сталин.

— Каких кхетах?

— Кхеты! Были такие в Средиземноморье, такое племя было торговое, которое разъезжало всюду. Как можно писать о торговом капитале и не упомянуть кхетов?

Как мог попасть в точку Сталин!»

Все же, по-видимому, работа эта началась не в 1948 году, тут Дмитрий Трофимович путает — а в 1951-м. Как раз когда Сталин «отошел от дел». Юрий Жуков пишет, что в «дискуссиях по поводу этого учебника он участвовал с весны 1950 года», а Шепилов мимоходом замечает, что к началу их работы уже существовали какие-то проекты учебника, которые вождь забраковал. Как бы то ни было, событие, о котором он повествует дальше, относится к 1952 году. Когда работа над учебником была в самом разгаре, Шепилова неожиданно назначили главным редактором «Правды». Узнав об этом от Суслова, он кинулся к Сталину, и тот сказал:

«— Сейчас, кроме учебника, мы будем проводить мероприятия, для которых нужен человек и экономически, и идеологически грамотный. Такую работу можно выполнить, если в нее будет вовлечен весь народ. Если повернем людей в эту сторону — победим. Как мы можем это практически сделать? У нас есть одна сила — печать...»

Вот и вопрос: что задумал Сталин? Что это за преобразования, в которые он собирался вовлечь весь народ?

По результатам дискуссии об учебнике он написал работу «Экономические проблемы социализма в СССР». Сталин утверждал, что в Советском Союзе существует товарное производство, действует закон стоимости. Буквально накануне смерти обсуждал с министром финансов проблемы налогообложения в сельском хозяйстве. Наконец, у него был замечательный диалог с тем же Шепиловым:

«— Товарищ Шепилов, вы на рынке, в магазинах бываете?

— Нет, товарищ Сталин, почти не бываю.

— Это неправильно. Мы не бываем, вы, профессор-экономист, тоже не бываете. А вы знаете, что на рынке сходятся все нити нашей политики?»

Судя по всему, Сталин готовил экономическую реформу — ее действительно надо было проводить. Любопытно само время начала этой работы — весна 1950 года. Совсем недавно, осенью 1949-го, был арестован бывший председатель Госплана Вознесенский, и проверка его работы показала, *что* может сделать с экономикой недобросовестный плановик. А откуда взять добросовестного? Поневоле пришлось задуматься об экономических механизмах регулирования.

Кстати, в подготовке и проведении такой реформы из всей партийно-государственной верхушки у Сталина мог быть только один помощник — Берия, который успешно применял экономические механизмы еще в 30-е годы. И что любопытно, именно той весной, 7 апреля 1950 года, произошло кажущееся «отстранение» Берии от власти. Булганин был назначен первым заместителем Председателя Совета министров, то есть Сталина, в отсутствие которого ему поручалось председательствование на заседаниях Президиума и Бюро Президиума Совета министров (а председатель-

ствование включало в себя нудную работу по подготовке заседаний). В совминовскую верхушку вернули также Молотова и Микояна. 15 апреля в Бюро ввели и Маленкова.

В послевоенных реорганизациях власти в СССР черт ногу сломит — и не один черт, и не одну ногу. Явно шли поиски оптимального способа управления государством. До войны управление велось, как мы знаем, через партийный аппарат, а после войны роль партии заметно ослабла — и тут же вылезли все недостатки и вся непродуманность экономической системы и государственного механизма. Стать помощником Сталину в деле подготовки реформы мог только Берия. И для этого надо было хоть немного разгрузить и его тоже...

И вот тут мы подходим к самому интересному — последнему полугодию жизни вождя. Загадочному съезду и не менее загадочным совещаниям на сталинской даче.

5 октября 1952 года, после тринадцатилетнего перерыва, открылся XIX партийный съезд — самый непонятный из всех съездов. И даже не столько тем непонятный, что Сталин вроде бы пытался подать в отставку с поста Генерального секретаря, а также жестко (хотя и неясно за что) критиковал на нем Молотова и Микояна. В первую очередь интересны преобразования, которые на этом съезде произошли. В чем их смысл? Зачем они были проведены?

Как известно, именно на XIX съезде было изменено название партии. Предыдущие переименования понятны и логичны. Когда Российская социал-демократическая партия большевиков стала называться Российской коммунистической партией большевиков, это вполне обоснованно — большевики не хотели иметь ничего общего с социал-демократами. После образования СССР «российскую» переделали во «всесоюзную», и тут тоже не приходится удивляться. А вот зачем понадобилось ВКП(б) переименовывать в КПСС? Какая разница — «Всесоюзная коммунистическая партия» или же «Коммунистическая партия Советского Союза»? Переименование — дело сложное, стоит, кроме прочего, денег и просто так не проводится.

Предполагаемый ответ у меня есть. По-настоящему подорвать власть партии можно было только одним способом —

создав еще одну. Так вот: первое название указывает на монопольное положение, второе оставляет рядом с собой место для других партий. Каких именно? Ну, не монархических и не фашистских, естественно. Например, в уставе ВКП(б) был один пункт, закрывавший дорогу к членству для значительной части населения страны. Это пункт об обязательном атеизме. Сталин, как уже установлено, начиная с 1937 года стремился к примирению с церковью, и какая-нибудь христианско-коммунистическая партия вполне могла бы возникнуть без особых общественных потрясений. Это, конечно, всего лишь предположение — но ведь должна же быть какая-то причина изменения названия партии!

Второе преобразование также являлось радикальным, хотя на первый взгляд выглядело обычной реорганизацией. Вместо Политбюро был образован Президиум ЦК, и дело тут не только в перемене названия. Сей орган состоял из 25 человек, причем половину составляли профессиональные партаппаратчики, а половину — представители государственного аппарата. И сразу, на первом же пленуме, из Президиума выделилось Бюро Президиума, представлявшее собой все то же модернизированное Политбюро. В него вошли: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Первухин и Сабуров — пользуясь терминологией Юрия Жукова, «узкое руководство». Интересно, зачем это понадобилось Сталину?

Ответ до смешного прост. В 30-е годы над Политбюро висела постоянная угроза в лице Центрального Комитета. Если Политбюро собралось бы сделать нечто, всерьез не понравившееся ЦК, его могли скинуть на любом пленуме. Теперь же между «узким руководством» и ЦК существовала прослойка в виде Президиума, составленного таким образом, что договориться внутри себя этот орган не смог бы никогда.

В чем заключались предполагаемые политические преобразования? О них постоянно проговариваются участники июльского пленума 1953 года, когда возмущенно кричат: мол, что этот мерзавец задумал, партии — только кадры и пропаганда! Между тем «этот мерзавец», то есть Берия, никогда не

высказывался по поводу партии. Ничего подобного нигде не зафиксировано. Он действовал так, да — но не *говорил*... Да и не смог бы, ибо партийными делами ведали совсем другие люди из государственной верхушки — Хрущев, как первый секретарь, и Маленков, как формальный глава государства и также бывший партийный секретарь. А отвести КПСС эти функции мог лишь один человек — Сталин. Который, кстати, недвусмысленно дал понять, что ВКП(б) ждет такая судьба, еще на XVIII съезде.

Председательствовать на заседаниях Президиума ЦК должны были по очереди Маленков, Хрущев и Булганин, а на заседаниях Президиума Совмина — Берия, Первухин и Сабуров. Таким образом, в государственной верхушке произошло разделение на «политиков» и «экономистов». В нее вошли два новых человека — Первухин и Сабуров, и были окончательно отставлены от дел Молотов и Микоян. Вторым человеком по текущим партийным вопросам по-прежнему оставался Маленков. По крайней мере, в проекте постановления об организации секретариата Президиума ЦК КПСС говорится: *«Обязать секретариат ежедневно письменно докладывать т. Сталину, а в случае его отсутствия — т. Маленкову о важнейших вопросах и письмах, на которые следует обратить внимание»*.

Маленков, Берия, Хрущев и Булганин и были участниками тех малопонятных совещаний, которые вождь собирал зимой 1951-1953 годов на своей даче. Позднее Хрущев пытался уверить всех, что стареющий Сталин звал их к себе просто для того, чтобы не оставаться в одиночестве. Но позвольте все-таки не поверить. Во-первых, никто, кроме Хрущева, ничего такого не говорит. А во-вторых, эта четверка очень и очень напоминает другой орган, о котором после смерти Сталина постарались если не забыть — ибо совсем забыть о таком невозможно — то хотя бы не фиксировать на нем внимание. Уж очень неподходящим был у него персональный состав.

Называется этот орган — Государственный Комитет Обороны.

Давайте вернемся в 1941 год и задумаемся над персональным составом ГКО — верховного органа управления госу-

дарством, образованного 30 июня 1941 года. Почему в него вошли именно те люди, которые вошли? Персонально: Сталин, Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов.

Сталин — понятно почему. Молотов, его бессменный заместитель — тоже вроде бы понятно. А остальные? Почему кандидаты в члены Политбюро Берия и Маленков, а не старые члены Политбюро Микоян и Каганович? Почему Ворошилов, после неудачной финской войны расставшийся с постом наркома обороны? Почему не Вознесенский, председатель Госплана? Так по какому же принципу формировался ГКО?

Задумаемся: а что такое Государственный Комитет Обороны? Это орган власти и управления не набором регионов, структур и ведомств, а государством в целом. У него могло быть два принципа формирования. Первый — включить туда людей, ответственных за конкретные направления работы — например, наркома обороны, наркома путей сообщения, председателя Госплана и пр. Именно так формировались большинство бюро и комитетов. Но ГКО строился как-то иначе.

Внимательно приглядевшись к государственным функциям входивших в него персон, мы обнаружим, что трое из них — фактические руководители сквозных властных структур, пронизывающих все государство, до отдельных заводов и колхозов. Таких структур в СССР было, как принято считать, три: государственный аппарат, партия и армия. Молотов, до недавнего времени председатель Совнаркома, а потом первый заместитель Сталина, держал в руках государственный аппарат, Маленков был де-факто главным человеком в партии, а Ворошилов — первым заместителем Сталина, курировавшим армейские дела. Остаются сам Сталин — это опять же понятно: глава государства и в скором времени Верховный Главнокомандующий — и Берия, один из «промышленных» заместителей председателя Совнаркома и нарком внутренних дел.

И вот тут мы вплотную подходим к очень интересной и абсолютно не исследованной теме — а что такое был предвоенный НКВД? С одной стороны, наркомат, в который свалили огромное количество самых разнообразных поручений,

от госбезопасности до борьбы с детской беспризорностью. А с другой...

Сергей Кремлев в своей книге приводит малоизвестную историю о злоключениях уралмашевского пресса. Получилось так, что на заводе вышел из строя главный пресс, а второй потерялся в суматохе эвакуации и в точку назначения так и не прибыл. Директор завода Музруков (тот самый, будущий директор Арзамаса-16), звонит по ВЧ Берии (кстати, пресс сломался по вине последнего, поскольку тот приказал использовать его не по назначению).

Цитата 11.5. *«Докладываю, слышу, молчит, сопит в трубку и вдруг спрашивает: "А где второй пресс?" Отвечаю, что не имею понятия, где второй. "Какой же ты, к чертовой матери, директор, — кричит Берия, — если ты не знаешь, где отгруженный в твой адрес пресс!" И бросил трубку. Каково же было мое удивление, когда утром приходят ко мне свердловские чекисты и докладывают, в каких эшелонах находятся части краматорского пресса. Непостижимо, удивительно: как всего за несколько часов, ночью, можно было в великом хаосе и столпотворении эвакуации, среди сотен эшелонов найти то, что надо... Эшелонам с прессом дали зеленую улицу, через неделю они прибыли...»*

О-очень любопытная история. Чтобы сделать такое за одну ночь, чекисты должны были иметь у себя *полную схему всех эвакуационных перевозок*, по всей стране. Стало быть, Берия дал команду, нужную информацию нашли, передали в Свердловск местному НКВД — и все это за несколько часов.

Что еще любопытней, обязанности помогать производственникам там, где проблемы выходили за пределы их возможностей, были закреплены за НКВД официально. В директиве наркомата об организации работы экономических отделов по оперативно-чекистскому обслуживанию оборонной промышленности говорилось: *«Экономотделы должны своевременно выявлять неполадки в работе предприятий, срывающие выполнение правительственных заданий... и через ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП(б) на месте принимать меры к устранению этих неполадок».*

Так было не только на производстве. Чекисты проявлялись в трудных делах, на опасных стыках, когда не справлялись те, кому было положено справляться, делали свое дело и снова уходили в тень. Функции их были чрезвычайно разнообразны. Например, в обязанности заградотрядов входило обеспечение работы связи, особые отделы занимались вообще всем, вплоть до организации власти в брошенных начальством населенных пунктах, и т. д.

Естественно, НКВД не сам по себе таким стал. Начиная с 1938 года Берия упорно делал из него аппарат, способный решать любые задачи, — фактически четвертую, кризисную власть Советского Союза. В качестве руководителя этой сети он и вошел в ГКО. Вот теперь принцип формирования данного органа обрел законченность и стройность. Туда входили глава государства (он же Верховный Главнокомандующий) и представители четырех властных структур: государственной, партийной, военной и чекистской, или кризисной. Впоследствии ГКО трансформировался, но это было уже потом, а в 1941 году, в трудное и смертельно опасное время, он выглядел именно так.

Весной 1943 года, когда опасность миновала, НКВД размонтировали, создав на его базе целых три ведомства: НКВД, НКГБ и армейскую контрразведку СМЕРШ. Почему размонтировали — понятно: Берия не собирался оставаться наркомом внутренних дел, а давать еще кому-либо такую власть... нет, склонности к суициду за Сталиным пока что никто не замечал. (Кстати, то, что он отдал в одни руки такого монстра, доказывает: Берии вождь доверял абсолютно.)

А теперь взглянем повнимательнее на персональный состав собиравшейся на сталинской даче зимой 1952-1953 годов команды. Но сперва шагнем чуть вперед, в трагический для страны день 5 марта.

Сталин был еще жив, когда в Кремле открылось объединенное заседание ЦК, Совмина и Президиума Верховного Совета, на котором произошла совершенно потрясающая вещь. Выяснилось, что за эти три дня, в условиях страшного напряжения, «узкое руководство» сумело разработать новое устройство советской верхушки. За полтора

часа, без споров и обсуждений, заседание проработало повестку дня из 16 пунктов, включая такой, как объединение МВД и МГБ и назначение на министерский пост Берии. Ясно, что экспромтом подобное не могло быть проделано — это технически невозможно. И даже если у постели умирающего Сталина велись бурные споры, трех дней для подготовки таких преобразований явно недостаточно. Вот и вопрос: когда они обсуждались? Ответ: зимой 1952—1953 годов, во время совещаний на сталинской даче.

В течение следующих десяти дней полностью сформировалась новая властная структура. Председателем Совета Министров стал Маленков, отказавшийся по такому случаю от должности секретаря ЦК, его первым заместителем — Берия. А первым секретарем ЦК стал Хрущев, не получивший государственных постов. Маленков и Берия еще оставались членами Президиума ЦК (снова уменьшенного до 10 человек), но начало разделения партии и государственного аппарата было положено.

А теперь вернемся к персональному составу сталинских совещаний. Кроме самого вождя, в них участвовали: Маленков, в недалеком будущем первый человек в государственном аппарате; Хрущев, олицетворявший партийную власть; бывший (и будущий) министр обороны Булганин. Для полного сходства с ГКО не хватало лишь объединения МВД и МГБ под руководством Берии, каковое и последовало 5 марта, в день смерти Сталина. Только не надо говорить, что именно тогда этот вопрос и был решен. Когда Берия пришел в НКВД в 1938 году ему понадобился месяц на первичные организационные вопросы, притом что структура наркомата особенно не менялась. Сейчас он просто за день-два провел нужные назначения и приступил к работе. Экспромтом такие вещи не делаются.

Вот и вопрос: что готовил Сталин, если ему для этого понадобилось снова собирать чрезвычайный орган наподобие ГКО?

Ответ прост: нечто чрезвычайное. А чрезвычайными могли быть лишь две вещи: либо война, либо реформа. Войны в ближайшем будущем не предвиделось. Значит, реформа...

Какой она должна была стать? Этого мы не знаем — слишком основательную зачистку провели хрущевцы после прихода к власти. Весной 1953 года были сделаны лишь первые шаги. Главой государства (не считая Ворошилова) стал не первый секретарь партии, а председатель Совета министров. Еще на июльском пленуме именно Маленкова называли преемником Сталина — потом процесс пошел в обратную сторону, и вскоре первым человеком в стране стал первый, а затем Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Некоторые новшества имели место в области национальной и социальной политики. Именно к социальной политике можно отнести предложение Берии об отмене паспортных ограничений для бывших заключенных, о том, чтобы партийное руководство новых советских территорий (Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики) говорило на языке, который понимают местные жители. Это потом товарищи из Президиума ЦК уверяли всех, что они были против — но в реальности преобразования принимались без особых споров, что доказывает: они тоже были проговорены и продуманы заранее. После 26 июня одни бериевские начинания были скоренько свернуты, другие его идеи Хрущев присвоил себе.

Ясно одно: если бы не 26 июня, мы жили бы сейчас совершенно в другой стране. В нашем прошлом не значились бы XX съезд, «застой», «перестройка», а в мировой истории было бы меньше войн и переворотов.

Но это уже тема не простой, а альтернативной истории...

Постфактум

Вроде бы Сталин и его команда все продумали и все учли. Кроме одного — что главный заговорщик сидит с ними за одним столом.

...Разгромленный в 1937 году антисталинский заговор состоял из нескольких групп. Там были опальные политики-оппозиционеры, военные, чекисты. И существовала еще одна группа, о которой никогда не говорилось во всеуслышание, потому что это были люди из действующей властной верхушки. Что о них известно? Из тех, кто на самом

верху, были арестованы, а потом расстреляны член Политбюро Рудзутак, секретарь ЦИК Енукидзе. Весьма подозрительно самоубийство Орджоникидзе, случившееся после того, как у него на квартире НКВД произвел негласный обыск! И был еще один человек — входивший в личную сталинскую команду, тот, кого Сталин любил и кому доверял. Секретарь ЦК, бывший председатель Комиссии партийного контроля, а потом нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов.

В послевоенном заговоре тоже имели место быть разные группы и разные люди. «Ленинградцы» во главе с Кузнецовым, военные, товарищи из аппарата ЦК. И был еще один человек, которому, по-видимому, доверяли все трое — Сталин, Маленков и Берия — и который, как показали последующие события, оказался гениальным конспиратором, ибо был не просто заговорщиком, а, скорее всего, руководителем. По крайней мере, безумный авантюрный план с решением «проблемы Абакумова» с помощью «дела врачей» очень похож на другой, не менее безумный — решение «проблемы Берии» с помощью пулемета. И весьма напоминает еще один план — решение проблемы сельского хозяйства с помощью освоения целины. А также многие другие планы, реализованные и нереализованные, принадлежавшие этого человеку.

Имя называть надо?

До сих пор не получила объяснения речь Хрущева на XX съезде. Все попытки объяснить это деяние как-то легковесны, в том числе и моя версия — что Хрущев боялся обвинений в организации репрессий, которые могли быть ему предъявлены по ходу внутрипартийной борьбы. Никто бы не стал выносить сор из избы: Сталин умер, его эпоха закрыта, кому надо ворошить прошлое?

Зачем понадобился Хрущеву тот бред, который он нес на съезде? Никита Сергеевич болтлив, да, его постоянно несет — но он далеко не дурак и отлично соображает, куда его несёт. Если он пошел на столь убийственный для страны шаг, устроив Нюрнберг собственному правительству, — значит, на то были очень серьезные причины.

Придя к власти в результате государственного переворота, Хрущев отчаянно нуждался в опоре. Имея в союзниках маршала Жукова, он приобретал армию, но это было весьма условное приобретение. Замаскировав переворот, Хрущев потерял возможность открыто опираться на штыки — ведь все хорошо, прекрасная маркиза, все замечательно в нашей стране, при чем же тут солдаты? Отчасти он мог опереться на партаппарат — но только отчасти, ибо далеко не всех в этой среде можно было купить возвращением пакетных выплат и прежней власти. Да, на июльском пленуме его поддержали, однако это произошло от неожиданности, а как будет потом — неизвестно. Мог ли он рассчитывать на КГБ? Контора молчала, как молчит и сейчас — но даже спустя шестьдесят лет дурные слова про Берию и про Абакумова в этой среде не приветствуются, и не факт, что в пиковый момент Хрущев не столкнулся бы с саботажем.

Две опоры он для себя все-таки нашел, хотя обе — весьма дурного свойства. Во-первых, бывшие оппозиционеры, посаженные при Сталине и выпущенные при новой власти. С этой публикой Хрущев немножко просчитался: возвращенные из лагерей и ссылок, восстановленные в партии, они мгновенно занялись любимым делом — стали мутить воду. Уже в 1956 году появилось письмо ЦК, общий смысл которого сводился к следующему: если эти товарищи снова принимаются за старое, гнать их из партии к такой-то бабушке! Однако главное они делали — рассказывали на каждом углу ужасы из своей жизни, при этом изрядно привирая. (Например: у Варлама Шаламова есть рассказ «Последний бой майора Пугачева», где душевно повествуется о репрессированном офицере, который не стал мириться с лагерной жизнью и т. д. Сейчас по этому рассказу даже сняли фильм. Вот только об одном умалчивает автор: реальный прототип майора Пугачева был власовцем. А так все верно: бежали, дрались...)

Второй опорой стала интеллигенция. Правда, эта прослойка весьма напоминает медведя из поговорки, о котором неизвестно, кто кого поймал: охотник ли его, он ли охотника. Зато интеллигенция владела средствами массовой инфор-

мации и определяла общественное мнение (не путать с мнением народа) — а это много.

Но все же положение Хрущева оставалось крайне непрочным. Удержаться он мог лишь при одном условии: если у него не будет сильных врагов. А врагов он имел! Как вы думаете, каково было отношение к Никите Сергеевичу товарищей по Президиуму ЦК — тех самых, которых он, взяв страну в заложники, насильно заставил поддержать свой переворот?

Трудно даже представить себе, как они его ненавидели!

Врагами Хрущева были члены старого сталинского Политбюро, с каждым из которых он, даже став первым секретарем, оставался несопоставимым по весовой категории. С каждым в отдельности — что уж говорить обо всех вместе! Рассчитывать он мог разве что на старого приятеля Булганина да на Микояна. Но кто они такие против Молотова и Маленкова?

Нет, на раскол в партии эти люди бы, конечно, не решились. Проще было пойти другим путем — так, как в свое время поступили с Игнатьевым. Дать Хрущеву как следует увязнуть, завалить экономику, потом снять, а уж после... По доброй советской традиции, именно после снятия человеку предъявлялось все, что на него есть.

Что могли предъявить Хрущеву? Участие в репрессиях? Несерьезно, ибо криминала как такового по этой части за ним не было. Тех, за кем был криминал, расстреляли еще до войны. Убийство Сталина? Но вождь — по крайней мере, так считалось официально — умер своей смертью. А вот организация убийства Берии, второго человека в государстве — это статья 58-1а, измена Родине, высшая мера наказания без смягчающих обстоятельств.

Чтобы выжить, Хрущеву надо было ударить первым. Но как? Кто он такой против Молотова? Хрущев опирался на часть партаппарата да на болтунов-антисоветчиков, а Молотов и остальные опирались на Сталина. Выход был один: хочешь жить — бей по Сталину. Он и ударил.

Думаю, Никита Сергеевич был честным коммунистом и вовсе не хотел, чтобы страна развалилась — по крайней мере, после того, как *он* пришел к власти. Он просто защищался.

Остальное вышло само собой. Партия, получившая власть без ответственности, привела государство на грань гибели. Удар по Сталину убил идеологию, а раскрепощенная интеллигенция развратила народ. Личный хрущевский экономический идиотизм угробил сельское хозяйство.

Занятно, что сохранили страну две бериевские структуры — «оборонка» спасла экономику, а КГБ... в общем, понятно...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПРИГОВОР ПО «ДЕЛУ БЕРИИ» КАК ФАЛЬШИВКА

Из «приговора» по «делу Берии» (содержательная часть)

Судебным следствием полностью подтверждены материалы предварительного следствия и обвинения, изложенного в обвинительном заключении.

Судебным следствием установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия в течение многих лет совместной преступной деятельности подсудимые Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский. Заговорщики ставили Своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел против Коммунистической Партии и Правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия относится ещё ко времени гражданской войны. На протяжении многих лет Берия и его соучастники тщательно скрывали и маскировали свою вражескую деятельность.

После кончины И. В. Сталина, делая ставку на общую активизацию реакционных империалистических сил против Советского государства, Берия перешёл к форсированным действиям для осуществления своих антисоветских изменнических замыслов, что и позволило в короткий срок разоблачить Берия и его соучастников и пресечь их преступную деятельность.

Суд считает установленной вину Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского в следующих преступлениях:

1. Став в марте 1953 года Министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия, подготовляя захват власти и установление контрреволюционной диктатуры, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах.

Намереваясь использовать для захвата власти органы МВД, подсудимые Берия, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский противопоставляли Министерство внутренних дел Коммунистической партии и Советскому правительству. Установлено, что заговорщики принуждали работников местных органов МВД тайно собирать клеветнические, фальсифицированные данные о деятельности и составе партийных организаций, пытаясь таким преступным путем опорочить работу партийных органов. Берия и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказывавшимися выполнять эти преступные распоряжения.

В своих антисоветских изменнических целях Берия и его сообщники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя, как злобный враг советского народа, подсудимый Берия, с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране, всячески саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии и Правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа. Готовясь захватить власть, подсудимый Берия и его сообщники, используя свое служебное положение, установили шпионаж и слежку за руководителями Коммунистической партии и Советского Правительства.

В марте 1953 года подсудимые Берия и Б. Кобулов дали распоряжение о сборе клеветнических фальсифицированных материалов в отношении ряда руководящих работников

партийных и советских органов, полученных в разное время заговорщиками путем применения избиений и пыток к арестованным, а также другими провокационными методами.

2. Установлено, что, тщательно скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений. В качестве одного из основных методов своей преступной деятельности они избрали клевету, интриги и различные провокации против честных партийных и советских работников, стоявших на пути враждебных Советскому государству изменнических замыслов заговорщиков и мешавших им пробираться к власти. Используя своё служебное положение в органах НКВД-МГБ-МВД, подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский занимались истреблением честных, преданных делу Коммунистической партии и советской власти кадров.

Насаждая произвол и беззакония, участники заговора на протяжении ряда лет производили аресты невиновных людей, от которых затем путем применения избиений и пыток вымогались ложные показания о совершенных или готовящихся контрреволюционных преступлениях.

Как установлено судом, подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский лично избивали и истязали арестованных невиновных людей, а также отдавали приказы о применении массовых избиений и истязаний арестованных подчиненными им работниками НКВД-МВД.

Подлым образом обманывая Партию и Государство, участники антисоветского заговора путем пыток вымогали от арестованных ложные показания о якобы готовящихся террористических актах против Берия и его сообщников. Затем сфальсифицированные заговорщиками уголовные дела передавались на рассмотрение подчиненных участникам заговора «особой тройки» или «особого совещания», которые выносили решения о расстрелах или лишении свободы ложно обвиненных людей.

Установлено, что подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Мешик и Влодзимирский учинили террорис-

тическую расправу с сотрудниками НКВД И. Кедровым, В. Голубевым и пенсионеркой А. Батуриной за то, что последние решили разоблачить Берия, о чем стало известно заговорщикам.

Судом установлен ряд случаев расстрелов невиновных людей без суда, по преступным распоряжениям Берия.

Так, подсудимые Берия, Меркулов, Кобулов, Мешик и Влодзимирский совершили террористическое убийство старого коммуниста, члена КПСС с 1902 года М.С. Кедрова, бывшего члена Президиума ВЧК и коллегии ОГПУ при Ф. Э. Дзержинском, располагавшего данными о преступном прошлом Берия и намеревавшегося его разоблачить. Несмотря на го, что Кедров был оправдан Верховным судом СССР, заговорщики не выполнили указаний суда о немедленном освобождении Кедрова из-под стражи, а затем расстреляли его на основании распоряжения подсудимого Берия.

Подсудимые Берия, Кобулов, Меркулов, Мешик, Влодзимирский при помощи избиений и пыток вымогали от арестованных ложные показания в отношении некоторых руководителей Партии и Правительства (по делам Белахова, Слезберг и других). Затем арестованные были расстреляны без суда по распоряжению Берия.

Судом установлено, что в октябре 1941 года подсудимый Берия, заметая следы совершенных заговорщиками преступлений, отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 арестованных по списку, составленному подсудимыми Меркуловым и Кобуловым. В этот список были включены лица, со стороны которых заговорщики могли опасаться разоблачения. Никто из них не был осужден, а как указано выше, М. С. Кедров был оправдан Верховным судом СССР. Все лица, включенные в список 25 арестованных, были расстреляны. В последующем, через несколько месяцев после произведённых расстрелов, подсудимый Влодзимирский по указанию подсудимого Меркулова, маскируя совершённое преступление, фальсифицировал «заключения» о расстрелах, датировав их задним числом. Эти фальсифицированные «заключения» были утверждены подсудимым Кобуловым.

Установлены также другие бесчеловечные преступления подсудимых Берия, Меркулова, Кобулова, заключающиеся

в производстве опытов по испытаниям ядов на осуждённых к высшей мере уголовного наказания и опытах по применению наркотических веществ при допросах.

Подсудимые Берия, Меркулов, Влодзимирский совершали тайные похищения и убийства людей.

Судом установлено, что подсудимый Берия с помощью подсудимых Кобулова и Гоглидзе на протяжении ряда лет вёл злобную интриганскую борьбу против выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства — Серго Орджоникидзе, видя в нем человека, являвшегося препятствием к осуществлению вражеских замыслов заговорщиков. Как судом установлено, С. Орджоникидзе питал политическое недоверие к Берия. После смерти С. Орджоникидзе заговорщики продолжали жестоко мстить членам его семьи.

Так, подсудимыми Кобуловым и Гоглидзе были арестованы, ложно обвинены в контрреволюционных преступлениях, а затем расстреляны по решению «особой тройки» под председательством Гоглидзе брат С. Орджоникидзе — Папулия Орджоникидзе и жена последнего — Нина Орджоникидзе.

Став Народным комиссаром внутренних дел СССР, Берия, с помощью подсудимых Меркулова и Влодзимирского, расправился с другим братом С. Орджоникидзе — К. К. Орджоникидзе. Вначале К. Орджоникидзе был осуждён Особым совещанием НКВД СССР к пяти годам заключения за «незаконное хранение оружия». После отбытия пяти лет заключения был вновь осуждён за то же к пяти годам заключения.

В марте 1953 года К. Орджоникидзе в третий раз и за то же «Особым совещанием» МВД СССР осуждён к пяти годам заключения и более двенадцати лет незаконно содержался под стражей в одиночном заключении.

Судом установлено, что террористические убийства под видом осуждений за контрреволюционную деятельность совершались заговорщиками не только в тех случаях, когда это делалось по заданию и в преступных интересах самого Берия, но и других участников заговорщической группы.

Так, подсудимые Кобулов и Гоглидзе сфальсифицировали следственные дела в отношении девяти жителей Маму¬кинской деревни близ Тбилиси. Все эти лица были ложно обвинены в подготовке террористических актов против Гоглидзе и Кобулова и в мае 1938 года расстреляны на основании решения «особой тройки» под председательством подсудимого Гоглидзе.

3. Лишенные какой-либо социальной опоры внутри СССР, Берия и его сообщники строили свои преступные расчеты на поддержку заговора реакционными империалистическими силами из-за рубежа.

Установлено, что тайные связи с иностранными разведками Берия завязал ещё в 1919 году, когда, находясь в Баку, он совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в контрразведку мусаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов. Как агент мусаватистской контрразведки, Берия вёл активную борьбу с революционным рабочим движением в Азербайджане. В 1920.году Берия, находясь в Грузии, вновь совершил изменнический акт, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки.

Во все последующие годы, вплоть до своего ареста, Берия поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками.

Действуя как иностранный шпион, Берия использовал в своих преступных целях и других агентов иностранных разведок, оберегая их от разоблачения и заслуженной кары.

Судом установлены факты прямого покровительства, оказываемого подсудимым Берия с помощью подсудимых Кобулова и Деканозова преступникам, изобличённым в измене Родине и шпионской деятельности в пользу германской и английской разведок.

На всем протяжении преступной деятельности Берия с помощью своих сообщников Меркулова, Деканозова и других поддерживал тайные связи с контрреволюционными грузинскими меньшевиками — эмигрантами, агентами ряда иностранных разведок. Судом установлено, что перед нача-

лом Великой Отечественной войны подсудимые Берия и Деканозов предприняли преступные меры к ослаблению советской разведки против гитлеровской Германии, жестоко расправившись с теми сотрудниками НКВД, которые пытались довести до сведения правительства об этих преступлениях.

Установлено, что в период Великой Отечественной войны подсудимый Берия также совершил ряд тяжких изменнических преступлений.

Так, в 1941 году Берия предпринял втайне от Советского правительства попытку установить связь с Гитлером. С этой целью Берия через болгарского посла Стаменова пытался начать переговоры с Гитлером и предлагал уступить гитлеровской Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию, Буковину.

Ценою этих территориальных уступок и порабощения советских людей, Берия добивался предательского соглашения с Гитлером.

Изменническая деятельность Берия в период войны выразилась и в том, что осенью 1942 года, в напряженный момент обороны Кавказа, Берия с помощью своих соучастников пытался открыть врагу перевалы через Главный Кавказский хребет, что должно было по преступному замыслу заговорщиков привести к иностранной оккупации Закавказья и передать в руки империалистических государств бакинскую нефть.

В 1953 году, после того как Берия стал Министром внутренних дел СССР, участники заговорщической группы вновь совершили ряд изменнических преступных актов.

Так, в мае — июне 1953 года в осуществление изменнических целей Берия и Кобулов Б. предприняли попытку установить личную тайную связь с Тито-Ранковичем в Югославии.

Как до начала Великой Отечественной войны, так и в 1953 году подсудимый Берия с помощью подсудимых Меркулова, Деканозова, Кобулова совершили ряд преступлений, направленных на ослабление советской разведки.

Готовясь захватить власть, Берия стремился получить поддержку со стороны империалистических государств ценой

нарушения территориальной неприкосновенности Советского Союза и передачи капиталистическим государствам части территории СССР.

Судебным следствием установлены также факты иных преступных деяний Берия, свидетельствующих о его глубоком моральном падении.

Будучи морально разложившимся человеком, Берия сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе связанными с сотрудниками иностранных разведок.

Кроме того, доказаны факты совершения Берия корыстных преступлений и злоупотреблений властью.

Судом установлено, что Берия совершал изнасилования женщин. Так 7 мая 1949 года Берия, заманив обманным путем в свой особняк 16-летнюю школьницу Дроздову В. С, изнасиловал её, причем после совершения преступления угрожал Дроздовой и её матери физическим уничтожением в случае, если они обратятся с жалобой на него.

Виновность всех подсудимых в предъявленных им обвинениях установлена подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей и потерпевших, а также показаниями арестованных участников заговорщической группы.

Изобличенные доказательствами, подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский на судебном следствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тягчайших государственных преступлений.

Персонально суд считает доказанной виновность подсудимого Берия в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и установления господства буржуазии, совершении террористических актов против преданных Коммунистической Партии и народу политических деятелей, активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретно-агентурной должности в контрразведке контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане и был связан с иностранной разведкой

до момента разоблачения и ареста, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст.58-1 «б», 58-8, 58-13, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР. Кроме того, подсудимый Берия совершил преступление, предусмотренное частью 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1943 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Виновность подсудимых Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского суд считает установленной в измене Родине, совершении террористических актов и участии в антисоветской, изменнической, заговорщической группе, то есть в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Руководствуясь ст.ст.319 и 320 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР,

СУД ПРИГОВОРИЛ

1. БЕРИЯ Лаврентия Павловича на основании ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-13, 53-11 Уголовного Кодекса РСФСР и части 2-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года, по совокупности совершённых им преступлений к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

2. МЕРКУЛОВА Всеволода Николаевича,
3. ДЕКАНОЗОВА Владимира Георгиевича,
4. КОБУЛОВА Богдана Захарьевича,
5. ГОГЛИДЗЕ Сергея Арсеньевича,
6. МЕШИКА Павла Яковлевича и
7. ВЛОДЗИМИРСКОГО Льва Емельяновича

на основании ст.ст.58-1 «б», 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР по совокупности совершенных ими преступлении, всех к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с лишением их воинских званий, орденов и наград и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Из приговора по «делу право-троцкистского блока» (содержательная часть)

Март 1938 года

Подлинный документ

«Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Розенгольц, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Иванов, Зубарев, Зеленский и Чернов, являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932—1933 годах по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии. Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик.

«Право-троцкистский блок» поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР

Лишенные всякой опоры внутри СССР, руководители «право-троцкистского блока» с целью осуществления своих преступных замыслов заключили через врага народа Л. Троцкого и отдельных участников антисоветского «право-троцкистского блока» соглашение с представителями некоторых иностранных государств о вооруженной помощи в свержении Советской власти в СССР на условиях его расчленения и отторжения от СССР Украины, Белоруссии, Примо-

рья, Средне-Азиатских и Закавказских республик — в пользу упомянутых иностранных государств.

Этот изменнический сговор «право-троцкистского блока» с представителями иностранных государств облегчался тем, что руководящие участники антисоветского заговора являлись прямыми агентами иностранных разведок и осуществляли на протяжении многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Крестинский по прямому заданию врага народа — агента германской и английской разведок Л. Троцкого вступил в изменническую связь с германским рейхсвером в 1921 году и был германским шпионом до дня своего ареста в 1937 году, получая за свою шпионскую работу и на преступную деятельность троцкистской организации по 25 0000 германских марок золотом ежегодно.

Розенгольц начал шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, для английской разведки в 1926 году.

Раковский являлся агентом английской разведки с 1924 года и японским шпионом с 1934 года.

Чернов начал шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой при содействии известного меньшевика-эмигранта Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году и был польским шпионом до дня своего ареста.

Гринько являлся германским и польским шпионом с 1932 г.

По заданию врага народа Л. Троцкого и руководящих участников «право-троцкистского блока» — Бухарина, Рыкова и Ягоды — члены «право-троцкистского блока» Розенгольц, Крестинский,

Раковский, Гринько и Бессонов в явно изменнических целях вступили в непосредственные сношения с представителями враждебных СССР иностранных

государств и вели с ними переговоры о формах помощи иностранным агрессорам в случае их нападения на Советский Союз (организация террористических и диверсионно-вредительских актов, шпионаж).

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе Рыков, Бухарин и Ягода, были не только полностью осведомлены о шпионской деятельности своих соучастников, но всячески поощряли расширение шпионских связей и сами давали указания участникам «право-троцкистского блока» при их изменнических переговорах с представителями иностранных государств, форсируя подготовку иностранной интервенции.

По прямым директивам иностранных разведок участники «право-троцкистского блока» организовали диверсионно-вредительские группы, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота, и вели разрушительную деятельность, имея своей задачей парализовать хозяйственную жизнь страны и ослабить обороноспособность Советского Союза.

По указаниям японской разведки участники «право-троцкистского блока» организовали в Дальне-Восточном крае крушение поезда с воинским грузом на станции Волочаевка и поезда № 501 на перегоне Хор-Дормидонтовка, а также совершили несколько диверсий на шахтах в Сучане. Все эти диверсии сопровождались человеческими жертвами.

По директиве врага народа Л. Троцкого и на основе сговора с представителями иностранных государств Розенгольц проводил в системе Наркомвнешторга вредительскую работу, направленную на оказание помощи Германии и Японии и сопровождавшуюся нанесением экономического ущерба СССР. Кроме того, Розенгольц путем различных валютных комбинаций систематически финансировал Троцкого.

Чернов по заданию германской разведки и указаниям Рыкова использовал свое ответственное служебное положение в земельных органах СССР для орга-

низации через своих сообщников ряда крупных диверсионно-вредительских актов по снижению урожайности сельскохозяйственных культур и порче сельскохозяйственных мобилизационных запасов, по сокращению поголовья конского состава и крупного рогатого скота, в частности путем искусственного распространения эпизоотии, причем только в Восточной Сибири в 1936 году в результате этого пало около 25 000 лошадей.

Гринько по заданию руководителей «право-троцкистского блока» и германской разведки, с целью вызвать недовольство населения и тем самым облегчить вербовку своих сторонников, проводил в системе Народного Комиссариата Финансов широкую вредительскую работу, которая выражалась в задержке выплаты заработной платы, плохом обслуживании населения сберегательными кассами, незаконном взимании некоторых налогов с крестьян и других вредительских мероприятий.

Шарангович, являясь одним из руководителей белорусской национал-фашистской организации, по заданию польских разведывательных органов и руководителей «право-троцкистского блока» — Рыкова и других, развернул широкую диверсионно-вредительскую деятельность в области сельского хозяйства, животноводства и промышленности Белоруссии, облегчая тем самым осуществление задач агрессоров в случае их вооруженного нападения на БССР.

Икрамов и Ходжаев по указанию Бухарина развернули большую диверсионно-вредительскую работу в разных отраслях народного хозяйства Узбекистана с целью вызвать недовольство населения и тем самым создать благоприятные условия для подготовки в период иностранной интервенции вооруженных выступлений против Советской власти.

Зеленский организовал в Центросоюзе и в системе потребительской кооперации вредительские группы и при их помощи, с целью вызвать недовольство населения, запутывал планирование товаров, задерживал

продвижение их в деревню, портил и гноил продукты питания, подбрасывал в них стекло и гвозди, умышленно срывал обеспечение предметами первой необходимости низовой торговой сети кооперации.

Иванов по заданию Бухарина проводил вредительско-диверсионную деятельность в лесном хозяйстве Северного края.

Зубарев, являясь активным участником подпольной организации правых, по заданию Рыкова занимался вредительством в сельском хозяйстве в ряде областей РСФСР.

Наряду с активной диверсионно-вредительской деятельностью, участники «право-троцкистского блока» по заданию германской, японской и польской разведок под непосредственным руководством Рыкова и Бухарина и при активном участии Иванова, Ходжаева, Икрамова, Зубарева, Шаранговича, Гринько и Зеленского подготовляли в Сибири, на Северном Кавказе, в Украине, Белоруссии, Узбекистане и в других местностях Советского Союза бандитско-повстанческие кулацкие кадры для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР.

В целях расширения бандитско-повстанческой кулацкой базы, по решению руководителей «право-троцкистского блока», Бухарин установил организационные связи с подпольным ЦК эсеровской организации, действовавшей в СССР, а также с закордонным ЦК эсеров.

По прямому сговору с иностранными разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

В 1934 году один из руководящих участников «право-троцкистского блока» Рыков лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

В августе 1937 года Розенгольц лично пытался совершить террористический акт в отношении товарища Сталина, для чего неоднократно добивался у него приема.

Злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное 1 декабря 1934 года ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром, как это установлено предварительным и судебным следствием по данному делу было организовано по решению «право-троцкистского блока», причем непосредственное участие в организации этого террористического акта принимал подсудимый Ягода, который дал специальные указания своим соучастникам, работавшим в Ленинградском управлении НКВД, не препятствовать совершению этого преступления.

По указанию врага народа Л. Троцкого руководители «право-троцкистского блока» в 1934 году приняли решение убить великого пролетарского писателя Максима Горького. Этот чудовищный террористический акт было поручено организовать Ягоде, который, посвятив в цели заговора домашнего врача М. Горького — доктора Левина, а затем врача Плетнева, поручил им путем вредительских методов лечения добиться смерти М. Горького, что и было выполнено при руководящем участии в этом преступном деле доктора Левина. Активное участие в этом злодеянии принимали участники «право-троцкистского блока» б. секретарь М. Горького — Крючков и б. секретарь НКВД — Буланов.

По решению руководителей «право-троцкистского блока» Ягода организовал методами вредительского лечения убийство председателя ОГПУ тов. В. Р. Менжинского и заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. В. Куйбышева, причем в совершении террористического акта в отношении тов. Куйбышева непосредственное участие принимали Левин и б. секретарь Куйбышева, участник подпольной организации правых с 1928 года, Максимов-Диковский, а в совершении террористического акта в от-

ношении В. Р. Менжинского непосредственное участие принимали Буланов и завербованный Ягодой и Левиным в заговорщическую группу врач Казаков.

Кроме того установлено, что Левин и Крючков, по прямому заданию Ягоды, вредительскими методами лечения умертвили сына А. М. Горького — М. А. Пешкова.

В связи с назначением в сентябре 1936 года тов. Н. И. Ежова народным комиссаром внутренних дел СССР «право-троцкистский блок», опасаясь полного разоблачения и разгрома антисоветских кадров, поручил Ягоде совершить террористический акт в отношении тов. Н. И. Ежова.

Выполняя это злодейское поручение, Ягода при непосредственном участии Буланова покушался осенью 1936 года на жизнь тов. Н. И. Ежова путем постепенного отравления его организма специально приготовленным для этого ядом, вследствие чего был нанесен значительный ущерб здоровью Н. И. Ежова.

Кроме того установлено, что Бухарин по решению центра антисоветской организации правых еще в 1930 году договорился с эсером-боевиком — организатором убийства тов. Володарского и покушения на жизнь В. И. Ленина в 1918 году — Семеновым о создании им ряда террористических групп для подготовки и совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Также установлено, что в 1918 году Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов», совместно с Троцким и «левыми» эсерами, организовали заговор против Советского правительства.

Бухарин и его сообщники по заговору имели целью сорвать Брестский договор, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

Выполняя план заговора, «левые» эсеры в июле 1918 года, с ведома и согласия Бухарина, подняли в Москве мятеж с целью свержения Советского прави-

тельства; при этом установлено, что совершенное эсеркою Каплан 30-го августа 1918 года покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным и их сообщников «левых» и правых эсеров.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые по данному делу — Зеленский, Иванов и Зубарев вступили на путь борьбы с революционным движением рабочего класса еще в годы царизма.

Зеленский состоял агентом-провокатором самарского жандармского управления с 1911 по 1913 год.

Иванов состоял агентом-провокатором охранного отделения и жандармского управления в Москве и других городах с 1911 по 1916 год.

Зубарев, будучи завербован в число агентов-провокаторов в гор. Котельниче в 1908 году, занимался провокаторской деятельностью до 1917 года.

Таким образом, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила виновность: **1. Бухарина Н. И., 2. Рыкова А. И., 3. Ягоды Г. Г., 4. Крестинского Н. Н., 5. Раковского Х. Г., 6. Розенгольца А. П., 7. Иванова В. И., 8. Чернова М. А., 9. Гринько Г. Ф., 10. Зеленского И. А., 11. Бессонова С. А., 12. Икрамова А., 13. Ходжаева Ф., 14. Шаранговича В. Ф., 15. Зубарева П. Т., 16. Буланова П. П., 17. Левина Л. Г., 18. Плетнева Д. Д., 19. Казакова И. Н., 20. Максимова-Диковского В. А. и 21. Крючкова П. П.** — в том, что они, являясь активными участниками заговорщической группы под названием «право-троцкистский блок», действовавшей по прямым заданиям разведок иностранных государств, проводили изменническо-шпионскую, диверсионно-вредительскую, террористическую деятельность, провоцируя военное нападение на СССР этих государств с целью поражения и расчленения Советского Союза и отторжения от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу враждебных СССР иностранных

государств, имея своей конечной целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, то есть в совершении тягчайших государственных преступлений, предусмотренных ст.ст. 58^{1a}, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9}, 58^{11} УК **РСФСР,** а **Иванова, Зеленского и Зубарева,** кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58^{13} УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

1. **Бухарина** Николая Ивановича,
2. **Рыкова** Алексея Ивановича,
3. **Ягоду** Генриха Григорьевича,
4. **Крестинского** Николая Николаевича,
5. **Розенгольца** Аркадия Павловича,
6. **Иванова** Владимира Ивановича,
7. **Чернова** Михаила Александровича,
8. **Гринько** Григория Федоровича,
9. **Зеленского** Исаака Абрамовича,
10. **Икрамова** Акмаля,
11. **Ходжаева** Файзуллу, **Шаранговича** Василия Фомича, **Зубарева** Прокопия Тимофеевича, **Буланова** Павла Петровича, **Левина** Льва Григорьевича, **Казакова** Игнатия Николаевича,

Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича) и **Крючкова** Петра Петровича — **к высшей мере уголовного наказания — расстрелу,** с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

19. **Плетнева** Дмитрия Дмитриевича, как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении т. т. В. В. Куйбышева и А. М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению, — **к тюремному заключению на двадцать пять лет** с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

20. Раковского Христиана Георгиевича и

21. **Бессонова** Сергея Алексеевича —

как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий — **к тюремному заключению сроком: Раковского на двадцать лет и Бессонова на пятнадцать лет** с поражением каждого в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Срок тюремного заключения **Плетневу, Раковскому и Бессонову** исчислять со дня их ареста».

Приказ министра внутренних дел Л. П. Берия «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия»

Подлинный документ

4 апреля 1953 г.

Совершенно секретно

«Министерством внутренних дел СССР установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.

По указанию руководства б[ывшего] министерства государственной безопасности СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц, из числа тюремных работников, с применением всевозможных орудий пыток.

Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им забла-

говременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе.

Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами Советского государства. Приказываю:

1. Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия; в производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса.

2. Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б[ывшего] МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить.

3. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав органов МВД и предупредить, что впредь за нарушение советской законности будут привлекаться к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду, не только непосредственные виновники, но и их руководители.

На факсимиле документа внизу указано: «Исполнитель: Кобулов».

Закрытое письме ЦК ВКП(б) «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР» (полный текст)

Фальшивый документ

13 июля 1951 г.

Совершенно секретно

Центральным Комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, министерствам государственной безопасности союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям МГБ

О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР

Центральный Комитет ВКП(б) считает необходимым довести до сведения ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, министерств государственной безопасности союзных и автономных республик, краевых и областных управлений МГБ нижеследующее постановление ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года.

«2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует о неблагополучном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности Абакумова.

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым.

В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ Леонова, его заместителей тт. Лихачева и Комарова,

начальника второго Главного управления МГБ т. Шубнякова, заместителя начальника отдела 2-го Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности тт. Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснения Абакумова.

Ввиду того, что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП(б) решил немедля отстранить Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с.г.

На основании результатов проверки Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты.

1. В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявлявший резко враждебное отношение к советской власти, — врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А. С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь.

ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей несомненно существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В. В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения.

Однако министр госбезопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической дея-

тельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме.

Таким образом, погасив дело Этингера, Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрыл это важное дело от партии и правительства.

2. В августе 1950 года в Германии был арестован бывший заместитель генерального директора акционерного общества «ВИСМУТ» Салиманов, бежавший в мае 1950 года к американцам. Салиманов — крупный государственный преступник. Изменив Родине, он выдал американцам важные сведения. Несмотря на то что прошел почти год с момента ареста Салиманова, Абакумов до сих пор скрывает от Центрального Комитета ход следствия по этому делу, хотя это дело имеет большое государственное значение. При выяснении комиссией Политбюро — почему Абакумов скрыл от ЦК результаты следствия по делу Салиманова, сколько-нибудь вразумительных объяснений Абакумов дать не мог.

Таким образом, Абакумов обманул партию и по этому делу.

3. В январе 1951 года в Москве были арестованы участники еврейской антисоветской молодежной организации. При допросе некоторые из арестован-

ных признались в том, что имели террористические замыслы в отношении руководителей партии и правительства. Однако в протоколах допроса участников этой организации, представленных в ЦК ВКП(б), были исключены, по указанию Абакумова, признания арестованных в их террористических замыслах. Допрошенные комиссией Политбюро по этому вопросу начальник следственной части Леонов и его заместитель Лихачев, а также заместитель министра государственной безопасности т. Огольцов подтвердили, что показания арестованных об их террористических намерениях действительно не были включены в протоколы допроса. Указанные товарищи пытались объяснить преступную фальсификацию протоколов, посланных в ЦК ВКП(б), намерением произвести дополнительную проверку. Но, несмотря на важность факта о террористических замыслах участников антисоветской молодежной организации и на то, что прошло достаточно времени, — никаких дополнительных сообщений из МГБ в ЦК ВКП(б) послано не было.

Следовательно, и по этому делу Абакумов обманул партию.

4. В МГБ грубо нарушается установленный Правительством порядок ведения следствия, согласно которому допрос арестованного должен фиксироваться соответствующим образом оформленным протоколом, а протокол должен сообщаться в ЦК ВКП(б). В МГБ укоренилась неправильная практика составления так называемых обобщенных протоколов допроса арестованных на основании накопленных следователями заметок и черновых записей. Эта вредная и антигосударственная практика в следственной работе привела к безответственности среди работников аппарата МГБ, способствует затяжке сроков расследования дел о серьезных преступлениях, дает возможность скрывать от партии положение дел в МГБ.

Далее, в нарушение закона об ограниченных сроках ведения следствия, в МГБ имеется много фактов недопустимой затяжки окончания следственных дел

на очень длительные сроки. В центральном аппарате МГБ есть следственные дела, которые ведутся два-три года, тогда как согласно закону полагается вести следствие не более двух месяцев.

Таким образом, Абакумов не только обманывал партию, но и грубым образом нарушал постановления ЦК ВКП(б) и правительства.

5. ЦК считает нужным отметить, что, будучи вызванным сначала в Политбюро, а затем в комиссию ЦК ВКП(б), Абакумов встал на путь голого отрицания установленных фактов, свидетельствующих о неблагополучном положении в работе МГБ, при допросе пытался вновь обмануть партию, не обнаружил понимания совершенных им преступлений и не проявил никаких признаков готовности раскаяться в совершенных им преступлениях.

На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять Абакумова В. С. с работы министра государственной безопасности СССР как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леонова и заместителя начальника следственной части Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию, и исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и заместителю министра т. Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали в ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ СССР возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации.

5. Назначить члена комиссии Политбюро по проверке работы МГБ и заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) т. Игнатье-

ва С. Д. представителем ЦК ВКП(б) в Министерстве государственной безопасности».

ЦК ВКП(б) надеется, что коммунисты, работающие в органах МГБ, не пожалеют сил для того, чтобы с полным сознанием своего долга и ответственности перед советским народом, партией и правительством, на основе большевистской критики, при помощи и под руководством ЦК компартий союзных республик, областных (краевых) и городских комитетов партии, быстрее покончить с недостатками в работе органов МГБ, навести в них большевистский порядок, повысить партийность в работе чекистов, обеспечить неуклонное и точное выполнение органами МГБ законов нашего государства, директив партии, правительства.

ЦК ВКП(б) уверен, что ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии всемерно усилят свое внимание и помощь органам МГБ в их сложной и ответственной работе, повысят заботу о дальнейшем улучшении политического воспитания и идейной закалки работников органов МГБ.

Центральный Комитет ВКП(б)

Настоящее закрытое письмо ЦК ВКП(б) через 15 дней подлежит возврату в Особый сектор ЦК ВКП(б).

«Обвинительное заключение» по делу **Абакумова как фальшивка**

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по обвинению:

АБАКУМОВА Виктора Семеновича — бывшего министра государственной безопасности СССР,

ШВАРЦМАНА Льва Леонидовича — бывшего заместителя начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР,

РАЙХМАНА Леонида Федоровича — бывшего заместителя начальника Главного управления МГБ СССР,

ЛЕОНОВА Александра Георгиевича — бывшего начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР,

ЛИХАЧЕВА Михаила Тимофеевича — бывшего заместителя начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР,

КОМАРОВА Владимира Ивановича — бывшего заместителя начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР,

ЧЕРНОВА Ивана Александровича — бывшего начальника секретариата МГБ СССР;

БРОВЕРМАНА Якова Михайловича — бывшего заместителя начальника секретариата МГБ СССР,

СВЕРДЛОВА Андрея Яковлевича — бывшего заместителя начальника отдела «К» МГБ СССР и

ПАНКИНА Арона Моисеевича — бывшего начальника отдела «Д» МГБ СССР —

в том, что они *(изменники Родины)* вели **подрывную работу против Коммунистической партии и Советского правительства**.

Используя руководящее положение в Министерстве госбезопасности СССР, они мешали партии и правительству вести борьбу с врагами советского народа, злонамеренно ***смазывали*** дела на террористов, англоамериканских

шпионов и других особо опасных государственных преступников, ограждали от провала злейших врагов партии и Советского государства, противодействовали полному разоблачению арестованных и их вражеских связей, систематически обманывали ЦК КПСС, ***отгораживали чекистский аппарат от партии и уводили его из-под контроля Центрального Комитета***.

Будучи врагами советской власти, они проводили в органах государственной безопасности злостное вредительство по всем основным линиям чекистской работы и прежде всего в области следствия и контрразведывательной работы по борьбе против агентуры американской и английской разведок, облегчая врагам Советского государства условия для проведения подрывной работы против партии и правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

—* вписано над зачеркнутой строкой: «изменники Родины».

_ вписано над зачеркнутой строкой: «подрывную работу против Коммунистической партии и Советского правительства».

_ зачеркнуто чернилами.

I

Признаниями обвиняемых, показаниями свидетелей и другими доказательствами, собранными по делу, установлено, что в МГБ СССР длительное время орудовала вражеская группа АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА, ставившая своей целью подрыв государственной безопасности Советского Союза.

Наиболее серьезный ущерб безопасности Советского государства АБАКУМОВ и его сообщники нанесли тем, что преднамеренно *смазывали* поступавшие в МГБ СССР сигналы о террористической деятельности врагов советского народа против руководителей партии и правительства.

Еще в 1948 году в МГБ СССР поступило заявление врача ТИМАШУК Л.Ф., в котором она сообщала о применении при лечении секретаря ЦК КПСС А. А. ЖДАНОВА нарочито неправильных методов, ведущих к роковым последствиям для жизни больного.

Как установлено следствием, АБАКУМОВ не принял никаких мер к чекистской проверке этого исключительно важного сигнала о прямой угрозе жизни товарища ЖДАНОВА.

Арестованный ВЛАСИК, бывший начальник Главного управления охраны МГБ СССР, на следствии об этом показал:

«Заявление врача ТИМАШУК от 29 августа 1948 года у меня было 30 или 31 августа 1948 года. Сам заявления я не читал, а в тот же день, как мне его доложили, отнес АБАКУМОВУ. Он его также читать не стал, а оставил у себя и никаких указаний по проверке заявления мне не дал».

Далее ВЛАСИК показал:

«Этому исключительно важному сигналу, дававшему основание уже тогда подозревать наличие преступного сговора среди врачей, принимавших участие в лечении А. А. ЖДАНОВА, я также не придавал значения и ничего не сделал для того, чтобы его проверить».

Следствием далее установлено, что АБАКУМОВ и ВЛАСИК, сознательно ничего не сделав для проверки заявления ТИМАШУК, приняли все меры к тому, чтобы представить это заявление как не заслуживающее внимания и доверия, а врача ТИМАШУК отдали на расправу разоблаченным в настоящее время иностранным шпионам-террористам ЕГОРОВУ, ВИНОГРАДОВУ, ВАСИЛЕНКО, МАЙОРОВУ, которых она обвиняла во вредительском лечении товарища ЖДАНОВА.

Арестованный МГБ СССР участник шпионско-террористической группы врачей бывший начальник Лечсанупра ЕГОРОВ показал: «Не подлежит никакому сомнению, что если бы АБАКУМОВ и ВЛАСИК провели должную проверку заявления ТИМАШУК сразу же после его поступления, то мы, врачи, виновные в гибели А. А. ЖДАНОВА, были бы разоблачены еще в 1948 году.

Действуя на пользу нам, врачам-вредителям, АБАКУМОВ и ВЛАСИК равнодушно прошли мимо сигнала ТИМАШУК, не организовали проверку ее заявления и, таким образом, помогли нам скрыть факт умерщвления А. А. ЖДАНОВА и расправиться с неугодной нам ТИМАШУК».

Другой участник террористической группы врачей, английский шпион ВИНОГРАДОВ, по этому вопросу показал:

«Когда врач ТИМАШУК Л.Ф. пыталась разоблачить нас в преступном лечении А. А. ЖДАНОВА, я, ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВ приняли все меры к тому, чтобы замести следы своих злодеяний. Мы коллективно обвинили ТИМАШУК в невежестве и расправились с ней».

Злоумышленно смазав расследование заявления ТИМАШУК, АБАКУМОВ и его сообщники в последующее время также всячески препятствовали разоблачению группы врачей-отравителей, орудовавших в Лечсанупре.

Располагая еще в начале 1949 года материалами о террористических высказываниях **ЭТИНГЕРА**, являвшегося, как теперь выяснилось, участником шайки врачей-убийц, АБАКУМОВ длительное время препятствовал аресту этого объявленного врага Советской власти. Когда же ЭТИНГЕР был арестован и начал давать показания о вредительском лечении А.С. ЩЕРБАКОВА, АБАКУМОВ с помощью своих сообщников — обвиняемых ЛИХАЧЕВА и ЛЕОНОВА скрыл эти показания от ЦК КПСС, объявил их надуманными, а следственное дело ЭТИНГЕРА смазал и погасил, заявив, что оно не заслуживает внимания и заведет МГБ СССР в дебри.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ, излагая обстоятельства, при которых было погашено дело террориста ЭТИНГЕРА, показал:

«Я помог АБАКУМОВУ смазать и скрыть от Центрального Комитета партии дело террориста ЭТИНГЕРА...

ЭТИНГЕР показал... что, будучи еврейским националистом, он задался целью сократить жизнь А. С. ЩЕРБАКОВА, которого он, как врач, лечил. ЭТИНГЕР показал также, что к А.С. ЩЕРБАКОВУ он относился враждебно...

АБАКУМОВ прямо спросил ЭТИНГЕРА: «Вы все это надумали в тюрьме?» Ничего другого ЭТИНГЕРУ не оставалось, как подтвердить уже готовый, содержавшийся в вопросе ответ: «Да, я все это придумал в тюрьме», — заявил ЭТИНГЕР, поняв, что ему предоставляют возможность отказаться от показаний о терроре»*.

И** далее: «Когда ЭТИНГЕРА увели, АБАКУМОВ сказал мне и РЮМИНУ, что ЭТИНГЕР показывает чепуху, что эти показания записывать в протокол не надо, так как такие показания ЭТИНГЕРА могут завести нас в дебри.

...АБАКУМОВ запретил не только записывать в протокол признания ЭТИНГЕРА о его причастности к умерщвлению ЩЕРБАКОВА А. С. и допрашивать в этом направлении, а вообще составлять протоколы допроса с ЭТИНГЕРОМ.

...В итоге ЭТИНГЕР в тюрьме ***умер*** и его преступная деятельность и связи... оставались неразоблаченными».

Обвиняемый ЛЕОНОВ, принимавший непосредственное участие в погашении дела ЭТИНГЕРА, показывая о роли АБАКУМОВА в этом преступлении, заявил на следствии:

«Ознакомившись с материалами дела, я решил выяснить у АБАКУМОВА его точку зрения на показания ЭТИНГЕРА в отношении неправильного лечения ЩЕРБАКОВА.

С этой целью на одном из очередных докладов... я напомнил АБАКУМОВУ, что ЭТИНГЕР ранее признавался в неправильном лечении ЩЕРБАКОВА. АБАКУМОВ по поводу сказанного мною заявил: «Это чепуха. Показания ЭТИНГЕРА в отношении неправильного лечения ЩЕРБАКОВА надуманные. Я его вызывал к себе, и он у меня на допросе от этих показаний отказался».

Таким образом, материалами дела доказано, что АБАКУМОВ и его сообщник, смазав в 1948 году расследование заявления врача ТИМАШУК, в дальнейшем последовательно глушили и скрывали от ЦК КПСС сигналы, свидетельствовавшие о существовании в Лечсанупре банды врачей-убийц, спасали от разоблачения этих извергов, ведших в течение длительного времени по заданию империалистических разведок террористическую деятельность по сокращению жизни активным деятелям Советского государства.

Расследованием установлены и другие факты преднамеренного смазывания АБАКУМОВЫМ и его сообщниками следственных дел на особо опасных государственных преступников.

Действуя как подрывники, АБАКУМОВ ****и его соучастники ЛЕОНОВ и КОМАРОВ игнорировали**** указания ЦК КПСС о расследовании связи с иностранной разведкой

врага народа КУЗНЕЦОВА и участников его изменнической группы, орудовавшей в партийном и советском аппарате***. В преступных целях он ориентировал следователей на то, чтобы рассматривать дело КУЗНЕЦОВА и его единомышленников в виде локальной обособленной группы, не имеющей связи с заграницей.

Обвиняемый КОМАРОВ по этому поводу показал: «...Он (АБАКУМОВ) прямо ориентировал на то, что дело КУЗНЕЦОВА и его вражеской группы является локальным и что у арестованных по этому делу нет и не может быть шпионской связи с заграницей...

...В конечном счете получилось так, что я и сам активно he допрашивал КУЗНЕЦОВА о возможной связи антипартийной группы с закордоном и не ориентировал на это следователей».

В результате вражеских действий АБАКУМОВА, ЛЕОНОВА, КОМАРОВА шпионская деятельность участников группы КУЗНЕЦОВА**** не расследовалась, и таким образом это следственное дело было *****смазано*****.

Обвиняемый АБАКУМОВ вместе с привлеченными по настоящему делу ЛЕОНОВЫМ, ШВАРЦМАНОМ, ЛИХАЧЕВЫМ, КОМАРОВЫМ, БРОВЕРМАНОМ вредительски расследовали преступную деятельность арестованных американских шпионов и еврейских националистов, действовавших под прикрытием Еврейского антифашистского комитета. После повсеместных допросов арестованных, в ходе которых не была выяснена полностью их шпионская деятельность, а вопрос о терроре вообще не исследовался, указанное дело было следствием закончено и надолго заброшено.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ показал:

«Мы, по воле АБАКУМОВА, преступно отнеслись к окончанию следствия по делу на опаснейших врагов Советского государства, орудовавших в Еврейском антифашистском комитете.

...По материалам дела мне было известно, что глава по указанной организации МИХОЭЛС и ФЕФЕР во время войны не ездили (так в тексте. — *Е. П.)* в Америку, где установили преступную связь с американскими разведывательными органами.

...Несмотря на это, я, ведя следствие по делу ФЕФЕРА, фактически не допрашивал его по вопросам, касающимся, возможно, полученных ими заданий от американской разведки по террору против руководителей партии и Советского правительства».

Касаясь своего участия в смазывании дела главарей Еврейского антифашистского комитета, обвиняемый БРОВЕР¬МАН признал, что, горячо сочувствуя борьбе еврейских националистов против Советской власти, он:

«корректируя протокол допроса ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА и других... делал все, чтобы смягчить... формулировки в показаниях арестованных».

Наряду с умышленным погашением важных следственных дел АБАКУМОВ и его сообщники, руководствуясь вражескими побуждениями, скрывали от ЦК КПСС материалы о террористической деятельности врагов советского народа.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ показал: «Вражеская деятельность арестованных, направленная на совершение террористических актов против руководителей Советского государства, не вскрывалась, а если, вопреки желаниям АБАКУМОВА и ЛЕОНОВА, следователи разоблачали преступников-террористов, то АБАКУМОВ и ЛЕОНОВ, а также я, КОМАРОВ и ШВАРЦМАН смазывали такие дела».

Как установлено следствием, изменник Родины АБАКУМОВ вместе с предателями ШВАРЦМАНОМ, ЛИХАЧЕВЫМ и ЛЕОНОВЫМ умышленно скрыли от ЦК КПСС, что участники еврейской молодежной организации, именовавшей себя «Союзом борьбы за дело революции» («СДР»), вынашивали злодейские замыслы и разрабатывали планы совершения террористических актов против руководителей партии и Советского правительства.

Особенно активное участие в этом преступлении принимал обвиняемый ШВАРЦМАН, которому АБАКУМОВ поручил ******корректирование****** направлявшихся в ЦК КПСС протоколов допроса арестованных участников «СДР».

Признавая свою вину в этом, ШВАРЦМАН показал: «...АБАКУМОВ... дал преступное указание выбросить из

протокола допроса арестованного СЛУЦКОГО показания о терроре...

Побуждаемый националистическими чувствами и симпатиями к врагам советской власти, я... добился исключения из протокола допроса СЛУЦКОГО всякого упоминания о терроре... всего по делу участников «СДР» я составил четыре протокола допроса: СЛУЦКОГО, ФУРМАНА, ГУРЕ¬ВИЧА и ПЕЧУРО. Из всех этих протоколов мною были исключены показания о террористических замыслах членов указанной националистической организации, хотя арестованные об этом давали подробные показания».

Более того, обвиняемый ШВАРЦМАН, этот закордонный*** националист, став на путь мести советской власти за арест главарей Еврейского антифашистского комитета, сам вынашивал террористические замыслы и предпринимал практические шаги к совершению террористического акта против товарища МАЛЕНКОВА Г. М.****

На допросе 21 ноября 1952 года ШВАРЦМАН об этом показал:

«В 1948 году были разгромлены националисты, орудовавшие под прикрытием Еврейского антифашистского комитета. В порядке мести я решил совершить террористический акт против МАЛЕНКОВА». И далее:

«План террористического акта у меня был такой: я написал письмо в ЦК КПСС. С первого взгляда это было покаянное заявление, но в нем я, по существу, ничего не сообщал о совершенных мною преступлениях. Я рассчитывал, что по этому заявлению буду вызван в Комиссию ЦК лично МАЛЕНКОВЫМ и во время приема совершу террористический акт, используя свое личное огнестрельное оружие».

Обманывая партию, АБАКУМОВ и его сообщники ЛЕОНОВ и КОМАРОВ скрыли от *******директивных органов******* показания участников арестованной в гор. Астрахани группы террористов — АБАИМОВА, ПОЛЯКОВА, ГУЛИНА и других (осуждены).

В 1950 году по прямому указанию АБАКУМОВА и ЛЕОНОВА из доложенных ЦК КПСС протоколов допросов арестованных агентов американской разведки ГАВРИЛОВА, ЛАВРЕНТЬЕВА и других были исключены показания этих

преступников о террористических замыслах против вождя советского народа.

Помимо сокрытия от ЦК КПСС данных о террористической деятельности врагов Советского государства следствием установлены и другие факты злостного обмана партии и Правительства со стороны АБАКУМОВА и его соучастников.

Обвиняемые АБАКУМОВ, ЛЕОНОВ, КОМАРОВ и ЛИХАЧЕВ обманули партию по делу крупного государственного преступника САЛИМАНОВА, скрыв от ЦК КПСС ход следствия по делу и показания САЛИМАНО¬

ВА об объеме и характере выданных им американской разведке сведений о ведущихся в СССР особо секретных оборонных работах.

В направленной в 1951 году в ЦК КПСС информации о поимке нескольких американских и английских шпионов, выброшенных на территорию Литвы и Украины, АБАКУМОВ, РАЙХМАН и другие утаили, что органы МГБ знали о подготовлявшейся заброске разведчиков, но не приняли необходимых мер к их задержанию в момент выброски, вследствие чего некоторым шпионам удалось скрыться и установить связь с националистическим подпольем.

Ранее, в 1949 году, обвиняемые АБАКУМОВ и РАЙХМАН после провала операции по поимке переброшенной из Турции в Грузию группы английских шпионов во главе с БЕ¬ РИШВИЛИ, скрыли от ЦК КПСС факт беспрепятственного перехода БЕРИШВИЛИ советско-турецкой границы и ухода его обратно в Турцию.

В том же 1949 году Абакумов утаил от ЦК КПСС провал операции по перлюстрации почты у турецкого дипкурьера ФУАТ ГЮЗАЛТАНА и направил в Центральный Комитет заведомо ложную информацию о причинах самоубийства этого дипкурьера.

В 1948 году АБАКУМОВ, обманывая ЦК КПСС, скрыл попытку побега за границу агента МГБ, которого сотрудники аргентинского посольства пытались нелегально вывезти из Советского Союза, а случайную его поимку изобразил как «комбинацию», якобы проведенную органами государственной безопасности.

Обвиняемый АБАКУМОВ и его соучастники скрывали далее от Центрального Комитета неблагополучное положение с охраной государственной границы, факты безнаказанных ее нарушений.

Располагая материалами о каждом случае измены Родине со стороны советских граждан на территории Германии и Австрии, АБАКУМОВ об этих вражеских проявлениях Центральному Комитету не сообщал. В тех же случаях, когда факт измены Родине скрыть было нельзя, он утаивал от партии и Правительства материалы, которыми органы МГБ располагали в отношении изменников до их побега.

В периодически направлявшихся в ЦК КПСС итоговых докладных записках о чекистской работе по розыску и аресту агентов иностранных разведок, по указанию обвиняемого АБАКУМОВА, умышленно приводились лишь положительные результаты розыскных мероприятий и скрывался тот факт, что органами МГБ не было поймано более 50 тысяч объявленных в розыск агентов иностранных разведок, изменников Родине и других государственных преступников.

Следствием выявлен также ряд других фактов обмана партии обвиняемыми АБАКУМОВЫМ, ЧЕРНОВЫМ и БРОВЕРМАНОМ, направлявшими в ЦК КПСС заведомо ложную информацию.

Таким образом, установлено, что предатель АБАКУМОВ и его сообщники, проводя линию на отрыв органов государственной безопасности от партии, преднамеренно глушили сигналы о террористической деятельности участников вражеского подполья против руководителей партии и Правительства, систематически обманывали ЦК КПСС, скрывая результаты следствия по наиболее важным делам и многочисленные провалы серьезных чекистских мероприятий. Они помешали ЦК КПСС вовремя выявить законспирированную группу врачей-отравителей, выполнявшую задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и Правительства, помешали вскрыть шпионскую связь врага народа КУЗНЕЦОВА и участников его изменнической группы с иностранной разведкой, а также смазали и погасили ряд других дел на опасных государственных преступников*****.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I

—* подчеркнуто, на полях вопрос: «Это что?»

_ над словом написано чернилами: «убийце т. Щербакова». На полях слева написано: «Не только. Подробнее надо».

* весь абзац перечеркнут крест-накрест, и на полях написано: «Все это скрыл от Пр-ва». ** зачеркнуто и на полях написано: «Лихачев показывает».

_ зачеркнуто чернилами, и рукой Сталина на полях написано: «Он не просто «умер», а был убит Абакумовым».

****_**** зачеркнуто и написано чернилами на полях: «спрятал от следственных властей необходимые указания».

«* над предложением дописано рукой Сталина «в Ленинграде». **** на полях чернилами дописано: «и их участие в убийстве т. Жданова».

«* зачеркнуто, дописано чернилами «скрыто». Весь абзац подчеркнут слева и написано: «Не то, нужно подробнее».

_*** подчеркнуто, от руки чернилами вписано на полях: «и исправление». ** над словом написано «буржуазный». **** фамилия вписана чернилами.

_**** зачеркнуто, над текстом написано чернилами: «Прва и ЦК партии». ***** весь абзац слева подчеркнут и на полях написано: «Не то».

II

Расследованием установлено, что вражеская группа АБАКУМОВА-ШВАРЦМАНА организовала злостное вредительство по всем основным линиям чекистской работы и в первую очередь в области следствия и контрразведывательной работы по борьбе против агентуры американской, английской и других иностранных разведок.

Проводя вредительскую «деятельность в области следственной работы, АБАКУМОВ вместе со своими соучастниками ЛЕОНОВЫМ, ЛИХАЧЕВЫМ, ШВАРЦМАНОМ и КОМАРОВЫМ грубо нарушали установленный правительством порядок ведения следствия, игнорировали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об

арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», сознательно внедряли в следственном аппарате МГБ СССР нарушения социалистической законности, которые затем использовали в целях обмана партии.

Обвиняемый ЛИХАЧЕВ, подтвердив это обстоятельство, на следствии показал: «АБАКУМОВ предал забвению важное для органов МГБ постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года. А я, например, в угоду АБАКУМОВУ, прямо говорил своим подчиненным, что некоторые положения этого постановления устарели...

...С его (АБАКУМОВА) назначением на пост министра нарушения социалистической законности в следственной работе стали постоянными, я бы сказал, обычным явлением».

Одним из наиболее серьезных нарушений социалистической законности, активно использовавшихся участниками преступной группы АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА для подтасовки следственных документов и сокрытия от партии положения дел в МГБ, являлось составление так называемых обобщенных, по существу сфальсифицированных, протоколов допроса арестованных на основании накопленных следователями заметок и черновых записей.

В следственной работе, кроме того, АБАКУМОВ и его сообщники насаждали вредную антигосударственную практику нарушения сроков расследования, при которой, несмотря на имевшуюся возможность заканчивать следствие своевременно, оно затягивалось на многие месяцы, а нередко даже на несколько лет.

Спасая себя от разоблачения, АБАКУМОВ, при помощи своего сообщника ЧЕРНОВА, проявлявшего враждебное отношение к советскому строю, не выпускал за пределы МГБ СССР адресованные в директивные органы заявления арестованных, содержавшие жалобы на нарушения советских законов в ходе следствия.

Широкий размах вредительская работа изменника АБАКУМОВА и его сообщников приняла в области контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности за границей.

АБАКУМОВ при помощи своих сообщников после создания в 1947 году Комитета Информации прекратил вся-

кую разведывательную работу за границей, чем оторвал контрразведывательную службу органов МГБ от разведки и сознательно сузил ее возможности по внедрению агентуры в разведывательные центры противника.

АБАКУМОВ вредительски подошел к выполнению постановления ЦК ВКП(б) от сентября 1949 года о создании в МГБ СССР 1-го Управления, на которое возлагалась контрразведывательная работа по советской колонии за границей, разработка закордонных центров антисоветской эмиграции и внедрение агентуры МГБ во вражеские разведывательные органы.

Арестованный бывший начальник 1-го Управления МГБ СССР УТЕХИН на допросе показал:

«В результате вредительских действий АБАКУМОВ с моим участием повел дело так, что 1-е Управление не решило важнейшей задачи - надежного проникновения своей агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы иностранных разведок и антисоветские центры за границей».

АБАКУМОВ и поставленные им во главе 1-го Управления УТЕХИН и БЕЛКИН, являвшийся, как теперь установлено, английским шпионом, вредительски саботировали дело комплектования кадрами этого важнейшего в системе МГБ СССР органа, в результате чего это Управление не могло выполнять возложенных на него Правительством задач.

Большой вред безопасности Советского Союза АБАКУМОВ и его сообщники нанесли тем, что свернули разведывательную работу в главнейших странах империалистического лагеря — США, Англии, Франции, а также в Турции и других государствах.

Арестованный УТЕХИН показал по этому поводу:

«Я виноват также в осуществлении преступного указания АБАКУМОВА о прекращении связи с агентурой, работающей по внешней линии в таких странах, как США, Англия, Франция.

В результате АБАКУМОВЫМ и мною был нанесен большой ущерб контрразведывательной работе в указанных странах».

Наряду с этим АБАКУМОВ и его соучастники осуществляли вредительство по линии спецслужбы МГБ СССР, при-

званной внедрять свою агентуру в капиталистических странах. Эта служба своих прямых функций не выполняла, специальных чекистских мероприятий за границей не проводила, а ее коллектив фактически никакой полезной работы не вел.

Арестованный еврейский националист ЭЙТИНГОН на следствии показал:

«Специальная служба МГБ СССР, где я был заместителем начальника, по воле бывшего министра государственной безопасности СССР АБАКУМОВА не выполняла своей прямой функции — не проводила специальных чекистских мероприятий за границей».

Вражеская деятельность группы АБАКУМОВА в области разведывательной работы за границей распространялась и на органы военной контрразведки частей Советской Армии.

В 1948 году обвиняемый АБАКУМОВ вместе со своими сообщниками ликвидировали в органах контрразведки отделы, проводившие чекистскую работу за линиями демаркации в Германии и Австрии.

Арестованный КОРОЛЕВ на допросе показал:

«Свою долю участия я в это преступное дело внес. Несмотря на вред, нанесенный чекистским органам в результате ликвидации специальных отделов военной контрразведки, я выполнил указание АБАКУМОВА и по этому вопросу».

Таким образом, подрывник АБАКУМОВ и участники его вражеской группы игнорировали указания партии о направлении острия советской разведки вовне страны, ограничив возможности органов государственной безопасности для нанесения эффективных ударов по иностранным разведкам, особенно американской и английской.

Доказательствами, собранными по делу, установлено, что наряду с развалом контрразведывательной работы за границей участники возглавлявшейся АБАКУМОВЫМ изменнической группы дезорганизовывали контрразведывательную работу внутри страны и в Советской Армии.

АБАКУМОВ и его сообщники ввели преступную систему массовых вербовок и исключений агентуры, чем широко расшифровывали методы агентурной работы и превратили ее из острого чекистского оружия в политически вредное дело.

Вместе с тем эти враги партии саботировали проведение мероприятий по вербовке агентуры из числа англичан и американцев, проживающих в СССР, и внедрение квалифицированных агентов в иностранные дипломатические представительства.

Будучи допрошен по этому вопросу, бывший начальник 2-го Главного управления ШУБНЯКОВ показал:

«...в ряде иностранных посольств отсутствовала агентура из числа иностранцев. Причем это в первую очередь относится к таким важным посольствам, как английскому, где последнее время мы не имели ни одного агента, и к американскому...»

Для выявления и разработки американских и английских разведчиков, действовавших в СССР, АБАКУМОВЫМ и его сообщниками не использовалась агентура из числа сотрудников посольств других стран, находящихся под влиянием США и Англии.

Обвиняемый РАЙХМАН. непосредственно осуществлявший вредительство в контрразведывательной работе, признал, что:

«Возможность организации активной борьбы против американских и английских разведчиков с помощью агентуры МГБ в других посольствах не использовалась, и в частности не было организовано должной вербовочной работы среди находящихся в СССР подданных южноамериканских стран и английских доминионов с целью использования их для работы против США и Англии».

В силу преступной организации АБАКУМОВЫМ контрразведывательной работы агентурно-осведомительная сеть была засорена двурушниками и предателями, которые, являясь секретными сотрудниками органов МГБ, в то же время активно работали на иностранные разведки и вражеское подполье.

Комиссия, обследовавшая работу 2-го Главного управления МГБ СССР, установила, что:

«...за последние 3 года 2-м Главным управлением арестовано более 100 своих агентов. Из них 67 человек признались в проведении шпионской деятельности в пользу иностранных разведок».

Признавая свою вину в насаждении преступных методов работы с агентурой, обвиняемый РАЙХМАН показал:

«Агентурная сеть, работавшая против иностранных разведок и в первую очередь против американской разведки, в силу преступных установок АБАКУМОВА... а также моих была засорена двурушниками и предателями».

Произведенным по делу расследованием установлено, что, пользуясь прямой поддержкой и покровительством АБАКУМОВА, обвиняемые ШВАРЦМАН, РАЙХМАН, СВЕРДЛОВ, БРОВЕРМАН срывали борьбу органов МГБ с еврейским националистическим подпольем, консервируя важные в оперативном отношении разработки и оставляя без внимания сигналы о вражеской деятельности националистов.

Комиссия, проверявшая в 1951 году работу 2-го Главного управления МГБ СССР, в своих выводах констатировала:

«...Имеющееся большое количество разработок по еврейским националистам ведется неактивно, без учета выявления их нелегальных связей с закордонными сионистскими центрами и иностранными разведками...»

Обвиняемый СВЕРДЛОВ, являющийся еврейским националистом и кадровым троцкистом, о своем участии в саботаже агентурной разработки еврейских националистов показал:

«...Вследствие моей враждебной практики длительное время лежали без движения агентурные разработки на еврейских националистов...»

В тех же случаях, когда еврейские националисты арестовывались органами МГБ, предатели ШВАРЦМАН, БРОВЕРМАН, СВЕРДЛОВ, при прямой поддержке АБАКУМОВА, смазывали их показания о преступной деятельности против партии и Советского правительства.

Показывая об этом, ШВАРЦМАН на допросе от 21 ноября 1952 года заявил:

«Я старался не упустить ни одного случая для того, чтобы выгородить или облегчить судьбу близких мне по взглядам людей. Каждый раз, когда мне приходилось сталкиваться с делами на еврейских националистов или вообще на арестованных по национальности евреев, я сочувственно относился к ним и делал все от меня зависящее, чтобы сма-

зать показания и предупредить возможность ареста новых людей».

Кроме того, привлеченные по делу еврейские националисты ШВАРЦМАН, РАЙХМАН, БРОВЕРМАН, СВЕРДЛОВ, ПАНКИН, находясь в преступном сговоре между собой, распространяли вражеские вымыслы в отношении национальной политики партии.

Например, националист БРОВЕРМАН, показывая о своих злобных националистических измышлениях, заявил:

«В беседах с ШВАРЦМАНОМ мы не раз изливали друг другу душу и возводили злобную клевету на существующие в СССР порядки, с пренебрежением отзывались о русском и других народах СССР и всячески превозносили евреев...

...Мы договаривались до нелепого утверждения о том, что евреи, в силу присущих им особых качеств ума, самой историей призваны к тому, чтобы властвовать над миром».

Аналогичные показания по этому поводу дал обвиняемый ШВАРЦМАН:

«Я и БРОВЕРМАН пренебрежительно отзывались о русских, всячески восхваляли евреев, превозносили их ум и способности, заявляя о том, что, мол, евреи самой историей призваны властвовать над миром».

Обвиняемый АБАКУМОВ, подло двурушничая, в сокровенных беседах с националистами ШВАРЦМАНОМ, БРОВЕРМАНОМ и другими разжигал их националистические чувства, заявлял, что евреи на работе в органах государственной безопасности сохраняются только в силу его покровительственного отношения к ним.

По этому вопросу обвиняемый БРОВЕРМАН на следствии показал:

«...АБАКУМОВ в откровенных беседах со мной не раз заявлял, что он «не такой антисемит, как некоторые другие руководящие работники», что к евреям он относится «по-особому, доверяет им».

Это обстоятельство подтвердил и арестованный БЕЛКИН, показав на следствии, что АБАКУМОВ

«...окружив себя лицами еврейской национальности, умело... разжигал у них националистические настроения и в то

же время давал понять, что только в его лице они могут найти своего защитника...».

Подрывая государственную безопасность страны, АБАКУМОВ и его соучастники вредительски организовали борьбу органов МГБ с националистическим подпольем в западных областях Украины и в Прибалтике, преступно игнорировали возможности перехвата и использования в чекистских целях нелегальных каналов связи националистов с закордонными националистическими центрами, разваливали радиоконтрразведывательную службу, а также срывали обеспечение разведывательных учреждений страны документами прикрытия и средствами тайной связи с агентурой.

Обвиняемый РАЙХМАН на допросе показал:

«...Как в западных областях Украинской ССР, так и в Прибалтийских республиках квалифицированная агентура, способная успешно вести борьбу с националистическим подпольем, почти отсутствовала. Агентурная сеть районных отделов в основном состояла из осведомителей, не имеющих прочной связи с подпольем, или, в лучшем случае, из числа пособников.

Таких, например, активных и реальных форм борьбы с вооруженным националистическим подпольем, как легендирование националистических центров подполья, почти не применялось...»

И далее:

«...АБАКУМОВ и бывшее руководство 2-го Главного управления МГБ СССР не осуществляли активных наступательных действий по внедрению чекистской агентуры... в зарубежные националистические центры...

...Между тем возможностей приобрести агентуру в этих националистических центрах имелось более чем достаточно...»

По вопросу о развале АБАКУМОВЫМ радиоконтрразведывательной службы органов МГБ арестованный АНЦЕЛИОВИЧ показал:

«Бывший министр государственной безопасности АБАКУМОВ и его заместитель СЕЛИВАНОВСКИЙ, отвечавший непосредственно за руководство работой отдела «Р»

МГБ СССР, являются главными виновниками того развала, в котором находилась чекистская радиоконтрразведывательная служба».

Обвиняемый ПАНКИН, признав себя виновным во вредительской деятельности, показал, что в возглавляемом им отделе он тормозил развитие оперативной техники, систематически срывал выполнение оперативных заданий и, выполняя преступные указания АБАКУМОВА, прекратил изготовление документов прикрытия для Комитета Информации и Разведупра Советской Армии.

Касаясь этого вопроса, ПАНКИН заявил:

«...я... отвлекал коллектив отдела «Д» от выполнения своих функций, загружал... различными работами, не имеющими отношения к оперативно-чекистской деятельности, в результате был нанесен большой ущерб оперативной работе МГБ СССР...»

Произведенным по делу расследованием также установлено, что АБАКУМОВ, создав в МГБ СССР обстановку бесконтрольного и незаконного расходования государственных средств, систематически занимался расхищением и разбазариванием в крупных размерах денежных средств, ассигнованных на оперативные нужды.

Выселив из дома по Колпачному переулку в Москве 16 семей трудящихся, он использовал освободившуюся жилую площадь под свою квартиру, незаконно затратив на ее ремонт и оборудование свыше одного миллиона государственных денег.

АБАКУМОВ совместно со своими сообщниками Комаровым, ЧЕРНОВЫМ, КОЧЕГАРОВЫМ и другими в большом количестве расхищали материальные ценности, принадлежащие государству.

Кроме того, АБАКУМОВ, действуя как мародер, систематически занимался присвоением ценностей, принадлежавших лицам, арестованным органами МГБ.

Об этих преступных действиях АБАКУМОВА бывший управляющий делами МГБ СССР арестованный КОЧЕГАРОВ показал:

«АБАКУМОВ, не удовлетворяясь тем, что он тащил у государства, как хищник высматривал в конфискованном у

арестованных преступников имуществе лучшие вещи, которые присваивал себе».

Нагло запуская руку в государственный карман, АБАКУМОВ в общей сложности похитил свыше трех с половиной тысяч метров шерстяных, шелковых и других тканей, столовое серебро, большое количество художественных ваз, фарфоровой и хрустальной посуды, ковров, галантерейных товаров и много другого имущества.

Таким образом, следствием установлено, что вражеская группа АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА разваливала оперативно-чекистскую работу органов МГБ, нанеся тем самым серьезный ущерб государственной безопасности Советского Союза*.

ПРИМЕЧАНИЕ

* — весь II параграф зачеркнут.

III

Собранными по делу материалами доказано, что существовавшая в МГБ СССР вражеская группа АБАКУМОВА — ШВАРЦМАНА, пытаясь оторвать чекистский аппарат от партии, в течение ряда лет вела подрывную работу, выразившуюся в злостном вредительстве в органах государственной безопасности, преднамеренном обмане ЦК *КПСС*, **игнорировании** решений партии и правительства, направленных на усиление государственной безопасности, умышленном смазывании дел на шпионов, террористов, еврейских националистов и других особо опасных государственных преступников.

Все обвиняемые по настоящему делу, за исключением АБАКУМОВА, виновными в совершенных преступлениях себя *признали*. Во вражеской деятельности против партии и Правительства все обвиняемые изобличаются показаниями свидетелей, очными ставками, вещественными и документальными доказательствами.

На основании изложенного обвиняются:

1. АБАКУМОВ Виктор Семенович, 1908 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, бывший член КПСС, бывший министр государственной безопасности СССР, генерал-полковник в том, что,

изменив Родине, создал в МГБ СССР вражескую группу с целью проведения подрывной работы против *партии и* Правительства;

вместе со своими сообщниками преднамеренно смазал расследование заявления врача Тимашук и погасил дело террориста Этингера, помешав ЦК КПСС вовремя разоблачить группу врачей-вредителей, проводившую по заданию империалистических разведок террористическую деятельность по сокращению жизни активным деятелям Советского Союза;

вместе с другими обвиняемыми умышленно сорвал расследование связи с иностранной разведкой изменнической группы, возглавлявшейся Кузнецовым и стремившейся взорвать партию изнутри и узурпировать партийное руководство;

вместе с обвиняемыми Шварцманом, Леоновым, Лихачевым, Комаровым и другими преднамеренно смазывал следственные дела на террористов, англо-американских шпионов и других особо опасных государственных преступников;

вместе со своими сообщниками систематически обманывал ЦК КПСС и Советское правительство, скрывал результаты следствия по важным делам и преступные провалы в работе органов МГБ, отгораживал чекистский аппарат от партийных органов и уводил его из-под контроля ЦК КПСС;

проводил злостное вредительство по основным линиям чекистской работы и прежде всего в области следствия и контрразведывательной работы по борьбе с агентурой американской и английской разведок, чем облегчал врагам советского народа условия для проведения подрывной работы против партии и Правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

2. ШВАРЦМАН Лев Леонидович, 1907 года рождения, уроженец местечка Шпола Киевской области, еврей, быв-

ший член КПСС, бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник, в том, что, являясь активным участником изменнической группы, проводил в органах МГБ вредительскую работу, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

будучи убежденным еврейским националистом, вынашивал замыслы и предпринимал практические шаги к совершению террористического акта в отношении одного из руководителей КПСС;

являясь ближайшим сообщником АБАКУМОВА, участвовал в обмане ЦК КПСС и Советского правительства, лично фальсифицировал информационные документы, совместно с АБАКУМОВЫМ скрыл от ЦК КПСС террористические замыслы участников еврейской молодежной организации против руководителей партии и Правительства;

смазывал дела на шпионов, террористов, связанных с американской и английской разведками, и других особо опасных государственных преступников, ограждал от провалов злейших врагов партии и Советского государства, срывая полное разоблачение арестованных и их вражеских связей, а также клеветал на национальную политику партии;

насаждал в Следственной части по особо важным делам преступную практику грубого нарушения советских законов, директив партии и Правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8, 59-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР.

3. РАЙХМАН Леонид Федорович, он же Элизар Файтелевич, 1908 года рождения, уроженец села Ново-Воронцовка Херсонской области, еврей, бывший член КПСС, бывший заместитель начальника 2-го Главного (контрразведывательного) управления МГБ СССР, генерал-лейтенант, в том, что,

являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ СССР вредительскую работу, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

вместе со своими сообщниками обманывал ЦК КПСС, скрывая преступные провалы в контрразведывательной работе органов госбезопасности по борьбе с агентурой иностранных разведок и националистическим подпольем;

будучи убежденным еврейским националистом, распространял вражескую клевету на национальную политику партии и Советского правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР.

4. ЛЕОНОВ Александр Георгиевич, 1905 года рождения, уроженец села Григорьевка, Каневского района, Киевской области, русский, гражданин СССР, бывший член КПСС, бывший начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, генерал-майор, в том, что,

являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ СССР вредительскую работу, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

вместе со своими сообщниками смазал дело на террориста ЭТИНГЕРА, сорвал расследование связи с иностранной разведкой участников изменнической группы КУЗНЕЦОВА, скрыл от ЦК КПСС показания участников еврейской молодежной организации о их террористических замыслах в отношении руководителей партии и Советского правительства, а также результаты следствия по делу крупного государственного преступника САЛИМАНОВА;

вместе со своими сообщниками обманывал ЦК КПСС и Советское правительство, фальсифицировал следственные документы, скрывал важные показания арестованных, смазывал следственные дела на террористов, англо-американских шпионов и других опасных государственных преступников, противодействовал полному разоблачению арестованных и их связей;

насаждал в следственной работе органов МГБ преступную практику грубого нарушения советских законов, директив *партии* и Правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

5. ЛИХАЧЕВ Михаил Тимофеевич, 1913 года рождения, уроженец дер. Панино, Даниловского района, Ярославской области, русский, гражданин СССР, бывший член КПСС, бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник, в том, что,

являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ СССР вредительскую работу, направлен-

ную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

вместе со своими сообщниками обманывал ЦК КПСС и Советское правительство, фальсифицировал следственные документы, скрывал от *партии* важные показания арестованных, смазывал дела на террористов, англо-американских шпионов и других особо опасных государственных преступников, противодействуя полному разоблачению арестованных и их связей;

смазал дело террориста ЭТИНГЕРА, скрыл от ЦК КПСС показания изменника Родины САЛИМАНОВА, а также показания участников еврейской молодежной организации о их террористических замыслах в отношении руководителей *партии* и Советского правительства;

будучи враждебно настроенным Против партии и Правительства, клеветал на советскую действительность;

насаждал в следственной работе органов МГБ преступную практику грубого нарушения советских законов, *директив* партии и Правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

6. КОМАРОВ Владимир Иванович, 1916 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, русский, гражданин СССР, бывший член КПСС, бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник, в том, что

являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ СССР вредительскую работу, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

вместе со своими сообщниками обманывал ЦК КПСС, смазывал дела на террористов, англо-американских шпионов и других государственных преступников, противодействовал полному разоблачению арестованных и их связей, сорвал расследование связи с иностранной разведкой участников изменнической группы КУЗНЕЦОВА, скрыл от ЦК КПСС показания крупного государственного преступника САЛИМАНОВА;

насаждал в следственной работе органов МГБ преступную практику грубого нарушения советских законов, дирек-

тив партии и Правительства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

7. ЧЕРНОВ Иван Александрович, 1906 года рождения, уроженец дер. Дилялево, Кубино-Озерского района, Вологодской области, русский, гражданин СССР, бывший член КПСС, бывший начальник Секретариата МГБ СССР, полковник, в том, что,

являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ вредительскую деятельность, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

в целях обмана ЦК КПСС и Советского правительства вместе со своими сообщниками фальсифицировал информационные документы, скрывая в них неблагополучное положение в агентурной и следственной работе органов МГБ;

будучи враждебно настроен против партии и Советского государства, клеветал на ЦК КПСС, распространял вражеские измышления о советской действительности, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР

8. БРОВЕРМАН Яков Михайлович, 1908 года рождения, уроженец села Ходорков, Корнинского района, Житомирской области, еврей, гражданин СССР, бывший член КПСС, бывший заместитель начальника Секретариата МГБ СССР, полковник, в том, что,

являясь участником изменнической группы, проводил вредительскую работу в органах МГБ СССР, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

в целях обмана ЦК КПСС совместно со своими сообщниками фальсифицировал протоколы допросов, информационные документы, скрывая от партии и Правительства важные показания арестованных и преступные провалы в чекистской работе;

снабжал секретными сведениями о деятельности органов МГБ английского шпиона БЕЛКИНА;

будучи враждебно настроенным по отношению к советской власти, возводил злобную клевету на ЦК КПСС и Советское правительство, а также высказывал изменнические настроения, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР

9. СВЕРДЛОВ Андрей Яковлевич, 1911 года рождения, уроженец гор. Свердловска, еврей, гражданин СССР, в 1935 и 1938 годах арестовывался за троцкистскую и террористическую деятельность, бывший член КПСС, бывший заместитель начальника отдела «К» МГБ СССР, полковник, в том, что,

являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ вредительскую работу, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

в 1927—1930 гг. состоял в преступной связи с СЕРЕБРЯКОВЫМ, СМИРНОВЫМ и другими врагами народа, являлся инициатором создания троцкистской группы среди учащейся молодежи, высказывал террористические намерения в отношении вождя и вел практическую подготовку к осуществлению этого злодейского замысла;

будучи троцкистом и еврейским националистом, проводил в чекистской работе преступную линию, направленную на сохранение троцкистских кадров, а также срывал разработки еврейских националистов, создавая им благоприятную обстановку для проведения преступной работы, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-8, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР.

10. ПАНКИН Арон Моисеевич, 1903 года рождения, уроженец гор. Речицы, Гомельской области, еврей, гражданин СССР, бывший член КПСС, бывший начальник отдела «Д» МГБ СССР, полковник, в том, что, являясь участником изменнической группы, проводил в органах МГБ вредительскую деятельность, направленную на подрыв государственной безопасности Советского Союза;

совместно со своими сообщниками участвовал в составлении фальсифицированных документов для ЦК КПСС;

будучи еврейским националистом, возводил злобную клевету на Главу Советского правительства, а также высказывал среди своего окружения вражеские измышления, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б», 58-7, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР.

На основании ст. 208 УПК РСФСР следственное дело № 5428 по обвинению АБАКУМОВА Виктора Семеновича, ШВАРЦМАНА Льва Леонидовича и других, всего 10 чело-

век, направить на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Следственные дела по обвинению ВЛАСИКА Н. С, УТЕХИНА Г. В., БЕЛКИНА М. И., ЭЙТИНГОНА Н. И., КОРОЛЕВА Н, А., АНЦЕЛОВИЧА Е.С., СЕЛИВАНОВСКОГО Н. Н., КОЧЕГАРОВА М. К. выделены в особое производство.

ПРИМЕЧАНИЯ

— зачеркнуто, на полях написано «Партии и Прав-ва».

- зачеркнуто и поверх слова написано «систематические нарушения».

Пом. начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР ЗАЙЧИКОВ

Пом. начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР подполковник госбезопасности ГРИШАЕВ

СОГЛАСЕН;

Зам. министра государственной безопасности Союза ССР ГОГЛИДЗЕ

Из обвинительного заключения по «делу еврейкой антисоветской молодежной организации»

Подлинный документ

4 января 1952 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению СЛУЦКОГО Бориса Владимировича, ФУРМАНА Владилена Леонидовича, ГУРЕВИЧА Евгения Зиновьевича, МЕЛЬНИКОВА Владимира Захаровича, ПЕЧУРО Сусанны Соломоновны, ЭЛЬГИССЕР Инны Леоновны, МАЗУРА Григория Гдальевича, УФЛЯНД Нины Евгеньевны, АРГИНСКОЙ Ирэ-

ны Ильиничны, ВОИНА Феликса Мироновича, ПАНФИЛОВОЙ Екатерины Михайловны,УЛАНОВСКОЙ Майи Александровны, ВИННИКОВОЙ Иды Львовны, РЕЙФ Аллы Евгеньевны, СМИРНОВОЙ Галины Анфаловны по ст. ст. 58-8, 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР;

РАБИНОВИЧ Тамары Лазаревны — по ст. ст. 17-58-8, 58-10 ч.1, 58-11 УК РСФСР

В начале 1951 года МГБ СССР была вскрыта и ликвидирована в Москве еврейская антисоветская террористическая молодежная организация, именовавшаяся «Союзом борьбы за дело революции» («СДР»).

При аресте руководящих участников организации были изъяты: револьвер, гектограф и изготовленные ими вражеские документы — так называемая «программа» «Союза борьбы за дело революции», «манифест» и другие.

Антисоветская организация «СДР» была создана группой озлобленных на ВКП(б) и Советское правительство националистов, детей репрессированных, чуждых по своему происхождению или по воспитанию, полученному от родителей и других родственников.

Участники организации ставили своей задачей проведение активной борьбы за свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

Для осуществления намеченной цели участники «СДР» подготавливали совершение террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, изготовляли с целью распространения среди населения антисоветские листовки, проводили активную вербовку новых участников, имея в виду создать филиалы организации в ряде городов СССР и в частях Советской Армии, а также намеревались установить связь с представителями враждебных Советскому Союзу государств.

Наряду с этим участники «СДР» намечали установить преступную связь с украинским националистическим подпольем, а также предполагали проводить изменническую деятельность в случае нападения на Советский Союз стран империалистического блока.

I

Следствием по делу установлено, что инициаторы создания антисоветской террористической организации являлись обвиняемые по настоящему делу СЛУЦКИЙ, ФУРМАН и ГУРЕВИЧ, воспитанные во вражеском духе своими родственниками.

Обвиняемый СЛУЦКИЙ находился под влиянием своей матери СЛУЦКОЙ Р. Г. (осуждена), которая в беседах с ним возводила клевету на советскую действительность и восхваляла отца СЛУЦКОГО — троцкиста СЛУЦКОГО В. М. (умер), принимавшего активное участие в борьбе против генеральной линии партии.

Одновременно с этим на формирование вражеских взглядов СЛУЦКОГО оказали влияние два его дяди националисты ЦИЛЬМАН З.Г. (арестован) и СЛУЦКИЙ СМ. (арестован), а также его знакомая — преподаватель 71-й средней школы гор. Москвы МАРКЕВИЧ.

(том 1, л.д. 248, 283-301; том 2, л.д. 15-20; том 3, л.д. 32-50).

Обвиняемый ФУРМАН также вынашивал антисоветские настроения, формирование которых проходило под воздействием его матери — РОЗЕНШРАХ П.М., в прошлом поддерживавшей тесную связь с троцкистами, и учительницы 313-й средней школы гор. Москвы — МАКОТИНСКОЙ Э. Я (арестована) — бывшей меньшевички.

(том 6, л.д. 125-145; том 8, л.д. 202-208; том 33, л.д. 32-50).

Обвиняемый ГУРЕВИЧ был воспитан во враждебном духе по отношению к советской власти своим дядей националистом ТОЛЧИНСКИМ (умер).

(том 1, л.д. 168-200; том 11, л.д. 59-82).

Материалами следствия установлено, что СЛУЦКИЙ, ФУРМАН и ГУРЕВИЧ до установления преступной связи между ними вели антисоветскую агитацию. СЛУЦКИЙ в 1947 году высказывал враждебные взгляды в кругу членов литературного кружка при

Московском городском Доме пионеров. На занятиях в этом кружке СЛУЦКИЙ установил связь как со своим единомышленником обвиняемым ФУРМАНОМ, вместе они занимались враждебной агитацией среди членов кружка, а начиная с января 1950 года на квартире у СЛУЦКОГО усиленно изучали различную литературу, отражавшую борьбу троцкистов, правых и других врагов народа против партии, истолковывая события этой борьбы с антисоветских позиций.

Обвиняемый ГУРЕВИЧ с 1948 года состоял в преступной связи с националистически настроенными учащимися средних школ МЕЛЬНИКОВЫМ и ВИННИКОВОЙ, привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу.

В августе 1950 года, как установлено, СЛУЦКИЙ, ФУРМАН и ГУРЕВИЧ объединились в антисоветскую группу, стали систематически устраивать на квартире у СЛУЦКОГО нелегальные сборища и обсуждать на них способы борьбы против советской власти.

На одном из таких сборищ в августе 1950 года СЛУЦКИЙ, ФУРМАН и ГУРЕВИЧ договорились создать антисоветскую организацию, для руководства деятельностью которой образовали так называемый «организационный комитет» («ОК») и положили этим начало подпольной организации.

(том *6*, л.д. 125—145; том 8, л.д. 202—208; том 33, л.д. 260-268);

(том 1, л.д. 199-200; том 4, л.д. 358; том 5, л.д. 133).

Тогда же СЛУЦКИЙ, ФУРМАН и ГУРЕВИЧ начали вести антисоветскую обработку отдельных студентов и учащихся средних школ и вербовать их на этой основе в подпольную организацию. В первую очередь ими были привлечены студент Московского химико-технологического института пищевой промышленности МЕЛЬНИКОВ В.З. и учащаяся 10-го класса 79-й средней школы гор. Москвы — ПЕЧУРО С. С, первый из них еще с 1948 года был связан с ГУРЕВИЧЕМ общностью националистиче-

ских взглядов, а вторая была воспитана в националистическом духе своими родственниками.

Вскоре после того как МЕЛЬНИКОВ и ПЕЧУРО заявили о своем согласии вступить в члены создаваемой СЛУЦКИМ и его сообщниками организации, они были введены в состав «организационного комитета», а затем стали вести активную вражескую деятельность,

(том 5,л.д. 134;том9, л.д. 102-121;том 14,л.д. 350-351).

В результате допроса обвиняемых установлено, что на сборище членов «организационного комитета», состоявшемся в конце августа 1950 года на территории Петровского парка в Москве, по предложению ФУРМАНА было решено именовать сколачиваемую ими организацию «Союз борьбы за дело революции» («СДР»).

(том 1, л.д. 202; том 5, л.д. 134).

Как показал СЛУЦКИЙ и другие обвиняемые на одном из сборищ участников так называемого «организационного комитета», проходившем в сентябре 1950 года на квартире СЛУЦКОГО, была подвергнута обсуждению написанная им «программа» «СДР», в которой были изложены его троцкистские взгляды на внутреннее положение нашей страны, а также возводилась злобная клевета на главу Советского правительства, советский государственный строй и внутреннюю политику ВКП(б) и советской власти. ФУРМАН, ГУ¬РЕВИЧ, МЕЛЬНИКОВ и ПЕЧУРО одобрили эту «программу» и признали СЛУЦКОГО своим руководителем.

(том 1, л.д. 201-203; 5-177-178; 11-188-2084; 14-140-158).

И т. д.

«Письмо» Рюмина Сталину от 13 ноября 1952 г.
(полный текст)

Дорогой товарищ Сталин!

Направляю Вам записку по делу террористов-врачей.

После составления этой записки вчера ночью и сегодня утром я принимал участие в допросе арестованного Василенко, который после длительного и упорного запирательства признался в том, что, будучи врагом советской власти, в 1948 году вступил в преступный сговор с Егоровым, Виноградовым, Майоровым, Карпай (все арестованы) и принял участие в умерщвлении товарищей Жданова и Димитрова.

Василенко признал также, что в результате преступного отношения к лечению То куда они вывели его из строя.

На вопрос следствия — кого еще террористы намеревались умертвить — Василенко ответил, что он лично ждал любого случая, где бы мог и дальше осуществлять свои вражеские замыслы.

Далее Василенко допрашивался о том, по чьему заданию и в угоду кому они вели террористическую деятельность.

По этому вопросу признания Василенко пока неконкретны. Он признает, что все они действовали в угоду американцам, но отрицает личную связь с иностранными агентами.

Одновременно направляю Вам, товарищ Сталин, протокол допроса арестованного Шварцмана от 5 сентября 1952 года с краткой запиской и справку по показаниям Шварцмана.

Эти документы, как и другие справки о результатах следствия по делу Абакумова — Шварцмана, мною докладывались товарищу Игнатьеву С. Д., который, как я понимал, докладывал их ЦК устно и после этого возвращал в следственную часть.

Дорогой товарищ Сталин, я понимал и понимаю государственную важность этих дел, поэтому суровые, но в то же время справедливые выводы, сделанные в отношении меня Правительством, я принимаю как должное.

Вместе с тем прошу поверить, товарищ Сталин, что я всегда был честным перед партией и до предела отдавал все свои силы, способности и опыт делу любимой партии, Родине.

Ваше учение, ваши личные указания, каждое слово, а их я получал немало, для меня были ежеминутно путеводной звездой в практической работе.

Для того, чтобы выполнить свой долг перед партией, выполнить Ваши, товарищ Сталин, указания, я никогда не жалел своих сил, но этого, как я глубоко сейчас осознаю, оказалось недостаточно.

В чем причины, где корни, что я не обеспечил полностью порученного мне партией, лично Вами серьезного и исключительно ответственного участка работы?

В данный момент я несколько потрясен и нервничаю, поэтому не смогу всесторонне осветить обстановку, существующую в Министерстве государственной безопасности, и сформулировать некоторые свои предложения, с моей точки зрения полезные для будущего. Правда, в разное время я их высказывал товарищу Игнатьеву С. Д., и не исключено, что некоторые из них в какой-то форме доходили до ЦК КПСС.

Несмотря на это, я еще раз постараюсь кратко высказать по затронутому вопросу свои мысли и изложить то, в чем я лично виноват.

1. По делам на особо опасных преступников: Абакумова — Шварцмана, террористов-врачей, Барамия и других врагов партии, несомненно действовавших по заданиям иностранных агентов, я не сумел добиться такого положения, чтобы к этим делам было приковано внимание не только следственных работников, но и работников, в первую очередь руководящих, других оперативных управлений.

По правде сказать, от этих дел до последних дней все отмахивались, и многие, в том числе и руководящие работники МГБ, считают следствие делом только следователей.

Нельзя отрицать того, что по всем названным делам следователи кое-что сделали (собрали много документальных доказательств, добились некоторых признаний арестованных), но главной задачи не решили: не выявили связи арестованных врагов партии с иностранными разведками.

Нельзя также отрицать и того, что в этом вопросе следователям должен был помочь многотысячный разведывательный и контрразведывательный аппарат. Это он должен был сделать хотя бы потому, что выявление агентуры иностранных разведок — его прямая обязанность.

Признаю, что мои старания в этом вопросе ограничивались только лишь тем, что я ходил к министру товарищу Игнатьеву, докладывал, но и не настоял, чтобы изменить порочный взгляд оперативных аппаратов на такие важные государственные дела, как дела на Абакумова — Шварцмана, террористов-врачей, на Барамия и других.

2. Еще большая моя вина состоит в том, что я, как справедливо нам было сказано, боялся запачкать руки при допросах опасных государственных преступников.

Первый период после происшедших событий в прошлом году в МГБ СССР я считал, что такой метод в следствии исключен, и постоянно требовал от следователей творческой, инициативной работы, сбора документов, уличающих в преступлениях врагов, активной наступательной тактики при допросах, как обо всем этом сказано в наставлении следователю.

Я не говорил следователям, как они должны поступать в том случае, если опасный государственный преступник не *сдается*.

При расследовании дела Абакумова, а особенно дела террористов-врачей я понял, что крайние меры в таких случаях необходимы и что мой взгляд, укреп-

лившийся мнением товарища Игнатьева С. Д., неправильный.

После этого я вынашивал мысль о том, что мне необходимо написать в ЦК свои предложения, так как товарищ Игнатьев такого вопроса не решал и не хотел идти с ним в ЦК.

В данном случае из-за боязни того, что мой поступок кому-то не понравится, я не осуществил своих намерений, но, как и всегда бывает, нас не стали ждать и справедливо поправили.

3. Я виноват также в том, что мало сделал и не добился того, чтобы мне по-настоящему помогли укрепить следственную часть по особо важным делам опытными, политически острыми работниками. Аппарат же следственной части по особо важным делам в этом очень нуждается.

В результате отсутствия достаточного количества опытных следователей, могущих выполнить требования, предъявляемые к следствию, я вынужден был перегружать работой небольшое количество наиболее способных следователей — и то, как теперь стало очевидным, все мы вместе не обеспечили как надо выполнения стоящих перед нами задач.

Правда, для того чтобы укрепить следственную часть по особо важным делам политически зрелыми и опытными работниками, я делал кое-какие робкие шаги, ходил в Административный отдел ЦК КПСС, однако и этот вопрос я до конца не довел.

В будущем вопрос укрепления следственной части по особо важным делам должен стоять в качестве одной из неотложных задач руководства МГБ СССР.

Дорогой товарищ Сталин, я обращаюсь к Вам не в целях оправдания себя, а для того, чтобы мои кратко высказанные мысли смогли оказаться полезными для коренного улучшения следственной и оперативной работы, а особенно контрразведывательной, которая находится также в запущенном состоянии, и в основе ее немало лежит порочных методов и упрощенчества, насаждавшихся многие годы.

Достаточно сказать, что за последние несколько лет в Москве, в войсках Советской Армии на территории СССР, на железнодорожном и водном транспорте, важных промышленных объектах большим по количеству оперативным аппаратом не вскрыто агентурным путем ни одной резидентуры и не выявлено ни одного действующего агента иностранных разведок.

Далее, все известные мне наиболее важные дела (на Кузнецова, еврейских националистов, вредителей на заводе им. Сталина, Абакумова, террористов-врачей, Барамия и др.) возникли не в результате агентурной разработки, а по указаниям ЦК или же по материалам следствия.

Я признаю, товарищ Сталин, что и это серьезное неблагополучие я видел, но по устранению его сделал значительно меньше того, что мог бы сделать за год работы на высокой должности, доверенной мне ЦК.

Заверяю Вас, товарищ Сталин, что в дальнейшем, на каком бы посту мне ни пришлось работать, я учту свои ошибки и отдам все силы во имя великого дела — коммунизма.

Фальсифицированные документы от имени Л. П. Берия

«Записка» в Президиум ЦК КПСС по «делу о врачах-вредителях»

1апреля 1953 г.

В 1952 году в Министерстве государственной безопасности СССР возникло дело о так называемой шпионско-террористической группе врачей, якобы ставившей своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям советского государства. Делу этому, как известно, было придано сенсационное значение, и еще до окончания следствия было опубликовано специальное сообщение ТАСС, сопровождаемое редакционными статьями «Правды», «Известий» и других центральных газет».

Ввиду особой важности этого дела Министерство внутренних дел СССР решило провести тщательную проверку всех следственных материалов. В результате проверки выяснилось, что все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя Министра государственной безопасности СССР РЮМИНА. В своих преступных карьеристских целях **РЮМИН,** будучи еще старшим следователем МГБ, в июне 1951 года под видом незаписанных показаний уже умершего к тому времени в тюрьме арестованного профессора ЭТИНГЕРА сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей. Это и положило начало провокационному «делу о врачах-вредителях».

Для придания правдоподобности своим измышлениям РЮМИН использовал заявление врача ТИМАШУК, поданное ею еще *в* 1948 году в связи с лечением А. А. ЖДАНОВА, которое было доложено И. В. СТАЛИНУ и тогда же направлено им в архив ЦК ВКП(б).

Встав на преступный путь обмана ЦК ВКП(б) и таким путем продвинувшись на пост заместителя Министра и начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, РЮМИН принял все меры к тому, чтобы как можно больше раздуть это дело. Нужно отметить, что в Министерстве государственной безопасности он нашел для этого благоприятную обстановку. Все внимание Министра и руководящих работников Министерства было поглощено «делом о врачах-вредителях». Заручившись на основе сфальсифицированных следственных материалов санкцией И.В.Сталина на применение мер физического воздействия к арестованным врачам, руководство МГБ ввело в практику следственной работы различные способы пытки, жестокие избиения, применение наручников, вызывающих мучительные боли, и длительное лишение сна арестованных.

Не брезгуя никакими средствами, грубо попирая советские законы и элементарные права советских граждан, руководство МГБ стремилось во что бы то ни стало представить шпионами и убийцами ни в чем не повинных людей — крупнейших деятелей советской медицины. Только в результате применения подобных недопустимых мер удалось следствию принудить арестованных подписать продиктованные следователями измышления о якобы применяемых ими преступных методах лечения видных советских государственных деятелей и о несуществующих шпионских связях с заграницей.

Для того чтобы придать доказательность полученным таким путем «признаниям» арестованных, следствию удалось сфальсифицировать заключение врачебной экспертизы по методам лечения, примененным в свое время к А. С. ЩЕРБАКОВУ и А. А. ЖДАНОВУ. В этих целях следствие включило в состав экспертной комиссии врачей-агентов МГБ и утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры.

Бывший Министр государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВ не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у РЮМИНА и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы.

Так было сфабриковано позорное «дело о врачах-вредителях», столь нашумевшее в нашей стране и за ее пределами и принесшее большой политический вред престижу Советского Союза.

Зачинщик этого дела РЮМИН и ряд других работников МГБ, принимавших активное участие в применении незаконных методов следствия и фальсификации следственных материалов, арестованы.

Постановление специальной следственной комиссии с подробным изложением результатов проверки материалов следствия по этому делу прилагается. Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

1) всех привлеченных по этому делу к ответственности и незаконно арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить;

2) привлечь к уголовной ответственности бывших работников МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов;

3) опубликовать в печати специальное сообщение;

4) рассмотреть вопрос об ответственности бывшего Министра государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВА С. Д.

Министерством внутренних дел СССР приняты меры, исключающие впредь возможность повторения подобных извращений советских законов в работе органов МВД.

«Записка» в Президиум ЦК КПСС о реабилитации А. И. Шахурина, А. А. Новикова и др.

26 мая 1953 г.

В Министерство внутренних дел СССР поступили сигналы о том, что в процессе следствия по делу ШАХУРИ¬

НА А. И. — б[ывшего] наркома авиационной промышленности, НОВИКОВА А. А. — б[ывшего] командующего Военно-воздушными силами Советской Армии и др., осужденных в 1946 году Военной Коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в организованной антигосударственной деятельности, имели место перегибы и извращения.

Произведенной проверкой установлено, что обвинение ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. основано на материалах, сфабрикованных б[ывшим] начальником Главного управления контрразведки «Смерш» АБАКУМОВЫМ и следственными работниками подчиненного ему аппарата.

Как показала проверка, ШАХУРИН, НОВИКОВ и др. были арестованы при отсутствии данных об их преступной деятельности и даже, в нарушение элементарных требований советской законности — без санкции прокурора.

Для того чтобы обосновать их арест, АБАКУМОВ прибег к искусственному созданию материалов о том, что якобы ШАХУРИН, НОВИКОВ и др. умышленно наносили вред Военно-воздушным силам Советской Армии.

С этой целью арестованные путем применения к ним извращенных методов следствия, длительного лишения сна и запугивания всевозможными угрозами были доведены до состояния физического и морального изнеможения, а также безразличия ко всему происходившему.

Воспользовавшись таким состоянием арестованных, следствие принудило их подписать заблаговременно сфабрикованные следователями протоколы допросов, содержащие «признания» о будто бы проводившейся ими антигосударственной деятельности.

Сфальсифицированные таким путем показания ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. были затем положены следствием

в основу для предъявления им обвинения в преступном сговоре и умышленном протаскивании на вооружение Военно-воздушных сил Советской Армии самолетов и моторов с большим браком или серьезными конструктивными и производственными недоделками.

В ходе следствия по делу ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. АБАКУМОВ на основе вымышленных следователями «показаний» арестованных направлял в адрес И. В. СТАЛИНА ложную информацию, в которой в извращенном виде представлял действительное положение с выпуском и приемкой самолетов и моторов на вооружение Военно-воздушных сил, квалифицируя недостатки, связанные с производством самолетов и моторов, как результат преступного сговора и сознательной антигосударственной деятельности ШАХУРИНА, НОВИКОВА и др. арестованных по этому делу лиц.

Перед направлением следственного дела на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР арестованным, при непосредственном участии АБАКУМОВА, следователи внушали, что на легкое наказание они могут рассчитывать лишь при одном условии — если подтвердят в суде свои «показания». Военная Коллегия, основываясь на сфальсифицированных показаниях арестованных, вынесла по делу обвинительный приговор.

Проверкой также установлено, что АБАКУМОВ, встав на преступный путь обмана Правительства, принудил арестованных ШАХУРИНА, НОВИКОВА, ШИМАНОВА и БУДНИКОВА подписать сочиненные от их имени заявления на имя И. В. СТАЛИНА, в которых делалась попытка оклеветать товарища МАЛЕНКОВА Г. М.

ШАХУРИН, НОВИКОВ, ШИМАНОВ и БУДНИКОВ объясняют, что эти заявления так же, как и сфабрикованные следователями их «показания», они подписали только потому, что были доведены следствием до состояния депрессии.

В своем объяснении по этому вопросу НОВИКОВ пишет:

«...Я понимаю, что возникает вполне обоснованный вопрос — почему же я подписал, а затем переписал от руки такой заведомо ложный и клеветнический документ.

Я должен сказать, что даже невыносимая обстановка, в которой я находился на следствии, не может служить оправданием в этом случае. Мой поступок объясняется только моим исключительно тяжелым моральным состоянием, подавленностью и апатией, в которую я впал, и проявленным мною малодушием, под влиянием которого я позволил использовать себя как орудие клеветы...»

ШАХУРИН по этому же вопросу заявил:

«Будучи неспособным к трезвой и критической оценке составленного от моего имени документа, так как я его подписывал около 6 часов утра, после многих ночей без сна, я по предложению АБАКУМОВА подписал его. Затем АБАКУМОВ предложил мне переписать печатный текст этого заявления от руки, что я также выполнил, не отдавая себе отчета — зачем это нужно было делать...»

Факт фальсификации указанных клеветнических заявлений подтвердили и арестованные б. работники Главного управления контрразведки «Смерш» БРОВЕРМАН, ЛИХАЧЕВ, ЧЕРНОВ.

Арестованный БРОВЕРМАН по этому вопросу показал:

«...по поручению АБАКУМОВА я вместе с начальником секретариата ЧЕРНОВЫМ и секретарем АБАКУМОВА — КОМАРОВЫМ сфальсифицировал заявление арестованного ШИМАНОВА.

Поручение АБАКУМОВА мы выполнили, а он, просмотрев составленное нами от имени ШИМАНОВА заявление, еще более «усилил» его, после чего оно было отпечатано и передано КОМАРОВУ. КОМАРОВ заставил ШИМАНОВА переписать печатный текст сфабрикованного нами заявления от руки, и таким образом получился подлинник заявления ШИМАНОВА, в точности совпадающий с печатным текстом».

Таким образом, проверкой установлено, что б[ывший] нарком авиационной промышленности СССР ШАХУ¬

РИН А. И., б[ывший] командующий ВВС Советской Армии НОВИКОВ А. А., б[ывший] главный инженер ВВС Советской Армии РЕПИН А. К., б[ывший] член Военного Совета ВВС Советской Армии ШИМАНОВ Н. С, б[ывший] начальник Главного управления заказов ВВС Советской Армии СЕ-

ЛЕЗНЕВ Н. П. и б[ывшие] заведующие отделами ЦК ВКП(б) БУДНИКОВ А. В. и ГРИГОРЬЯН Г. М. были осуждены неправильно, на основании ложных материалов, сфабрикованных следствием.

В связи с этим МВД СССР принято решение — направить дело ШАХУРИНА, НОВИКОВА и других на новое рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР для отмены ранее вынесенного приговора и прекращения дела с полной реабилитацией привлеченных по нему лиц.

Заключение МВД СССР по результатам проверки материалов дела прилагается.

Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС о реабилитации Н. Д.Яковлева, И. И. Волкотрубенко, И. А. Мирзаханова и других

7 апреля 1953 г.

Подлинный документ

Постановлением Совета Министров СССР № 5444-2370 от 31 декабря 1951 г. «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» были сняты с занимаемых постов и отданы под суд заместитель Военного министра маршал артиллерии Яковлев Н. Д., начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник артиллерии Волкотрубенко И. И. и заместитель Министра вооружения Мирзаханов И. А.

На основании этого постановления 5 января 1952 г. Прокуратурой Союза ССР на Яковлева, Волкотрубенко и Мирзаханова было заведено следственное дело, а в конце февраля 1952 г. они были арестованы МГБ СССР по подозрению в проведении вредительской деятельности.

Позднее по этому же делу МГБ СССР были дополнительно арестованы бывший начальник 3-го Управления Арткома ГАУ генерал-майор инженерно-технической службы Ахназаров А. Н. и бывший начальник

отдела 3-го Управления Арткома инженер-полковник Овсищер Р. М.

Все арестованные по настоящему делу, не отрицая упущений в деле своевременного устранения конструктивных и производственных неполадок, связанных с освоением и организацией серийного выпуска зенитной пушки С-60 и некоторых других видов вооружения, виновными себя в преступных действиях не признали.

На протяжении 15 с лишним месяцев следствием также не добыто материалов, которые могли бы дать основание обвинить арестованных по настоящему делу во вредительстве.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР принято решение Яковлева Н. Д., Волкотрубенко И. И., Мирзаханова И. А., Ахназарова А. Н. и Овсищера Р. М. реабилитировать и из-под стражи освободить, следственное дело на них производством прекратить.

Приложение 7

Взаимоотношения Серова и Абакумова

(Как образец стиля Серова и для развлечения читателей)

Из письма Серова Сталину
8 сентября 1946 г. Секретно

Считаю необходимым доложить Вам, тов. Сталин, о непартийном отношении ко мне т. Абакумова.

Т. Абакумов на протяжении всей войны пытался меня на всяких мелочах скомпрометировать, но я не обращал внимания, т. к. в тот период у него были ограниченные возможности к этому. В настоящее время, когда эти возможности во много раз увеличились, я счел необходимым обратиться к Вам за помощью.

Имеется много фактов, подтверждающих мои слова, но я остановлюсь лишь на некоторых из них.

В период Отечественной войны по поручению тов. Берия я неоднократно выезжал в Особые отделы фронтов для оказания помощи в работе и устранения недостатков в условиях войны.

Так, например, в начале 1942 года поступили данные, что на Южном фронте много случаев групповых переходов наших солдат на сторону противника, что начальник Особого отдела майор госбезопасности Зеленин в это тяжелое время на фронте не занимается работой по предотвращению случаев измены, а разлагается, сожительствует с машинистками и награждает их медалями, что Зеленин заманил на квартиру жену начальника Политотдела армии, напоил ее пьяной и изнасиловал.

Выездом на место мною была организована агентурная работа в Особых отделах дивизий по предупреждению командования о готовящихся предательствах и аресту изменников. Зеленин вызывался т. Абакумовым, но о принятом решении мне неизвестно, т. к. я был переброшен на Керченский фронт.

Во всяком случае, Зеленин в настоящее время получил звание генерал-лейтенанта, работает начальником Управле-

ния Контрразведки в Германии, содержит в качестве жены одну из бывших машинисток и пользуется большим авторитетом у Абакумова. Настоящая жена Зеленина попала в плен к немцам, путалась с ними и сейчас живет отдельно.

Изложенный факт могут подтвердить ряд товарищей, в том числе генерал-майоры Клепов и Прищепа.

На Керченском фронте начальником Особого отдела был генерал-майор Белянов, который вместе с командованием фронта обманывал Ставку Верховного Главнокомандующего о положении на фронте, в связи с чем по указанию тов. Берия он был мной с должности снят и из Особых отделов уволен.

С первых дней войны мне было поручено руководить истребительными батальонами и войсками НКВД по охране тылов фронтов. В связи с тем, что войска охраны тыла и истребительные батальоны очень много задерживали шпионов противника, работники Особых отделов всячески пытались забрать к себе задержанных нашими органами подозрительных лиц и шпионов и отчитаться за них.

На этой почве у нас с т. Абакумовым неоднократно были крупные разговоры. Это может подтвердить генерал-лейтенант Петров.

Во время тяжелого положения под Сталинградом, в августе 1942 года тов. Берия послал туда т. Абакумова для наведения порядка в городе и организации переправы через Волгу.

Через некоторое время Военный Совет фронта прислал телеграмму, что в городе Сталинград порядка нет, среди населения началась паника из-за отсутствия переправы и т. д.

В связи с этим тов. Берия послал меня в Сталинград, а Абакумова отозвал.

По приезде в Москву т. Абакумов начал распускать слухи, что Серов напросился в Сталинград и т. д.

Особенно резко возмущался т. Абакумов в связи с Вашим решением о введении уполномоченных НКВД по фронтам, которые сыграли положительную роль в последний этап войны.

Во-первых, т. Абакумов категорически восстал против посылки оперативных работников для укомплектования аппаратов уполномоченных.

Во-вторых, всячески старался отделить работников «Смерш» от Уполномоченных фронтов, даже в ряде случаев в ущерб общему делу.

Это могут подтвердить генералы Аполлонов, Мешик, Цанава и др. В этом деле т. Абакумов доходил до мальчишества. Он звонил начальнику Управления «Смерш» Белорусского фронта генералу Вадису, его заместителю генералу Сидневу и требовал, чтобы они не являлись по моему вызову, не выполняли моих указаний по работе. При этом угрожал взысканиями и даже арестом.

По окончании войны т. Абакумов действительно генерала Вадиса сразу же убрал и вместо него прислал «надежного» работника Зеленина.

Очевидно, генерала Сиднева постигнет та же участь, как только он перейдет в подчинение Абакумова.

В последнее время, когда уже «Смерш» мне оперативно не был подчинен, ко мне поступало много заявлений о безобразиях в работе «Смерш», я всегда ставил в известность Зеленина, а о наиболее характерных фактах доносил в Министерство и принимал необходимые меры к устранению. Так, например, в начале этого года пьяные работники «Смерш» вечером поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры Военного Трибунала. Спьяна трупы были зарыты настолько небрежно, что наутро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову от трех трупов. Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры.

В этом же году у работников «Смерш» дивизии генерала Сталина В. сбежали две немки, арестованные в английской зоне г. Берлина. После побега они рассказали англичанам об их аресте русскими. Работники «Смерш» пытались все это скрыть, но об этом узнал генерал В. Сталин, вмешался в это дело, сообщил мне, в связи с чем были срочно приняты необходимые меры. Можно привести десятки аналогичных фактов.

Т. Абакумов всегда возмущался, что вмешиваются в его дела, хотя и знал, что вмешательство помогло делу.

В одном из разговоров со мной т. Абакумов заявил: «Ты за время войны много мне и моим работникам крови испортил».

Это заявление свидетельствует о том, что т. Абакумов старается защитить честь мундира, а не рассматривает устранение недостатков в работе в интересах нашего общего государственного дела. И кроме того, он видит во мне основного виновника всех неприятностей, причиненных ему, а не своих подчиненных, допустивших ошибки в работе.

В последнее время ко мне приходили сотрудники т. Абакумова и предупреждали, что т. Абакумов очень мной интересуется, а своим приближенным Зеленину, Малинину и другим «намекнул», что надо подобрать компрометирующие материалы на Серова.

Во исполнение этих указаний Малинин ходит сейчас по Министерству госбезопасности и смело заявляет при встрече со знакомыми, что до Серова мы доберемся.

Это могут подтвердить сотрудники, работающие у т. Абакумова. И сейчас идет сбор материалов на меня, но проводится это очень грубо. И наконец, недавно я узнал, что якобы в заявлении арестованного Новикова про меня сказано, что Серов знает много о Жукове.

Тов. Сталин! Мы с Жуковым были в нормальных деловых отношениях, какие требовались во время войны и после в период работы по линии СВА.

Должен Вам доложить, тов. Сталин, что Жуков не такой человек, чтобы стал откровенничать со мной, с работником НКВД, а особенно по военным и другим вопросам. Наоборот, он всегда перед нами старался показать, что получает указание только от Хозяина (он Вас так, тов. Сталин, называет), что его предложения утвердил Хозяин, что ему звонил Хозяин и дал указания, я буду жаловаться Хозяину и т. д.

Встречался я с Жуковым в присутствии других генералов и офицеров, у которых все это можно проверить.

Я не думаю, чтобы при мне Жуков мог решиться вести какие-либо разговоры, направленные вразрез политике нашего государства, т. к. он знал, что я не пропущу без внимания ни один принципиальный вопрос, от кого бы он ни исходил.

Поэтому мне кажется, что фраза арестованного Новикова обо мне умышленно вставлена и рассчитана на общее дело скомпрометировать меня.

Попутно следует заинтересоваться, доложил ли Правительству т. Абакумов о том, что его подчиненный, обслуживающий и поныне ВВС, генерал-майор Новиков тесно общался с арестованным Новиковым, бывал у него на квартире, выпивал с ним и просмотрел творившиеся безобразия в ВВС.

Заканчивая свою жалобу, я прошу извинить меня, тов. Сталин, что я оторвал Вас от большой работы ради личных переживаний. Я должен доложить, что у меня имеются также недостатки в работе и в характере, но я стараюсь их выправлять и бываю благодарен партии и товарищам, которые мне на них указывают.

Если т. Абакумов считает, что я ему «много крови испортил», так ведь я, выполняя поручения по исправлению недостатков в чекистской работе, не преследовал личные цели, а стремился улучшить работу наших органов, независимо от того, подчинены ли они т. Абакумову или другому, и за это мстить неразумно.

Т. Абакумов, так же как и мы все, еще молодой чекист и тем более молодой министр, партией и государством на него возложены громадные задачи, особенно в нынешних условиях, он должен добиться дружной, целеустремленной работы чекистского коллектива, чтобы выполнить эти задачи, а не заниматься интригами. Мы все ему поможем в работе, но т. Абакумов должен понять, что Министерство Государственной Безопасности не передано ему на откуп для того, чтобы сводить личные счеты с неугодными ему людьми.

Мне очень обидно, тов. Сталин, когда т. Абакумов незаслуженно меня оскорбляет. Я стараюсь работать без оглядки, добиваюсь выполнения возложенной на меня работы, невзирая ни на что. Я знаю, что если в ходе работы я ошибусь, то меня поправят.

Поэтому я прошу Вас, тов. Сталин, оградить меня от оскорбительного преследования со стороны т. Абакумова.

Со своей стороны заверяю вас, тов. Сталин, что любое задание Партии, Правительства и Ваше — для меня являют-

ся законом моей жизни. Ваши личные указания — это радостные дни моей работы.

Шифротелеграмма Сталина Абакумову
12 сентября 1946 г.

Мне сообщили, что Министерство государственной безопасности ведет слежку за тов. Серовым в Берлине. Если это сообщение верно, прошу Вас немедля распорядиться о прекращении какой бы то ни было слежки за тов. Серовым. Исполнение сообщите.

СТАЛИН

— вписано Сталиным вместо зачеркнутого «я узнал».

Шифротелеграмма Абакумова Сталину
13 сентября 1946 г.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Вашу телеграмму в отношении тов. Серова получил. Докладываю, что в Берлине работают: аппарат Управления контрразведки Группы советских оккупационных войск в Германии, который возглавляется генерал-лейтенантом Зелениным, группа оперативных работников 1-го Главного управления МГБ СССР по работе за границей, во главе с генерал-майором Малининым и находящаяся в командировке группа оперативных работников МГБ СССР, возглавляемая генерал-майором Какучая, которая ведет работу по эмиграции.

По получении от Вас телеграммы я с целью проверки сразу же по ВЧ связался с т.т. Зелениным, Малининым и Какучая.

В разговоре тов. Зеленин заявил, что никогда никакой слежки за тов. Серовым по линии контрразведки не устанавливалось.

Т.т. Малинин и Какучая заявили, что они каких-либо указаний по наблюдению за тов. Серовым никогда не давали.

Лично я никаких указаний о том, чтобы следить за тов. Серовым в Берлине, не давал.

Об этом же я спросил своих заместителей, которые ответили, что каких-либо указаний о наблюдении за тов. Серовым они никогда не давали.

Следовательно, Министерство государственной безопасности слежки за тов. Серовым не ведет.

АБАКУМОВ

Записка о пропаже секретных документов в Госплане СССР

22 августа 1949 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Пономаренко П.К.

В Госплане СССР концентрируется большое количество документов, содержащих секретные и совершенно секретные сведения государственного значения, однако сохранность документов обеспечивается неудовлетворительно. Учет документов организован плохо, размножение их производится часто бесконтрольно. Секретные и совершенно секретные документы иногда оставляются в рабочих столах, пересылаются от одного работника к другому без соответствующего оформления. Значительное количество документов, поступающих в Госплан, не регистрируется.

Отсутствие надлежащего порядка в обращении с документами привело к тому, что в Госплане СССР в 1944 г. пропало 55 секретных и совершенно секретных документов, в 1945 г. — 76, в 1946 г. — 61, в 1947 г. — 23 и в 1948 г. — 21, а всего за 5 лет недосчитывается 236 секретных и совершенно секретных документов.

В числе документов, утраченных в 1944 г., значатся:

Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945 г. (план капитальных работ), № 18104, на 209 листах.

Основные показатели плана производства (цветные металлы), фактическое выполнение плана за 1940 и 1943 гг., ожидаемое выполнение за 1944 г. и проект плана на 1945 — 1946 гг., № 9007-1, на 4 листах.

Проект постановления ГОКО о восстановлении промышленности и городского хозяйства в гор. Ленинграде, № 2152, на 28 листах.

О поставке металлорежущего оборудования предприятиям Наркомчермета во II кв. 1946 г., № 261, на 10 листах.

Полученный из СНК СССР проект о восстановлении черной металлургии юга, № 8353, на 10 листах.

О плане производства промышленной продукции и вводе в действие новых энергетических мощностей по Наркомату электростанций в IV кв. 1944 г., № 8654, на 5 листах.

Выписка из проекта постановления о перспективном плане строительства электростанций, № 9023, на 2-х листах.

Проект плана по труду на 1944 г., № 3002, на 7 листах.

В числе документов, утраченных в 1945 г., значатся:

О расчетах нефтеперевозок на 1945 г., № 128, на 3 листах.

В документе приводятся данные о пропускной способности нефтепроводов и об объеме перевозок по железнодорожному, морскому и речному транспорту.

Перспективный план восстановления народного хозяйства в освобожденных районах СССР, № 1521, одна книга.

О пятилетнем техническом плане на 1946—1950 гг., № 7218, на 114 листах.

О плане перевозок нефти и нефтепродуктов в 1945 г. водным транспортом, № 166, на 6 листах.

Об организации производства радиолокационных станций, № 4103, на 6 листах.

Записка о плане восстановления железнодорожного транспорта в 1946- 1950 г., № 7576, на 4 листах.

Баланс основных видов оборудования в пятилетнем плане 1946-1950 гг., № 7737, на 7 листах.

О развитии добычи марганцевой руды на рудниках Чиатурмарганец, Наркомчермета, № 2663, на 10 листах.

Записка о дальнейшем развитии механизации сельского хозяйства, № 1568, на 61 листе.

О покупке в США за наличный расчет оборудования, недопоставленного американцами, № 557, на 15 листах.

Проект постановления ГОКО о вывозе оборудования из гор. Швибос № 2739, на 2 листах.

Письмо и проект распоряжения об организации производства корпусов морского снаряда 152 мм на бывшей немецкой судоверфи в Шихау, № 11736, на 6 листах.

Записка к перспективному плану заготовок сельскохозяйственных продуктов на 1946—1950 гг., № 6676, на 8 листах.

Постановление ЦК ВКП(б) об издании учебников для школ Украинской ССР в 1945 г., № 5, на 1 листе.

Перечень вопросов, составляющих государственную тайну и подлежащих засекречиванию в аппаратах уполномоченных Госплана СССР, № 3134, экз. № 2.

Инструкция по ведению секретной и совершенно секретной переписки работниками Госплана, № 3132, экз. № 17.

В числе документов, утраченных в 1946 г., значатся:

Записка к материальным балансам и планам распределения на 1947 г., № 6676, на 21 листе. В записке содержатся совершенно секретные данные: о нефтепродуктах, цветных металлах, вещевом снабжении армии.

Баланс и план распределения материальных фондов (цветных металлов и кабельных изделий на IV кв. 1946 г.), № 4124, на 95 листах.

Перечень поправок к пятилетнему плану на 1946—1950 гг., № 363, на 39 листах. В документе приводятся отчетные данные по добыче нефти и производству всех видов нефтепродуктов, по меди черновой, рафинированной, свинцу, цинку, алюминию, магнию, никелю и ртути за 1940 и 1945 гг., а также планы добычи на 1946-1950 гг.

Справка о поправках Министерства цветной металлургии к проекту народнохозяйственного плана на III кв. 1946 г., № 3026, на 2 листах. В справке содержатся данные о плане на 1946 г. и приводятся отчетные данные по производству свинца, кобальта, меди рафинированной и численности производственных рабочих по отраслям за III кв. 1945 г.

О плане распределения нефтепродуктов на III кв. 1946 г., № 2402, на 3 листах. В документе приводятся данные о плане на II кв. 1946 г. и проекте плана на III кв. 1946 г. В числе других нефтепродуктов приведены данные по авиабензинам и авиамаслам.

Заключение по предложениям производственных отделов Госплана об увеличении лимита капитальных работ и объема строительно-монтажных работ на 1947 г., № 6439, на 10 листах. В документе приведено общее количество предприятий, занятых производством средств радиолокационной техники.

Комплексный план материально-технического обеспечения по НКвоенмор-флоту, НКтяжмашу, НКхимпрому, НКтранс¬машу, НКуглю, НКнефти и НКлесу, № 931, на 26 листах.

Комплексный план материально-технического обеспечения Наркомцветмета, Наркомхимпрома и НКВД на I кв. 1946 г., № 391, на 88 листах.

Записка и проект постановления о балансах и планах распределения черных и цветных металлов на II кв. 1946 г., № 1497, на 3 листах.

Баланс черных металлов на III кв. 1946 г., № 2372, на 12 листах.

Об итогах выполнения народнохозяйственного плана за январь 1946 г., № 1063, на 12 листах.

Справка о советско-иностранных предприятиях за границей, № 675, на 4 листах. В справке указано количество советских и советско-иностранных предприятий в Германии, Маньчжурии, Кореи с количеством работающих на них (без указания профиля предприятия).

Записка о состоянии демонтажа, вывоза и использования оборудования и материалов с немецких и японских предприятий, № 3072, на 4 листах.

Справка о потребности в донецком, кузнецком и челябинском углях по отдельным маркам и сортам на 1947 г. по Минавиапрому, № 34963, на 1 листе.

Баланс и план распределения черных металлов на II кв. 1946 г., № 1138, на 18 листах.

Баланс жидкого топлива (смазочные масла) на III кв. 1946 г., № 2387, на 112 листах.

Проект постановления об общем плане перевозок по железнодорожному, речному и морскому транспорту на сентябрь 1946 г., № 2037, на 2 листах.

В числе документов, утраченных в 1947 г., значатся:

Справка о дефицитах по важнейшим материальным балансам, в том числе: по цветным металлам, авиационному бензину и маслам, № 6505, на 4 листах.

Справка о запасах топочного мазута в госрезерве, № 6187, на 1 листе.

О росте производительности труда и заработной платы в промышленности за время войны, № 1246, на 17 листах.

Отчет о работе радиолокационной промышленности за первое полугодие 1947 г. (утрачена 11-я страница), № 11807.

В числе документов, утраченных в 1948 г., значатся:

Записка в правительство о мерах по развитию нефтяной и угольной промышленности в 1947 г., № 522, на 10 листах. В записке имеются данные о добыче нефти за 1940—1947 гг., о бурении скважин и вводе их в эксплуатацию, о капиталовложениях, строительстве, мощностях и приведена дислокация нефтеперерабатывающих заводов (авиационного бензина и авиационных масел).

Письмо Министерства морского флота о перевозках за 1947 г. и проект плана перевозок на 1948 г., № 2424, на 4 листах.

Записка о выполнении народнохозяйственного плана в январе 1948 г., № 865, на 13 листах.

Проект плана по труду на 1949 г. по министерствам машиностроения, № 3619, на 4 листах.

Проект постановления о балансе и плане распределения черных металлов, № 53, на 6 листах.

Проект постановления о балансе и плане распределения лесных материалов на 1948 г., № 703, на 4 листах.

В нарушение действующей инструкции по обеспечению сохранения государственной тайны, секретный отдел незаконно списывал утраченные документы с работников, за которыми они значились и не ставил в известность МГБ СССР о пропаже секретных и совершенно секретных документов. Списывались документы, главным образом, по указанию зам. председателя Госплана т. Купцова, ведающего работой секретного отдела.

Ни один из сотрудников, виновных в утрате государственных документов, не был привлечен к суду, как этого требует закон. Абсолютное большинство виновных не понесли никакого наказания даже в административном порядке.

Уничтожение секретных документов производится в Госплане без соблюдения установленных правил. В 1944 г. начальник 3-го отделения секретного отдела Бесчастнов с группой сотрудников составил акт об уничтожении большого количества документов, при этом 33 документа, числящихся по акту уничтоженными, оставил у себя и бесконтрольно хранил до конца 1946 г. Среди этих документов имелись: пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.; пятилетний план

восстановления и развития железнодорожного транспорта на 1946—1950 гг.; материалы по балансу и распределению фондов электроэнергии, твердого и жидкого топлива, черных и цветных металлов на II кв. 1946 г., данные о накоплении в госрезерве нефтепродуктов и другие.

Руководство Госплана не провело никакого расследования этого преступного дела и ограничилось объявлением Бесчастному выговора. Более того, Бесчастнов позже был выдвинут на должность зам. начальника секретного отдела. В настоящее время Бесчастнов уволен из Госплана, причиной к увольнению послужило также и то обстоятельство, что он давал противоречивые сведения о своем отце, проживающем в США.

Следует также отметить, что архив Госплана СССР содержится в беспорядке, размещен в тесном и неудобном для работы помещении. Архив не имеет ни одного квалифицированного архивиста, который мог бы заниматься систематизацией и обработкой материалов, имеющих большое народнохозяйственное значение. Хранение и учет важнейших государственных документов в архиве Госплана не исключают возможности злоупотреблений секретными архивными материалами.

Считаю совершенно необходимым проведение официального расследования обстоятельств пропажи в Госплане СССР секретных документов.

Вопрос о наведении порядка в работе секретного отдела поставлен перед т. Сабуровым. Принимаются меры по укреплению секретного отдела кадрами.

В настоящее время секретное делопроизводство в Госплане проверяется сотрудниками МГБ СССР.

Такая же записка мною направлена тов. Маленкову Г. М.

Уполномоченный ЦК ВКП(б) по кадрам в Госплане СССР Андреев.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ГУГБ — Главное управление государственной безопасности

ГУСИМЗ — Государственное управление советским имуществом за границей

ЕАК — Еврейский антифашистский комитет

Коминтерн — Коммунистический Интернационал

КПК — Комиссия партийного контроля

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

МВД — Министерство внутренних дел

МГБ — Министерство госбезопасности

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

НКИД — Народный комиссариат иностранных дел

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

Следчасть по ОВД — Следственная часть по особо важным делам

«СМЕРШ» — «Смерть шпионам», название контрразведки Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

ЦК — Центральный Комитет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М., 2004.

Вайс Л. «Авиационное» дело // Аргументы и факты. 2006. № 08 (92), 21 апреля.

Демидов В., Кутузов В. Последний удар. // «Ленинградское дело». Л., 1990.

Жуков Г. Рискованная операция // Берия — конец карьеры. М., 1991.

Жуков Ю. Сталин: тайны власти. М., 2005.

Журавлев П. Двести встреч со Сталиным. М., 2004.

Кремлев С. Берия. Лучший менеджер XX века. М., 2008.

Кто руководил НКВД. 1934-1941. Справочник. М., 1999.

Москаленко К. Как был арестован Берия // Берия — конец карьеры. М., 1991.

Лаврентий Берия. 1953. Документы. М., 1999

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991 г. Документы. М., 2003.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953 г. Документы. М., 2007.

Млечин Л. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М., 2006.

Мозохин О. Право на репрессии. М., 2006.

Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002.

Неизвестная Россия. XX век. В 3-х т. М., 1992.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945-1953. Документы. М., 2002.

Прудникова Е. Берия: последний рыцарь Сталина. М., 2005.

Прудникова Е. Хрущев: творцы террора. М., 2007.

Реабилитация: как это было. Март 1953 — февраль 1956. Документы. М., 2000

Смыслов О. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа. М., 2005.

Судебный отчет. Военная коллегия Верховного суда СССР. Материалы по делу «право-троцкистского блока». М., 1997.

Сухомлинов Л. Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003.

Топтыгин А. Неизвестный Берия. СПб., 2002.

Хрущев Н. Акция // Берия — конец карьеры. М., 1991.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953. Документы. М., 2004.

Чилачава Р. Сын Берия рассказывает. Киев, 1992.

Чуев Ф. Каганович, Шепилов. М., 2001.

Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1
«СКАЗКА ДЕДУШКИ НИКИТЫ» **8**

Глава 2
РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ **38**

Глава 3
КОГО УБИЛИ 26 ИЮНЯ? **56**

Глава 4
ДЛЯ ПРАВИЛЬНЫХ ОТВЕТОВ НУЖНЫ ПРАВИЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ **76**

Глава 5
ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА — ЕСЛИ ОНА БЫЛА **91**

Глава 6
САМОЕ СТРАННОЕ ДЕЛО МВД **116**

Глава 7
РАБОТА НАД ФАЛЬШИВКАМИ: «ДЕЛО АБАКУМОВА» **153**

Глава 8
РАБОТА НАД ФАЛЬШИВКАМИ: ЧЕКИСТЫ **185**

Глава 9
В ПОИСКАХ КУКЛОВОДОВ 219

Глава 10
ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ «ЛЕНИНГРАДЦЕВ»? 254

Глава 11

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ 286

ПРИЛОЖЕНИЯ 323

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 408
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 409

Елена Прудникова

1953. РОКОВОЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Н. Миронова*
Корректор *Л. Николя*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Контактный тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail- **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 13.10.2008.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон»
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 4000 экз. Зак № 3856.

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО "Тверской полиграфический комбинат" 170024, г Тверь, пр-т Ленина, 5
Телефон (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

1953.

Одна из самых черных дат в отечественной истории. Год политической катастрофы, навсегда сломавшей судьбу страны. Год смерти И.В. Сталина.

Эта трагедия была настолько огромна, что заслонила все остальные события «рокового 53-го» – в ее тени остался и государственный переворот, совершенный всего через сто дней после похорон Вождя. Посмертная воля Сталина была нарушена – его законный преемник, единственный, кого он считал достойным унаследовать власть, был арестован заговорщиками и убит без суда и следствия. Затем победители переписали историю, избавились от улик, наводнили архивы фальшивками, порочившими соперника, – чтобы три года спустя начать атаку на само сталинское наследие, инициировав разрушительные процессы, в конце концов приведшие к падению СССР…

Новая книга известного историка – свежий, во многом неожиданный взгляд на советское прошлое, подробный анализ катастрофических событий рокового 1953 года, разгадка переломного момента отечественной истории.

ISBN 978-5-699-31711-0
9 785699 317110 >